

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

1981

1981 ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1 9 8 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

В сборнике содержатся статьи, посвященные разработке теоретических и методологических проблем источниковедения массовых источников, зарубежным адресам В. И. Ленина, материалам о социально-экономическом положении русской деревни в канун Октябрьской революции, вопросам революции 1905—1907 гг. и Февральской революции 1917 г., истории внешней политики России и др. Публикуются уникальные славяно-молдавские грамоты XV—XVII вв.

Редакционная коллегия:

В. И. БУГАНОВ (ответственный редактор),
Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ, В. И. БОВЫКИН, И. А. БУЛЫГИН,
А. А. ЗИМИН, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,
В. Ф. КУТЬЕВ (ответственный секретарь),
Б. Г. ЛИТВАК, В. Т. ПАШУТО

Источниковедение отечественной истории

Сборник статей
1981

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства *Р. И. Коробейникова*. Художественный редактор *Н. Н. Власик*.
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*. Корректор *Е. З. Осипова*

ИБ № 25212

Сдано в набор 08.02.82. Подписано к печати 02.06.82. Т-10515. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,5.
Усл. кр. отт. 17,5. Уч.-изд. л. 20. Тираж 2150 экз. Тип. зак. 4042. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

И 0503000000—224
042(02)—82 34—82, кн. 1

© Издательство «Наука», 1982 г.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

А. В. Лубский, А. П. Пронштейн

В современной исторической науке наблюдается значительное возрастание интереса к массовым источникам, которые отличаются большой степенью информационной отдачи и адекватного отражения действительности, характеризуя изучаемые объекты одновременно по целому ряду признаков. Это дает возможность путем выявления взаимосвязей между ними извлекать из источников не только непосредственно выраженную, но и скрытую, структурную информацию¹. Расширение и углубление исследовательской проблематики, естественно, привело к вовлечению в научный оборот огромного числа массовых источников, а распространение в современной исторической науке методов системно-структурного, информационного и количественного анализа позволяет в полной мере использовать информативные возможности этих источников. Однако в практике конкретно-исторического исследования при изучении и использовании данного вида источников в ряде случаев наблюдаются различного рода упущения и недостатки. Так, в общих работах по социально-экономической истории исследователи зачастую ограничиваются лишь перечнем использованных документов, не подвергая их предварительной источниковедческой критике, а в самих исследованиях привлекают чаще всего обобщенные итоговые данные, в то время как первичные материалы, требующие значительных затрат времени и труда по их обработке, используются значительно реже. Не изжиты еще случаи иллюстративного подхода к массовым источникам. Во внимание принимается преимущественно информация, непосредственно выраженная в источниках, а возможности получения скрытой информации не всегда используются должным образом.

¹ Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации: (К постановке вопроса). — В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Новороссийск, 1979. М., 1979, с. 43.

Большие потери ценных данных в практике конкретно-исторических исследований объясняются, в первую очередь, тем, что степень разработки методологических и методических проблем источниковедения массовых источников еще не соответствует тому значению, которое они приобретают на современном этапе. Хотя в последнее время вышел целый ряд работ, специально посвященных отдельным разновидностям массовых источников², в них решаются в основном методические вопросы; теоретико-методологические проблемы источниковедения этого вида источников специально не ставятся. А между тем от методологического обоснования зависит, в первую очередь, эффективность применения той или иной методики обработки конкретных источников. Изучение методологических проблем источниковедения массовых источников важно и потому, что в трудах многих буржуазных ученых ставятся и по-своему решаются эти проблемы в связи с «математизацией» истории³.

Исследование теоретико-методологических проблем источниковедения массовых источников, обобщение опыта работы с ними, создание эффективных методик поиска этих источников и получения достаточно репрезентативной информации из них является актуальной задачей современной науки. На некоторых еще недостаточно изученных вопросах проблемы мы и хотели бы остановиться в настоящей статье.

Среди обобщающих работ, посвященных массовым источникам, наибольшее внимание методологическим проблемам уделяется в коллективной монографии, вышедшей под редакцией И. Д. Ковальченко, и в монографическом исследовании Б. Г. Литвака⁴. Следует, однако, учитывать, что эти работы посвящены не изучению специально методологических вопросов, а характеристике различных разновидностей массовых источников и методике работы с ними.

Коллективная монография имеет прежде всего источниковедчески-прикладной характер. Общий анализ массовых источ-

² Селунская Н. Б. К вопросу об изучении описаний помещичьих имений (по материалам Дворянского земельного банка). — В кн.: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Тарасюк Д. А. Из истории статистики землевладения в России (перепись 1877 г.). — Вест. МГУ. Сер. 8, История, 1973, № 3; Иванова Р. М. Материалы Крестьянского поземельного банка как источник для изучения социально-экономических отношений в деревне в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; Голиков А. Г. Материалы российских акционерно-паевых торгово-промышленных предприятий: (Источниковедческое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; Наумова Г. Р. Делопроизводственная документация российских синдикатов. — Вopr. истории, 1976, № 10; Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в.: Источниковедческое исследование. М., 1976; и др.

³ Селунская Н. Б. Проблемы изучения массовых исторических источников в современной американской историографии. — История СССР, 1975, № 1.

⁴ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма/Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979; Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979.

ников проводился в ней не по видовому принципу, что было бы наиболее целесообразно с точки зрения специального источниковедческого исследования, а по тематическому принципу, который, по мнению авторов, больше соответствует интересам использования источников в исследовательской практике⁵. В монографии характеризуются массовые источники по истории промышленности и рабочего класса, аграрной истории и истории рынка России в период капитализма. Таким образом, в работе систематизация источников дается на основе их содержания, т. е. на основе выявления определенных комплексов массовых источников, отражающих различные стороны исторического процесса. Такая структура исследования в известной степени затрудняет собственно источниковедческое изучение массовых источников, так как в их тематические комплексы попадают источники разных видов. Как критически отмечают сами авторы, при таком подходе нарушалась целостность характеристики отдельных видов источников, иногда анализ источников дублировался в разных главах⁶. Однако стремление придать большую конкретно-практическую значимость исследованию вполне искупает эти естественные недочеты.

Монография Б. Г. Литвака имеет собственно источниковедческое значение. Учитывая накопленный опыт, автор характеризует различные пласты массовой документации, выясняет закономерности их возникновения, историю складывания формуляров, выявляет информативные возможности различных делопроизводственных материалов.

Ставя и решая вопросы источниковедения массовых источников, исследователи подчеркивают, что эта отрасль источниковедения находится еще в процессе становления и развития. «Многие его общие и конкретные проблемы,—отмечает И. Д. Ковальченко,—ждут еще своего решения. Даже основные признаки, характеризующие качественное своеобразие массовых источников, а также задачи их источниковедческого изучения, не раскрыты в должной мере»⁷. На недостаточную разработанность теоретических проблем источниковедения массовых источников указывали также В. И. Буганов и Г. А. Трукан⁸.

К числу слабо разработанных вопросов на данном этапе развития исторической науки относится прежде всего определение понятия «массовые источники» и принципов их классификации. Так, некоторые исследователи считают, что это понятие служит не для количественной, а для качественной характеристики источников⁹. Разделяя в целом мнение, что термин «массовый»

⁵ Массовые источники..., с. 16.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 5.

⁸ Буганов В. И., Трукан Г. А. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР.— *Вопр. истории*, 1977, № 3, с. 9—10.

⁹ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации..., с. 7.

употребляется в противоположность понятию «уникальный» источник, мы считаем необходимым учитывать также и количественную сторону массовой документации, так как источник единичный из массовых представляет ограниченный интерес. Закономерности социально-экономического развития могут быть изучены только на основе определенной совокупности массовых данных. Поэтому термин «массовый» является также свидетельством наличия определенного комплекса источников, представляющего собой систему, содержащую значительный объем информации¹⁰.

Определение понятия «массовые источники» начало складываться еще в конце 50-х — начале 60-х годов¹¹. В. И. Стрельский писал, что «есть источники уникальные, полностью отразившие основные, существенные, наиболее важные и характерные черты изучаемого вопроса... Есть источники массовые, иллюстрирующие уже установленные по материалам первого рода закономерности и не добавляющие существенно важного к уже установленным фактам»¹². Такое определение Б. Г. Литвак признал недостаточным. Он заметил, что в этом случае массовым источникам отводится подсобная роль, которая исключает возможность изучения на их основе закономерности общественного развития¹³. При определении категории массовых источников Б. Г. Литвак считал необходимым исходить из обстоятельств и цели происхождения документов¹⁴. Развивая затем свой подход к этому вопросу, он в совместной с М. П. Губенко статье писал, что «под массовыми источниками мы разумеем такие документы, которые отражают единичный факт или явление, сами по себе имеющие ограниченный интерес, но в совокупности позволяющие выяснить ту или иную закономерность. По форме своей эти документы представляют определенный формуляр или зачатки его»¹⁵. Позже в одном из своих выступлений он говорил, что «понятие „массовый источник“ весьма условно, ибо не отражает всех отличительных черт этой группы источников..., но уже сейчас можно утверждать, что в эту категорию источников входит все

¹⁰ Банасюкевич В. Д. К вопросу об изучении массовых источников.— Тр. Всесоюз. научно-исслед. ин-та документоведения и архивного дела, т. 6, ч. 1, с. 74—78.

¹¹ Мурадалиева Э. К историографии разработки массовых источников.— Науч. тр. Азербайджан. гос. ун-та. Сер. историч. и философ. наук, № 3. Баку, 1979, с. 69—70.

¹² Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР: Период империализма. Конец XIX в.— 1917 г. М., 1962, с. 76.

¹³ Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников.— В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 108—114.

¹⁴ Литвак Б. Г. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина.— В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1964, с. 12.

¹⁵ Губенко М. П., Литвак Б. Г. Конкретное источниковедение истории советского общества.— Вопр. истории, 1965, № 1, с. 8.

то, что поддается методике формулярного анализа»¹⁶. Наконец, в последней работе Б. Г. Литвак указывает, что наиболее существенными признаками массовой документации являются ординарность обстоятельств возникновения, однотипность формы, тяготеющей к стандарту; первичность, предельная близость к отражаемому факту действительности; однородность и повторяемость содержания¹⁷.

Несколько иной подход к пониманию массовых источников предлагает И. Д. Ковальченко. Выступая на конференции по источниковедению в 1975 г., он говорил, что при определении массовых источников следует прежде всего учитывать типологию общественных явлений, отраженных в них, и информативную насыщенность источников¹⁸. В предисловии к коллективной монографии И. Д. Ковальченко пишет, что «массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем»¹⁹. Таким образом, в основе его подхода лежит учет не обстоятельств и целей происхождения массовых источников и их формы, а содержания заключенной в источниках информации. Такой подход, как справедливо отмечается в литературе, позволяет признать массовыми источниками не только отдельные документы, отражающие единичные факты или явления, но и источники, содержащие факт «обобщенный», например статистические публикации, при условии, что эти источники несут информацию о массовых социальных объектах и явлениях²⁰.

В соответствии с двумя подходами к пониманию массовых источников по-разному решается вопрос об отношении статистических источников к массовым. Б. Г. Литвак считает, что статистические источники нельзя относить к категории массовых. Он пишет, что «даже первичные статистические наблюдения коренным образом отличаются от первичных массовых источников, так как последний не имеет никакой научно-статистической заданности, не имеет цели изучить данное явление или факт, а только регистрирует его или спонтанно возникает как часть этого факта»²¹. По мнению И. Д. Ковальченко и других исследователей, статистические источники по содержанию залож-

¹⁶ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 2—6 октября 1972 г.).— В кн.: Источниковедение отечественной истории 1976. М., 1977, с. 236.

¹⁷ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации..., с. 287.

¹⁸ История СССР, 1976, № 3, с. 210.

¹⁹ Массовые источники..., с. 6.

²⁰ Мурадалиева Э. К историографии разработки массовых источников, с. 71.

²¹ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации..., с. 8.

женной в них информации вполне подходят под категорию массовых²².

Включение статистических источников в разряд массовых вполне оправданно. Наличие же научной заданности статистических материалов, на наш взгляд, еще не может быть достаточным аргументом для выделения их из состава массовых источников. Любой источник всегда содержит в себе в большей или меньшей мере определенную заданность, если не научную, то субъективную. Суть источника раскрывается только при рассмотрении его в системе: объект — источник — исследователь. И в этом плане статистические источники, хотя и не отличаются ординарностью происхождения, но отвечают остальным признакам массовой документации. Они содержат в большом количестве систематическую однородную информацию. У них единый механизм передачи этой информации. Наконец, они многомерно характеризуют массовые явления, богаты скрытой информацией и допускают количественные методы ее анализа.

В целом же мы полагаем, что выделенные указанными исследователями признаки, характеризующие массовые источники, в значительной степени дополняют друг друга. Можно согласиться с В. М. Селунской в том, что введение термина «формуляр» расширило бы (и углубило. — *Авт.*) понятие массовых источников, которые специалисты по математическим методам рассматривают как источники, содержащие повторяющуюся по форме информацию, поддающуюся формализации²³. На наш взгляд, при определении понятия массовых, как и всех вообще источников, нужно исходить из представления об их природе и учитывать совокупность признаков, ее выражающих, т. е. происхождение, содержание и внутреннюю форму, связанных с целевым назначением источника. Только в этом случае, как нам представляется, могут быть созданы объективные предпосылки для исследования источников и выработки общих принципов их критического анализа²⁴.

Исходя из всего сказанного, мы считаем, что документы, ординарные по происхождению, являющиеся «остатком» изучаемого процесса (и позволяющие изучать их методом формулярного анализа), а также статистические материалы, выступающие в роли «исторической традиции», следует рассматривать как разновидности массовых источников, которые содержат информацию о массовых объектах и имеют одинаковый способ ее кодирования.

²² Антонова С. И. Статистические источники по истории СССР периода капитализма. М., 1968, с. 4; Рыбаков Ю. Я. Указ. соч., с. 3.

²³ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 259.

²⁴ См. также: Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, гл. 1—2; Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977, с. 27, 29, 33, 51.

Рассмотренная нами проблема, как, впрочем, и другие вопросы, которые приходится решать историкам, свидетельствует о том, что не только теоретическое, но и большое практическое значение приобретает вопрос о классификации массовых источников. Классификация позволяет успешнее искать разновидности этих источников, формировать из них однотипные по содержанию и форме комплексы, создает благоприятные возможности для выработки общих принципов и методов их изучения.

В современной источниковедческой литературе в качестве основной классификационной категории письменных источников выступает «вид»²⁵. Однако вопрос о сущности «вида письменных источников» решается по-разному. По мнению ряда исследователей, для понимания сущности вида первостепенное значение имеет вопрос о социальных функциях источников²⁶.

Попытку теоретического обоснования этого положения принял А. А. Курносов²⁷. Однако он, как верно отметила К. В. Хвостова, не определил понятия социальной функции, и это вызвало смешение критериев определения видов источников. С одной стороны, говорится о том, что виды порождаются социальными функциями как целевыми акциями общества, а с другой, что на них влияет классовая структура, культура, восприятие и т. д. Это затемняет первоначальную четкую постановку проблемы²⁸. В связи с этим А. Г. Тартаковский в докладе на Всесоюзной конференции по источниковедению в 1979 г. специально поставил вопрос о сущности социальных функций источника²⁹. Однако в целом вопрос о социальных функциях источников как основе видовой классификации источников остается недостаточно изученным.

Несколько иной подход к пониманию сущности видов источников предлагают М. А. Варшавчик и Л. Н. Пушкарёв. Варшавчик М. А. считает, что признаком вида источников не является их происхождение, так как оно есть условие, предпосылка формирования вида. Не является видовым признаком также содержание источника, так как разные виды могут иметь сходное содержание. Вид источника, по мнению М. А. Варшавчика, определяется лишь его внутренней формой, структурой, спосо-

²⁵ Пушкарёв Л. Н. Указ. соч., с. 218—229.

²⁶ Макаров М. К. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР.— Тр. Мос. гос. ист.-арх. ин-та. М., 1963, т. 17, с. 11—12; Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1975, с. 25.

²⁷ Курносов А. А. К вопросу о природе видов источников.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977, с. 8.

²⁸ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 235.

²⁹ Тартаковский А. Г. О социальных функциях исторических источников.— В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин..., с. 47—67.

бом связи элементов его содержания³⁰. Л. Н. Пушкарев на Симпозиуме по источниковедению в 1972 г. поддержал идею о социальных функциях как основе видовой классификации. Он говорил, что «принципиально верным представляется обоснованный А. А. Курносвым принцип видовой классификации источников, сообразно с их социальными функциями, так как такой подход отражает объективно существующую реальность»³¹. Однако в своей монографии Л. Н. Пушкарев пишет, что в основе деления источников на виды лежит их структура, внутренняя форма³².

Таким образом, вопрос о критериях выделения видов письменных источников, в том числе и массовых, остается открытым. На наш взгляд, в основу классификации источников может быть положена природа различных их видов. При этом под природой вида мы понимаем не только социальные функции источников, т. е. «способность служить удовлетворению какой-либо потребности человека»³³, а главным образом способ кодирования социальной информации, в котором находят свое выражение специфика происхождения, целевого назначения, содержания и внутренней формы.

В свою очередь, массовые источники, являющиеся одним из видов письменных, представляют собой определенный комплекс разновидностей: массовая документация, текущая статистика, переписи и обследования.

Массовая документация, ординарная по происхождению, содержит разнообразнейшую информацию о различных сторонах социально-экономической действительности. Важнейшей особенностью этой документации является, по мнению Б. Г. Литвака, первичность, непосредственная близость к отражаемым явлениям. В комплексе массовой документации он выделяет три пласта в зависимости «от степени близости документа к самому факту прошлого или его детали», подчеркивая особую ценность документов первичного пласта, которые не только отражают «деталь, фрагмент или весь факт прошлого», но и являются «естественной частью самого факта». Кроме того, массовую документацию Б. Г. Литвак делит по форме на документы текущего делопроизводства и акты, «являющиеся естественным объектом неодиبلوماسية»³⁴.

Представление об актах, как документах, фиксировавших политические соглашения и экономические сделки и являвшихся частью делопроизводства канцелярий частных владельцев и

³⁰ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 246.

³¹ Там же, с. 234.

³² Пушкарев Л. Н. Указ. соч., с. 224.

³³ Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973, с. 139.

³⁴ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации... с. 5, 288, 289.

государственных учреждений, в исторической науке существовало давно. Но при этом различались акты и материалы периода раннего и развитого феодализма, разработка которых велась методами дипломатического анализа³⁵, и акты и документы эпохи разложения феодализма, зарождения и развития капиталистической формации. Последние идентифицировались со статистическими материалами и в соответствии с этим, по мнению ученых, требовали математико-статистических методов исследования. В отличие от них Б. Г. Литвак, пожалуй, впервые в исторической литературе обратил внимание на то, что в составе делопроизводственных документов XIX — начала XX в. имеются такие, которые отличаются «статистической заданностью», т. е. представляют собой собственно статистическую запись, но и много таких, которые не несут признаков этой «заданности», хотя после соответствующей обработки могут стать и объектом «первичного статистического наблюдения»³⁶. Поэтому эта разновидность массовых источников требует не только статистической обработки, но и методов дипломатического и конкретно-исторического анализа.

Массовая документация XIX — начала XX в. в целом в наименьшей степени использована историками. Многие пласты этой документации, особенно первичные, утрачены, другие отложились в различных архивных фондах, не выявлены и не введены в научный оборот. Известные же источники этой разновидности, как показывает практика, требуют значительных механических затрат по их обработке.

Текущая статистика широко использовалась и дореволюционными и советскими историками. Она представлена двумя группами источников — первичными материалами, собираемыми на местах, и обработанными сводками их, которые большей частью опубликованы Центральным статистическим комитетом или различными государственными учреждениями и ведомствами, а также предпринимательскими организациями буржуазии. В. И. Ленин, отмечая особое значение статистических источников, писал, что социально-экономическая статистика представляет собой «одно из самых могущественных орудий социального познания»³⁷. Наряду с этим В. И. Ленин, как известно, подвергал серьезной критике недостатки официальной дореволюционной статистики³⁸.

Советские историки накопили большой опыт в изучении статистических источников³⁹. Особенно значительные успехи до-

³⁵ Каштанов С. М. Дипломатика как специальная историческая дисциплина. — *Вопр. истории*, 1965, № 1; *Он же*. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

³⁶ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации..., с. 6, 137, 139.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 334.

³⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 29—31; т. 23, с. 356.

³⁹ Антонова С. И. Статистические источники по истории СССР периода капитализма. М., 1968.

стигнуты в изучении материалов по аграрной истории. Разработка статистических источников по истории промышленности явно отстает от изучения статистики сельскохозяйственного производства⁴⁰. Именно в исследованиях по аграрной истории советскими учеными были впервые применены математические методы и ЭВМ. Однако в исследовательской практике, как правило, широко используются опубликованные обработанные сводки статистического материала. Первичные источники в силу их огромного количества привлекаются в лучшем случае для иллюстраций⁴¹. Следует также согласиться с С. И. Антоновой в том, что термины, принятые в практике конкретно-исторического исследования (фабрично-заводская, горно-заводская и т. п. статистика), не определяют главного, что требует предмет источниковедения, не характеризуют вид статистических источников со всеми отличиями в методах сбора материалов, их обработки и публикации⁴².

Большую ценность представляют различного рода переписи и обследования, не все из которых также еще стали объектом внимания историков⁴³. Данные этого вида источников более полны и достоверны в силу большего совершенства принципов и методов сбора и проверки сведений. Эти сведения носят комплексный характер, т. е. включают значительное число показателей. Все это существенно повышает информативную ценность переписей и обследований и делает эту разновидность массовых источников, по-видимому, наиболее репрезентативными.

Одним из дискуссионных в современной литературе является также вопрос о предмете и задачах источниковедения массовых источников как одного из разделов научной дисциплины. Негативная реакция некоторых ученых на историко-обзорный характер источниковедческого исследования привела, по-видимому, к другой крайности, при которой предметом источниковедения стали считать только методы работы с источниками⁴⁴.

Для решения этого вопроса, на наш взгляд, в первую очередь следует уточнить пределы источниковедческого исследо-

⁴⁰ Воронкова С. В. Рец. на кн.: Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика в России XIX в. ...— История СССР, 1977, № 4.

⁴¹ Критику иллюстративного метода в исторических исследованиях см., например: Варшавчик М. А. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967, с. 133—134.

⁴² Антонова С. И. Статистика фабричной инспекции как источник по истории пролетариата.— В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России. М., 1966, с. 315.

⁴³ Розовский Л. Переписи русской промышленности 1900 и 1908 гг.— В кн.: Очерки по истории статистики СССР. М., 1960, вып. 3; Саавицкий Н. А. Земские подворные переписи. М., 1961; Терещенко Л. С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; Селунская Н. Б. К вопросу об изучении описаний помещичьих имений...; Иванова Р. М. Материалы Крестьянского поземельного банка как источник...; и др.

⁴⁴ См. подробнее: Пронштейн А. П. О предмете источниковедения как научной дисциплины.— История СССР, 1977, № 5, с. 163—164.

вания вообще. В современной литературе существует мнение, что в источниковедении следует выделять два раздела — теоретическое источниковедение и источниковедческую практику. Первое, как считает М. А. Варшавчик, включает в себя общую теорию источниковедения и теорию источниковедения отдельных исторических наук. Источниковедческая практика делится на аналитико-описательное источниковедение (предмет исследования — сам источник как исторический факт) и прикладное (практическая работа историка с источниками)⁴⁵. В литературе утвердилось также представление о том, что конечной целью всей источниковедческой работы является получение совокупности научных фактов⁴⁶.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой «марксистско-ленинское источниковедение рассматривает источник в его связях с исторической реальностью прошлого, а также изучает взаимосвязи источника и познающего субъекта — историка»⁴⁷. При этом мы хотим подчеркнуть, что исторический источник может быть предметом изучения как в рамках исторического, так и собственно источниковедческого исследования. Конечные цели, которые преследует историк, работающий с источниками, и источниковед, специально их изучающий, различны. Историк-исследователь ставит задачу получения определенного рода информации, необходимой для конкретно-исторической реконструкции событий. Как правило, данную задачу он решает с помощью средств, разработанных в источниковедении как прикладной научной дисциплине, хотя это, естественно, не означает, что в ходе практической работы с источниками он не может предлагать самостоятельных оригинальных методик исследования. Речь в данном случае идет о предметном разграничении источниковедения как прикладной научной дисциплины и работы над источниками как стадии исторического исследования.

Практическое значение источниковедения как научной дисциплины и всех ее разделов состоит в том, что в рамках ее разрабатываются не только теоретико-методологические рекомендации по изучению исторических источников вообще, но исследуются различные их типы, виды, группы и комплексы. При этом задачей источниковедческого исследования является в первую очередь выяснение информативных возможностей исторических источников и разработка методов получения информации. Включение же в предметную область источниковедения вопросов по-

⁴⁵ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 244.

⁴⁶ Каштанов С. М., Курнов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. — Исторический архив, 1962, № 4, с. 175—176; Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении. — История СССР, 1973, № 6, с. 56—57; Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973, с. 158.

⁴⁷ Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977, с. 67.

лучения исторических фактов на основе информации, содержащейся в ряде источников, на наш взгляд, неоправданно. Это уже сюжеты исторического построения, а не источниковедческого исследования. Получение той или иной информации из источников носит всегда прагматический характер, обусловленный задачами конкретно-исторического исследования. Кроме того, в свете теории информации исторический источник неисчерпаем в информативных возможностях. Поэтому выглядит нереальным стремление получить в ходе источниковедческого исследования всю совокупность фактов из источника. В связи с этим мы, с одной стороны, согласны с М. А. Варшавчиком, что в источниковедении как научной дисциплине можно выделить два раздела — теоретическое источниковедение и источниковедческую практику. Но, с другой стороны, в рамках источниковедческого исследования источниковедческая практика, на наш взгляд, сводится только к изучению источника или комплекса источников как феномена социальной действительности и как средства познания. Практическая работа историка с источниками — это этап исторического исследования, и только в этом плане источниковедческая работа сливается с историческим построением. Собственно к источниковедению как прикладной научной дисциплине эта работа имеет отношение постольку, поскольку источниковедение в качестве одной из своих задач ставит обобщение положительного опыта работы с источниками.

В связи с этим мы считаем, что предметом источниковедения массовых источников является комплекс их разновидностей, рассматриваемый, с одной стороны, как исторический факт, отражающий массовые процессы и явления социальной действительности, с другой стороны, как средство ее познания. Отсюда основной круг вопросов, раскрывающих предмет источниковедения массовых источников, связан как с изучением закономерностей отражения ими исторического процесса, так и закономерностей получения информации из них. Поэтому нам представляется убедительным мнение И. Д. Ковальченко, что при изучении массовых источников возникают две группы задач: одна при анализе их в системе «объект — источник», другая — в системе «источник — исследователь»⁴⁸.

По содержанию эти задачи могут иметь теоретический или практический прикладной характер. Причем существующие опасения отрыва теоретического источниковедения от исследовательской и педагогической практики неосновательны. Напротив, как справедливо отметил И. Д. Ковальченко, ныне источниковедение, особенно по периоду нового и новейшего времени, находится еще на эмпирической стадии. В большинстве исторических работ представление об источниковедении сводится к пе-

⁴⁸ Массовые источники..., с. 7—8.

рчислению использованных источников⁴⁹. И. Д. Ковальченко довольно аргументированно определил и границы источниковедения массовых источников: «Исходная задача источниковедческого изучения массовых источников — выявление тех или иных их комплексов, характеризующих различные стороны, явления и процессы исторического развития... Разработка конкретных методов формирования системы объективно доказательных массовых фактов об исследуемых явлениях и процессах является завершающей и определяющей задачей источниковедческого анализа массовых источников»⁵⁰. Б. Г. Литвак также считает, что задачей источниковедения является выявление информационных потенциалов массовой документации и возможностей их использования⁵¹.

И. Д. Ковальченко, на наш взгляд, удачно наметил также основные этапы источниковедческого изучения массовых источников. Во-первых, это установление комплекса массовых источников по теме, выяснение степени репрезентативности, достоверности, точности и сопоставимости данных. Во-вторых, это разработка методов повышения информативной отдачи источников и методов формирования системы объективных доказательств массовых данных об исследуемых процессах⁵².

Однако эту схему следует, по-видимому, дополнить еще одним звеном — истолкованием массовых источников⁵³. Восприятие массовых источников как продукта исторического развития общества должно происходить в категориях, адекватных представлениям изучаемого времени. При этом употребляемые термины нуждаются в смысловом анализе, ибо часто создатели источника понимали их иначе, чем современные исследователи. Известно, например, что официальная статистика в разное время к «фабрикам и заводам» относил предприятия по различным формальным признакам⁵⁴. Без предварительного истолкования содержания статистических источников можно прийти к неверным представлениям об уровне развития той или иной отрасли промышленности, о численности фабричных рабочих. В число последних могут попасть люди, которые по своему экономическому и социально-психологическому облику таковыми не являются. Это может привести к более отдаленным исследовательским погрешностям, например принижению уровня сознательности и зрелости фабричного пролетариата.

В ходе истолкования массовых источников необходимо также выяснить принципы и методику измерений, на основе которых

⁴⁹ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 243.

⁵⁰ Массовые источники..., с. 6, 9.

⁵¹ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации..., с. 5.

⁵² Массовые источники..., с. 16.

⁵³ Пронштейн А. П. Истолкование исторических источников. — *Вопр. истории*, 1969, № 10, с. 69—86.

⁵⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 5—9.

были получены источниковые данные, их соответствие целям, выдвигаемым современниками, и задачам, которые ставят исследователи. Кроме того, Б. Г. Литвак считает важным изучать историю складывания формуляра отдельных разновидностей массовой документации. «Источниковедческое значение истории складывания формуляра,— пишет он,— вряд ли требует специальных доказательств. Скажу только, что без знания ее невозможно ни определение степени достоверности данных..., ни выработка рациональной методики обработки этих данных»⁵⁵. Более того, изменения формы документов сами по себе помогают понять многие процессы общественного развития. Проследив эволюцию делопроизводственных документов XVIII—XIX вв., Б. Г. Литвак пришел к выводу, что все элементы дипломатики в современном ее понимании, присущие работе над документами эпохи феодализма, «не столь уж специфичны». Они вполне находят свое применение и при работе над документами последующих веков. Поэтому можно говорить о «методике изучения всех документов сдельно-договорного характера с законодательно определенным формуляром в первую очередь и вообще документов с установленным формуляром — во вторую»⁵⁶. Эту идею в принципе высказал Л. Е. Шепелев еще на Симпозиуме по источниковедению в 1972 г.⁵⁷ Однако его мнение не было тогда поддержано. Так, Л. В. Милов считал «неправомерным перенесение Л. Е. Шепелевым формулярного анализа актов на более поздние периоды»⁵⁸. В целом по вопросу о возможности распространения методов дипломатического анализа на документы эпохи капитализма, как отметил Н. И. Павленко, участники дискуссии не пришли к общему мнению⁵⁹. На наш взгляд, выводы Б. Г. Литвака и Л. Е. Шепелева представляются в основе своей перспективными. Они раскрывают еще недостаточно использованные возможности в изучении огромной массы дошедших до нас документов текущего делопроизводства XIX — начала XX в. Однако полностью отождествлять задачи дипломатического анализа актов этого периода (его Б. Г. Литвак удачно называет неодипломатикой) с дипломатикой эпохи классического феодализма не следует. Неодипломатика занимается не столько анализом движения комплекса устойчивых формул, сколько статистической обработкой массового материала в рамках каждой клаузулы и их системы. Поэтому мы вслед за С. М. Каштановым считаем важным развивать и дипломатику документов эпохи

⁵⁵ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации..., с. 142.

⁵⁶ Там же, с. 241.

⁵⁷ Шепелев Л. Е. Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX — начала XX в.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976, с. 248—271.

⁵⁸ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 242.

⁵⁹ Там же, с. 255.

классического феодализма⁶⁰ и дипломатику периода зарождения и развития капиталистических отношений (неодипломатику), рассматривая их как составные части актового источниковедения.

В предложенном И. Д. Ковальченко плане изучения массовых источников, как мы видим, отсутствует традиционное деление на внешнюю и внутреннюю критику. Выступая на симпозиуме в г. Таллине в 1972 г., он говорил, что задачи источниковеда шире традиционных представлений о внешней и внутренней критике источников — сюда входит выработка методов выявления и отбора системы фактов, определение их достоверности и репрезентативности⁶¹.

Следует обратить внимание на то, что некоторые современные исследователи вообще отказываются от понятий внешней и внутренней критики, считая, что «единство формы и содержания источника диктует и неразрывность, взаимосвязанность всех процессов его изучения»⁶².

Деление критики источников на внешнюю и внутреннюю в том смысле, который вкладывали в нее буржуазные историки, действительно не может быть принято марксистским источниковедением. Однако, может быть, все же целесообразно сохранить в первую очередь в учебных целях такое деление, придав этим понятиям иное содержание. Под внешней критикой можно ведь понимать установление всех данных об источнике, независимо от того, получены ли они путем внешнего анализа или изучения содержания. Под внутренней — анализ самого содержания источника, соответственно используя его внешние данные⁶³. В этом случае установление достоверности и репрезентативности источников, о чем говорил И. Д. Ковальченко, вполне, на наш взгляд, входит в задачи внутренней критики. В то же время следует подчеркнуть, что существующие в нашей литературе представления о внешней и внутренней критике акцентируют внимание на изучении источников в системе «источник — объект». В задачи же источниковедения входит также, как мы видели, выработка методов получения информации. И в этом плане мы согласны с И. Д. Ковальченко, что современные задачи источниковеда шире традиционных представлений о внешней и внутренней критике.

В целом конкретные задачи источниковедения, на наш взгляд, сводятся к разработке вопросов природы и классификации массовых источников, формирования источниковой базы как закономерного процесса возникновения разновидностей и групп мас-

⁶⁰ Каштанов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы, с. 139.

⁶¹ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 243.

⁶² Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС, с. 102.

⁶³ Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. 2-е изд. Ростов, н/Д., 1976, с. 13—14.

своей документации и статистических материалов, к исследованию структуры и свойств информации, заложенной в них, истории ее происхождения и организации; установлению информативных возможностей массовых источников, а также к разработке принципов и методов выявления различного рода информации из них ⁶⁴.

В советской исторической науке уже накоплен определенный опыт по обработке массовых источников, дающий возможность ставить и решать многие проблемы, исследование которых раньше считалось неосуществимым ⁶⁵. При этом еще в начале 60-х годов Б. Г. Литвак, по-видимому, недостаточно четко выразил свою мысль, когда писал о необходимости «направить коллективные усилия исследователей на изучение массовых источников по единой методике с применением математических методов и счетно-вычислительных машин» ⁶⁶. Необходимость создания единой методики мотивируется некоторыми исследователями тем, что зачастую при анализе одного и того же комплекса массовых источников исследователи приходят к результатам, мало сопоставимым в территориальном или хронологическом масштабе ⁶⁷.

На наш взгляд, создание единой методики изучения в целом всех видов массовых источников вряд ли возможно, так как содержание методики прагматически обусловлено целями исследования и информативными возможностями конкретных видов источников.

Заманчивая идея, говорил Л. Е. Шепелев, создать общие рекомендации по работе с источниками вряд ли осуществима ⁶⁸. По мнению Н. М. Дружинина, также «едва ли возможна единая методика обработки источников массового характера. Если под этой категорией разумеать значительные массы документов, отразивших повторяющиеся, более или менее однородные явления общественной жизни, то они далеко не одинаковы: одни из них (например, результаты демографических и хозяйственных переписей) наиболее однородны и вполне поддаются статистической обработке, другие (например, отчеты органов управления) только отчасти допускают применение математических подсчетов, третьи (например, протоколы судебных процессов) заключают в себе разнородный материал и требуют более глубокого

⁶⁴ Ср.: *Пронштейн А. П.* О предмете источниковедения как научной исторической дисциплины.— *История СССР*, 1977, № 5, с. 167—170.

⁶⁵ *Ковальченко И. Д., Соколов А. К.* Итоги и перспективы применения математико-статистических методов и ЭВМ в исследованиях по отечественной истории.— В кн.: *Изучение отечественной истории СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период.* М., 1978, с. 232—238.

⁶⁶ *Литвак Б. Г.* О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина, с. 18.

⁶⁷ *Будаев Д. И.* Из опыта обработки массовых источников.— В кн.: *Источниковедение отечественной истории.* 1976. М., 1977, с. 72—73.

⁶⁸ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 237.

и тонкого психологического анализа»⁶⁹. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить лишь об основных исходных методологических принципах изучения массовых источников, об основных задачах и этапах их критики. Вероятно, возможно создание наиболее оптимальной методики только в том случае, когда речь идет о получении однородной информации из определенного вида источников.

Именно такую же мысль высказывает Б. Г. Литвак в последней работе. Он пишет, что «чем скорее источниковедение массовой документации достигнет того уровня, когда для каждой ее разновидности будет выработана рациональная и единая методика источниковедческого изучения, т. е. будут созданы предпосылки полного слияния усилий исследователей на уровне сбора и источниковедческой обработки данных массовой документации, тем ярче скажется индивидуальность историка на уровне их интерпретации и использования в историческом построении»⁷⁰. Разделяя такую точку зрения, мы согласны с тем, что в целом эффективность любой методики зависит, в первую очередь, от методологического обоснования ее применения.

При изучении массовых источников одним из важных в методологическом отношении является вопрос о формировании источниковой базы исследования. В практике конкретно-исторического исследования историк постоянно сталкивается с дилеммой — использовать всю совокупность данных или только выборки из них.

Для теоретического источниковедения особенно важно ленинское положение о привлечении всей совокупности фактов как фундамента социального исследования⁷¹. «Это положение,— по мнению О. М. Медушевской,— имеет непосредственную связь с проблемой формирования источниковедческой базы социального исследования, оно обуславливает необходимость ее всесторонности, полноты, создает критерии в борьбе против односторонности и субъективистского произвола в работе с историческими документами»⁷². Однако некоторые историки, работающие с массовыми источниками, заявляют, что это идеальное в «своей сущности» положение ввиду огромного числа этих источников не может быть осуществлено. Так, М. А. Варшавчик пишет о «невозможности, да и нецелесообразности сплошного, фронтального изучения всего мыслимого массового источниковедческого материала», подчеркивая, что это «отнюдь не должно быть понято как призыв отказаться вовсе от его привлечения и тем более как призыв выхватывать лишь отдельные фактики,

⁶⁹ Дружинин Н. М. К вопросу о подборе и обработке исторических источников.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 170.

⁷⁰ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации..., с. 291.

⁷¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

⁷² Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977, с. 62.

иллюстрации из массы источников»⁷³. М. А. Варшавчик считает научно обоснованным не только сплошное, но и выборочное исследование массовых источников. Еще в 60-х годах по этому вопросу шла полемика между М. А. Варшавчиком и Б. Г. Литваком. Тогда Б. Г. Литвак выступал с решительными возражениями против выборочного исследования источников⁷⁴.

В последнее время Б. Г. Литвак, повторив мнение о том, что исследование может быть успешным лишь в том случае, если будут привлечены все, без исключения, источники по данной теме, однако не отрицает вообще возможности применения и выборочного метода. Более того, выборочный метод, по мнению Б. Г. Литвака, может оказать серьезную помощь в приобщении исследователей к самостоятельному анализу первичных массовых документов⁷⁵.

В коллективной монографии, посвященной массовым источникам, Б. Г. Литвак уже прямо пишет, что «обстоятельство, при котором достоверность обязательно включает признак представительности, вызывает дополнительную необходимость в выработке приемов применения представительной выборки, если изучение всей совокупности не представляется возможным. Эта особенность характерна для источниковедения массовых документов вообще, но изучение уставных грамот доказало это с убедительной наглядностью». Поэтому «большой интерес представляет разработка нормативов репрезентативной выборки уставных грамот и выкупных актов для изучения реализации „Положений”»⁷⁶.

О необходимости сочетания сплошного и выборочного метода изучения массовых источников пишет Н. М. Дружинин. «Я понимал,— подчеркивает он,— что было бы утопией рассчитывать на полное ознакомление со всем делопроизводством Министерства государственных имуществ за несколько десятков лет управления Киселева. Такая задача была бы непосильной для одного исследователя и ненужной для успеха его работы. Если законы о государственных крестьянах или волнения в казенной деревне должны были освещаться с исчерпывающей полнотой, то текущая повседневная переписка департаментов заключала в себе много типового, повторяющегося из месяца в месяц, из года в год, и допускала выборочный метод просмотра и суммарной характеристики»⁷⁷.

В литературе вопрос о сплошной или выборочной обработке массовых источников многими современными исследователями

⁷³ Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС, с. 89.

⁷⁴ Варшавчик М. А. О некоторых вопросах источниковедения в истории КПСС.— *Вопр. истории КПСС*, 1962, № 4, с. 170; Литвак Б. Г. О некоторых приемах анализа и характеристики источников..., с. 12—18.

⁷⁵ Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников.— В кн.: *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы*, с. 113.

⁷⁶ Массовые источники..., с. 216.

⁷⁷ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд. М., 1979, с. 100.

рассматривается как вопрос практической целесообразности. Следует при этом подчеркнуть, что вопрос о возможностях выборочного метода должен решаться и с точки зрения методологической обоснованности⁷⁸.

Мы разделяем мнение И. Д. Ковальченко и других историков о том, что ленинское требование об использовании всей совокупности данных не исключает возможности применения выборочного метода, оно направлено против произвольного и иллюстративного использования массовых данных, против «игры в примеры»⁷⁹. Поэтому нам представляется, что отдельные авторы не совсем правильно истолковывают ленинское положение о том, что «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без *единого* исключения»⁸⁰, как призыв сплошного изучения всего комплекса массовых источников. У В. И. Ленина речь идет, на наш взгляд, о том, что необходимо при обобщении фактов опираться на всю их совокупность так, чтобы ни один факт не противоречил выдвигаемой теории. «Факты, если взять их в *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь», — подчеркивал В. И. Ленин⁸¹. В исторической науке факт служит не только основой получения теоретических знаний, но и непосредственно включается в ткань исторического повествования. Но факты можно собирать до бесконечности. Поэтому в практике исторического исследования, как правило, действует принцип достаточности и непротиворечивости фактов историческому построению. Анализ ленинских работ показывает, что В. И. Ленин не только допускал, но и широко применял выборочные исследования⁸².

Таким образом, уровень развития современного источниковедения не исключает возможности выборочного метода и тем более не противопоставляет между собой сплошное и выборочное изучение массовых источников, позволяя при правильной постановке последнего учесть роль всех фактов без исключения. Следовательно, решение вопроса о выборочном изучении массовых источников переходит в другую плоскость. В настоящее время речь должна идти не о возможности выборочного метода, а о принципах отбора источников. Б. Г. Литвак подчеркивает, что «внедрение приемов математической статистики в источниковедение желательно вести так, чтобы в каждом отдельном случае представительность выборки... не вызвала бы сомнения»⁸³. Поэтому вопрос о выборочном методе должен решаться,

⁷⁸ Лооие Э. Н. Современная философия истории. Таллин, 1980, с. 152.

⁷⁹ Массовые источники..., с. 10; Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС, с. 90—99.

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

⁸¹ Там же, с. 350.

⁸² См. об этом: Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС, с. 90—99.

⁸³ Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников, с. 114.

в первую очередь, в связи с проблемой репрезентативности и в связи с вопросом о формировании системы массовых объективных, доказательных данных.

Термин «репрезентативность» заимствован из статистики, где этим термином обозначают представительность части изучаемых данных по отношению к генеральной совокупности. Наиболее подробно этот вопрос в источниковедении был рассмотрен А. Г. Тартаковским. Репрезентативность по существу была сведена им к наличию достаточного количества авторитетных источников для решения данной исторической проблемы⁸⁴. А. Г. Тартаковский был также против отождествления «репрезентативности» с понятием «полноты» источников. Он выступает против мнения некоторых исследователей о том, что «если достаточно полно выявлен наличный фонд источников по данной проблеме, то тем самым и решается вопрос о репрезентативности, нет смысла поэтому вводить и саму эту категорию, которая лишь дублирует понятие „полноты“ источниковой базы»⁸⁵. При этом он подчеркнул принципиально иное содержание понятия репрезентативности, его сложность и масштабность. Выявление источников есть чисто эвристический аспект деятельности историка, тогда как определение степени репрезентативности требует проведения сложных аналитических операций. А между тем, как справедливо отмечает Л. В. Милов, в практике нашей исследовательской работы все же существует тенденция применения понятия «репрезентативности» как варианта терминов «полноты» и «достоверности»⁸⁶.

Вполне возможно, считает Л. В. Милов, что уточнить понимание степени репрезентативности поможет привлечение критерия изоморфизма. Изоморфизм, как важнейшее научное понятие, отражает отношение между какими-либо объектами, передающее относительное тождество их структуры независимо от конкретной природы этих объектов. Ввиду этих свойств изоморфизма репрезентативность представляется его частным случаем. Таким образом, применительно к проблеме репрезентативности в источниковедении степень этой репрезентативности может измеряться «фиксацией изоморфизма основных структурных элементов изучаемого явления и его аналога», в данном случае источника или комплекса источников⁸⁷. В связи с этим И. Д. Ковальченко считает, что следует говорить о репрезентативности не источников, а почерпнутых из них фактов⁸⁸. Таким

⁸⁴ Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении, с. 63—70.

⁸⁵ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 251.

⁸⁶ Милов Л. В. Проблема репрезентативности в источниковедении.— В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР..., с. 69.

⁸⁷ Там же, с. 72—73.

⁸⁸ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 243.

собразом, под репрезентативностью следует понимать, на наш взгляд, способность источников замещать в исследовательской практике изучаемый объект реальной действительности. Тогда при определении степени репрезентативности информации, заключенной в источнике, следует выяснять не только полноту и достоверность данных, но и их структурное соответствие изучаемым социальным объектам.

В настоящее время в источниковедении термин «репрезентативность» употребляется в двух случаях: когда речь идет о представительности информации определенного корпуса массовых источников относительно социальной действительности и когда ставится вопрос о представительности выборки источников относительно всего корпуса массовых источников.

Следует подчеркнуть, что установление степени репрезентативности массовых источников является одной из важнейших задач их источниковедческого изучения. При этом можно выделить два аспекта при анализе репрезентативности массовых источников. Во-первых, насколько их данные равномерно охватывают в количественном отношении совокупность изучаемых объектов. Во-вторых, насколько эти данные позволяют раскрыть сущность и основные свойства исследуемых процессов и явлений.

В практике конкретно-исторического изучения массовых источников большое значение приобретает также вопрос о сопоставимости их данных. Необходимым условием выяснения степени однотипности сведений, содержащихся в разных источниках, является изучение целей, программ и методов сбора информации.

В последнее время большое место в исторической литературе уделяется осмыслению в историографическом плане источниковедческой методики, творческому обобщению положительного опыта изучения массовых источников как традиционными средствами, так и современными методами количественного анализа.

У историков много времени занимает одна из основных форм их деятельности — поиск необходимой информации. Распространение в современной исторической науке математических методов, а также теорий, исследовательских принципов и инструментов других наук создает благоприятную ситуацию для поиска путей повышения информативной отдачи массовых источников. В настоящее время не дискутируется вопрос о важности и необходимости использования математических методов при изучении массовых источников. С их помощью появилась возможность ставить и решать многие проблемы социально-экономической истории, требующие анализа огромного объема информации, изучение которых раньше считалось неосуществимым⁸⁹. Как показывают исследования советских историков, наиболее эффективным путем изучения и использования массовых источников

⁸⁹ Ковальченко И. Д., Соколов А. К. Указ. соч., с. 227.

является применение математико-статистических и машинных методов их обработки⁹⁰.

Использование математико-статистических методов и ЭВМ позволило ввести в настоящее время в научный оборот широкий круг массовых источников, поскольку эти методы при их относительной простоте, как отмечают И. Д. Ковальченко и А. К. Соколов, позволяют быстро и эффективно получать и обрабатывать большие массивы информации эмпирического, преимущественно цифрового характера, которые дают возможность представить многочисленные исторические связи в виде количественных закономерностей. Они освобождают исследователя от выполнения простейших, но наиболее трудоемких формально-логических операций по получению и обработке информации, содержащейся в массовых источниках⁹¹.

В методологическом отношении важным является положение, что математические методы не заменяют, а дополняют методический арсенал исторической науки, делают его более совершенным. Математическая обработка исторической информации, подчеркивают советские исследователи, ни в коей мере не означает принципиально нового подхода в исторической науке⁹². Поэтому не может быть иллюзий, говорил И. Д. Ковальченко, в отношении возможности создания некой «математической истории»⁹³. Цели, пути и средства исследования определяются, в первую очередь, его теоретико-методологическими принципами⁹⁴. Поэтому залогом эффективности применения математических методов может быть только предварительный качественный анализ изучаемых процессов. Однако в практике исследования, как отмечается в специальной литературе, историк зачастую еще идет не от постановки задач и выбора оптимальных

⁹⁰ Устинов В. А. Применение вычислительных машин в исторической науке (для анализа массовых исторических источников). М., 1964; Ковальченко И. Д. Количественные и машинные методы обработки исторической информации.— Новая и новейшая история, 1970, № 5; Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Славко Т. И. Применение математики при изучении массовых исторических источников.— Вопр. истории, 1978, № 6; Массовые источники по социально-экономической истории. М., 1979; и др.

⁹¹ Ковальченко И. Д., Соколов А. К. Указ. соч., с. 227—228.

⁹² Ковальченко И. Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях.— В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы, с. 118; Кахк Ю. Ю. Нужна ли новая историческая наука? — Вопр. истории, 1969, № 3, с. 54; Славко Т. И. Указ. соч., с. 73—74; Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980, с. 13.

⁹³ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 264.

⁹⁴ Кахк Ю. Ю., Ковальченко И. Д. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях.— История СССР, 1974, № 5, с. 90.

путей их решения, а от имеющегося в его распоряжении математического инструментария⁹⁵.

В связи с этим важной представляется проблема взаимоотношений историка и математика. По мнению И. Д. Ковальченко, «историк может не иметь математического образования, но он должен понимать логическую основу применяемых методов, чтобы быть полезным математику для определения проблематики и направлений работы и суметь интерпретировать полученные результаты. Математик же обязан вникнуть в основную суть и содержание поставленных проблем»⁹⁶. Таким образом, для правильного выбора того или иного метода исследования надо, с одной стороны, четко и корректно сформулировать задачи, с другой — ясно представлять возможности различных математических методов применительно к историческому материалу.

Специфика исторического познания предъявляет ряд довольно строгих условий к применяемым в конкретном источниковедении математическим методам. Эти условия относительно массовых источников наиболее полно освещаются в статье Т. И. Славко. Во-первых, эти источники должны содержать значительный объем информации, ибо статистические закономерности могут быть обнаружены на массовых данных. Во-вторых, массовые источники должны быть однотипны по своей структуре и содержать однородную информацию. В-третьих, данные массовых источников должны характеризоваться так называемыми случайными признаками, принимающими ряд изменяющихся значений. Это обусловлено тем, пишет Т. И. Славко, что статистические закономерности формируются как под действием причин, общих для всей совокупности, так и случайных, второстепенных причин, характерных для каждой единицы совокупности, которые придают им индивидуальные особенности⁹⁷.

Математические методы используются как в исторических, так и в собственно источниковедческих исследованиях, поэтому следует разграничивать две эти области, предметы которых, а следовательно, и специфика применения методов различны. К сожалению, в некоторых работах по источниковедению такого разграничения не делается и приводятся в целом интереснейшие примеры применения математических методов, но на уровне обработки полученной уже из источников информации, т. е. на уровне исторического построения⁹⁸.

Математические методы в источниковедении, на наш взгляд, могут применяться при решении нескольких задач. Как показывает практика, наиболее эффективны они, во-первых, при решении вопроса о формировании источниковой базы, когда ставится задача выборочного изучения первичного материала массо-

⁹⁵ Славко Т. И. Указ. соч., с. 75—76.

⁹⁶ Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения..., с. 264.

⁹⁷ Славко Т. И. Указ. соч., с. 75.

⁹⁸ Массовые источники..., с. 83—87, 340—344.

вых источников; во-вторых, при установлении степени достоверности и сопоставимости источниковых данных; в-третьих, при использовании в качестве методов получения скрытой информации.

Поскольку вовлечение в научный оборот первичных массовых источников в настоящее время все более расширяется, постольку для историков становится неотложной задачей овладение методикой формирования репрезентативных выборок. Репрезентативностью в этом случае называют свойство выборочной совокупности воспроизводить параметры генеральной совокупности. Генеральная совокупность — это множество социальных объектов, которые являются предметом изучения в пределах, очерченных задачами исторического исследования. Основная цель выборочного метода сводится к тому, чтобы, обследуя выборочную совокупность, можно было бы распространить полученные значения на всю генеральную совокупность. От правильного осуществления выборки массовых источников зависит достоверность окончательных выводов. К сожалению, как отмечается в литературе, некоторые исследователи до сих пор при изучении массовых источников, исходя из своих возможностей, берут то их количество, которое они в состоянии обработать, не обосновывая при этом степень репрезентативности выборки⁹⁹.

При выборочном изучении источников исследователь сталкивается с искусственными и естественными выборками¹⁰⁰. Искусственные выборки историк формирует сам из комплекса первичных массовых источников.

Репрезентативную искусственную выборку можно сформировать на основе методов, разработанных в математической статистике. Репрезентативной является выборка случайная, т. е. такая, при образовании которой каждый объект исследуемой совокупности имеет одинаковый шанс попасть в выборку. При этом объем выборочной совокупности должен быть достаточно большим, а единицы совокупности должны равномерно охватывать все однородные группы¹⁰¹.

При изучении разнородных по своему составу совокупностей наиболее эффективной, как показывают исследования, является типический случайная выборка¹⁰². Суть ее заключается в том, что вся исследуемая совокупность делится на сходные по определенным признакам части. Затем из каждой части уже случайным методом отбирают определенную группу объектов, на

⁹⁹ Славко Т. И. Указ. соч., с. 79.

¹⁰⁰ Массовые источники..., гл. 8. См. также: Деоник Д. В., Добров Г. М. и др. Количественные и машинные методы обработки исторической информации: Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. Москва. 16—23 августа 1970. М., 1969, с. 14.

¹⁰¹ Массовые источники..., с. 10; Славко Т. И. Указ. соч., с. 79.

¹⁰² Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С. и др. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии: (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969.

основе которой и ведется изучение всей совокупности. Основными условиями формирования случайных выборок, как считают И. Д. Ковальченко и Л. В. Разумов, является, во-первых, наличие массива первичных источников, во-вторых, четкое обоснование принципов и критериев выделения типических подсовокупностей¹⁰³.

Наряду с искусственными выборками, сформированными в соответствии с требованиями образования репрезентативных выборок, историк часто имеет дело с естественными выборками, которые характеризуют лишь часть генеральной совокупности. К сожалению, исследователи нередко оперируют этими естественными выборками без всякой проверки степени их репрезентативности, экстраполируя при этом полученные выводы на всю совокупность изучаемых объектов. Так, А. Г. Тартаковский замечает, что «по мере обращения историков к выборочному методу явился соблазн любые дошедшие до нас источники трактовать как „естественную“ выборку, которая приравнивается по ее свойствам к „случайной“ выборке»¹⁰⁴. Тенденции такого рода в исследовательской практике, к сожалению, как отмечает Л. В. Милов, усиливаются, компрометируя саму идею выборки и критериев ее репрезентативности¹⁰⁵. В методологическом плане, естественно, неверно приравнивать фиксацию в источнике того или иного факта и последующее сохранение источника к случайной выборке, даже если эту «естественную» выборку формировала своего рода жеребьевка времени¹⁰⁶. Не правы также и историки, которые вообще отрицают репрезентативность «естественных» выборок.

При изучении естественных выборок задача исследователя состоит, на наш взгляд, в том, чтобы проверить представительность сохранившихся данных. Методы установления репрезентативности естественных выборок пока еще мало разработаны, поэтому особого внимания заслуживают те из них, которые встречаются уже в источниковедческой практике. Так, И. Д. Ковальченко и Л. В. Разумов считают, что с помощью количественных методов можно установить, в какой мере случайным является варьирование того или иного признака в естественной выборке. Поскольку такое варьирование имеет место в случайных выборках, постольку выявление его может помочь решить вопрос о случайности естественной выборки, т. е. об уровне ее репрезентативности. При наличии нескольких естественных выборок можно, опираясь на количественные методы, определить, принадлежат ли они к одной генеральной совокупности или нет. Это

¹⁰³ Массовые источники..., с. 308.

¹⁰⁴ Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении, с. 64.

¹⁰⁵ Милов Л. В. Проблема репрезентативности в источниковедении, с. 73.

¹⁰⁶ См. подробнее об этом: Якубский В. А. Количественные методы и аграрная история барщинно-крепостнической Польши. — В кн.: Математические методы в исторических исследованиях, с. 222—224.

делается путем установления существенности или несущественности различий между выборками по соответствующим им признакам средних и дисперсий. При принадлежности естественных выборок к одной генеральной совокупности их можно объединить, после чего на основе сопоставления судить о степени их репрезентативности¹⁰⁷.

Наряду с количественными методами проверки репрезентативности естественных выборок большое значение имеют также традиционные приемы. Одним из них является сопоставление значения естественных выборок первичных сведений по тем или иным признакам со значениями этих признаков по полным сводным данным этого источника или с данными других источников. Методика такого сопоставления уже получила распространение в источниковедении¹⁰⁸.

Сопоставление позволяет установить равномерность охвата естественными выборками исследуемой совокупности, что является важным показателем их репрезентативности. Наконец, решить вопрос о степени репрезентативности естественных выборок помогает изучение истории возникновения комплекса частичных или неполных данных об исследуемых объектах.

Значительное место в исследовательской литературе уделяется методам установления достоверности массовых источников. Достоверность, полнота, точность массовых источников может проверяться как традиционными, так и математическими методами. Традиционная методика установления степени достоверности массовых источников, на наш взгляд, сводится, с одной стороны, к изучению происхождения источника, целей и программ его создания, выяснению техники сбора сведений, анализу факторов, влияющих на их точность и полноту. С другой стороны, достоверность массовых источников можно установить путем их сопоставления и содержательного анализа. При этом широкие перспективы для установления достоверности массовых источников открываются в связи с вовлечением в научный оборот первичных материалов.

При анализе достоверности массовых источников с помощью количественных методов можно выделить два случая их применения в зависимости от возможности или невозможности сопоставления источников.

Основные идеи математической проверки достоверности различных сопоставляемых между собой источников были выдвинуты еще в дореволюционной статистике¹⁰⁹. Суть этих идей заключается в том, что для определения степени достоверности источников надо установить уровень различий между их данны-

¹⁰⁷ Массовые источники..., с. 308—309. См. также: *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 274.

¹⁰⁸ *Иванова Р. М.* Материалы Крестьянского поземельного банка как источник...

¹⁰⁹ *Иванцов Д. Н.* К критике русской урожайной статистики: Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. М., 1915.

ми. Наличие тенденции к сглаживанию различий между данными разных источников будет свидетельствовать об общей их надежности. Практическое осуществление этого вполне возможно на основе корреляционного анализа данных массовых источников.

Корреляционный анализ представляет собой совокупность методов, которые предназначены для статистической интерпретации зависимостей между переменными величинами, в данном случае между показателями разных источников, взятых в динамике. В основе изменения корреляционной зависимости лежит представление о тесноте связей, под которой понимают степень сопряженности между показателями разных источников. Связь считается более тесной в том случае, когда каждому значению одного источника соответствуют близкие друг другу, тесно расположенные около своей условной средней величины значения другого источника.

В источниковедении уже накоплен положительный опыт применения корреляционного анализа для выяснения достоверности сравниваемых между собой массовых источников¹¹⁰. Однако корреляционный анализ дает возможность установить только общую достоверность разных источников, но не позволяет определить, данные какого источника являются более надежными при отсутствии сопряженности показателей разных источников.

В тех случаях, когда нет возможности сопоставлять источники, оценка достоверности их данных может быть осуществлена путем введения этих данных в систему связанных с ними других показателей, характеризующих изучаемый объект в целом.

Всякий процесс исторического развития имеет свою пространственную и временную структуры, т. е. его элементы находятся в определенном взаимодействии. В тех случаях, когда характер взаимосвязей между ними может быть выявлен на основе качественного, содержательного анализа, показатели, измеряющие эту взаимосвязь, могут дать ответ на вопрос о том, в какой мере имеющиеся данные, достоверность которых выясняется, «вписываются» в данную структуру. Тем самым, пишет И. Д. Ковальченко, может быть выявлена достоверность этих данных¹¹¹.

В последнее время большое внимание в источниковедении массовых источников уделяется методам получения так назы-

¹¹⁰ Виноградова Н. Русская урожайная статистика.— Вестн. статистики, 1925, кн. XXIII—XXIV; Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития.— Плановое хозяйство, 1927, № 7/8; Миронов Б. Н. Проверка надежности статистических данных в исторических исследованиях методами математической статистики.— Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974, т. 6; Пронин В. И. Сравнительный анализ динамических рядов урожайности в Сибири в XIX—начале XX в.— Изв. СО АН СССР, 1978, № 11, вып. 3.

¹¹¹ Массовые источники..., с. 269.

ваемой скрытой, т. е. непосредственно не выраженной, информации. В источниковедении в настоящее время ведущим становится системное восприятие массовых источников, поскольку эти источники содержат значительное число различных взаимосвязанных показателей, отражающих основные черты внутренней структуры исследуемых процессов. Системный подход к массовым источникам определяет основной путь получения скрытой информации. Во-первых, это — анализ взаимосвязей между различными непосредственно выраженными в источниках данными, отражающими взаимодействие отдельных сторон исторических процессов и явлений. Во-вторых, это — выявление основных факторов-показателей, определяющих внутреннюю суть этих процессов, выяснение их сравнительной роли и силы воздействия. Наконец, в-третьих, это — установление детальной картины распределения в анализируемом материале каждого показателя. Методы получения скрытой информации приводят к многократному увеличению возможностей массовых источников. Складывающийся информационный подход к источникам показывает, что эти возможности по существу безграничны ¹¹².

Вопрос о необходимости и возможности использования скрытой информации возник с момента вовлечения массовых источников в научный оборот. Основы для решения этой проблемы были заложены в трудах В. И. Ленина. Так, в исследованиях по социально-экономической истории он широко применял метод группировки, который можно вполне рассматривать как один из способов получения скрытой информации. В. И. Ленин отмечал, что при работе со статистическим материалом «группировка особенно необходима и с чисто теоретической точки зрения, для изучения состояния и развития промышленности, и для выделения в наличном материале сравнительно годных и негодных данных» ¹¹³.

В современной литературе значительное место уделяется анализу ленинской методики работы со статистическими источниками и рассматривается эффективность метода группировки первичного материала как средства увеличения информационных возможностей массовых источников. При этом подчеркивается, что главным является вопрос о принципах и критериях группировок ¹¹⁴. Как правило, в исследовательской практике в качестве критерия группировки берут один признак, без выяснения взаимосвязи между группами факторов. Чаще всего является средняя арифметическая для характеристики изучаемой совокупности. Однако если имеются очень большие колебания значений у изучаемого признака, то это оказывает сильное влияние на среднюю арифметическую, которая в этом случае

¹¹² Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации..., с. 45—46.

¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 33.

¹¹⁴ Массовые источники..., с. 59—83, 311.

будет неверно отражать качественное состояние явления. Совпадение арифметических средних еще не говорит также о том, что мы имеем дело с одинаковыми совокупностями, если за равными средними скрываются различные разбросы между минимальными и максимальными значениями¹¹⁵. Таким образом, группировка по одному определяющему признаку в некоторых условиях вполне допустима, но наиболее точное выделение различных групп может быть осуществлено только путем многомерной группировки, учитывающей важнейшие показатели о производстве. Методы многомерной классификации позволяют получать информацию, наиболее точно и всесторонне отражающую социально-экономические структуры. Однако практическая реализация такой многомерной классификации сопряжена с определенными трудностями при ее проведении¹¹⁶. Эти трудности возникают при отборе существенных группировочных признаков, определении интервалов для их значения и группировке объектов по совокупности этих признаков. Для многомерной группировки необходимо иметь значительный объем выборки первичных данных, чтобы получать устойчивые средние показатели.

Дальнейшее совершенствование методов группировки первичных массовых данных может идти по линии применения математических методов и ЭВМ.

Математические методы позволяют также выделять из совокупности показателей массовых источников наиболее существенные, которые полно выражают действие факторов-причин, отражающих суть социально-экономических процессов. С этой целью применяются методы факторного анализа. Факторный анализ позволяет сопоставлять в количественном отношении роль одновременно действующих сил и определить влияние каждой из них. Особое значение это имеет в тех случаях, когда историк сталкивается с массовыми источниками, содержащими значительное число показателей, а отбор их обычными методами содержательного анализа не позволяет установить наиболее существенные из них. Выделенные методами факторного анализа основные показатели могут быть взяты затем в качестве группировочных признаков, на основе которых можно проводить многомерную классификацию объектов¹¹⁷.

Методы многомерной классификации достаточно хорошо изучены и широко применяются в источниковедении и исторической науке в целом¹¹⁸.

¹¹⁵ См. подробнее: *Славко Т. И.* Указ. соч., с. 77—78.

¹¹⁶ Массовые источники..., с. 312.

¹¹⁷ Там же, с. 313.

¹¹⁸ *Жуковская В. М., Мучник И. Б.* Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М., 1976; *Кахк Ю. К.* Вопросу о типологии крестьянских хозяйств в Эстонии в начале XIX в. Таллин, 1975; *Ковальченко И. Д., Бородин Л. И.* Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.— История СССР, 1979, № 1.

Одним из эффективных средств изучения массовых источников являются методы корреляционного и регрессивного анализа. Массовые источники, отражающие социально-экономические системы, несут по содержанию структурную информацию. Структурный подход к массовым источникам предполагает изучение взаимосвязей между их показателями. Между показателями массовых источников существует два вида статистической зависимости: взаимозависимость между несколькими показателями и зависимость одного показателя от определенного набора других показателей. Содержательный анализ не дает возможности учесть всей суммы взаимосвязей и измерить их. Измерение взаимозависимости между несколькими показателями вполне осуществимо в рамках корреляционного анализа, а измерение и описание зависимости одного показателя от набора других — в рамках регрессивного анализа. Регрессивный анализ позволяет получать скрытую информацию, отражающую степень воздействия различных факторов на ту или иную сторону социально-экономического развития ¹¹⁹.

В современных исследованиях наряду с этими относительно простыми способами количественного анализа применяются более сложные математические методы. Так, Т. Ф. Изметьева предлагает целый ряд новых методов нетривиальной обработки данных массовых источников о ценах ¹²⁰. В свое время много нового в методологию и методику анализа источников о ценах как показателе глубинных процессов формирования всероссийского рынка внесла работа И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова ¹²¹. В этой работе методика анализа цен была основана на современных методах математической обработки временных рядов и содержала, помимо использовавшихся ранее приемов, проверку значимости коэффициентов корреляции, анализ скоростей изменений функций, проверку случайности выделенных после исключения тренда колебаний с помощью коэффициентов автокорреляции. Т. Ф. Изметьева на основе этой методики дает сравнительный анализ временных трендов и случайных колебаний цен. Для выявления временных трендов, пишет она, необходимо было найти такую функцию, которая достаточно хорошо описывала бы изменения во времени фактических значений временного ряда. Распространенным методом нахождения подобных функций (выравнивания ряда) является метод наименьших квадратов. Этот метод предполагает априорный подбор вида функций. Анализ исходных рядов показал, что в большинстве случаев парабола второго порядка обеспечивает наилучшее приближение при выравнивании рассматриваемых рядов цен. С помощью методов выравнивания фактических значений вре-

¹¹⁹ Массовые источники..., с. 83—87, 269—271, 313—316, 337—344.

¹²⁰ Там же, с. 402—406.

¹²¹ Ковальченко И. Д., Милова Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974.

менных рядов можно получить из массовых источников скрытую информацию об уровнях цен, стабильности этих уровней, динамике цен и стабильности процессов их изменения¹²².

Подводя итоги разработки теоретических и методических проблем источниковедения массовых источников, можно сделать некоторые выводы и наметить ряд исследовательских перспектив.

Источниковедение массовых источников является одним из разделов источниковедения вообще. Предметом источниковедения массовых источников являются закономерности отражения ими исторического процесса и закономерности получения информации из этих источников. В источниковедении массовых источников можно выделить по содержанию две группы проблем. Одни из них носят теоретико-методологический, другие — методически-прикладной характер.

Узловыми теоретическими вопросами являются определения категории массовых источников, принципов их классификации и задач изучения.

На наш взгляд, весьма перспективным является рассмотрение массовых источников как одного из видов источников письменных. Этот вид характеризуется наличием комплекса источников, имеющих более или менее устойчивый формуляр, содержащих однородную информацию, находящуюся в определенном структурном соответствии, и отражающих массовые процессы и явления.

В основу классификации массовых источников может быть положена специфика их природы, под которой мы понимаем происхождение, целевое назначение и структуру содержания. Природа источников наиболее полно находит свое выражение в способе кодирования информации. Исходя из специфики природы массовых источников, их можно разделить на три разновидности: массовая документация; статистические материалы; переписи и обследования. Такая классификация массовых источников позволяет, на наш взгляд, вырабатывать общие методологические принципы извлечения информации из массовых источников в целом и создавать методические рекомендации использования их разновидностей в ходе исследовательской практики.

При определении задач источниковедческого исследования массовых источников, по-видимому, следует исходить из того, что современная наука изучает исторические источники, с одной стороны, в системе «источник — объект», а с другой — в системе «источник — исследователь». В целом задачи источниковедческого исследования массовых источников можно свести, во-первых, к вопросам выявления и формирования однородных комплексов этих источников; во-вторых, к установлению их ин-

¹²² Массовые источники..., с. 402—406.

формативных возможностей; в-третьих, к разработке методов получения информации из источников.

Особенности формирования комплексов массовых источников состоят в том, что они позволяют вести выборочное их изучение в отличие от уникальных источников, при исследовании которых анализу подлежит каждая единица наблюдения. Задача выборочного изучения массовых источников состоит, в первую очередь, в определении степени репрезентативности выборочной совокупности по отношению ко всему комплексу массовых источников.

В изучении принципов и методов формирования искусственных выборок уже заметны определенные результаты, но методика установления степени репрезентативности естественных выборок еще не исследована должным образом.

Информационные возможности массовых источников устанавливаются путем выяснения степени репрезентативности содержащейся в них информации относительно изучаемой реальной действительности. Эта задача может быть успешно решена только в результате сложной аналитико-синтетической деятельности историков. Ее решение предполагает, во-первых, изучение происхождения, целевого назначения и истории формуляра массовых источников (внешняя критика); во-вторых, интерпретацию понятий и систем измерений, содержащихся в источниках (истолкование); в-третьих, установление полноты информации, т. е. того, насколько данные источника в структурном отношении охватывают отражаемый объект; выяснение достоверности этих данных путем сопоставления разных источников или путем выяснения степени вписывания этих данных в общую структуру информации массовых источников; наконец, изучение специфики кодирования информации (внутренняя критика).

Установление таким образом информационных возможностей массовых источников позволяет, на наш взгляд, разрабатывать и адекватную методику получения информации из них. Массовые источники содержат как непосредственно выраженную, так и скрытую информацию. Традиционные методы ориентированы главным образом на получение информации первого рода. Для извлечения скрытой или структурной информации в настоящее время широко используются математические методы. При этом математические методы не изменяют, а лишь дополняют и совершенствуют инструментарий изучения массовых источников. Успешное применение и математических и традиционных методов зависит в первую очередь от методологического их обоснования.

Одной из актуальных задач источниковедения массовых источников является специальное исследование границ и возможностей математических методов, а также задач, которые можно решать с их помощью. Ощущается острая необходимость в работах, которые освещали бы методологию и методику применения математических методов и доводили бы эти принципы

до уровня, понятного историку, не имеющему специального математического образования. Это создаст благоприятную возможность для научного сотрудничества между историками и математиками. Важно также в конкретно-исторических работах хотя бы вкратце излагать суть методики изучения массовых источников. Без этого невозможно проследить правомерность применения той или иной методики, а также трудно установить достоверность содержания интерпретации полученных с ее помощью результатов.

В целом изучение теоретических и методических проблем необходимо теснее связывать с задачами практической работы над массовыми источниками в ходе исторического исследования.

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗАРУБЕЖНЫЕ АДРЕСА В. И. ЛЕНИНА И ИСТОЧНИКИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Л. Л. Муравьева

Имя и дело В. И. Ленина близки и дороги всему советскому народу, всем прогрессивным людям нашей планеты, а потому сохраняется постоянный интерес к тем местам, где он жил и работал во имя светлого будущего трудящихся. Знакомство с ленинскими адресами воскрешает многие моменты революционного прошлого, раздвигает круг представлений о деятельности великого вождя и его ближайших сподвижников, которые вместе с ним создавали партию коммунистов.

Сбор и обобщение источников, содержащих сведения обо всех ленинских адресах, — постоянная и актуальная задача историков. В этой области уже много сделано, но научный поиск, направленный на расширение и уточнение картины ленинских памятных мест, продолжается.

Время торопит. Осталось мало людей, лично знавших Ленина. Минуло свыше 100 лет со дня рождения Владимира Ильича и около 60 лет после его смерти. Позади остались две мировые войны. Планы многих городов первой четверти XX в. в СССР и за рубежом значительно отличаются от тех, которые мы видим сегодня. Это в основном заново отстроенные города, в ряде случаев в них переименованы улицы, изменена нумерация домов, а многие из них вообще исчезли, уступив место новым. Это создает проблему более строгого учета и регистрации сохранности и современного состояния ленинских исторических мест.

Места, связанные с главными событиями в жизни нашего народа, с развитием общества и государства, являются, согласно закону «Об охране и использовании памятников истории и культуры», который принят Верховным Советом СССР в 1976 г., — историческими памятниками¹. Наша партия и правительство уделяют особое и постоянное внимание увековечению мест, где жил и работал Ленин. Около 500 из них взяты под охрану го-

¹ Ведомости Верхов. Совета СССР, 1976, № 44, ст. 1.

сударства. В настоящее время известно более 200 городов и других географических пунктов, связанных с жизнью и деятельностью Ленина в СССР и за границей². Во многих из них открыты музеи и установлены мемориальные доски.

Основная часть жизни Владимира Ильича прошла в нашей стране, но почти 15 лет он провел за ее пределами — в эмиграции. Ленин жил или бывал в 12 зарубежных странах: Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Дании, Италии, Польше, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции.

Годы, прожитые в эмиграции, отражают кипучую деятельность Ленина как создателя и вождя Коммунистической партии, руководителя рабочего движения в России, его принципиальную и непримиримую борьбу против ревизионизма и оппортунизма, работу по развитию марксистской теории. Это время, когда закладывались основы идеологии, политики и организации нашей партии, происходило становление и развитие большевизма. Это время героических дней и повседневного подвига, жизни, полной трудностей, огромного нервного напряжения и скитаний. Там, где был Владимир Ильич, находилась и заграничная база нашей партии. Так было с момента создания общерусской марксистской газеты «Искра» и вплоть до начала апреля 1917 г. «Заграничная база, — писал он в 1910 г., — необходима и неизбежна для партии, которая действует в таких условиях, как наша»³.

Естественно поэтому, что изучение ленинских зарубежных адресов и событий, связанных с ними, имеет большое научное и воспитательное значение. Проблема эта нашла отражение во многих трудах советских и зарубежных авторов⁴, однако гово-

² Красная звезда, 1979, 19 мая; Кислик Д. С., Манбекова С. У. Ленинские места: (Сопроводительный текст к карте-схеме). М., 1977, с. 3.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 232.

⁴ *Donah F.* Lenin in Leipzig. Berlin, 1955; *Фарнер К.* Ленинские места в Швейцарии: Пер. с нем. М., 1957; *Пианзола М.* Ленин в Швейцарии: Пер. с нем. М., 1958; *Штреб К.* Ленин в Германии. Пер. с нем. М., 1959; *Семенов В. М.* По Ленинским местам в Лондоне. М., 1960; *Серадский Ю.* Польские годы Ленина. М., 1966; *Кудряцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтanova И. И.* Ленин в Женеве: Женевские адреса Ленина. М., 1967; *Неллидов Н. В., Барцгуов П. В.* Ленинская школа в Лонджомо. М., 1967; *Lenin suomalaisten muistelmisse: Toimittanut Tuure Leben.* Helsinki, 1969; *Фревилль Ж.* Ленин в Париже: Пер. с фр. М., 1969; Когда Ленин жил в Париже: Альбом. Пер. с фр. М., 1969; *Rothstein A.* Lenin in Britain. London, 1970; *Адамчевский Я.* Польские дни Ленина. Варшава, 1970; *Арсеньев Ю. М.* Ленин и социал-демократическая эмиграция 1900—1904 гг. М., 1971; *Koudriavtsev A., Mouravieva L., Sivolar-Kaftanova I.* Séjours de Lénine en Suisse. Genève, 1971; *Каганова Р. Ю.* Ленин во Франции. М., 1972; *Кудряцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтanova И. И.* Ленин в Берне и Цюрихе: Памятные места. М., 1972; *Московский П. В., Семенов В. Г.* Ленин в Швеции. М., 1972; *Бернов Ю., Манусевич А.* Ленин в Кракове. М., 1972; *Зазерский Е., Любарский А.* Ленин: Эмиграция и Россия. М., 1975; *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтanova И. И.* Ленин в Мюнхене: Памятные места. М., 1976; *Московский П. В., Семенов В. Г.* Ленин в Финляндии: Памятные

рять о полном ее исследовании преждевременно. Необходимы дальнейшие научные изыскания, привлечение широкого и разнообразного материала, использование опубликованных и архивных источников различных жанров и видов. Важным аспектом развития научного уровня поиска является источниковедческая постановка проблемы. Настоящая статья имеет целью выявить и систематизировать круг источников изучения памятных мест, связанных с пребыванием Ленина в эмиграции, определить их роль в раскрытии отдельных сторон и фактов биографии Владимира Ильича. Это первая попытка подобного рода. В статье обобщается накопленный опыт изысканий о памятных адресах в Англии, Германии и Швейцарии, где Ленин прожил в общей сложности около 10 лет. Это время — с 1895 г. (первый выезд за границу) по 1917 г. (возвращение в революционную Россию). В названных трех странах установлено и уточнено более 300 адресов, представляющих собой широкий комплекс памятных мест.

Источники изучения ленинских адресов времени эмиграции могут быть распределены на несколько основных групп. Ни одна из них отдельно не дает полной информации о предмете исследования и содержит только определенные характерные для нее сведения, которые необходимо сопоставить и суммировать.

На первом месте среди источников стоит литературное и эпистолярное наследие Ленина и переписка семьи Ульяновых. Затем идут историко-партийные документы дооктябрьского периода, воспоминания и письма современников Ленина, в том числе зарубежных. Значительную помощь исследователю оказывают беседы и консультации с людьми, работавшими или встречавшимися с Лениным. Весьма результативным оказалось обращение к вспомогательной группе источников, относящихся в основном к местным материалам. Они включают документацию муниципалитетов, библиотек, полицейской администрации, планы, адресные книги городов, старые фотографии и т. д. Ценные сведения содержат местные газеты времени эмиграции Ленина. В работе по изучению ленинских адресов, конечно, необходимо личное посещение исследователями памятных мест (с описанием и указанием их сохранности).

В руках исследователей сейчас появился такой надежный научный путеводитель, как многотомное издание Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Биографическая хроника В. И. Ленина, в котором «год за годом, по дням, а иногда и по часам прослеживается весь его жизненный путь»⁵. Это издание явилось результатом большой работы по изучению жизни и дея-

места. М., 1977; *Hitzehr Fr. Lenin in München*. München, 1977; Музей Ленина: Справочник. Финляндия — Тампере, б. г.; *Муравьева Л. Л., Сиволан-Кафтанова И. И.* Ленин в Лондоне: Памятные места. М., 1981; и др.

⁵ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1970, т. 1, с. V.

тельности В. И. Ленина, которая развернулась в связи с подготовкой его Полного собрания сочинений.

В ленинских произведениях и письмах есть прямые указания на многие адреса и в них широко освещается география мест эмиграции. В вышедших тогда отдельными книгами работах Ленина сообщается о городе и годе их первого издания, названии типографии, где они печатались, и ее адресе. Так, на обложке книги «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» имеются выходные данные: Штутгарт, 1902, Издательство И. Дитца⁶; на обложке брошюры «К деревенской бедноте» — Женева, 1903, Типография Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, улица Каролин, 27⁷; на обложке книги «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» — Женева, 1904, Типография Партии, улица Кулуверньер, 27⁸; на обложке книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции» — Женева, 1905, Типография Партии, улица Коллин, 3⁹.

Опубликованные в Полном собрании сочинений письма В. И. Ленина информируют нас об адресах квартир Владимира Ильича и его товарищей, местах партийных изданий, выступлений, явок, адресов для связи с Россией и др. Во многих случаях пребывание Ленина за рубежом устанавливается по месяцам и дням благодаря письмам, выясняются условия и обстановка его жизни и работы там. В письме Ленина от 7 декабря 1900 г. появился такой адрес: «Herrn Georg Rittmeyer: Kaiserstraße 53. o. München (внутри: für Meyer)»¹⁰. В целях конспирации Ленин использовал более 160 псевдонимов¹¹, в том числе Мейер. В конце мая — начале июня 1901 г. с квартиры, снимаемой Владимиром Ильичем в Мюнхене по Зигфридштрассе, 14, было послано местное письмо в типографию газеты «Искра», которое впервые подписано псевдонимом Ленин¹². Потом, в декабре того же года, этот псевдоним был использован при издании первых глав его работы «Аграрный вопрос и „критики“ Маркса» (опубликованных в журнале «Заря» у Дитца в Штутгарте).

Живя в Мюнхене, Владимир Ильич иногда вел переписку через Штутгарт, где печаталась легальная партийная литература. В апреле 1901 г. он пишет К.-Я. Брантингу: «Мой адрес: Herrn J. H. W. Dietz Verlag. Furthbächstr. 12. Stuttgart. На внут-

⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 1—2.

⁷ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, т. 1. Вклейка между с. 52—53.

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8. Вклейка между с. 186—187.

⁹ Там же, т. 11. Вклейка между с. 2—3.

¹⁰ Там же, т. 46, с. 72.

¹¹ *Шахновская Н.* Тулин, Ильин, Карпов... О псевдонимах В. И. Ленина.—*Полит. самообразование*, 1980, № 2, с. 37.

¹² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 106. По данным ленинского письма от 19 мая 1901 г. Ульяновы уже переехали тогда на эту квартиру в районе Швабинг (Там же, т. 55, с. 208).

реннем конверте: An die Redaktion der Morgenröte — für Herrn Petroff»¹³. В его письме из Мюнхена в Лондон, написанном весной 1902 г., указан адрес английской типографии Социал-демократической федерации, где потом печаталась «Искра»: «37 A. Clerkenwell Green. London. E. C.»¹⁴. Потом постоянным местом жительства семьи Ульяновых в Лондоне был район Пентонвилл, Холфорд-сквер, 30, где Владимир Ильич прописался под псевдонимом Якоб Рихтер. Впервые данный адрес упомянут в апреле 1902 г. в ленинском письме директору Британского музея¹⁵. В другом письме Ленина этого периода, направленном в Женеву в феврале 1903 г. товарищам по революционной борьбе, сообщался лондонский адрес — Грэнвилл-сквер, 26, Кингс кросс роуд, по которому можно было обращаться по всем организационно-административным делам «Искры». (Здесь снимал квартиру один из членов искровской организации Л. Г. Дейч.)¹⁶

В 1905 г. перед отъездом в революционную Россию Ленин извещал последний раз своих адресатов: «Мой адрес: Rue de la Colline. 3. Genève, но с обязательной надписью *на самом конверте*: личное В. И. Ульянову»¹⁷. Это был тогда официальный адрес ЦК РСДРП. В июне 1913 г. в письме из Польши А. М. Горькому Владимир Ильич писал, что он на лето переехал в Поронин (около Закопане) «лечить жену» и вскоре собирается в Берн, где ей предстоит операция¹⁸. В Берне задержались до августа и Ленин послал в газету «Правда» свой бернский адрес: Гезельшафтштрассе, 4¹⁹. Телеграмма, посланная за его подписью в августе 1914 г. на имя директора краковской полиции, свидетельствует, что Владимир Ильич «жил два года в Кракове, в Звежинце и 51 ул. Любомирского»²⁰. В одном из поронинских писем в Стокгольм от июля 1914 г. сообщается: «Мой прежний адрес, имеющийся во многих печатных документах Международного социалистического бюро: Oulianoff. 4. Rue Marie Rose. Paris. (XIV)»²¹. В октябре 1914 г. В. А. Карпинский получил письмо В. И. Ленина, в котором тот просил организовать для него в Женеве чтение реферата «Европейская война и европейский социализм», а ответ сообщить «на адрес Mr. Ryvline. Villa Rougemont. Chailly sur Lausanne. Для меня»²². В одном из краковских писем Ленин предлагал товарищам свой новый домашний адрес для явки. В этом же письме

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 95.

¹⁴ Там же, с. 178.

¹⁵ См.: Там же, т. 6, с. 450—451.

¹⁶ См.: Там же, т. 46, с. 268.

¹⁷ Там же, т. 55, с. 237.

¹⁸ Там же, т. 48, с. 198.

¹⁹ См.: Там же, с. 201.

²⁰ Там же, т. 49, с. 2.

²¹ Там же, т. 48, с. 327—328.

²² Там же, т. 49, с. 10.

он сделал зарисовки плана пути от железнодорожного вокзала к дому, где он снимал квартиру. В 1912 г. Ульяновы снимали квартиру в доме, который находился в 15 минутах ходьбы от Краковского вокзала — на улице Любомирского, 47 (первый этаж)²³.

В подготовительных материалах к работам Ленина находятся конспекты, библиографические подборки, свидетельствующие об углубленном изучении им в эмиграции литературы и библиотечных каталогов разных книжных хранилищ. В ленинских «Тетрадах по аграрному вопросу» упоминается библиотека Британского музея в Лондоне²⁴. Так называемые «Тетради по империализму» (более 20 тетрадей, заметок и конспектов) составляют около 50 печатных листов. В этой работе использовано 148 книг и 232 статьи (в 49 изданиях) на разных языках. На основании ленинских «Тетрадей» и других материалов, в частности, можно сделать точный вывод, что Владимир Ильич пользовался книгами из фондов швейцарских библиотек — Лозанны, Невшателя, Фрибурга, Цюриха²⁵.

Составленные Лениным списки книг показывают, что он знал многие библиотеки Швейцарии, о посещении им которых нет прямых данных. Известен список книг, которые Ленин брал в Королевской библиотеке Стокгольма, находясь там короткое время в 1910 г.²⁶ Более 40 книг были взяты им на заметку из библиотек Лозанны, в частности, библиотеки одного из ее крупных высших учебных заведений. Владимир Ильич пометил для памяти: «Всякая просьба о высылке книг должна быть адресована непосредственно и в письменной форме в „Швейцарскую центральную библиотеку коммерческого образования“. Бывший университет, площ. Девант, в Лозанне...»²⁷. Находясь в Цюрихе, Ленин внимательно прочитал печатный каталог бернской Национальной библиотеки, составил список заинтересовавших его книг и сделал при этом такие пометки: «ср. „Каталог свободной городской библиотеки в Базеле“. 1915» и «Запросить в Аарау: Кантональную библиотеку: нельзя ли получать книги на дом? (и к а т а л о г?)»²⁸. В Биохронике В. И. Ленина помещен обширный список книг, использованных Владимиром Ильичем в разное время²⁹. Обращает внимание опубликованный в XXXVIII-м Ленинском сборнике конспект, составленный Лениным в 1900—

²³ Там же, т. 48, с. 85.

²⁴ См.: Ленин В. И. Тетради по аграрному вопросу, 1900—1916 г. М., 1969, с. 329.

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 520—521; т. 28, с. 250, 737; т. 49, с. 79, 297; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1972, т. 3, с. 342, 508, 509, 551.

²⁶ См.: Ленинский сборник XXV, с. 307—308.

²⁷ Ленинский сборник XXII, с. 49.

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 207—208; Ленинский сборник XXX, с. 267, 271.

²⁹ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, т. 1, с. 348, 366, 367, 382 и др.

1902 гг. В нем записано содержание четырех выпусков «Новой Рейнской газеты», выходившей под редакцией К. Маркса, и отмечено, что «в Мюнхенской библиотеке переплетено вместе четыре выпуска...»³⁰. Установлен шифр книг из Баварской королевской (ныне государственной) библиотеки.

В другом Ленинском сборнике приведены адрес и план пути к «даче Цунделя», начертанный рукой Ленина. Составители предполагали, что это место рабочего собрания или митинга³¹. Оно относится ко времени Штутгартского конгресса (август 1907 г.). Владимир Ильич называл здесь адрес К. Цеткин, знакомство с которой у него произошло в дни VII Международного социалистического конгресса. Цеткин несколько лет жила в Штутгарте, но ее адреса нет в адресных книгах города. Она находилась тогда в Вильгельмсгёе на даче художника Ф. Цунделя, адресами которого пользовалась еще в 1901—1902 гг. редакция «Искры». В записных книжках Крупской этот адрес упоминается так: «Г-жа Цеткин, Вильгельмсхёе, почтовое отделение Дагерлох, Штутгарт»³². Здесь также бывал Ленин³³.

Подписанное 20 февраля 1904 г. Лениным «Положение о библиотеке и архиве при ЦК РСДРП» напоминает сегодня об открытии в Женеве в августе того же года Центральной русской библиотеки, разместившейся по адресу: улица Каруж, 91. Эта библиотека располагала большими собраниями; в ее фонды поступали 118 газет и журналов на 16 языках, различные редкие политические издания. Владимир Ильич передал в женевскую библиотеку более 400 книг по аграрному вопросу, статистике, праву и другим темам³⁴. К весне 1905 г. в ее хранилищах насчитывалось 4760 томов книг и около 2000 партийных документов.

Среди историко-партийных источников, привлекаемых для определения ленинских адресов, следует упомянуть печатные органы «Искра», «Заря», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ», «Коммунист», «Рабочая газета», а также протоколы партийных съездов, переписку членов редакций партийных органов и т. д. Они содержат разную информацию. Адрес типографии «Искры» в Женеве был указан в Приложении к № 48 газеты (15 сентября 1903 г.). Она обосновалась тогда в одном из городских зданий, арендуемых русской революционной эмиграцией, по улице Кулувренье, 27³⁵. Еще ранее в № 9 газеты редакция дала следующее объявление об адресе сношений с ней из-за границы: «По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с „Искрой“ людям, попадающим за грани-

³⁰ Ленинский сборник XXXVIII, с. 13; XXXII, с. 10.

³¹ См.: Ленинский сборник XXV. М., 1933, с. 295—296. В Биохронике В. И. Ленина (т. 2, с. 346) этот факт не упоминается.

³² Исторический архив, 1959, № 3, с. 37.

³³ Незабываемый Ленин: (Воспоминания немецких товарищей). Пер. с нем. М., 1958, с. 29—33.

³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 530—531; т. 11, с. 569.

³⁵ Искра. Л., 1929, вып. 7.

цу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штутгарте... Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте»³⁶. Выходные данные научно-политического журнала «Заря» содержали сведения о том, что он издается в Штутгарте у Дитца³⁷. На обложках отдельных публикаций полных текстов протоколов II и III съездов РСДРП указаны адреса типографий партии (Женева, улица Кулувренье, 27³⁸; Женева, Quai Cheval Blanc, 6³⁹), материалов Пражской конференции РСДРП — адреса кооперативной типографии «Идеал» (110, Avenue d'Orleans (XIV), Париж⁴⁰), «Рабочей газеты», которая печаталась в кооперативной типографии «Союз» (50, Boulevard Arago, Paris). В № 1 этой газеты от имени редакции предлагался «адрес для простой, денежной и заказной корреспонденции из-за границы: Mr. Oulianoff, 4 rue Marie Rose. Paris XIV»⁴¹.

Большой интерес представляют документы, связанные с ленинскими выступлениями в различных местах и аудиториях с рефератами и докладами. Годы эмиграции Ленина прошли в активной полемической и пропагандистской деятельности, но не все его выступления еще учтены; о некоторых из них мы знаем по косвенным сообщениям. Прямое свидетельство о выступлениях Ленина дают афиши — объявления о рефератах, отпечатанные в местных типографиях. Некоторые из них опубликованы, другие хранятся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. В них указывается имя докладчика и тема его выступления, название организации, снимающей помещение для собрания, адрес и место этого собрания, дата, час и цена за вход⁴². Иногда в объявлении давался вопросник к содержанию предлагаемого реферата. Такое объявление, например, можно было прочесть на улицах Парижа 13 июня 1912 г. В нем извещалось, что в этот день, приходящийся на четверг, ровно в 8¹/₂ час. вечера состоится реферат Ленина на тему «Революционный подъем российского пролетариата». Объявление было дано от имени Парижской секции Заграничной организации РСДРП и напечатано в кооперативной типографии «Идеал», расположенной по Rue Vavin, 14. Первый из семи вопросов темы названного реферата касался Ленских событий, Первого мая в России, массовых стачек и их роли, второй — закономерности революционного подъема и его пред-

³⁶ Искра. Л., 1926, вып. 2, с. 45.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 23.

³⁸ Второй съезд РСДРП. Июль—август 1903 года: Протоколы. М., 1959, с. 2.

³⁹ Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Женеве, с. 118.

⁴⁰ Каганова Р. Ю. Указ. соч., с. 85.

⁴¹ Когда Ленин жил в Париже, с. 109.

⁴² Исторический архив, 1955, № 2, с. 8, 10, 12; Каганова Р. Ю. Указ. соч., с. 168—169, 403—405, 411—415.

течи и перспектив и т. д.⁴³ Объявления обладают особой окраской информации о событии, фиксируя конкретное место действия и его аудиторию и т. п. Это те сведения, которые чаще всего устанавливаются только по воспоминаниям современников.

Значительный объем сведений о ленинских адресах содержит публикация переписки В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими комитетами и группами в России в 1900—1903 гг.⁴⁴ Как известно, Русская организация «Искры» складывалась под руководством Ленина через «социалистическую почту». Центр ее находился там, где были Ленин и заграничный центр партии. Это — Мюнхен — Лондон — Женева. Архив «Искры» красочно рассказывает о сложном механизме опасной и трудной работы по налаживанию «социалистической почты», включая формирование обширной сети адресов для связей и явок в Германии, Англии, Швейцарии и других странах, используемых искровскими агентами и корреспондентами. Переписка повествует о полных риска действиях «искровцев» и сочувствующих им, их именах и псевдонимах, паролях и кличках для связи, о фамилиях людей, предоставивших свои квартиры и адреса для сношений с Россией, маршрутах пересылки почты, нелегальной литературы и т. д. Наиболее показателен в этом отношении материал времени мюнхенской эмиграции Ленина. Тогда во многих городах Германии сложилась особая система адресов и явочных квартир представителей русских групп содействия «Искре» и прежде всего немецких социал-демократов, проявивших братскую солидарность и оказавших прямое содействие в налаживании «социалистической почты». Эта система продолжала в основном действовать и тогда, когда мюнхенская часть редакции «Искры» переехала в Лондон. Ее адреса существовали в Берлине, Гамбурге, Кёнигсберге, Лейпциге, Нюрнберге, Штутгарте. Она охватывала также Женеву, Марсель, Прагу, Цюрих и другие города вне Германии.

Основным местом, своего рода опорной базой сосредоточения транспорта нелегальной литературы, переправляемой через границу в Россию, в мюнхенский период деятельности организации «Искры» был Берлин. Не случайно, что в агентурных донесениях царской полиции Берлин был определен вначале как «центр партии», действующей в подпольных условиях за границей⁴⁵. В этом городе успешно работала берлинская группа содействия «Искре». Ее возглавлял врач М. Г. Вечеслов. Ленин называл его «нашим представителем в Берлине»⁴⁶. Берлинская квартира Вечеслова по Английской улице, 27 (III) Шарлотенбурга была тес-

⁴³ Когда Ленин жил в Париже, с. 206. В этом альбоме см. объявления и о других ленинских рефератах.

⁴⁴ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, 1900—1903 гг. М., 1969—1970, т. 1—3 (далее: Переписка...).

⁴⁵ Красный архив, 1934, № 1 (62), с. 141.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 92.

но связана перепиской с мюнхенской частью редакции «Искры», сюда регулярно поступали искровские издания для переправки в Россию. Здесь часто можно было видеть товарищей, приехавших за границу на нелегальную работу, или гонцов с родины, занятых доставкой революционной литературы в Россию. Одним из ключей для связи с Вечесловым были слова «Heinrich, Schickt», т. е. «Генрих, присылай»⁴⁷.

«Переписка» свидетельствует об активном участии в работе берлинской группы содействия «Искре» сестры Ленина А. И. Ульяновой-Елизаровой. Она жила тогда под фамилией Бланк в Берлине у фрау К. Андерс по Зальцведелерштрассе, 8, и этот адрес значится в почте искровской корреспонденции⁴⁸. Любая корреспонденция, посылаемая подпольной Россией в различные города Германии по адресам немецких товарищей К. Андерс, Р. Бекен, Я. Бетш, А. Рёслер, Ф. Цундель, Х. Шнейдер и многих других, отсылалась последними на мюнхенские адреса докторов медицины К. Лемана и М. Блей и нюрнбергский адрес сигарного мастера Ф. Рёгнера, которые потом передавали ее в редакцию «Искры»⁴⁹. Квартиры Лемана (по Габельсбергерштрассе, 20а) и Рёгнера (по Нойгассе, 44) особенно широко и постоянно использовались для нелегальной работы РСДРП, и Ленин отзывался об адресах этих квартир, как о наиболее надежных⁵⁰.

В лондонский и женеvский периоды эмиграции Ленина появились дополнительные адреса квартир для связей с городами-корреспондентами. В «Переписке...» с 1902 г. упоминаются, наряду с некоторыми старыми, новые адреса как немецких, так и английских граждан. В Лондоне, как и Мюнхене, одна из квартир служила своеобразным центром, куда стекалась многочисленная корреспонденция, перед тем как поступить в распоряжение членов редакции и лично Ленина. Это была квартира врача А. Р. Хазеля. Он был сборщиком присланных из России писем у жителей Лондона, значившихся в переписке под № 7, 8, 9⁵¹.

Материал о ленинских адресах за рубежом содержится в партийной переписке и последующих лет вплоть до 1917 г., включая письма к В. И. Ленину, и других документах, например, редакций ЦО РСДРП, хранящихся в ЦПА ИМЛ. В них мы находим сведения, касающиеся некоторых малоизвестных фактов и отдельных сторон жизни Владимира Ильича и связанных с ней событий в русской эмигрантской колонии. Вот некоторые из них.

⁴⁷ Переписка..., т. 1, с. 53, 54, 60, 72.

⁴⁸ Там же, с. 451.

⁴⁹ Там же, с. 43, 44, 57, 61, 64, 66, 88, 92, 102, 188, 231, 245—247, 302, 317, 341, 384, 407, 417, 420, 427, 463, 501, 545 и др.

⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 44, 47, 92, 127, 128, 133.

⁵¹ Переписка... т. 2, с. 220, 290, 438, 441; т. 3, с. 111, 143, 185, 300, 313, 392, 402, 406, 505, 510, 578, 598 и др.

Постоянным местом встреч и совещаний русских социал-демократов в Женеве было кафе «Ландольт» по улице Кандоль, 2. Интересно одно письмо Г. В. Плеханова, написанное им Ленину 3 ноября 1903 г. Он просил встретиться в кафе и обсудить вопросы, которые появились в связи с расколом после II съезда РСДРП⁵².

Из письма Г. В. Плеханова от мая 1902 г. узнаем адрес Л. И. Аксельрод в Берне — Брунматтштрассе, 30⁵³. На этой квартире в июне 1903 г. Ленин встречался с членами группы содействия «Искре» и сочувствующими ей русскими рабочими-эмигрантами, работавшими на бернских предприятиях. Выясняется адрес секретаря Лозаннской секции большевиков М. И. Мовшовича. Он жил с семьей на окраине Лозанны в районе Шайи, снимая комнату дома «Биоглио»⁵⁴. Мовшович занимался сапожным ремеслом, и его небольшая мастерская служила во время первой мировой войны местом конспиративных встреч. У него останавливался Владимир Ильич, когда приезжал для чтения рефератов.

Переехав во время войны в Берн, Ульяновы одно время снимали квартиру в районе Ленггассе по Дистельвег, 11. В этом районе находились квартиры почти всей бернской группы большевиков, которые каждый день виделись, заходили друг к другу. Открытую для друзей квартиру на Дистельвег, 11 посещали особенно часто. Все вместе встречали тут 1915 год. Сохранилось приглашение для встречи Нового года за подписью Крупской, которое было послано в Женеву⁵⁵. Удалось установить по письмам адреса одних из самых близких товарищей Ульяновых — В. М. Каспарова, поселившегося в районе Ленггассе по Вальдхаймштрассе, 84 (третий этаж), и И. Ф. Арманд, снимавшей квартиру совсем рядом — на Дроссельвег, 23⁵⁶. Стало известно, что на Дистельвег, 11 поступали письма к Ленину от А. М. Коллонтай из Христиании (Осло), от С. Г. Буачидзе из Софии, от С. И. Гопнер из Парижа, от М. В. Кобецкого из Копенгагена, от М. М. Литвинова из Лондона⁵⁷.

Письма тех лет позволяют установить место заседаний конференции заграничных секций РСДРП, которая была созвана по инициативе Ленина в конце февраля 1915 г. в Берне. Она проходила в кафе «Швейцербунд», расположенном по Ленггассштрассе, 44. Здесь Владимир Ильич выступал с докладом по основному вопросу повестки дня конференции «Война и задачи партии»⁵⁸. Уже 12 марта с Дистельвег, 11 ушло письмо к

⁵² Ленинский сборник VII, с. 205.

⁵³ Ленинский сборник IV, с. 100.

⁵⁴ Ленинский сборник XI, с. 210.

⁵⁵ Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Берне и Цюрихе, с. 39.

⁵⁶ Ленинский сборник XI, с. 131.

⁵⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 565, 567, 568, 570, 575.

⁵⁸ Пролетарская революция, 1925, № 5 (40), с. 182.

А. Г. Шляпникову, в котором Н. К. Крупская передавала, что скоро будут высланы «резюльюции Бернской конференции заграничных секций»⁵⁹. (Они потом были опубликованы в газете «Социал-демократ» и пересланы в Россию).

Лето 1915 г. Ульяновы провели в местечке Зёренберг под Берном. Обострилась базедова болезнь у Надежды Константиновны, и врачи рекомендовали выехать в горы. Переписка свидетельствует, что Ульяновы остановились тогда в отеле «Мариенталь»⁶⁰, куда приезжали товарищи. Здесь Ленин написал ряд крупных работ («Крах II Интернационала», «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и др.), готовился к Циммервальдской конференции. Владимир Ильич приехал в Циммервальд прямо из Зёренберга.

Обнаружено следующее приглашение Ф. Платтена, посланное В. И. Ленину 14 ноября 1916 г.: «Дорогой товарищ! Настоящим приглашаем Вас принять участие в совещании, которое состоится в понедельник 20 ноября в 9½ часов вечера в клубе «Eintracht». Будут обсуждаться политические события и дальнейшая деятельность партии. Приглашены товарищи Нобс, Мюнценберг, д[октор] Шмид, Ленин, Бартоль, Мимиола, Харитонов и Бронский»⁶¹. Ресторан «Айнтрахт» принадлежал Социалистическому просветительскому союзу. В этом здании располагался цюрихский Интернациональный клуб, его адрес — Неймаркт, 5—7. Когда Ленин в 1916—1917 гг. жил в Цюрихе, он часто приходил туда.

Привлекают внимание архивные документы, связанные с отчетами по организации выступлений Ленина, счета типографий, расписки их владельцев за печатание партийных изданий, афиш о ленинских рефератах и т. п. В «Отчете по клубным собраниям для рабочих», помещенном на оборотной стороне бланка газеты «Пролетарий», читаем: «...реферат Ленина („Религия и рабочая партия“.— Л. М.)

приход за вход — 24 fr. 80 с.

расход: афиши — 5 fr.

зал — 20 fr.

доплачено — 0,8 fr.»⁶².

В соответствии с расписками владельца женевской типографии Кузьмы Ляхощкого уточняется, что здесь набирался текст ЦО РСДРП — «Социал-демократа» (№ 33—38, 43—46, 56)⁶³. (Он издавался также в Берне в типографии Бентели.) В делах Исполнительной комиссии по возвращению политэмигрантов в Россию имеется адрес ее секретаря С. Ю. Багоцкого — Цюрих,

⁵⁹ Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Берне и Цюрихе, с. 49.

⁶⁰ Там же, с. 191.

⁶¹ Там же.

⁶² Каганова Р. Ю. Указ. соч., с. 187.

⁶³ Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Берне и Цюрихе, с. 228.

Клюзштрассе, 30⁶⁴. По этому адресу Владимир Ильич справлялся о продвижении дел с его отъездом на родину. Выявлен домашний адрес Ф. Платтена (Ротахштрассе, 23) — секретаря Швейцарской социал-демократической партии, с которым Ленин был близко связан по партийным вопросам и особенно весной 1917 г. — в период подготовки и самого выезда из Швейцарии⁶⁵. Не исключено, что Владимир Ильич заходил к нему на квартиру.

Значительно дополняет картину жизни и работы Ленина в эмиграции переписка семьи Ульяновых. Находясь вдали от родины, Ленин постоянно держал своих близких в курсе текущих дел, всех своих переездов и мест, где он находил убежище в вынужденных скитаниях. Письма сохранились не все, они небольшие, но за их скупыми строками приоткрываются некоторые подробности условий эмигрантской жизни. В апреле 1902 г. Ленин послал письмо в Берлин до востребования, адресат которого обозначался условно буквами В. Р. У. Оно предназначалось сестре Анне Ильиничне, которую Владимир Ильич извещал о дате своего отъезда из Мюнхена, сообщал новый адрес в Лондоне и подтверждал адрес доктора К. Лемана для связи⁶⁶. Анна Ильинична не получила этого письма, так как его перехватила русская охранка. По сообщению заведующего берлинской агентурой русского департамента полиции было известно (апрель 1902 г.), что *«наблюдавшим за Елизаровой агентам недавно удалось узнать, под какими буквами она получает письма post restante и один из них сумел вчера получить адресованное ей письмо Ленина»*⁶⁷.

Письма к родным рассказывают и о швейцарском маршруте путешествия Владимира Ильича и Надежды Константиновны летом 1904 г., и о работе Ленина в женеvской библиотеке «Общества любителей чтения», которую он называл своим «клубом», и о приезде осенью 1908 г. в Женеву на ленинскую квартиру по Марэше, 61 Марии Ильиничны, которая поселилась, по словам Владимира Ильича, «на нашей лестнице, этажом выше», и о новом бернском адресе Ленина (Зейденвег, 4а), poslanном им в октябре 1915 г. матери Марии Александровне, и о просьбе Ленина к Дмитрию Ильичу послать на мюнхенский адрес доктора К. Лемана несколько экземпляров книги «Развитие капитализма в России», и о материальных затруднениях у Ленина, в частности, во время жизни в Цюрихе и т. д.⁶⁸

Большую помощь для воссоздания обстановки, в которой жил и работал Владимир Ильич в эмиграции, оказывают воспоминания старейших деятелей нашей партии, русских и зарубежных современников. Особое место среди них, конечно, принадле-

⁶⁴ Там же, с. 85.

⁶⁵ См.: Ленинский сборник XI, с. 196.

⁶⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 220.

⁶⁷ Ленинский сборник III, с. 293.

⁶⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 235, 245, 259, 361, 365, 366, 368, 432 и др.

жит воспоминаниям жены и соратника Ленина Надежды Константиновны Крупской. Следует упомянуть о существовании записей современников о встречах с Лениным, сделанных ими непосредственно во время описываемых событий. К таким источникам относится, например, дневник финского социал-демократа К. Вийка, посвященный пребыванию Владимира Ильича в Гельсингфорсе в период его последнего подполья. (Сейчас оригинал дневника находится в Архиве рабочего движения в Стокгольме, а в ИМЛ имеется копия.)⁶⁹

В настоящее время исследователь располагает рядом крупных изданий, в которых объединены воедино богатые мемуарные материалы о Ленине. Многие, о чем они повествуют, носит уникальный характер. В свое время М. И. Ульянова провела большую работу по сбору воспоминаний старых большевиков, касающихся специально рефератов Ленина, и установила около 40 не известных ранее ленинских выступлений за рубежом⁷⁰. Значение слова современника о событиях далеких от нас лет, связанных с именем Ленина, непреходяще. В основе своей воспоминания вполне достоверны. Конечно, в памяти тех, кто писал воспоминания по прошествии десятилетий, возможно некоторое смещение событий и фактов во времени. Эти неточности выявляются и уточняются сопоставлением различных источников. Так, Г. Л. Шкловский называл ленинскую квартиру в Берне в 1913 г. на ул. Зейденвег без указания номера дома⁷¹. Согласно письму Ленина, он остановился тогда на короткое время по Гезельшафтштрассе. Адрес Зейденвег, 4а упоминается в письме Н. К. Крупской М. А. Ульяновой, датированном октябрем 1915 г.⁷²

Мемуарный материал богат информацией о ленинских зарубежных адресах. Мы представляем часто только по воспоминаниям облик ленинских квартир и общую атмосферу обстановки тех мест, где он жил в эмиграции. Вот лишь некоторые короткие зарисовки из воспоминаний, связанных с женевским периодом эмиграции.

Сегодня уже не существует женевского дома по Фуайе, 10. Имеется только его фотография и записи о нем Крупской и товарищей, бывавших там в 1903 г. Надежда Константиновна писала: «В Женеве мы поселились в пригороде, в рабочем поселке Sèchèron, — целый домишко заняли: внизу большая кухня с каменным полом, наверху три маленькие комнатухи. Кухня у нас была и приемной. Недостаток мебели пополнялся ящиками из-под книг и посуды»⁷³. Ц. С. Бобровская (Зеликсон) дополняет эту запись, отмечая, что Ульяновы жили в дачке «наверху, куда вела деревянная лесенка. Внизу была большая кухня с

⁶⁹ Соловьев А. А. Новое пополнение Ленинианы. — Коммунист, 1974, № 16, с. 54; Московский П. В., Семенов В. Г. Ленин в Финляндии, с. 114—116.

⁷⁰ Исторический архив, 1955, № 2, с. 3.

⁷¹ Шкловский Г. Из моих воспоминаний. — Зап. Ин-та Ленина, 1927, т. 1, с. 117.

⁷² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 201; т. 55, с. 453.

⁷³ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 74.

плитой, на которой на случай прихода гостей постоянно кипел большой эмалированный чайник. В небольшой комнате рядом помещалась вечно озабоченная незатейливым хозяйством Елизавета Васильевна... Здесь же, на кухне, в иные дни, когда приходили сразу несколько человек, Владимир Ильич принимал гостей, потому что „апартаменты“ наверху были слишком тесны, в верхних комнатах мебелировка состояла из простых столов, заваленных журналами, рукописями, газетными вырезками. По стенам полки с книгами. В каждой комнате койка, прикрытая пледом, и пара стульев»⁷⁴.

Будучи в первую и вторую эмиграцию в Женеве, Ленин много и упорно трудился в библиотеке Общества любителей чтения, расположенной в центре города по Гран-рю, 11. В 1908 г. он работал здесь над книгой «Материализм и эмпириокритицизм». Возникает живая картина его работы, когда читаешь другие строки воспоминаний Крупской: «Служащий «Société de lecture» был свидетелем того, как раненько каждое утро приходил русский революционер в подвернутых от грязи на швейцарский манер дешевеньких брюках, которые он забывал отвернуть, брал оставленную со вчерашнего дня книгу..., садился на привычное место к столику у окна», иногда только вставал, чтобы взять с полки большой словарь, «а потом ходил все взад и вперед и, сев к столу, что-то быстро и сосредоточенно писал мелким почерком на четвертушках бумаги». В этом Обществе, по словам Надежды Константиновны, «была громадная библиотека и прекрасные условия для работы»⁷⁵.

Согласно воспоминаниям Надежды Константиновны «в Женеве большевистский центр гнезился на углу знаменитой, населенной русскими эмигрантами „Каружки“ (Rue de Carouge) и набережной реки Арвы. Тут помещалась редакция „Вперед“, экспедиция, большевистская столовка Лепешинских»⁷⁶. Столовая на Каруж являлась партийным центром жизни большевиков в 1903—1905 гг. О. Б. Лепешинская, жившая легально в Женеве как студентка Лозаннского университета, в своих записях об этом времени отмечала: «У нас возникла мысль открыть столовую, используя ее не только для прокормления нашей семьи, но и как источник пополнения партийной кассы, а также как партийный клуб»⁷⁷. Там часто можно было видеть В. Д. Бонч-Бруевича, В. В. Воровского, С. И. Гусева, С. И. Загорского, Р. С. Землячку, Л. Б. Красина, Ф. В. Ленгника, М. Н. Лядова, А. В. Луначарского, В. П. Ногина, М. С. Ольминского, Л. А. Фотиеву и, конечно, Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Соратники Ленина сохранили в памяти разные моменты,

⁷⁴ Бобровская (Зеликсон) Ц. Записки подпольщика, 1894—1917. М., 1957, с. 49.

⁷⁵ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 92, 94.

⁷⁶ Там же, с. 104.

⁷⁷ Лепешинская О. Встречи с Ильичем: (Воспоминания старой большевички). М., 1966, с. 29.

связанные с ним, встречи и беседы в этом месте⁷⁸. В столовой Лепешинских Ленин вел занятия по изучению Программы и Устава РСДРП, трудов Маркса и Энгельса, западноевропейского рабочего движения. Эти занятия проходили при участии революционеров других стран. Е. Кырклийская помнит, что «русскую столовую» посещали поляки, чехи⁷⁹.

Воспоминаниям современников принадлежит особая роль в установлении мест и описания обстановки, в которой проходили выступления Ленина за рубежом. Так, немецкий революционер Р. Зиверт указывает на ленинский доклад, сделанный от имени РСДРП в марте 1908 г. на интернациональном митинге в женеvском клубе «Международного рабочего движения» (Террасьер, 44). Доклад был посвящен дню Парижской коммуны⁸⁰. М. Филия называет студенческое общество на улице Вуазан, где в октябре 1915 г. Владимир Ильич выступил на закрытом партийном собрании с рефератом о первой Международной социалистической конференции в Циммервальде⁸¹. Память современника отражает сложные условия собраний политических эмигрантов в залах Женевы и других европейских городов, в которых приходилось выступать Ленину, остроту полемики с идейными противниками, требующей большого нервного напряжения, в частности, атмосферу шовинизма некоторой части русской эмиграции в период первой мировой войны, силу воздействия живого ленинского слова на аудиторию⁸².

Новые сведения о зарубежных ленинских адресах приносит исследователю и сегодняшний день.

Интересно предположение Э. Лонге, внука К. Маркса, о месте встречи Ленина во время его первого выезда за границу с П. Лафаргом в 1895 г. Этим памятным местом является, очевидно, предместье Парижа «Le Regneux». Он сообщил эти данные в 1948 г. в беседе с сотрудницей ИМЛ при ЦК КПСС И. А. Бах⁸³.

Интервью с мюнхенцем Г. Кайзером, взятое у него местной газетой в 1960 г., позволило определить адрес мюнхенской квартиры Ленина в мае 1901 г. — Шляйсхаймерштрассе, 106. Г. Кайзер был хозяином квартиры, где Ульяновы — Иордановы снимали комнату в мюнхенскую эмиграцию⁸⁴.

Во время нашей работы над материалами о памятных местах пребывания Ленина в Швейцарии удалось встретиться и полу-

⁷⁸ См., например: *Фотиева Л.* Из жизни В. И. Ленина. М., 1967, с. 11—12.

⁷⁹ О Ленине: Воспоминания зарубежных современников. М., 1966, с. 13, 15.

⁸⁰ Там же, с. 90.

⁸¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1960, ч. 3, с. 129.

⁸² См., например: *Фотиева Л.* Из жизни В. И. Ленина, с. 21; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956, ч. 1, с. 228, 229, 249, 317, 459; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти т. М., 1969, т. 5, с. 9.

⁸³ *Казанова Р. Ю.* Указ. соч., с. 325.

⁸⁴ Подробнее об этом см.: По ленинским адресам в Швейцарии. — *Вопр. истории КПСС*, 1969, № 7, с. 119—120.

чить полезные консультации по собранному материалу у В. А. Карпинского, О. Б. Лепешинской, Л. А. Фотиевой и др. Они подтвердили достоверность некоторых старых и современных фотографий мест, связанных с жизнью и деятельностью Владимира Ильича. Это имело особенное значение в отношении снимков тех зданий, которые были разрушены, снесены, перестроены или изменили нумерацию, например женевских фотографий дома № 3 по Давид Дюфур, где Ленин жил в 1904—1905 гг.; дома № 9 (бывш. № 6) по набережной Шваль Блан, в котором располагалась типография «Пролетария»; дома № 7 по Юго де Сенже, где находились библиотека и архив РСДРП, квартиры Карпинского.

На письменный запрос в дирекцию Народного дома в Цюрихе был получен ответ (в январе 1960 г.), подтвердивший участие Ленина в годы эмиграции во многих собраниях швейцарских рабочих, проходивших в этом доме. Здесь находилось Центральное правление социалистической партии⁸⁵, где Владимир Ильич встречался с лидерами швейцарской социал-демократии.

Записана беседа с жителем Женевы — доктором наук А. Берну, который поделился воспоминаниями о встречах с Лениным в библиотеке Общества любителей чтения⁸⁶. В беседе, проведенной в марте 1966 г. с сотрудником Польского представительства при Европейском отделении ООН в Женеве Ф. Р. Немира, установлен адрес женевского Клуба польской социал-демократической эмиграции — Каруж, 99. Здесь неоднократно бывал Ленин, принимавший участие в собраниях польской эмиграции, где выступал, встречался с Розой Люксембург. Академик Б. М. Кедров сообщил адрес (Мульденштрассе, 57, III) бернской квартиры своего отца — старого большевика М. С. Кедрова.

В семье бывшего секретаря бернской группы большевиков Г. Л. Шкловского помнят частые посещения Владимира Ильича в годы первой мировой войны их квартиры по Фалькенвег, 9 (беседа с Л. Г. Шкловской). По рассказам, которые хранят швейцарцы о Ленине, авторы книг о пребывании Владимира Ильича в их стране вводят в литературу сообщение о его поездке осенью 1915 г. в Базель с чтением реферата «Военное положение и будущее России». Местом выступления названо принадлежащее одному из рабочих союзов кафе Иоганнитергейм (Санкт-Иоган-Форштадт, 38). Ленин выступил тогда перед студентами и русскими рабочими-эмигрантами. Называется адрес квартиры, где он останавливался в Базеле (Гольбейнштрассе, 22), и отмечено посещение им базельской художественной галереи (Санкт-Альбен-Грабен, 16)⁸⁷.

Крестьянин Форне из швейцарской деревни Пюнду (станция Шебр, район Лозанны) при встрече в 1966 г. поделился сведения-

⁸⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 368, 371—372.

⁸⁶ Новое время, 1960, № 18, с. 22.

⁸⁷ Пианзола М. Указ. соч., с. 75—76; Фарнер К. Указ. соч., с. 64, 108.

ми об отдыхе в его доме, расположенном на окраине деревни, вблизи озера Лак де Бре, летом 1904 г. Ленина с женой. Эти сведения он получил от отца. Крупская писала: «Зима 1903—1904 гг. была исключительно тяжелая, нервы истрепались вконец... Горы выручили... Август мы прожили на Лак де Бре...»⁸⁸. Ульяновы отдыхали тогда в Пюиду с А. А. Богдановым, В. В. Воровским и др.

Встреча в 1968 г. с сыном хозяина бывшей цюрихской квартиры Ленина Титусом Каммерером позволила узнать некоторые новые подробности условий жизни Ленина по Шпигельгассе, 14. В комнате скромной квартиры сапожника Каммерера Владимира Ильича прожил более года, почти до самого отъезда в Россию. По решению Цюрихского муниципального совета на фасаде этого дома укреплен мемориальная доска с надписью: «Здесь жил Ленин, вождь русской революции». Т. Каммерер сообщил, что Ульяновы выехали на родину с Кульманштрассе, 10. В апреле 1917 г. семья Каммереров сняла по этому адресу новую квартиру, в которой, по словам Крупской, им пришлось жить «лишь пару дней»⁸⁹. Это новый ленинский адрес. Большую помощь в разысканиях лондонских адресов Ленина нам оказал председатель Общества англо-советской дружбы А. Ф. Ротштейн. Во время беседы с ним в 1978 г. многое удалось уточнить и получить новые сведения о пребывании Владимира Ильича Ленина в Лондоне. Отец А. Ф. Ротштейна академик Ф. А. Ротштейн, живший в начале 900-х годов в английской столице, был знаком с Лениным и часто там встречался с ним.

Воссоздание во всем объеме и полноте карты мест пребывания В. И. Ленина за рубежом необходимо предполагает привлечение местных материалов — справочных изданий и архивов городских муниципалитетов, библиотек, газет периода эмиграции Ленина. В числе источников муниципалитетов назовем домовые, коммерческие, адресные книги и планы городов начала XX в.

Домовые книги и подобная им документация, связанная с регистрацией места проживания, пропиской и выпиской горожан и приезжих, фамилий, профессий, рода занятий жителей и квартиронанимателей, позволяют выявить или уточнить многие сообщения о местожительстве Ленина, его товарищей и других лиц, с которыми Владимир Ильич встречался по партийным делам в годы эмиграции и др. Так, Бюро регистрации жителей Женевы и кантона располагает данными о прописке с 1894 г. по адресу Кандоль, 6 (второй этаж) жены Г. В. Плеханова Р. Боград (здесь состоялись первые встречи Ленина с Плехановым в 1895 г.); о найме квартиры литератором, приехавшим из России, — Владимиром Ульяновым 13 июня 1903 г. по Шмен приведу Фуайе, 10, Сешерон, сумме оплаты снимаемого помещения и окончания контракта на эту квартиру 1 июля 1904 г. (дом нуме-

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 500—501.

⁸⁹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 295.

рации не менял; в 1963 г. он снесен); об аренде с ноября 1903 г. Иосифом Блюменфельдом и «типографом» Владимиром Ульяновым помещения в типографии по Кулувренье, 29 (речь идет о попытке Ленина самостоятельно издать печатный орган большинства после разрыва с меньшевистской «Искрой»); о прописке с 5 июля 1904 г. по Каруж, 91 литератора Владимира Ульянова, переехавшего с Коллин, 3, и о соответствующих счетах; о существовании «пансиона Лепешинских» по Каруж, 93 (первый этаж) с сентября 1904 г. по 21 декабря 1905 г.; о прописке с 15 февраля 1912 г. по 1917 г. по Юго Сенже, 7 В. А. Карпинского (здесь часто останавливался Ленин) и т. д. Эти данные женевское Бюро предоставило в виде ответов на наши запросы или выписок из домовых книг⁹⁰.

Вот два их письменных ответа, полученных в 1957 г. Первый касается ленинской квартиры по де Дё-Пон, 17. Он гласит: «На улице де Дё Пон, 17, антресоль, действительно проживала г-жа Розин Купфер — вдова со своим слепым сыном... Одна из четырех комнат квартиры регулярно сдавалась нанимателю... Наш агент по переписи был у г-жи Купфер 27 мая 1908 г. Этим числом г-н В. И. Ульянов уже нанял квартиру на улице Марэше. Из этого можно заключить, что он прожил у г-жи Купфер лишь короткое время, между началом года... и 18 апреля 1908 г. Его пребывание здесь все же было отмечено в домовой книге: «Г-н Владимир Ульянов, улица Марэше, 61». В графе «Прежнее местожительство» было помечено «Рю де Дё Пон, 17».

Второе письмо подтверждало адрес женевского зала «Хандверк», где выступали Ленин и другие большевики с рефератами. В нем отмечено: «Что касается пивной Хандверк на улице Вье-Биар, где часто собирались социалисты того времени, то можем Вам подтвердить, что здание, о котором идет речь, это то, которое находится на углу улицы Вье-Биар и авеню дю Май. В настоящее время оно ремонтируется, так что по внешнему виду не соответствует тому зданию, которое стояло в начале века. Нам удалось удостовериться, что по этому же адресу существовали «Общество русских студентов» с 15.XII.1898 г. и «Коммунистический кооперативный союз», который там находился с 5.I.1904 г.».

Бюро дало справки и об изменениях ряда названий интересующих нас улиц и нумерации домов, о сносе и перестройке по плану реконструкции города некоторых памятных нам зданий и т. п.⁹¹ Подобные сведения удалось получить в муниципалитетах Берна и Парижа⁹².

Имеются данные домовых книг о местожительстве Ленина в

⁹⁰ Эти материалы переданы в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.

⁹¹ Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Женеве, с. 21, 44, 87, 96, 98, 111, 156, 158.

⁹² Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Берне и Цюрихе, с. 22, 31; Каганова Р. Ю. Указ. соч., с. 39.

Кракове летом 1912 г. по улице Звезинец⁹³. Ульяновы приехали в Краков из Парижа, чтобы быть ближе к «Питеру», где наблюдался подъем революционного движения. В книгах регистрации проживавших в начале XX в. в отеле «Бэрен» швейцарской деревни Кинталь сохранились росписи гостей — участников Международной социалистической конференции 1916 г., в том числе Ленина⁹⁴.

Коммерческие книги швейцарских городов содержали справочные сведения о различных городских предприятиях и заведениях. Они обновлялись каждый год. Согласно коммерческим книгам Женевы начала XX в. (*Annuaire de commerce Genevois*) в здании, где печатались «Искра» и ленинская книга «Шаг вперед, два шага назад», располагалась «типография женевских рабочих» (Кулувреньер, 27); одно из мест заседаний Совета партии — кафе «Симон» — имело адрес Каруж, 15; клуб Международного рабочего союза «Трайбер», где слушали на митинге речь Ленина в 1908 г., помещался на Террасьер, 44; студенческое общество «Зофинг», где на партийном собрании выступал Ленин в 1915 г., располагалось по Вуазан, 6 и т. д.⁹⁵ По женевским коммерческим книгам 1900—1905 гг. был уточнен адрес пансиона для иностранцев, где временно останавливался Ленин после приезда из Лондона весной 1903 г. В нем жили Н. Э. Бауман, В. В. Воровский, В. Д. Бонч-Бруевич и другие русские революционеры⁹⁶. А. И. Ульянова-Елизарова приводит сообщение Н. К. Крупской о пансионе «Борхард» на площади Плен-де-Пленпале⁹⁷. Но такого заведения в начале XX в., судя по справочным изданиям того времени, не было на этой площади. Бонч-Бруевич называет пансион «Морхард»⁹⁸. Коммерческие книги также дают название пансиона «Rene Morhard» по авеню дю Май, 15. Его содержала француженка мадам Рене, жена умершего немецкого социал-демократа, фамилия которого была Морхард⁹⁹.

В местных архивах Швейцарии и ФРГ хранятся городские адресные книги. Они выходили через год и фиксировали адреса, фамилии, состав семьи, профессии горожан, название заведений, которыми они владели, и т. д. («Adressbuch Stadt Bern», «Adressbuch von Nürnberg» или «Adressbuch von München»

⁹³ Адамчевский Я. Указ. соч., с. 12—13.

⁹⁴ Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Берне и Цюрихе, с. 154.

⁹⁵ Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Женеве, с. 48, 87, 178, 182.

⁹⁶ См.: Ленинский сборник VII, с. 87; В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 2, с. 267, 274; Ульянова-Елизарова А. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин): Краткий исторический очерк жизни и деятельности. М., 1934, с. 158—159.

⁹⁷ Ульянова-Елизарова А. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин): Краткий исторический очерк жизни и деятельности, с. 158—159.

⁹⁸ Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч.: Статьи и воспоминания, письма, 1895—1914 гг. М., 1961, т. 2, с. 267, 274.

⁹⁹ Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Женеве, с. 40; Вопр. истории КПСС, 1969, № 7, с. 118.

и др.). По этим книгам мы узнали адрес госпиталя в Берне (Фрейбургштрассе), где в 1913 г. оперировали Надежду Константиновну и ее ежедневно посещал Ленин; бернский адрес секретаря швейцарской социал-демократической партии Р. Гримма — Брейтенрейнштрассе, 37, где состоялась встреча с ним Ленина в сентябре 1914 г.; адрес швейцарского Союза печатников и его издательства, где печатались ленинские работы, выпускаемые «Бернер тагвахт» и «Форботе», — Капелленштрассе, 6; адрес Педагогического музея им. И. Г. Песталоцци в Цюрихе, в котором бывали Ленин и Крупская, — Церингерштрассе, 17¹⁰⁰; адрес квартиры и магазина сигарного мастера Ф. Рёгнера в Нюрнберге, широко использовавшийся редакцией «Искры» для связи с Россией, — Нойегассе, 44; адрес мюнхенской гостиницы «Цур Франкенбург», где иногда обедали Ульяновы, — Шляйхаймерштрассе, 108; адрес типографии «Мюнхенер пост», владельцем которой был М. Эрнст, — Зенефельдерштрассе, 4 (здесь печаталась «Искра» в 1901—1902 гг.); мюнхенский адрес заведующего типографией «Искры» И. Блюменфельда, снимавшего квартиру у немецкого подданного Д.-Г. Бухбиндера, — Шванталерштрассе, 44; адрес мюнхенской квартиры, где весной 1901 г. впервые встретились Ленин и Р. Люксембург, — Унгерерштрассе, 80; адрес «Лидерхале» — зала заседаний Международного социалистического конгресса II Интернационала в Штутгарте — Мелитерштрассе, 2 (ныне Берлинерплац, 1), в котором активное участие принял Ленин, и т. д.¹⁰¹

Разнообразный справочный материал о Лондоне и его жителях содержат выходившие в начале XX в. в Англии почтовые книги и указатели городских улиц типа: «The Post office London Directory», «Names of streets and places in the London» и т. п. С ними можно познакомиться в библиотеках Британского музея и зала Гильдий. По ним выверены известные в литературе и выявлены новые лондонские адреса, которые использовались в работе РСДРП¹⁰².

Путеводной нитью в изучении ленинских адресов служат планы городов. Сравнение старых и современных планов позволяет выявить связанные с реконструкцией городов изменения названий улиц, новое планирование целых районов и исчезновение некоторых улиц, переулков, кварталов, домов. Ряд наименований улиц и переулков упоминается только на старых планах городов. Кое-что утрачено навсегда. В настоящее время, например, полностью перестроен упомянутый выше рабочий район Сешерон в Женеве, и о доме по Фуайе, где жил Ленин, напоминает только фотоснимок 50-х годов. Таких примеров можно на-

¹⁰⁰ Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Берне и Цюрихе, с. 19, 28, 91, 143 и др.

¹⁰¹ Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Мюнхене, с. 18, 49, 74, 84, 106, 140, 148, 182 и др.

¹⁰² Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Лондоне.

звать много. Теперь некоторые фотографии памятных мест, связанных с пребыванием Ленина за рубежом, остаются единственным зримым свидетельством их существования в прошлом (при перестройке домов, где жил или работал Владимир Ильич, в частности в ГДР, на новых зданиях укрепляются мемориальные доски). Но и они иногда требуют проверки.

Упомянем случай, когда старый план Женевы помог установить истинную принадлежность одной из широко бытующих фотографий, привезенной в 20-х годах из Швейцарии соратниками Ленина. Эта фотография значилась в музеях и книгах, как снимок дома № 10 по Фуайе в Женеве, где Ленин жил в 1903—1904 гг. Нам удалось увидеть этот дом до того, как снесли квартал, где он находился. Дом № 10 оказался немного похож (тоже небольшой, двухэтажный, каким его описала Крупская), но все-таки это был другой дом, не тот, который изображен на снимке 20-х годов. Хотелось выяснить, не связан ли он с другим местом пребывания Ленина в Женеве. Сохранилось краткое упоминание швейцарских газет 1924 г. о снимавшейся Лениным в Женеве весной 1903 г. квартире по Коллин, 2. Было известно, что на этой улице в доме № 3 (угловой дом по Каруж-Коллин) располагалась экспедиция ЦК РСДРП. В домовый книге дома № 91 по Каруж 5 июля 1904 г. помечено: «Ульянов Владимир — прежнее местожительство Коллин, 3». Но указанные дома и весь ближайший квартал — это большие многоэтажные здания начала XX вв., существующие до сих пор без капитальной реконструкции. Затем был обнаружен старый план Женевы 1903 г. с предместьем Каруж и его улицами, соединявшимся с Женевой мостом через Арву и одноименной ему улицей. Сейчас это предместье в черте города. Здесь на маленькой улице, носившей тогда название Коллин, и был найден искомый дом. В наши дни эта улица имеет название Таннери, чтобы ее не путали с другой — известной нам женевской — Коллин. Фотография 20-х годов обрела новую легенду.

Всесторонний поиск материала о работе Ленина в библиотеках разных стран требует ознакомления с библиотечной документацией. Сейчас установлено, что Владимир Ильич работал в более чем 50 библиотеках мира, привлек при этом для написания своих произведений 16 тысяч различных источников на 20 языках¹⁰³.

Изучение библиотечной документации прошлых лет приводит к выявлению новых данных, например ленинских автографов, уточнению и расширению сведений, связанных с адресами и названиями библиотек, в которых трудился Ленин, с наименованием книг и периодики, проработанных Владимиром Ильичем в этих библиотеках, со временем и условиями использования им за границей тех или иных книжных хранилищ. В ряде зарубежных

¹⁰³ Голиков Г. Н. Летопись жизни В. И. Ленина.— *Вопр. истории*, 1974, № 4, с. 4.

библиотек обнаружены членские удостоверения или читательские билеты за подписью Ленина, его письма и заявления, рекомендации, данные ему в адрес администрации библиотек, библиотечные анкеты (с указанием местожительства читателя), книги регистрации посетителей читальных залов, карточки заказов на литературу, заполненные рукой Ленина, и т. д. Подобной документацией обладают, в частности, Баварская королевская (ныне государственная) библиотека, женевское Общество любителей чтения, библиотека Женевского университета, бернские Городская и Национальная библиотеки, цюрихские Кantonальная и Городская библиотеки, библиотеки Центра социальной литературы и Музейного общества, библиотека Британского музея, Национальная библиотека в Париже¹⁰⁴. Копии многих из этих материалов переданы в ИМЛ. Недавно получены два новых документа из Цюриха, датированные 1916 г. (копии входного билета читального зала библиотеки Музейного общества на имя Ленина и листа книги регистрации с его автографами), и один из Мюнхена, относящийся к 1902 г. (копия листа книги регистрации читального зала периодики Баварской библиотеки с автографом Ленина).

Думается, что находки такого рода предстоят и в будущем. Укажем, например, что в письмах из Лозанны, Базеля и Фрибурга, присланных в 1967 г. в ответ на соответствующие запросы Советского посольства в Швейцарии, нет прямых сведений о работе Ленина в библиотеках этих городов. Но директор библиотеки Базельского университета Г. Гребли сообщил, что в их распоряжении имеются журналы учета выдачи книг за 1914—1918 гг. и они могут предоставить их и интересующие нас книги советским представителям, а директор Kantonальной и Университетской библиотек Фрибурга Р. де Вийре — о приезде Ленина в город (с остановкой в «Отеле де Бёф» на Лозаннской улице) и о его встречах с заведующим канцелярии университета Вейрихом.

Местные газеты выпуска начала XX в. также содержат информацию о событиях, связанных непосредственно с Лениным и жизнью русской колонии. Составной частью этой информации является указание на место и конкретное время действия описываемых событий: о переездах Ленина и его выступлениях, о выходе в свет партийных изданий и собраниях, митингах русских политических эмигрантов с участием Владимира Ильича и т. д. Речь в основном идет о материале партийных органов европейских социал-демократических организаций.

¹⁰⁴ *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 132—136; *Пианзола М.* Указ. соч., с. 25, 37; *Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Женеве, с. 122—136, 143; *Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Берне и Цюрихе, с. 50—58, 157—171; *Шагинян М.* Четыре урока у Ленина. М., 1970, с. 103—165; *Фревилль Ж.* Указ. соч., с. 105, 186—187.

Владимир Ильич сотрудничал в целом ряде печатных органов разных социал-демократических партий, например швейцарской — «Бернер Тагвахт», Циммервальдской левой — «Форботе», польских — «Червоны Штандар», «Пшеглэнд социал-демократычны», немецкой — «Лейпцигер Фольксцайтунг» и т. д. В типографиях, принадлежащих им, набирался текст переводов ленинских статей, речей, заметок, материалов «Искры». В марте 1901 г. в «Ди Нойе Цайт» (№ 26) появилось сообщение о первом выпуске издательством И. Дитца в Штутгарте научно-теоретического журнала РСДРП «Заря» и его программе¹⁰⁵. 24 января 1905 г. «Трибюн де Женев» под заголовком «Русские в Женеве» рассказал на своих страницах о крупном митинге в зале «Хандверк»¹⁰⁶, в котором приняли участие большевики во главе с Лениным. Это событие в Женеве оказалось частью общего интернационального движения солидарности и протеста против кровавых злодеяний царизма, которое имело место в Швейцарии и многих других странах.

В воскресном утреннем выпуске краковской газеты «Час» 23 июня 1912 г. под рубрикой «Приехали в Краков» в списке остановившихся в гостинице «Виктория» по улице Звеженец, 6 первыми были указаны прибывшие из Парижа семья Ульяновых и Елизавета Крупская. Так уточняется время прибытия Ленина в Краков в 1912 г. и место его остановки в этом городе¹⁰⁷.

Издававшаяся русской политической эмиграцией в 1910—1914 гг. газета «Парижский вестник» освещала вопросы организации выступлений Ленина и других большевиков, печатала отчеты о прочтении ими рефератов в те годы. Так, по данным этой газеты в декабре 1910 г. в зале «Union Italienne», расположенной по rue de Bretagne, 49, проходил митинг, посвященный пятилетию декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. В числе ораторов упомянут Ленин. «Парижский вестник» № 3 за 1911 г. дал отчет о ленинском выступлении в Париже с рефератом «Л. Н. Толстой и русское общество»¹⁰⁸. День спустя, 19 января, Владимир Ильич писал об этом в Россию¹⁰⁹. В 1911 г. Ленин прочел в ряде европейских городов реферат «Столыпин и революция». В Париже он выступил 31 октября. В этот день «Парижский вестник» оповестил о ленинском реферате в «Salle des Sociétés Savantes» по rue Danton, 8. В афише, выпущенной тогда парижским кружком содействия «Рабочей газете», указывалось, что сбор от выступления пойдет «на издание социал-демократической предвыборной (в IV Думу) литературы»¹¹⁰.

Одной из постоянных тем выступлений Ленина в эмиграции была тема о Парижской коммуне. Реферат на эту тему он читал

¹⁰⁵ Социал-демократическое движение в России. М.; Л., 1928, т. 1, с. 363.

¹⁰⁶ La Tribune de Genève, 24.1.1905.

¹⁰⁷ Бернов Ю., Манусевич А. Ленин в Кракове, с. 19.

¹⁰⁸ Каганова Р. Ю. Указ. соч., с. 166, 172, 192, 193.

¹⁰⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 318—319.

¹¹⁰ Каганова Р. Ю. Указ. соч., с. 195, 196.

перед самым его выездом на родину в марте 1917 г. в крупном рабочем центре Швейцарии Шо-де-Фон. Местом выступления был рабочий клуб на улице Премье Марс, 15. Местная газета «Сентинель» 22 марта 1917 г. сообщала, что «по случаю праздника в ознаменование событий марта 1871 г., организованного социалистической партией и международным рабочим союзом, состоялось собрание. В празднике было представлено много русских и немецких товарищей. Русский товарищ Ленин, вождь левого русского течения, говорил на немецком языке о событиях 1871 г. и их значении»¹¹¹.

26 марта того же года газета «Фольксрехт» опубликовала объявление о реферате Ленина «Русская революция, ее значение и ее задачи», который намечался на следующий день в цюрихском Народном доме на Гельвеция-плац¹¹². Это было последнее ленинское выступление за рубежом.

Заклячая перечень местных источников о ленинских зарубежных адресах, отметим, что изыскания по этому вопросу следует, по возможности, расширять в европейских хранилищах. Правда, нам не все доступно, и прежде всего материалы полицейских управлений. Между тем там можно получить немало интересующих нас сведений. Так, в Нюрнберге нам дали справку об адресе-прописке с 1902 г. и о нелегальном проживании до этого года известного деятеля германской социал-демократии А Брауна, с которым Ленин встретился в сентябре 1900 г. по организационно-техническим вопросам издания за границей общерусской марксистской газеты, и об остановке Владимира Ильича в те дни у Ф. Рёгнера по Нойегассе, 44; в Штутгарте для нас сняли копию с полицейской докладной о некоторых членах организации «Искры», датированной апрелем 1901 г.; в Мюнхене — фото мемориальной доски по Кайзерштрассе и т. п.

В последние годы в ряде изданий Швейцарии и ФРГ появились ранее малоизвестные или неизвестные сообщения, связанные с местами и условиями пребывания Ленина в эмиграции. Газета «Роте Ревью» в апреле 1947 г. объявила сведения анкеты Ленина об отношении к воинской повинности, которая хранится в полицейском управлении г. Цюриха¹¹³. Затем К. Фарнер в своей книге о жизни и деятельности Ленина в Швейцарии опубликовал несколько фотокопий документов за подписями Ленина в это управление, относящихся к его пребыванию в Цюрихе в конце 1916 — начале 1917 г.¹¹⁴ В декабре 1965 г. в связи с завершением реконструкции Мюнхенского городского архива была устроена пресс-конференция, где были представлены документы полицейских дел о Ленине¹¹⁵. В истории г. Штутгарта

¹¹¹ La Sentinelle, 22.III.1917.

¹¹² Volksrecht, 26.III.1917.

¹¹³ Rote Revue, 4.IV.1947.

¹¹⁴ Фарнер К. Указ. соч., с. 66, 72, 73.

¹¹⁵ Ленин в Мюнхене. — Новое время, 1966, № 7, с. 5—7.

выпуска 1973 г. имеется упоминание о встрече Ленина и Дитца в апреле 1901 г. на Фуртбахштрассе, 12 (где издавалась тогда литература РСДРП) ¹¹⁶. Нуждаются в разъяснении кое-какие данные о памятных местах, связанных с Лениным и вошедших в некоторые путеводители и книги. Так, неизвестно, о каких конкретно документах Партийного архива Польши, свидетельствующих о работе Владимира Ильича в краковский период в читальне Народного университета им. Адама Мицкевича, и о некоторых других фактах идет речь в нашей печати ¹¹⁷.

Таким образом, намеченный в литературе круг источников для изучения зарубежных адресов В. И. Ленина довольно большой, он включает разнообразный и ценный материал, позволяющий расширить наши представления о жизни и деятельности Владимира Ильича в годы эмиграции. Ознакомление с зарубежными адресами и связанный с ними научный поиск обогащают знания читателя о времени, месте, обстановке, в которой проходила революционная деятельность Ленина, и тех, с которыми он работал в трудных и напряженных условиях нелегального пребывания вне родины, открывают интересные страницы классовой солидарности и прямой помощи иностранных рабочих и социал-демократов в налаживании издания за рубежом наших партийных органов и литературы, в проведении партийных съездов, в организации сети адресов и явочных квартир для сношений с Россией, развития связей с международным рабочим движением.

Вместе с тем здесь необходимо дальнейшее расширение источниковой базы исследований, обобщение и комплексное использование полученных данных источников для восстановления цельной и точной картины географии мест, связанных с пребыванием Ленина в европейских странах. Это позволит также повысить общий научный уровень работ, посвященных этой интересной теме в цикле Ленинианы. Это обследование далеко еще не закончено, здесь еще предстоит многое сделать.

¹¹⁶ Die Geschichte der Stadt. Stuttgart, 1973, S. 344.

¹¹⁷ Бернов Ю., Манусевич А. Указ. соч., с. 179.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРИКАЗЕ № 1 ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Г. И. Злоказов

История создания Приказа № 1, сыгравшего важную роль в революционизировании русской армии и укреплении позиций Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., довольно подробно рассмотрена в исторической литературе, особенно в работах В. И. Миллера и Ю. С. Токарева¹. Однако исследователи не использовали некоторые материалы, позволяющие более полно раскрыть участие солдатских масс в издании Приказа № 1, а также отношение к нему Временного комитета Государственной думы и соглашательского Исполкома Петроградского Совета. Ниже предпринимается попытка анализа этих материалов.

Известно, что Приказ № 1 явился ответной акцией Петроградского Совета на приказ председателя Государственной думы М. В. Родзянко от 27 февраля, преследовавший цель разъединить революционные массы, изолировать восставших солдат Петроградского гарнизона от рабочего класса. Обычно сведения о приказе М. В. Родзянко приводятся по воспоминаниям современников. Нам удалось обнаружить подлинник этого приказа, наглядно раскрывающего контрреволюционные намерения Временного комитета Государственной думы. Отпечатанный отдельной листовкой, он предписывал всем нижним чинам и воинским частям немедленно возвратиться в свои казармы. В свою очередь, офицерам следовало вернуться в свои части и принять меры «к водворению порядка». Командирам частей было приказано прибыть в Государственную думу для получения распоряжений к 11 часам утра 28 февраля². По воспоминаниям очевидца событий бундовца М. Рафеса, приказ Родзянко предписывал

¹ Миллер В. И. Начало демократизации старой армии в дни Февральской революции.— История СССР, 1966, № 6; Он же. Из истории приказа № 1 Петроградского Совета.— Военно-исторический журнал, 1966, № 2; Он же. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974; Токарев Ю. С. Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.— Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973, вып. 5; Он же. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976.

² Гос. музей Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде, ф. 2: (Фонд листовок), № 10771/1—2.

также, чтобы солдаты сдали оружие³, однако в подлинном тексте приказа прямо об этом ничего не сказано. Один из участников Февральской революции, член Союза офицеров-республиканцев Б. Любарский, вспоминая о событиях, писал, что попытки отобрать оружие у солдат, «загнать их обратно с улицы в казарму» вызвали отпор со стороны последних. Они начали разоружать офицеров, изгонять из частей тех из них, кто в прошлом измывался над солдатами, а также стали проводить выборы командиров, снискавших доверие солдатской массы, организовывать полковые и ротные комитеты, становившиеся органами солдатского самоуправления. По свидетельству Б. Любарского, на поведение солдат оказало также сильное влияние полученное 28 февраля 1917 г. сообщение о том, что на Петроград брошена карательная экспедиция генерала Н. И. Иванова с целью кровавого усмирения революционной столицы. «Это известие,— писал Б. Любарский,— быстро распространилось по Питеру, проникло в казармы, в солдатские массы и сразу заставило их насторожиться»⁴.

Приказ М. В. Родзянко вызвал также бурную реакцию депутатов Петроградского Совета, которые на пленуме Совета 28 февраля гневно осудили провокационную затею Думского комитета⁵. Такая реакция оказала воздействие и на соглашательский Исполком Совета, который был вынужден предпринять ответные меры с целью сохранить Петроградский гарнизон за Советом. Упоминание об этом имеется в выступлении Ю. М. Стеклова перед воинскими делегатами, посетившими Исполком 4 апреля. Он прямо отметил, что Приказ № 1 был ответом на «неудачный приказ Родзянко, предотвратив прямое столкновение солдат с офицерами», и добавил, что Приказ № 1 спас революцию. Признавая участие Исполкома Совета в издании Приказа № 1, Стеков одновременно пытался оправдать действия соглашателей в глазах буржуазных кругов, обвинявших Совет в том, что Приказ № 1 якобы вызвал разложение армии, подорвал воинскую дисциплину⁶.

³ Былое, 1922, № 19, с. 193.

⁴ Любарский Б. Приказ № 1: (По запискам).— Красная звезда, 1924, 12 марта. Несмотря на важность приводимых автором сведений, его мемуары в литературе не использовались и оставались малоизвестными. Между тем, как показывает их название, они писались не только по памяти, но и на основании имевшихся у автора записок, сделанных, очевидно, по следам событий. Это усиливает степень достоверности воспоминаний Б. Любарского. О его партийной принадлежности данных не обнаружено, но он находился в тесном контакте с эсерами в Союзе офицеров-республиканцев и, видимо, был близок к этой партии. Б. Любарский является также автором брошюры «Правда о Приказе № 1-ый», изданной в Петрограде в 1917 г. по поручению Исполкома Петроградского Совета. Брошюра носила агитационно-пропагандистский характер и в ней оправдывались действия Исполкома Совета.

⁵ Злоказов Г. И. О заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 28 февраля 1917 г.— В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966.

⁶ Гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства в Ленинграде (далее: ЦГАОРЛ), ф. 7384, оп. 9, д. 196а, л. 2 об.— 3. Реак-

О влиянии приказа Родзянко на события, связанные с изданием Приказа № 1, свидетельствует и «Справка о Приказе № 1», опубликованная соглашателями в июле 1917 г.⁷ В ней сказано, что предписание Родзянко вернуться в казармы породило среди солдат тревогу. Они опасались, что по возвращении в казармы могут оказаться арестованными и разоруженными. Однако авторы справки умалчивали о том мощном давлении, которое оказали на Исполком Совета сами солдаты, настаивавшие на закреплении завоеванных ими прав. По словам Б. Любарского, в Таврический дворец прибывали делегации от частей, требовавшие закрепить права солдат, санкционировать стихийно организовывшиеся солдатские комитеты, дать отпор реакционному офицерству⁸.

На взаимосвязь между приказом Родзянко и изданием Приказа № 1 указывал большевик А. Д. Садовский, принимавший непосредственное участие в его выработке. В своих воспоминаниях он писал: «В то время солдатская масса была взволнована вокруг приказа военной комиссии Государственной думы, который восстанавливал офицерскую власть в частях. Понятно, все это грозило солдатской восставшей массе репрессиями, и поэтому выступления солдат в Совете касались этого волнующего вопроса и было даже поручено Советом солдатам, выбранным в Исполнительный комитет, составить своего рода оповещение. Вначале это не называлось приказом, а оповещение или иначе как, но идущее в противовес приказу Государственной думы»⁹.

Говоря о позиции Исполкома Петроградского Совета в связи с Приказом № 1, Ю. С. Токарев правильно писал, что эсеро-меньшевики оказывали вынужденную поддержку революционной инициативе солдат Петроградского гарнизона. Соглашатели боялись сделок Думского комитета с царем в целях подавления революции. Они хотели склонить Комитет Думы к образованию буржуазного правительства, но опасались попыток установить

ционная военщина постоянно твердила о «деморализующем» влиянии Приказа № 1. Так, на чрезвычайном заседании совета «Военной лиги» совместно с представителями «Союза георгиевских кавалеров», «Офицерского союза добровольцев народной армии», «Союза личного примера», «Казачьего съезда», «Единения», «Батальонов смерти», «Чести родины и порядка» и других явно контрреволюционно-монархических организаций, происходившем 31 июля 1917 г., выступавшие офицеры яростно обрушивались на «инициаторов Приказа № 1, штатских людей, взявшихся за чужое им по духу и работе дело», и обвиняли их в том, что они довели армию до деморализации. Они приветствовали деятельность Л. Г. Корнилова на посту военного министра, называя его стойким борцом «за оздоровляющее начало в армии» (Армия и флот свободной России, 1917, 2 авг.).

⁷ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 23 июля.

⁸ Красная звезда, 1924, 12 марта.

⁹ Центральный партийный архив Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: ЦПА ИМЛ), ф. 124, оп. 1, д. 1699, ч. II, л. 268 об.; см. также: Там же, ч. III, л. 8.

безраздельную власть Временного комитета Государственной думы над гарнизоном Петрограда¹⁰.

В свете всего вышесказанного вполне можно сделать предположение о том, что эсеров-меньшевистское руководство Петроградского Совета, стремясь сделать буржуазных политиков сговорчивее, намеренно сообщило им о Приказе № 1 с опозданием. Такое предположение напрашивается при ознакомлении с воспоминаниями В. Н. Львова, занимавшего пост обер-прокурора Синода во Временном правительстве первого состава. Он писал, что о появлении Приказа № 1 Временному комитету Государственной думы стало известно только вечером 2 марта 1917 г., когда уже было образовано Временное правительство. О Приказе № 1 они узнали от члена Исполкома Совета Н. Д. Соколова, участвовавшего в его подготовке. Соколов настаивал на издании приказа от имени Временного правительства, но получил отказ от А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова. Однако фактически никакого согласия уже не требовалось. «Вскоре я узнал,— продолжал В. Н. Львов,— что в утро 2 марта Приказ № 1-й по постановлению Совета РД был уже отпечатан. Следовательно, Соколов явился к нам *post factum*»¹¹.

Ответственность Исполкома Петроградского Совета за появление Приказа № 1 признавал и Ю. М. Стеклов, занимавший в те дни видное положение в руководстве Совета. В связи с кампанией буржуазных кругов против Советов, поднятой после июльских событий, Стеклов обратился с письмом в редакцию газеты «Новая жизнь». Он отвергал свое авторство в создании Приказа № 1, так как, по его словам, был в это время занят переговорами с Временным комитетом Государственной думы по вопросу об образовании Временного правительства. Стеклов писал, что он увидел этот документ лишь тогда, когда он был уже принят Советом и напечатан. Но далее Стеклов указал на то, что на него, как и на других членов Совета, ложится политическая ответственность за этот документ, как и за все другие документы, изданные от имени Совета¹².

После опубликования в печати «Справки о Приказе № 1» Временный комитет Государственной думы выступил с собственным комментарием, в котором говорилось об активной роли в создании Приказа № 1 солдатских масс и участии в этом деле Петроградского Совета. Как указывалось в сообщении Временного комитета, поздно вечером 1 марта, когда выяснилось, что весь Петроград находится в руках революционных войск, в Государственную думу явились солдатские представители приблизительно от 20 частей гарнизона и обратились к председателю военной комиссии Государственной думы коменданту Петрогра-

¹⁰ Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 5, с. 55.

¹¹ Львов В. Н. «Революционная демократия» и ее вожди в роли руководителей политики Временного правительства. Омск, 1919, с. 3.

¹² Новая жизнь, 1917, 1 авг.

да Б. А. Энгельгардту с заявлением, что они не могут верить своим офицерам, которые не приняли участия в революции. Солдаты потребовали издания приказа о производстве выборов офицеров в роты, эскадронах, батареях и командах.

Проект этого приказа касался выборов младших офицеров, а также устанавливал некоторое наблюдение солдат за хозяйством в частях войск. По мнению Временного комитета, этот документ «меньше затрагивал основы старой воинской дисциплины». О своих переговорах с воинскими делегатами Энгельгардт сообщил Временному комитету. Его члены, а также присутствовавший здесь А. И. Гучков категорически высказались против издания подобного приказа, «признавая невозможным разрешение напех подобного весьма серьезного вопроса». Но несколько позднее к Энгельгардту явился неизвестный ему член Совета рабочих и солдатских депутатов, одетый в солдатскую форму, и предложил принять участие в составлении приказа, имеющего целью регулировать на новых началах взаимоотношения офицеров и солдат. Энгельгардт ответил, что Временный комитет Государственной думы находит издание проектируемого приказа преждевременным, на что получил ответ: «Тем лучше, напишем сами». И днем 2 марта Приказ № 1 был опубликован¹³.

Временный комитет не устанавливал прямой взаимосвязи между приказом Родзянко от 27 февраля и Приказом № 1, но его члены тем не менее считали Петроградский Совет виновным в издании Приказа № 1, хотя в «Справке о Приказе № 1» соглашатели отрицали свою инициативу в подготовке приказа.

До сих пор в исторической литературе не решен вопрос о том, был ли в тексте Приказа № 1 до его опубликования пункт о выборности командного состава. По мнению Ю. С. Токарева, на переговорах делегации Исполкома Совета с Временным комитетом Государственной думы об образовании Временного правительства, происходивших в ночь с 1 на 2 марта, вопрос о выборности командного состава солдатами уже фигурировал. Он был поставлен делегацией Петроградского Совета, но отвергнут Временным комитетом¹⁴. К этому выводу он пришел, расшифровав черновую секретарскую запись пленарного заседания Петроградского Совета от 2 марта, в которой воспроизводится текст выступления Ю. М. Стеклова о переговорах Исполкома Совета с Временным комитетом по поводу условий образования Временного правительства. Запись очень нечеткая, но в ней действительно фигурирует пункт о выборности командиров.

Установить твердо позиции сторон по этому вопросу из текста записи очень трудно, но не исключено, что Исполком Совета настаивал на выборности командиров. Не исключено также,

¹³ Речь, 1917, 30 июля.

¹⁴ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г., с. 64—65; см. также: ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 3.

что пункт о выборности офицеров имелся в Приказе № 1, но затем в ходе его печатания был снят по настоянию Исполкома Совета. В некоторой степени это подтверждается воспоминаниями эсера Ю. А. Кудрявцева о Февральской революции¹⁵. Они еще не использовались историками, хотя дают ряд новых сведений по рассматриваемому здесь вопросу. Кудрявцев составлял Приказ № 1 вместе с большевиками А. Н. Падериным¹⁶, А. Д. Садовским и другими депутатами-солдатами. Он пишет, что обращение солдатских представителей в военную комиссию Государственной думы с требованием издать манифест о гражданских правах солдат, закрепить армию за революцией, прекратить отбирание у солдат оружия не дало никакого результата. (Напомним, что о приходе солдатских делегатов в военную комиссию говорилось и в приведенном выше сообщении Временного комитета Государственной думы.)

Председатель военной комиссии Б. А. Энгельгардт встретил солдатских представителей, среди которых находился Кудрявцев, враждебно. Он отказался издавать такой манифест, потребовал возвращения солдат в свои части и подчинения командному составу. Как пишет Кудрявцев, это заставило «солдатский актив Февральской революции искать другой выход в интересах революции». Солдаты собрались на свое первое заседание в Совете (имеется в виду заседание пленума Петроградского Совета 1 марта, на котором были впервые широко представлены депутаты от воинских частей). Под влиянием революционных солдатских масс Энгельгардт был вынужден издать распоряжение под страхом расстрела прекратить отбирать оружие у солдат¹⁷.

В то же время возвращение в казармы командного состава, скрывшегося во время восстания гарнизона, не могло восстановить нормальные отношения солдат и офицеров.

Далее Кудрявцев писал, что в комнате № 12 Таврического дворца во время заседания «рабочей части Исполкома» появилась масса делегатов от воинских частей. Заседание было бурным. Ряд ораторов от солдат выступил с требованиями гражданских прав для солдат, продолжения участия воинских частей в революции. Эти настроения базировались на необходимости создать организационную устойчивость частей Петроградского гарнизона, прекратить попытки офицерства изолировать солдат в казармах и отобрать у них оружие, а также разрешить продовольственный кризис в частях. Из числа выступавших, помимо самого себя, автор мемуаров назвал А. П. Борисова, Ф. Ф. Линде, Н. Д. Соколова. Кудрявцеву запомнилось, что ораторы произносили горячие взволнованные речи, хотя иногда и

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 401, л. 13—18. Мемуары написаны в 1929 г.

¹⁶ О своем участии в составлении Приказа № 1 А. Н. Падерин рассказал в воспоминаниях, опубликованных в журнале «Пролетарская революция» (1924, № 8/9).

¹⁷ По словам Любарского, это распоряжение было издано по настоянию Исполкома Петроградского Совета (Красная звезда, 1924, 12 марта).

«корявые по своему языку». В результате было вынесено решение: солдатам не выдавать оружие никому; предложить солдатам выбрать своих представителей в Совет рабочих и солдатских депутатов по одному от роты. В своих политических выступлениях солдатам следовало подчиняться только Петроградскому Совету.

Решение предусматривало, что солдат и офицер являются вне службы равноправными гражданами. Было установлено, что подчинение солдат распоряжениям военной комиссии Государственной думы производится лишь до тех пор, пока они не расходятся с постановлениями Совета рабочих и солдатских депутатов. «Этим решениями,— писал Ю. А. Кудрявцев,— армия... закреплялась за революцией».

Кудрявцев довольно точно воспроизвел ход заседания Петроградского Совета 1 марта, на котором и был в основном составлен проект будущего Приказа № 1. Воспоминания Кудрявцева в общем подтверждаются документальными данными¹⁸ и уточняют некоторые детали.

Ю. А. Кудрявцев считал, что на заседании Совета 1 марта «на основе бесспорного учета реальной обстановки... была добыта солдатами гражданская свобода, гражданские права».

В целях наиболее тесной связи с представителями рабочих в Исполком Совета от солдат были избраны А. Д. Садовский, А. Н. Падерин, В. И. Баденко, Ф. Ф. Линде, Соколов, Ю. А. Кудрявцев, А. П. Борисов, Климчинский, И. Г. Барков, Вакуленко. Была также создана комиссия для формулировки решений заседания Совета 1 марта, заседавшая в комнате № 13 Таврического дворца. В отличие от авторов других воспоминаний Ю. А. Кудрявцев упоминает среди членов комиссии Ю. М. Стеклова. Насколько помнит мемуарист, сначала под диктовку солдат, членов комиссии, текст писал Ю. М. Стеклов, но вскоре его сменил Н. Д. Соколов. Кроме того, запись вели еще 2—3 человека, фамилии которых в воспоминаниях не названы. Излагая эти сведения, Кудрявцев считал, что в воспоминаниях А. Г. Шляпникова и Н. Н. Суханова не совсем точно переданы подробности о заседании солдатской комиссии по выработке Приказа № 1¹⁹.

В результате работы солдатской комиссии был создан Приказ № 1, который распространялся на гарнизон Петроградского округа и доводился до сведения рабочих Петрограда.

Уже упомянутые нами воспоминания Б. Любарского также сообщают о создании Советом солдатской комиссии по разработке приказа, который закрепил бы добытые в тяжелой борьбе права солдат. Б. Любарский назвал почти полностью состав комиссии по выработке солдатского приказа. Он подтвердил, что

¹⁸ Расшифровка черновика протокола заседания Петроградского Совета 1 марта 1917 г. произведена В. И. Миллером (История СССР, 1966, № 6).

¹⁹ Ю. А. Кудрявцев имел в виду книгу А. Шляпникова «Семнадцатый год» и мемуары Н. Суханова «Записки о революции».

в ее составе был Ю. М. Стеклов. Кроме него в комиссию вошли большевик М. Ю. Козловский, меньшевик М. М. Добраницкий, эсер В. Н. Филипповский, солдат Литовского полка меньшевик А. П. Борисов, солдат Финляндского полка Ф. Ф. Линде (интернационалист), а также несколько человек из Союза офицеров-республиканцев, фамилии которых не названы. Дополняя известные факты, Б. Любарский сообщал некоторые интересные подробности работы солдатской комиссии по составлению Приказа № 1. Эта комиссия работала с 3 часов дня 1 марта в библиотеке Таврического дворца. В ее работе принимали участие также делегаты от воинских частей. Почти без всяких споров были быстро приняты все пункты приказа. По словам Б. Любарского, окончательное редактирование документа было поручено М. М. Добраницкому, и в 7 часов вечера 1 марта приказ был внесен на утверждение Исполкома Петроградского Совета (другие авторы воспоминаний не сообщают столь подробно ни о работе комиссии, ни о заседании Исполкома).

Таким образом, перед опубликованием Приказа № 1 его текст был рассмотрен еще и Исполкомом Совета, что лишний раз подтверждает глубокую заинтересованность соглашателей в этом документе. Заседание проходило под председательством Н. С. Чхеидзе. Были приглашены представители Офицерского союза: прапорщик Шахвердов и ротмистр 6-го запасного полка меньшевик-оборонец Сакс. Приказ был зачитан, и никаких возражений не последовало. Присутствовавшие офицеры заявили, что они считают необходимым издать такой приказ для восстановления спокойствия в частях гарнизона, восстановления доверия к офицерам. Заседание Исполкома Совета продолжалось всего 15 минут, и в тот же вечер Приказ № 1 был разослан по частям гарнизона²⁰.

Рассказ Б. Любарского о заседании Исполкома Петроградского Совета, единогласно одоббившего Приказ № 1, показывает, что соглашатели воспринимали Приказ № 1, исходя, разумеется, из своих интересов. Видимо, фактом его издания они хотели продемонстрировать деятелям Временного комитета Государственной думы то реальное влияние, которое имел тогда Петроградский Совет. Тем самым мелкобуржуазные политики стремились добиться от буржуазии уступок на переговорах о создании Временного правительства. О создании правительства на базе Петроградского Совета меньшевики и эсеры, как известно, и не помышляли, являясь противниками дальнейшего поступательного развития революции.

В воспоминаниях Ю. А. Кудрявцева содержится утверждение, что опубликованный документ был назван приказом по его личному предложению, однако проверить достоверность этого заявления не представляется возможным. Приказ № 1 был затем доведен до сведения Временного комитета Государственной

²⁰ Красная звезда, 1924, 12 марта.

думы и одновременно направлен в типографию «Известий Петроградского Совета». Текст приказа был передан в газету самим Кудрявцевым, что подтверждается и воспоминаниями А. Д. Садовского. Он писал о том, что Кудрявцев направился в какую-то типографию, где ночью отпечатали Приказ № 1 и утром распространили его по воинским частям²¹.

В типографии «Известий», которой ведал большевик В. Д. Бонч-Бруевич, Приказ № 1 решили издать большим тиражом. Речь шла об 1—2 млн. оттисков. По мнению Кудрявцева, около 1 млн. экземпляров было тогда действительно отпечатано.

Мемуарист привел далее важный факт об исключении из текста Приказа № 1 во время его печатания одного из пунктов. Он вспоминал, что там шла речь о праве отвода низшего командного состава, на чем настаивали солдаты воинских частей. Однако более точно вспомнить содержание данного пункта Кудрявцев не смог. Этот пункт, который, судя по воспоминаниям, касался права избрания низшего командного состава самими солдатами, был вычеркнут членами Исполкома Совета Н. Д. Соколовым, Ю. М. Стекловым и другими вследствие резкого протеста Временного комитета Государственной думы или военной комиссии Государственной думы.

Приказ № 1 был отпечатан утром 2 марта и на машинах из автомобильной части, где работал Кудрявцев, быстро развезен по городу.

Таким образом, давая ряд новых сведений о выработке Приказа № 1, воспоминания Ю. А. Кудрявцева в некоторой степени конкретизируют вопрос о выборном начале: был или не был такой пункт в его тексте. Судя по содержанию мемуаров, он мог быть до печатания, а в процессе печатания исключен соглашателями под давлением Временного комитета Государственной думы. Однако твердого ответа на вопрос, был ли в полном объеме пункт о выборности офицеров в Приказе № 1, мемуары Ю. А. Кудрявцева не дают.

Ю. А. Кудрявцев, как и другие мемуаристы, отстаивает версию о том, что Н. Д. Соколов только записывал текст Приказа № 1, якобы проявляя при этом полную пассивность. Эта версия опровергается левым эсером С. Д. Мстиславским, который был участником и свидетелем событий Февральской революции. Он обращал внимание как раз на заинтересованность членов Исполкома Петроградского Совета в том, чтобы ослабить влияние Временного комитета Государственной думы. Мстиславский отмечал, что Н. Д. Соколов действительно написал Приказ № 1 под диктовку солдатских депутатов, только что введенных в Исполком Петроградского Совета, но при этом все же внес от себя в текст приказа пункты 3 и 4²².

²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1699, ч. II, л. 268 об.

²² ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 583, л. 5. Воспоминания С. Д. Мстиславского написаны в 1928 г. С. Д. Мстиславский (Масловский) стал в дальнейшем советским писателем.

Как известно, пункт 3 приказа устанавливал, что во всех своих политических выступлениях воинские части подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам, а в пункте 4 говорилось о том, что приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Петроградского Совета. Это еще раз подтверждает вынужденное участие соглашателей в разработке Приказа № 1, продиктованное политическими мотивами, которыми руководствовались мелкобуржуазные партии, стремившиеся в конечном счете задержать развитие революционного процесса в стране после свержения самодержавия.

Приведенные в статье материалы, таким образом, конкретизируют историю создания Приказа № 1, уточняют обстоятельства и причины его создания.

**МАТЕРИАЛЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ
1916 И 1917 гг.—
ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

И. В. Островский

Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. выгодно отличаются от других статистических источников по истории сельского хозяйства России периода империализма тем, что обе переписи были проведены почти по всей территории страны, выполнялись по широким программам и охватили все категории хозяйств. Организуя сельскохозяйственные переписи, царское правительство в 1916 г. и Временное правительство в 1917 г. преследовали в качестве главной цели получение необходимых данных о сельскохозяйственном производстве страны для продолжения войны.

Программы обследований 1916 и 1917 гг. весьма схожи. Общими для них были разделы о населении, посевных площадях, скоте. В то же время программа Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. шире программы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. При обследовании 1917 г. проводился учет землевладения и землепользования в масштабе всей страны. Значительные новшества вводились при сборе сведений и по тем разделам, по которым данные собирались в 1916 г. Расширение программы переписи по этим разделам было вызвано, главным образом, стремлением получить более точные и полные данные о населении. Перепись 1916 г. не производила сплошной персональной регистрации населения, а при производстве обследования 1917 г. такая регистрация велась, причем учитывалось все население, мобилизованное в армию. В 1916 г. не регистрировались лица, которые отсутствовали в хозяйстве более месяца. Перепись 1917 г. предполагала регистрировать не только отсутствовавших членов семьи, не порвавших с ней хозяйственных связей, но и отсутствовавшие в полном составе крестьянские семьи, имевшие в сельском обществе земельный надел. Учитывалось все промысловое население, а в разделе о землевладении фиксировались все удобные в сельскохозяйственном отношении земли хозяйства или того коллектива, к которому принадлежал домохозяин (община, товарищество). Предусматривалась регистрация земель с подразделением по правовым категориям землевладения и по хозяйственному использованию земель, т. е. по угодьям. Таким образом,

изменения в программе новой переписи свидетельствовали о корректировке задач обследования.

Для переписи 1916 г. устанавливались восемь переписных формуляров. В каждой волости составлялся общий список населенных мест (форма № 7), а в каждом селении составлялся список домохозяев как приписных, так и посторонних и временно проживающих (форма № 6). Кроме того, по форме № 5 составлялся поселенный бланк, содержащий сведения о местах сбыта и покупки продуктов, о густоте сева и некоторые другие. Форма № 8 предназначалась для сплошной переписи скота, принадлежавшего гуртовщикам. По отдельным хозяйствам должны были составляться похозяйственные карточки четырех форм. По форме № 1 описывались все постоянные хозяйства. Эта карточка, будучи самой краткой, предназначалась для регистрации общего числа населения с выделением рабочих, скота и посевов. По форме № 2 подлежали переписи 3% крестьянских хозяйств, которые отбирались по жребию только в крупных селениях. Эта форма должна была учесть все данные формы № 1 с добавлением регистрации скота и посевов предшествовавшего 1915 г. Бланк формы № 3 содержал те же данные, что и формы № 2, но требовал дополнительной регистрации поступления, расходов и остатков сельскохозяйственных продуктов и учета потребления сахара и соли. По форме № 3 подлежали регистрации 2% крестьянских хозяйств. Владельческие хозяйства с применением наемного труда регистрировались по форме № 4, в карточках которой, помимо населения и скота, учитывались посев хлебов за два года, сбор хлебов 1915 г. и запасы сельскохозяйственных продуктов к весне 1915 г.

Общероссийская программа переписи 1917 г. предполагала учет по четырем основным формулярам: подворной карточке (форма № 3), общинному бланку (форма № 4), частновладельческому бланку (форма № 6) и списку рабочих и служащих в частновладельческих хозяйствах (форма № 5). Кроме того, заполнялись списки населенных мест в волости (форма № 1) и списки домохозяев (форма № 2).

В настоящей статье особое внимание уделяется материалам переписей по Западной Сибири, куда относятся Акмолинская область, Тобольская, Томская и Алтайская губернии. Программа учета здесь почти не отличалась от общероссийской по разделам о скоте и посевах. По разделам о населении, землевладении и землепользовании, сельскохозяйственном инвентаре программам регистрации в Азиатской России были присущи некоторые особенности, которые необходимо учитывать, во-первых, при работе с первичными статистическими данными, собранными по особой «сибирской» программе¹, и во-вторых, при использовании публи-

¹ В настоящее время исследователи располагают статистическими бланками по Алтайско-Томской части Сибири (карточки обеих переписей) и по Омскому уезду Акмолинской области (бланки переписи 1916 г.).

каций результатов обследований по Западной Сибири, произведенных по принятой в Азиатской России статистической сводке². Выявление особенностей программы учета в Азиатской России — одна из задач данной статьи. Другая ее задача — сравнение полноты информации, содержащейся в анкетах и публикациях. Дело в том, что в последних опущен ряд важных показателей. Наконец, мы попытаемся проанализировать некоторые возможности научного использования данных переписей для характеристики положения сельского хозяйства и крестьянства Западной Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Для решения поставленных задач использованы все типы переписных формуляров (анкет), публикации итогов переписей, а также источники, связанные с подготовкой обследований. К числу последних относятся материалы Иркутского (май 1916 г.) и Томского (июнь 1917 г.) совещаний статистиков Переселенческого управления³. На совещаниях общегосударственные программы были приспособлены к сибирским условиям, и на основе этого были выработаны инструкции по выполнению обследований в Западной Сибири⁴.

Нами были выполнены некоторые подсчеты, в основном по таблицам сборника статистических итогов переписи 1916 г. по Томской губернии⁵. Таблицы были получены в результате обработки на вычислительной машине данных почти 9 тыс. заполненных подворных анкет. Эта работа выполнена в Новосибирском государственном университете под руководством Л. М. Горюшкина. Выборка анкет для анализа была случайной, т. е. каждая единица наблюдения имела равную с другими возможность попасть в изучаемую совокупность. В процессе обработки было решено восемь однотипных задач на группировку по какому-либо одному существенному признаку⁶.

² Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области. Омск, 1917; Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской губернии. Общинные хозяйства. Поездные и погубернские итоги и некоторые выводы из полученных переписью данных. Тобольск, 1918; Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. Томск, 1927; Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. Томск, 1928; Поволостные итоги некоторых основных экономических данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Алтайской губернии. Барнаул, 1919.

³ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 6, д. 108; Бюллетени Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной и городской переписи, 1917, № 1.

⁴ Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи в Тобольской губернии. Омск, 1916; Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Томск, 1917.

⁵ Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С. и др. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии: (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969.

⁶ В сборнике приведены результаты шести решенных на электронно-вычислительных машинах (ЭВМ) задач.

Перейдем к методическим вопросам исследования. При оценке особенностей сибирской программы переписей 1916—1917 гг., полноты публикаций материалов, сопоставимости информации двух статистических источников мы пользуемся приемами сравнения. Выясняя возможности использования материалов переписей прежде всего для изучения разложения крестьянства в сибирской деревне, мы опираемся на ленинские приемы исследования этого процесса. Важный принцип марксистско-ленинской статистики — обусловленность статистических приемов характером и формами социально-экономических процессов. Так как разложение крестьянства — это и углубление экономического неравенства, для его изучения необходимо использование динамических группировок по хозяйственной состоятельности.

В. И. Ленин обращал серьезное внимание на отбор показателей, которые должны были отражать коренные особенности социально-экономических процессов. Из многочисленных данных земской статистики для характеристики разложения крестьянства он отбирал такие показатели, как арендная земля, наем и продажа рабочей силы. В связи с этим важно выяснить, в какой степени материалы сельскохозяйственных переписей дают возможность построения группировок по различным признакам хозяйственной состоятельности, насколько полны данные обследований по земельной аренде, по найму рабочей силы.

Сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. охватили большинство районов Западной Сибири. Обследования не производились в Березовском и Сургутском уездах Тобольской губернии, Нарымском крае Томской губернии⁷, а также в некоторых труднодоступных местностях Горного Алтая. По Сибири⁸ в 1917 г. было учтено на 12% меньше наличных хозяйств всех типов, чем год назад. Этот процент недоучета примерно такой же, что и по 38 губерниям Европейской России. Несмотря на такой пропуск хозяйств в 1917 г., данными второй сельскохозяйственной переписи вполне можно пользоваться для характеристики положения сельского хозяйства Сибири накануне Октябрьской революции.

Сельское население Сибири переписывалось по следующим категориям: крестьяне-старожила и переселенцы, казахи — оседлые и кочевые, коренные жители — оседлые и кочевые. Кочевые хозяйства Акмолинской области в 1916 г. подверглись выборочной 10-процентной регистрации, в 1917 г. — сплошной. Термины «старожил» и «переселенец» по традиции разграничивались условно: старожилом признавался домохозяин, родившийся в данном селении; переселенцем — домохозяин, прибывший в селение из губерний Европейской или Азиатской России, а

⁷ Однако 18 волостей (141 селение) по р. Оби в Нарымском крае подверглись обследованию (Гос. архив Томской области (далее: ГАТО), ф. 239, оп. 13, д. 10, л. 43).

⁸ Акмолинская и Забайкальская области, Томская, Тобольская, Енисейская и Иркутская губернии.

также переселившийся в пределах района⁹. Однако переселенцы, приехавшие в селение из западных губерний, и крестьяне, переселившиеся в пределах района, анкетами переписей не отождествлялись, ибо в разделе «губерния выхода» для переселенческого населения указывалась как «губерния первого выхода», так и «губерния последнего выхода». Для переселенцев, помимо губернии выхода, отмечались год приезда на описываемый участок и время образования самостоятельного хозяйства. В Томской губернии данные подворной карточки 1917 г. по населению были расширены за счет учета грамотных по полу и сведений о числе рождений в семье за последний год. Разделение населения на группы старожилов и переселенцев производилось в подворных карточках (форма № 1 в 1916 г. и форма № 3 в 1917 г.).

Подворная карточка переписи 1916 г. включала разделы: «Население», «Скот», «Посевы», «Аренда и сдача пашни», а карточка переписи 1917 г. еще три раздела: «Землевладение», «Сельскохозяйственный инвентарь», «Торгово-промышленные заведения». Особенностью сибирской подворной переписи 1917 г. было то, что она описывала и частновладельческие хозяйства¹⁰.

Демографический отдел подворной карточки 1917 г. предполагал регистрацию населения по полу и возрасту с указанием сословия, национальности и отношения к земельному обществу. В 1916 г. эти данные подворной анкетой не собирались — указывалось только число членов семьи. По форме № 3 регистрировались взятые в армию мужчины. Для трудоспособного населения делались отметки об участии в сельскохозяйственных работах. Разделы о скоте и посевах в подворной карточке соответствовали аналогичным разделам в анкете формы № 1 переписи 1916 г. В инструкции по проведению переписи 1917 г. было дано иное, чем в программе предыдущей переписи, определение работника. Если в 1916 г. под работниками понимались лица, которых таковыми считал опрашиваемый, то в 1917 г. определяющим при выделении рабочего населения стал возрастной фактор (18—60 лет для мужчин и 16—55 лет для женщин)¹¹. Форма № 3 не только фиксировала факт найма сельскохозяйственных рабочих, но и делила их на годовых, сроковых, поденных и работающих сдельно.

Раздел «Сдача и аренда пашни» включал сведения о сроках

⁹ Гос. архив Тюменской области, Тобольский филиал, ф. 580, оп. 1, д. 984, л. 25.

¹⁰ Частновладельческий бланк (форма № 6) в Западной Сибири не применялся. В Сибири под частновладельческими хозяйствами понимались все хозяйства частных лиц и учреждений, имевших собственную землю независимо от размеров владения, и все хозяйства, имевшие свыше 50 десятин удобной земли (в Томской губернии — свыше 75 десятин).

¹¹ Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной и по-земельной и Всероссийской городской переписи 1917 г. Пг., 1917, с. 11.

и условиях аренды, а также важные данные о том, кому сдавалась и у кого арендовалась земля. Эти данные интересны для выяснения контингента сдатчиков и арендаторов. По разделу о сельскохозяйственном инвентаре собирались сведения не только об усовершенствованном инвентаре, как предусматривалось общероссийской инструкцией, но и о простейшем (телеги на деревянном ходу, бороны и др.). Самым обширным этот раздел оказался в Тобольской губернии, где он был загроможден учетом многочисленных видов мелкого сельскохозяйственного инвентаря¹².

Поскольку форма № 3 использовалась и для учета частновладельческих хозяйств, к основным формам сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., использованным в Западной Сибири, отнесем подворную карточку, общинный (поселенный) бланк, список населенных мест в волости и список домохозяев. Общинный бланк составлялся на селения с общинной формой землевладения, поселенный — с единоличным землевладением. Общинный (поселенный) бланк, принятый для Азиатской России, содержал сведения о дате возникновения поселения (для переселенческих селений), расстоянии селения от места сбыта и покупки хлеба и других продуктов. Этот формуляр учитывал основные категории земель, сложившиеся в Сибири: наделные земли, купчие, отведенные на праве собственности. Как и в общероссийской инструкции, определение наделных земель было дано очень неконкретно. К ним относились все земли, находившиеся в пользовании крестьян¹³. Но крестьяне пользовались и землями, отведенными на праве собственности (горнозаводскими или землями коренных жителей, например).

К наделным были отнесены и земли, находившиеся в нераздельном пользовании с казной. Это связано с тем, что большая часть крестьянских наделных земель была неотграничена от владений казны и кабинета. По данным Л. М. Горюшкина, за период 1898—1914 гг. по всей Сибири было окончательно отграничено только 14,7 млн. десятин¹⁴. А это составляло лишь четверть земельной площади, используемой крестьянами. Спорные «захватные» земли, образующиеся, например, в случае захвата наделных участков более зажиточными крестьянами у соседей, учитывались как прочие земли, а не наделные. Таким образом, при регистрации часть наделных земель ускользнула от учета.

Одна из особенностей сибирского общинного (поселенного) бланка заключалась в том, что в нем большое внимание уделялось выяснению последствий разделов для сибирского крестьянства. Это вопросы анкеты о том, какие угодья остались в общем

¹² Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской губернии...

¹³ ГАТО, ф. 239, оп. 13, д. 29, л. 3.

¹⁴ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: конец XIX — начало XX в. Новосибирск, 1967, с. 221.

пользовании, об основаниях раздела, о случаях возвращения к общинному землепользованию. Сибирские статистики хотели получить данные и о концентрации земель у богатых селян. Этой цели служил вопрос бланка о случаях «усиленного сосредоточения отрубных и хуторских наделов в одних руках». В отличие от общинного бланка для Европейской России сибирский включал дополнительные разделы «Техника полеводства» и «Общественные доходы и расходы в 1916 г.». В первом из них регистрировались сведения о способах обработки пара, глубине и времени весенней и осенней вспашки, времени и орудиях сева, уборки, молотбы и др.

Томское совещание статистиков дополнило список населенных мест в волости графой, куда заносились местные названия селений¹⁵. Для подворной регистрации промыслов у национальных меньшинств при производстве переписи 1917 г. были приняты дополнительные формуляры. Анкета для регистрации хозяйств Горного Алтая составлялась дополнительно к подворной (форма № 3)¹⁶. В ней записывались сведения о добыче и продаже хозяйством мясного и пушного зверя, рыбы и дичи. Анкета учитывала места добычи и продажи, доход от промыслов. Кроме того, она собирала данные об орешном промысле и пчеловодстве (числе ульев, сборе меда в пудах, продаже меда и воска). Помимо сведений о промыслах, формуляр собирал данные о продаже и падеже скота (причины падежа, количество павшего скота). Наконец, в нем был и демографический раздел с вопросами о длительности семейной жизни, числе рожденных и умерших в данной семье.

Сопоставление алтайской анкеты с дополнительной анкетой для регистрации хозяйств Нарымского края показывает, что последняя предполагала сбор более разнообразных данных о промыслах населения¹⁷. Так, в Нарымском крае регистрировались данные не только о добыче и продаже рыбы и зверя, местах лова и охоты, но и об орудиях и принадлежностях промыслов (сети, неводы, ружья, ловушки и т. д.). В анкете есть разделы об орешном, ягодном, дровяном промыслах и об извозе. Таким образом, на Алтае и в Нарымском крае (141 селение) перепись 1917 г. собрала довольно интересный этнографический и топонимический материал.

Для сплошной переписи казахских хозяйств Акмолинской области использовалась особая «Карточка для переписи кочевых хозяйств». Но название не соответствовало содержанию формуляра, где ставился вопрос о кочевом, полукочевом или нековом характере хозяйства и где к тому же учитывались земледельческий инвентарь и посевы. Раздел о землевладении в карточке

¹⁵ *Нагнибеда В. Я.* Организация Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. в Алтайско-Томской части Сибири: Краткий очерк. Томск, 1920, с. 2.

¹⁶ Гос. архив Алтайского края, ф. 233, оп. 6, д. 3, л. 25.

¹⁷ Там же, л. 26.

отсутствовал. Население переписывалось по программе, принятой для крестьянских хозяйств по форме № 3 с учетом грамотности. Среди мужчин регистрировались взятые на оборонные работы. Раздел о сельскохозяйственном инвентаре был несколько уже, чем в форме № 3 — не учитывались бороны, веялки и др. Карточка регистрировала площади используемых сенокосов. Раздел о посевах не содержал того набора сельскохозяйственных культур, какой был в «крестьянской» анкете. Зато скот в карточке для казахских хозяйств переписывался по широкой программе. Более дробными, чем в форме № 3, были возрастные группы для животных. Регистрировались верблюды (четыре возрастные группы) и ослы. Названия всех видов скота давались на русском и казахском языках. Все сведения описанного формуляра входили в специальный бланк, по которому описывались аулы¹⁸. Таким образом, казахское население Акмолинской области регистрировалось отдельно от русского и по несколько измененной программе.

Итак, общероссийская программа переписей 1916 и 1917 гг. была несколько изменена применительно к условиям Азиатской России. Сибирские статистики хотели в результате статистических обследований получить данные о процессе переселения, разложении общины, этнографические материалы о коренном населении обширного края. К сожалению, как мы это увидим ниже, многие собранные обследованиями данные в публикации итогов переписей не вошли.

Западносибирские материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. сохранились в двух основных видах: 1) в итогах переписей, опубликованных в целой серии выпусков; 2) в виде подворных и поселенных бланков, хранящихся в архивах¹⁹. В целях упрощения и унификации сводки материалов переписей Особое совещание по продовольствию и Отдел переписи исключили многие показатели из разработки. Неполнота особенно свойственна публикациям, осуществленным в центре²⁰. Проанализировав предложенную Отделом переписи схему предварительного подсчета данных обследования 1917 г., Л. С. Терещенко отмети-

¹⁸ Гос. архив Омской области, ф. Р-33, оп. 1, д. 56, л. 17.

¹⁹ В архивах Западной Сибири имеется еще небольшая часть подготовительных таблиц, составленных для динамической разработки данных сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.

²⁰ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1916. Вып. 1. Европейская Россия: Поуездные, погубернские и порайонные итоги, Пг., 1917. Вып. 2. Кавказ: Поуездные, погубернские и порайонные итоги; Вып. 3. Степной край, Сибирь и Дальний Восток; Предварительные погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 29 губерниям и 6 областям. М., 1919; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям. — Труды ЦСУ. М., 1921, т. 5, вып. 1; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям — Там же. М., 1923, т. 5, вып. 2; Статистический сборник за 1913—1917 гг., вып. 1. — Там же. М., 1921, т. 7, вып. 1.

ла присущие ей значительные пропуски²¹. Скажем, бланки, по которым запрашивались сведения от губерний, содержали 194 графы, тогда как погубернские итоги опубликованы по 106, а поуездные — всего лишь по 62 графам²². Программа предварительного подсчета переписи 1917 г. сокращалась дважды — сначала Центральной исполнительной комиссией статистических съездов, потом коллегией ЦСУ. Исключенными оказались данные об использовании труда беженцев и военнопленных, о числе работников, участвовавших в различного вида полевых работах, о делении земель на хуторские, отрубные и общинные, о найме инвентаря, о землях учреждений и земельной аренде. Центральные издания итогов переписей не выделили данных по хозяйствам коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Многие из перечисленных выше сведений вошли в местные издания результатов обследований по Западной Сибири. В силу этого представляется небесполезным сравнительный обзор основных публикаций статистических данных по Западной Сибири, осуществленных в центре и на местах.

Итоги переписи 1916 г. по Западной Сибири вошли в один из трех статистических сборников «Предварительных итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года», изданных Особым совещанием по продовольственному делу в 1916—1917 гг., в некоторые издания ЦСУ и в ряд местных публикаций. Издание Особым совещанием выпуска «Предварительных итогов...» переписи 1916 г. по Азиатской России было задержано поздней присылкой материалов в Петроград. Полные данные переписи по Енисейской губернии поступили в столицу лишь к 11 декабря 1916 г., по Акмолинской области — к 15 декабря, по Тобольской губернии — к 27 декабря²³. По этой причине данные переписи по 2110 дворам Томской губернии вообще не вошли в «Предварительные итоги...», а итоги по 16 869 хозяйствам не включены в основные таблицы сборника²⁴. Численность скота, принадлежавшего крестьянским хозяйствам, в сборнике искусственно завышена прибавлением к этим данным голов скота прасолов-гуртовщиков.

На основании сведений переписи 1916 г. были вычислены посевные площади страны для определения урожая того года. Эти данные содержатся в опубликованных Особым совещанием материалах по продовольственному плану²⁵. Однако к моменту выхода этого издания материалы обследования не были пол-

²¹ Терещенко Л. С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.

²² Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.). М., 1962, с. 16.

²³ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., вып. 3, с. III.

²⁴ Пропуск хозяйств в сборнике главным образом по Бийскому уезду.

²⁵ Урожай хлебов в России в 1916 г. Пг., 1916.

ностью обработаны, поэтому размеры посевных площадей Томской и Тобольской губерний ниже их размеров по конечным результатам переписи. Правда, преуменьшения невелики. Существенны они только для посевов овса в Томской губернии: опубликованный итог по площади этой культуры более чем на 60 тыс. десятин ниже конечного. Это заставляет сделать вывод о желательности комплексного изучения публикаций переписей. Итоги переписи 1916 г. по населению, скоту и посевам, опубликованные в третьем выпуске «Предварительных итогов...», без каких-либо изменений были перепечатаны в изданном ЦСУ первом выпуске «Статистического сборника за 1913—1917 гг.».

Статистический отдел Акмолинского переселенческого района издал поволостные итоги переписи 1916 г. по области по программе предварительных итогов²⁶. Набор показателей в сборнике тот же, что и в издании Особого совещания. Однако акмолинский сборник включил сведения не по всем обследованным хозяйствам крестьян и казаков — при сводке материалов для этого издания выпали данные по 1591 хозяйству. Арендаторские хозяйства приравнены к частновладельческим, как того требовало Иркутское совещание сибирских статистиков²⁷. Акмолинский сборник — единственная публикация с материалами переписи по этому району, выделившая постаничные, поуездные и пообластные данные по казачьим хозяйствам. Это дает возможность сравнить хозяйственную обеспеченность крестьян и казаков, понимается, лишь в средних цифрах.

Все упомянутые издания результатов сельскохозяйственной переписи 1916 г., содержащие данные по Западной Сибири, приводят валовой статистический материал. Ни один из сборников не разделяет сибирское крестьянство на главные категории — старожилов и переселенцев, не выделяет приписных и посторонних, не содержит данных о числе наемных работников (они механически объединены с работниками своей семьи), о количестве кооперированных хозяйств и хозяйств, использовавших наемный труд. Отсутствуют собранные переписью данные о сельскохозяйственном инвентаре в Томской и Тобольской губерниях и потреблении продуктов в Акмолинской области и в той же Тобольской губернии²⁸. Все это сильно обесценивает эти издания.

Несколько особняком от перечисленных публикаций стоит сборник с результатами обследования 1916 г. в Томской губернии²⁹. Томичи поздно издали собственный сборник, но зато включили в него сведения о наемных рабочих, отграничив их от общего количества трудового населения, данные об основных видах сельскохозяйственного инвентаря в губернии, общем чис-

²⁶ Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 6, д. 108, л. 14.

²⁸ Сведения о потреблении продуктов по Томской губернии переписью не собирались.

²⁹ Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г.

ле мельниц, пасек, маслодельных заводов. В сборнике использованы, наконец, результаты переписи по всем обследованным хозяйствам губернии (681 295 дворов). Все сведения приведены по волостям, уездам, губерниям и физико-географическим зонам. Причем таблицы сборника составлены таким образом, что позволяют выделить итоги переписи по Томской губернии в границах 1916 г. и по Томской и Алтайской губерниям в границах современных изданию. Однако в остальном и томской публикации присущи те же недостатки, что и по упомянутым выше источникам. В ней нет отдельных данных по дворам старожилов, переселенцев, казаков, приписных и посторонних, не выделены частновладельческие хозяйства и т. д. И, конечно, сводка статистических данных также ограничена валовыми цифрами.

Тот факт, что данные по хозяйствам различных категорий сибирских крестьян не разграничены в изданиях итогов переписи 1916 г., осуществленных в центре, понятен, так как они публиковали результаты обследования по единой, принятой для всей страны программе. В сводках же статистических материалов для сибирских сборников такое деление было бы уместным.

К моменту выхода в свет первой центральной публикации итогов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.³⁰ Отдел переписи получил сводки статистических данных лишь по 28 губерниям Европейской России, Тобольской губернии и шести областям Азиатской России, в том числе и Акмолинской. К июню 1918 г. разработочные материалы представили только 33 губернии, у 19 из них они не были приняты Отделом переписи из-за низкого качества обработки. 31 губерния не выслала обработанные материалы и в сентябре³¹. К концу 1918 г., т. е. к моменту издания «Предварительных погубернских итогов...», отсутствовали сведения по 18 губерниям Европейской России (16 из них были прифронтовыми). Не поступили данные с Кавказа и из губерний Сибири (кроме Тобольской). Издание 1919 г. осуществлено по программе предварительных подсчетов, поэтому сводка сибирских и дальневосточных материалов произведена по тем же показателям, что и европейских. В сборнике не выделены сведения по казачьим хозяйствам Акмолинской области, они сложены с данными по крестьянским дворам, к частновладельческим хозяйствам области отнесены все хозяйства некрестьянского типа. Отсутствовали данные по владельческим и «инородческим» хозяйствам Тобольской губернии. И по другим районам Азиатской России сводка статистических данных очень неполна. Это делает итоговые цифры, приводимые публикацией, неверными.

Изданные в 1921 и 1923 гг. погубернские и поуездные итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г. содержали данные по

³⁰ Предварительные погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 29 губерниям и 6 областям.

³¹ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 10, д. 4, л. 7.

всем обследованным районам Азиатской России. По сравнению с погубернскими итогами поездные исключили разделение по полу отсутствовавшего и промыслового населения и наемных рабочих, не имели деления по площадям второстепенных культур. В эти издания включены итоги по всем категориям хозяйств Акмолинской области (крестьянские, частновладельческие, казачьи, казахские), по крестьянским и «иностранческим» дворам Тобольской губернии и по крестьянским хозяйствам Алтайской и Томской губерний. Материалы переписи по владельческим хозяйствам западносибирских губерний вообще отсутствуют во всех публикациях.

«Статистический сборник за 1913—1917 гг.» содержал всероссийские итоги статистического обследования 1917 г. по населению, промыслам, скоту и посевам, опубликованные по программе погубернских итогов, а также данные о земельных площадях 14 губерний Европейской России³². Использование этого источника удобно тем, что он публикует данные обеих сельскохозяйственных переписей. Однако порайонные итоги, приводимые в сборнике для материалов каждой из переписей, несравнимы и требуют соответствующего пересчета.

Осуществленные в центре публикации материалов переписи 1917 г. полнее, чем аналогичные издания итогов обследования 1916 г. Это обусловлено более широкой программой регистрации 1917 г. По центральным публикациям итогов переписи 1917 г. возможно выделение приписного и постороннего, наличного и отсутствовавшего населения. Источники позволяют определить количество призванных в армию и наемных рабочих, число хозяйств, участвовавших в промыслах, обеспеченность хозяйств сельскохозяйственным инвентарем и т. д. Наконец, эти публикации дают в распоряжение историка данные о землевладении и землепользовании. В то же время изданиям свойственны и многочисленные упущения, которые носят двоякий характер. Во-первых, они вызваны пропусками в программе предварительного подсчета и ее сокращениями в последующее время. Во-вторых, на числе включенных в статистические сборники показателей отрицательно сказалась неполнота сводок итогов по различным районам страны, полученных в центре. Это относится к разработкам и по Западной Сибири. По этой причине не опубликованы данные по всем категориям хозяйств Тобольской, Томской и Алтайской губерний. Отсутствуют сведения о дворах, использовавших наемный труд, в Алтайской и Томской губерниях. В сводку по Алтаю не вошли данные по 639 обследованным крестьянским хозяйствам. Сравнение итоговой цифры числа обследованных дворов Нарымского края с данными различных источников: показывает, что в центральных публикациях отсутствуют сведения по 2483 нарымским хозяйствам.

³² Статистический сборник за 1913—1917 гг. М., 1921, вып. 1, с. 166—177.

Тобольские статистики одними из первых в стране подготовили предварительные итоги сельскохозяйственной и поземельной переписи к 15 сентября 1917 г.³³ Тобольский сборник содержит не только общие поуездные и погубернские итоги, но и приводит их по четырем основным категориям сельского населения губернии: старожилам, переселенцам, казакам и коренным жителям. Подобная сводка выгодно отличает сборник от всех других публикаций материалов переписей по Западной Сибири. Кроме того, данные сборника позволяют выделить в разделе о населении беженцев и военнопленных, а также отсутствовавших из числа трудоспособных мужчин и женщин. Эти данные пригодны для изучения убыли рабочей силы из крестьянских хозяйств и действительности, вернее, недействительности попыток возмещения этой убыли трудом беженцев и военнопленных. К сожалению, и это издание не включило сведений по найму рабочей силы, а для переселенцев не дало информации о давности их прихода в Сибирь и образования у них самостоятельных хозяйств. Данных по аренде и сдаче земли в тобольском издании нет.

Поселенные бланки и подворные карточки переписи 1917 г. были использованы для составления поволостных итогов обследования в Алтайской губернии³⁴. Работа по составлению этих итогов проводилась на сей раз не статистическим учреждением, а кооперативными союзами — потребительским и кредитным. Очевидно, поэтому алтайский сборник — одна из редких публикаций переписи, в которой подсчитано число кооперированных хозяйств. Сборник публикует сведения по всем обследованным дворам русских крестьян и алтайцев. Однако данные по этим двум категориям населения подсчитаны общей суммой, что выясняется сравнением числа дворов, учтенных на Алтае в 1916 и 1917 гг. Выделены неприписные хозяйства. В разделе о землевладении и землепользовании приведены лишь сведения по двум угодьям — пашне и сенокосу. В целом публикация неполна. Отсутствуют данные об аренде и сдаче земли, найме сельскохозяйственного инвентаря, площади посевов различных культур и др. Очень скромен раздел о населении, по которому выясняется только общее число мужчин и женщин. А ведь в алтайско-томской карточке этот раздел был весьма насыщен. Одним словом, содержание источника вполне отвечает его названию, в котором речь идет лишь о «некоторых основных экономических данных» переписи 1917 г.

Обзор центральных и местных изданий итогов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. мы заключим анализом томской публикации, включившей данные этого

³³ Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской губернии.

³⁴ Поволостные итоги некоторых основных экономических данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Алтайской губернии.

обследования³⁵. Даже беглое знакомство с таблицами сборника обнаруживает, что по числу включенных показателей этот сборник — самая полная публикация итогов переписи 1917 г. По материалам сборника возможно определение числа хозяйств каждого вида: переселенческих, старожильческих, дворов аборигенов, беженцев и военнопленных. Дворы переселенцев сгруппированы по годам водворения, а хозяйства неприписных переселенцев — по годам поселения. Такая группировка отдельно для приписного и неприписного переселенческого населения интересна тем, что выясняет зависимость между давностью прихода на новое место и припиской к сельскому обществу.

Источник предлагает следующую группировку по годам поселения или водворения: до 1895 г., с 1896 по 1900 г., с 1901 по 1905 г., с 1906 по 1910 г., с 1911 по 1915 г., с 1916 по 1917 г. Группировка не совсем показательна, так как не выделяет революционные годы и годы первой мировой войны. Но два интервала удачны — 1896—1900 и 1906—1910 гг. Первый — это время перелома в переселенческом движении в сторону возросшей массовости, второй — связан с его усилением в годы столыпинской реформы. Томский сборник — единственная из осуществленных в те годы публикаций западносибирских материалов обеих сельскохозяйственных переписей, включившая данные о давности образования переселенческих хозяйств.

Очень полон в источнике раздел о населении. В него вошли практически все показатели, которые были в анкетах переписи. Приведена повозрастная группировка населения, выделены грамотные крестьяне. По данным сборника возможно определение отсутствовавшего населения, в том числе призванных в войска мужчин. Итоговые цифры о хозяйствах, пользовавшихся наймом, не ограничены данными только о дворах, прибегавших к труду сроковых рабочих: в источнике есть сведения о числе хозяйств с поденным и сдельным наймом. Правда, в общее число учтенных наемных рабочих вошли только сроковые.

В разделе о землевладении источник разграничивает наделные, подворно-наследственные и купчие земли на земли хуторов и отрубов. Приведены данные о товарищеских и общественных землях. Таким образом, все категории земель, составлявшие земли крестьянских хозяйств (наделные, купчие, единоличные, товарищеские и общественные) источником учтены. В сборнике подсчитаны и площади церковных и школьных земель. В отличие от тобольской публикации томская привела данные о размерах площадей всех угодий, о сдаче и аренде пашни и сенокоса. Программа поуездных итогов расширена в сборнике публикацией сведений о площадях второстепенных культур. Данные об общем числе сельскохозяйственного инвентаря в четырех уездах

³⁵ Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 годы. Томск, 1928.

губернии дополнены сведениями о его найме, что дает в руки исследователя дополнительный материал для оценки степени развития капиталистических отношений.

Итак, все сказанное доказывает насыщенность источника различными данными. Тем более приходится сожалеть, что весь материал сборника приводится только в виде общих уездных итогов, а не для каждой отдельной категории сельских хозяйств.

Таким образом, все издания материалов переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири содержат валовой цифровой материал. Валовые показатели и отсутствие группировок дворов затушевывают экономическое неравенство крестьянских хозяйств — в этом один из главных недостатков публикаций.

Что касается достоверности и сопоставимости результатов двух переписей, то здесь можно сказать следующее. Итоги переписей по большинству показателей разделов о населении, скоте и посевах превышают данные Центрального статистического комитета³⁶. Это свидетельствует о более полном учете элементов сельскохозяйственного производства, произведенном в результате экспедиционного обследования. И по другим районам страны материалы переписей вполне доброкачественны. Довольно высоко их оценили, например, в Самарской губернии, где имелся значительный опыт проведения земских переписей³⁷. Правда, некоторой неполнотой материалы переписей по Западной Сибири все же страдают. Это относится к учету сельскохозяйственного инвентаря, землевладения, посевных площадей некоторых культур.

Материалы двух переписей по разделам о скоте и посевах сопоставимы. Полностью тождественны при обоих обследованиях возрастные группировки по видам скота. Данные переписей об общем числе лошадей сравнимы с итогами военно-конских переписей 1908 и 1912 гг. После соответствующего пересчета можно сопоставить эти сведения и по числу рабочих лошадей в районах. Несравнимы данные двух переписей об общем числе дворов в районах, общей численности населения, своих и наемных работников³⁸. Несопоставимы материалы обследований и по частновладельческим хозяйствам, поскольку под таковыми понимались разные хозяйства (крупные крестьянские дворы, государственные опытные поля, тюремные фермы и др.). Причины несопоставимости возникали, главным образом, на стадии разработки программы регистрации и объясняются разнообразием в определении единиц учета.

³⁶ Статистический ежегодник России. 1916 год. Пг., 1917.

³⁷ Критическая оценка материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи и система ее разработки. Самарская губерния. Самара, 1916, с. 23, 36, 42 и др.

³⁸ В 1916 г. учитывались лишь те наемные рабочие, которые проживали или предполагали прожить в описываемом хозяйстве не менее 30 дней — все поденные и сдельные рабочие в подсчет не вошли.

Результаты Всероссийских сельскохозяйственных переписей по Западной Сибири привлекли внимание исследователей уже в 20-е годы. Этот интерес был вызван появлением основного комплекса публикаций статистических итогов. Данные обследований использованы в появившихся в то время работах Н. П. Огановского, Н. Ишмаева, И. А. Черемных, И. Ярового, С. Гензеля и других авторов³⁹. В большинстве этих работ материалы обследований используются для суждений о тенденциях развития сибирского земледелия и скотоводства.

Одной из первых попыток использования разработанных данных переписи 1917 г. были группировки Н. Ишмаева по 11 казачьим поселкам трех уездов Омской губернии. Группировки были составлены по первичным данным переписи и материалам выборочных обследований 1909—1911 гг. в Акмолинской области. Исследование Н. Ишмаева продемонстрировало процесс измельчания казачьих хозяйств.

С середины 50-х годов материалы статистических обследований вновь стали широко использоваться в исторических исследованиях. Говоря о влиянии первой мировой войны на разорение и обнищание крестьянства, А. А. Храмов приводит данные о числе беспосевных хозяйств за 1913—1917 гг. в Томском и Мариинском уездах⁴⁰.

Материалы социально-экономической статистики, в том числе и данные переписей 1916—1917 гг. широко представлены в работах Л. М. Горюшкина⁴¹. Он использует данные переписей при изучении степени зрелости капиталистических отношений в сибирской деревне, факторов, влиявших на экстенсивность сибирского полеводства, обеспеченности сельского населения землей и других вопросов. Л. М. Горюшкин привлекает и местные публикации, тогда как большинство исследователей ограничивается данными более известных центральных публикаций. Разработанные итоги переписи 1917 г. по Алтаю (6319 крестьянских хозяйств) позволили исследователю уточнить соотношение торговли и ростовщичества и капиталистического предпринимательства в хозяйствах кулаков этого района.

³⁹ Огановский Н. П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921; Ишмаев Н. Сибирское казачество: (Статистический очерк). Самара, 1920; Черемных И. Современное состояние сельского хозяйства Сибири.— Северная Азия, 1925, кн. 1—2; Яровой И. Очерк сельского хозяйства Сибири: Скотоводство.— Жизнь Сибири, 1922, № 3; Гензель С. Сельское хозяйство Новониколаевской губернии в 1917—1923 гг.: Краткий очерк. Новониколаевск, 1924.

⁴⁰ Храмов А. А. Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 г. (по материалам Томской губернии). Автореф. канд. дис. ... ист. наук, Томск, 1955.

⁴¹ Горюшкин Л. М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне: Об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX— начале XX в. Новосибирск, 1962; Он же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков; Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976.

В обширной монографии В. Г. Тюкавкина представлены элементы источниковедческой критики данных переписи 1917 г. Так, автор отмечает, что опубликованные итоги переписи по Сибири или не включили данных о таких угодьях, как пастбища, выгоны, лес, или содержат неточные сведения. Анализируя опубликованные материалы поземельной переписи, В. Г. Тюкавкин убедительно доказывает, что значительно лучшая наделенность земель сибирских крестьян в сравнении с крестьянами Европейской России не означала и столь же лучшей обеспеченности наиболее важными угодьями, в первую очередь пашней⁴².

Отдельные данные сельскохозяйственных переписей по Западной Сибири использованы в работах В. А. Степынина, Л. Ф. Склярова, С. П. Галузо, Л. И. Футорянского и других авторов⁴³.

В целом, однако, материалы обследований используются еще недостаточно. Одной из причин этого является, на наш взгляд, отсутствие комплексного анализа возможностей использования данных обследований 1916—1917 гг., основанного на источниковедческой критике статистических материалов. Первым шагом в этом плане является введение к статистическим таблицам, полученным группой новосибирских историков после обработки на вычислительной машине выборочных данных переписи 1916 г. по Томской губернии⁴⁴. В статье Л. С. Гапоненко и В. М. Кабузана затронуты лишь вопросы территориального охвата переписями районов Сибири и Дальнего Востока⁴⁵.

Между тем круг вопросов, которые поддаются изучению на материалах обследований 1916—1917 гг., весьма широк. Нижеприведенные соображения о возможностях использования статистических итогов основаны не только на опубликованных в сборниках результатах переписей, но и на данных других источников.

По демографическим материалам переписей возможно изучение размещения сельского населения страны и ее отдельных

⁴² Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября: К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции. Иркутск, 1966, с. 16—17.

⁴³ Степынин В. А. Земельные комитеты Енисейской губернии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.— Науч. докл. высш. школы. Ист. науки, 1958, № 2; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; Галузо С. П. Основные социально-экономические уклады степного Казахстана — колонии периода империализма.— В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972; Футорянский Л. И. Казачество в системе социально-экономических отношений предреволюционной России.— Там же.

⁴⁴ Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С. и др. Указ. соч., с. 5—63.

⁴⁵ Гапоненко Л. С., Кабузан В. М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916—1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции.— История СССР, 1961, № 6, с. 97—115.

районов, численности населения, его полового и возрастного состава, соотношения старожильского и переселенческого населения (в Сибири и на Дальнем Востоке) и т. д. Сравнение итоговых данных по разделу о населении с данными демографического обследования 1897 г. дает представление о динамике численности населения. Так, в Алтайско-Томском районе за период 1897—1917 гг. число жителей возросло на 115%, Акмолинской области — на 123%, Тобольской губернии — на 40%.

По данным переписи 1917 г. по Томской губернии устанавливается связь между давностью прихода переселенцев в Сибирь и их припиской к сельскому обществу. Из 28 480 дворов переселенцев, чьи владельцы оказались в Сибири до 1906 г., не приписано к сельскому обществу было лишь 732 хозяйства, или 2,5%. Среди хозяйств, владельцы которых пришли в Сибирь позднее (47 183 двора), доля неприписных хозяйств уже выше 6,9% ⁴⁶. Впрочем, выражение «пришли в Сибирь» не совсем точно, ибо, игнорируя собранные для переселенческого населения сведения о губерниях его выхода, источники не разделяют переселенцев, прибывших из Европейской России и из губерний и областей Азиатской России, а может быть даже переменивших место жительства в пределах одной губернии. Почти половина переселенческих хозяйств в четырех северо-восточных уездах Томской губернии была образована в периоды с 1896 по 1900 г. и с 1906 по 1910 г., т. е. во время наиболее массового переселенческого движения.

Данные аграрных переписей по разделам о посевных площадях, скоте, промыслах дают представление о специализации различных сельскохозяйственных районов. По итогам переписи 1917 г., относительная доля посевов пшеницы составляла в Алтайской губернии 68,3%, Акмолинской области — 64,6%, Тобольской губернии — 47,7%, Томской губернии — 41,7%, а в целом по Западной Сибири — 55,3%. Второй самой распространенной культурой в Западной Сибири был овес. Посевные площади овса в 1917 г. занимали более трети посевов трех западносибирских районов ⁴⁷.

Большая роль Западной Сибири в производстве зерна не исключала разнообразия в специализации различных мелких территориальных единиц. Так, по предварительным сведениям переписи 1916 г., средний сбор зерна на одного человека сильно колебался в уездах Акмолинской области (см. табл. 1) ⁴⁸.

В Акмолинском и Атбасарском уездах коренное население почти в 2 раза превышало русское, средняя же посевная площадь, приходившаяся на одно казахское хозяйство Акмолинской

⁴⁶ Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии, с. 182—183. (Здесь и далее подсчеты наши. — И. О.).

⁴⁷ Статистический сборник за 1913—1917 гг., вып. 1, с. 236—239.

⁴⁸ Гос. архив Новосибирской области (ИАНО), ф. Д-151, оп. 1, д. 3, л. 18.

Таблица 1

Уезд	Средний сбор зерна на 1 человека, в пуд.		Уезд	Средний сбор зерна на 1 человека, в пуд.	
	Пшеница	Овес		Пшеница	Овес
Омский	61,0	9,2	Акмолинский	12,9	2,7
Петропавловский	32,7	13,5	Атбасарский	6,6	1,0
Кокчетавский	18,8	9,4			

области, в 13 раз уступала посевной площади переселенческого двора⁴⁹. Хотя скотоводство Западной Сибири имело ярко выраженный молочный характер, в степных районах Акмолинской области очевидна специализация на производстве мяса. Процент коров в составе крупного рогатого скота в области невысок — 30,4%. В более богатых лугами Тобольской и Томской губерниях он поднимался соответственно до 50,1 и 52,3. Рабочие волы и верблюды в Западной Сибири были распространены очень мало. Удельный вес верблюдов среди голов всех видов, принадлежащих казахам, достигал 4%⁵⁰. На каждые 100 рабочих лошадей в крестьянских хозяйствах Западной Сибири приходилось от 8 до 11 жеребят, у кочевников — 24. Такое различие крестьянского и кочевого коневодства объясняется, по-видимому, малым распространением у казахов земледелия и употреблением ими в пищу конины. Поволостные сводки по составу стада могут быть использованы для изучения распределения скота на территории губерний (областей).

Сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. — важный источник для изучения влияния первой мировой войны на сельскохозяйственное производство Западной Сибири. Даже в сравнении с правительственными данными 1914 г. недосев озимых в Сибири в 1916 г. составил 22,5%. Только за 1915—1916 гг. число голов скота в Томской губернии сократилось на 722 тыс.⁵¹ Сравнение итогов переписей 1916 и 1917 гг. по количеству скота показало, что сокращение его поголовья во всех трех районах Западной Сибири продолжалось и в 1916—1917 гг. За этот период уменьшилось число скота и в двух других губерниях Сибири — Иркутской и Енисейской — в среднем на 5,3%. Данные переписей свидетельствуют об относительном падении за годы войны численности молодняка, необходимого для восстановления табуна (см. табл. 2).

⁴⁹ ГАНО, ф. Р-13. оп. 1, д. 23, л. 9.

⁵⁰ Статистический сборник за 1913—1917 гг., вып. 1, с. 207; ГАНО, ф. Р-13, оп. 1, д. 23, л. 13.

⁵¹ Статистический ежегодник России. 1914 год. Пг., 1915; Сибирское сельское хозяйство, 1916, № 15/16, с. 317.

Таблица 2

Административная единица	Жеребята и лошади от 1 года до рабочего возраста, в %	
	по переписи 1916 г.	по переписи 1917 г.
Акмолинская область	20,5	19,9
Тобольская губерния	26,5	23,4
Томская губерния	24,2	23,9

За весь период войны в Томской губернии число голов молодняка в стаде рабочего скота сократилось на 7,3% ⁵².

Эти факты не подтверждают мнения некоторых исследователей о том, что война почти не отражалась на сельском хозяйстве Сибири. И. Черемных, например, утверждал, что в 1914—1917 гг. сибирское скотоводство имело постоянную тенденцию к расширению, а И. Яровой рассматривал данные переписи 1917 г. о скоте «как приближающиеся к периоду мирного времени» ⁵³.

Сведения о рождаемости и смертности крестьян Томской губернии, собранные при переписи 1917 г., свидетельствуют о снижении естественного прироста крестьянского населения губернии. Если в предвоенные годы он составлял 25 человек на 1 тыс. душ населения у переселенцев и 18 человек — у старожилов, то в 1916—1917 гг. — только 12,4 человека (в среднем по обеим группам) ⁵⁴.

Война изменила соотношение полов. Итоговые демографические данные переписи 1917 г., зарегистрировавшей всех призванных мужчин, показывают, очевидно, нормальное распределение мужчин и женщин в сибирской деревне. По этим данным, на 100 женщин в крестьянских хозяйствах Акмолинской области приходилось 109 мужчин, Тобольской губернии — 102, Томской — 103. В 1916 г. статистическое обследование, учитывая только наличное сельское население, на каждые 100 женщин регистрировало в Акмолинской области и Томской губернии 80 мужчин, в Тобольской губернии — 82. Оставшись к лету 1917 г. неизменным в Акмолинской области (наличное население), это соотношение изменилось в обеих губерниях: по данным второй сельскохозяйственной переписи по наличному населению в Тобольской губернии на 100 женщин осталось уже 80 мужчин, в Алтайско-Томской части Сибири — 79 мужчин.

Разница между числом хозяйств без наличных работников и без работников вообще составит численность семей, лишенных

⁵² Томская губерния: Статист. очерк. 1-е изд. Томск, 1917, с. 19.

⁵³ Черемных И. Указ. соч., с. 45; Яровой И. Указ. соч., с. 2.

⁵⁴ Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии, с. 186.

рабочих рук из-за мобилизации в армию мужчин и отхода на заработки. По цифрам 1917 г. в Тобольской губернии эта разница составила 83 255 хозяйств (25% от всех дворов), в Томской — 46 799, или около трети всех хозяйств⁵⁵. Число всех призванных мужчин в Тобольской губернии за весь период войны составило 24% лиц мужского пола и почти половину трудоспособного мужского населения. Убыль мужской рабочей силы ослабляла хозяйства. К сожалению, сравнение итогов переписей по обеспеченности хозяйств рабочей силой некорректно. Выяснение числа лиц нерабочего возраста, учтенных переписью 1916 г. в качестве полных работников, возможно только путем пересчета с помощью анкет выборочной переписи (ф. 2 и 3). Все же снижение числа мужчин-работников в сибирской деревне было столь значительным, что и такое относительное сравнение становится показательным. Так, в 1916 г. работники составляли 38,5% всех мужчин в Тобольской губернии, а в 1917 г. — лишь 23,2%.

Недостаток собственной рабочей силы хозяйства не могли компенсировать ее наймом, ибо убыль работников не касалась только некоторых групп хозяйств. К сожалению, ни одна из публикаций материалов переписи 1916 г. по Западной Сибири не приводит данных ни о числе хозяйств, использовавших наемный труд, ни о числе привлекавшихся работников. В результате прямое сравнение числа дворов с наемной рабочей силой по материалам переписей невозможно.

В сельском хозяйстве в широком масштабе начал применяться труд лиц нерабочего возраста и женщин, причем даже для обработки земли. Лица нерабочего возраста в Тобольской губернии в 1917 г. составили 17% трудоспособных мужчин; 15% трудоспособных женщин в этой же губернии участвовали в пахоте. Беженцы и военнопленные не играли сколько-нибудь заметной роли в сельскохозяйственном производстве. В числе всех трудоспособных мужчин Тобольской губернии беженцы составляли только 0,23%, военнопленные — 1,14%. В Томской губернии перепись 1917 г. зарегистрировала всего 467 военнопленных, работавших по найму, и совсем ничтожное число нанятых в чужое хозяйство беженцев (38 человек)⁵⁶. Таким образом, труд беженцев и военнопленных, конечно же, не мог компенсировать колоссальных потерь рабочей силы в сельском хозяйстве.

Результаты переписей 1916—1917 гг. — источник для изучения отдельных процессов развития капитализма — использования наемной рабочей силы, найма сельскохозяйственных машин, аренды земли. Данные обследования 1917 г. довольно полны для характеристики обеспеченности различных типов хозяйств

⁵⁵ Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1917 года по Тобольской губернии, табл. 1; Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии, с. 185.

⁵⁶ Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской губернии, с. 2; Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии, с. 185.

наемной рабочей силы. В Акмолинской области к сроковому найму прибегали 4% крестьянских хозяйств, 4,5% казахских, 12% дворов казаков и 41% частновладельческих хозяйств. На одно нанимавшее казахское хозяйство приходилось в среднем по 1 работнику, казачье — 1,2, крестьянское — 1,4, частновладельческое — 4,1⁵⁷.

По итогам переписи 1917 г. можно установить степень применения найма в различных частях Сибири, сравнить ее с другими районами страны. Так, Л. М. Горюшкин на основании данных обследования пришел к верному выводу о большем распространении наемного труда в Западной Сибири по сравнению с губерниями Черноземного и Нечерноземного центра, где были сильные крепостнические пережитки, и о меньшем — по сравнению с югом Европейской России⁵⁸.

Приводя данные обследований лишь о сроковых рабочих, публикации материалов переписей занижают широту применения наемного труда в сельском хозяйстве. Незрелые формы капитализма в сибирской деревне приводили к тому, что в число хозяйств, не прибегавших к найму рабочих, попадали и зажиточные, основанные на торгово-ростовщической эксплуатации крестьянской бедноты. И наоборот, в условиях военного времени, когда многие крестьянские семьи лишились работников, среди хозяйств с наемным трудом могли оказаться и бедняцкие. До войны основными нанимателями выступали зажиточные старожильческие хозяйства. По приводимым Л. М. Горюшкиным сведениям, до войны почти 70% нанимавшихся в Томской губернии были заняты в хозяйствах старожилов⁵⁹. Война привела к распространению найма среди переселенческих дворов, о чем свидетельствуют и данные переписи 1916 г.⁶⁰ Это подтверждает наше предположение о том, что итоги переписей 1916—1917 гг. как данные военного времени не совсем показательны для оценки характера использования наемного труда. Но даже с учетом этого материалы переписей доказывают, что наемный труд использовался преимущественно в зажиточных и кулацких хозяйствах. Приведем таблицу, помещенную в сборнике статистических материалов 1916 г. по Томской губернии по хозяйствам, использовавшим наемный труд⁶¹, и дополним ее данными об обеспеченности дворов собственной рабочей силой (см. табл. 3).

Таким образом, и в период войны наймом пользовались в основном хозяйства, лучше обеспеченные посевами и скотом. То, что в этих хозяйствах было больше и своих работников, свидетельствует о предпринимательском характере найма.

⁵⁷ Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям, с. 64—65.

⁵⁸ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, с. 124.

⁵⁹ Там же, с. 121—122.

⁶⁰ Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С. и др. Указ. соч., с. 291.

⁶¹ Там же, с. 62.

Таблица 3

Группа хозяйства	Посев на 1 двор, дес.	Рабочие лошади на 1 двор, голов	Коровы на 1 двор, голов	Свои работники на 1 двор, человек
Без наемных работников	4,6	3,5	2,8	2,5
С 1 наемным работником	8,2	4,6	3,9	2,8
» 2 наемными работниками	11,1	6,0	4,5	3,1
» 3 » »	10,7	5,8	4,9	3,6
» 4 » »	14,7	11,1	25,6	4,2
Свыше 4 наемных работников	8,0	5,1	11,6	4,4

Итоги обследования 1917 г. по Томской губернии раскрывают факты частого использования труда подростков и стариков, нанимавшихся в чужое хозяйство. Процент мальчиков и девочек в возрасте до 14 лет, работавших по найму, к общему числу наемных рабочих достигал 10%, а женщин старше 55 лет и мужчин, чей возраст перевалил за 60, — 7%⁶².

Чтобы оценить характер аренды, вновь воспользуемся выборочными данными переписи 1916 г. по Томской губернии, главным образом, результатами решенной на ЭВМ задачи по распределению хозяйств по величине арендованного посева и посева на арендованной земле⁶³. Сразу отметим, что число хозяйств, имевших арендованный посев, незначительно, и речь здесь идет прежде всего о дворах, арендовавших пашню. Из 1039 попавших в выборку арендовавших хозяйств 994 арендовали именно пашню. Взаимосвязь аренды, найма работников и обеспеченности скотом характеризует табл. 4.

Итак, среди арендовавших землю хозяйств больше арендовали те, которые располагали большим числом рабочих лошадей, своих и наемных работников, лучше были обеспечены коровами. С возрастанием арендованных площадей росла и степень применения наемного труда в зажиточных и кулацких хозяйствах. По результатам обработки массива карточек переписи на 8288 крестьянских дворов Томской губернии приходилось 536 нанимавших рабочую силу, т. е. 6,5%, из 1039 дворов, арендовавших землю, таких было 99, или 8,1%, из 367 дворов, арендовавших свыше 4 дес. земли, — 52, или 14,1%. Наконец, уже каждое пятое хозяйство из арендовавших свыше 10 дес. земли пользовалось наймом чужого труда. Таким образом, данными переписи иллюстрируется положение В. И. Ленина о превращении аренды в капиталистическое фермерство⁶⁴.

⁶² Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии, с. 182—185.

⁶³ Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С. и др. Указ. соч., с. 223—230.

⁶⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 86—87.

Таблица 4

Хозяйство	число дворов	Посев на надельной земле, дес.		Рабочие лошади, голов		Коровы, голов		Свои работники, человек		Наемные работники, чел.	
		всего	на одно хозяйство	всего	на одно хозяйство	всего	на одно хозяйство	всего	на одно хозяйство	всего	на одно хозяйство
Всего в выборке	8288	40884,0	4,9	30189	3,6	24744	2,9	21067	2,5	768	0,09
В том числе арендовавшие землю и посевы	1039	3503,1	3,3	3972	3,8	3378	3,2	2848	2,7	157	0,15
В том числе арендовавшие свыше 4 дес. земли и посевов	367	1723,3	4,7	2084	5,4	1652	4,4	1206	3,3	91	0,25
В том числе арендовавшие свыше 10 дес. земли и посевов	99	492,3	5,0	747	7,5	600	6,0	406	4,1	43	0,43

Таблица 5

Категория населения	Всего хозяйств	В том числе					
		без работников	в % к числу хозяйств	без скота	в % к числу хозяйств	без рабочего скота	в % к числу хозяйств
Старожилы	225 876	24 594	10,9	14 446	6,4	25 374	11,2
Переселенцы	90 902	8096	9,9	8126	8,9	14 093	15,5
Казачи	70	6	8,5	12	10,7	17	24,3
Аборигены	12 139	773	6,3	1015	8,3	1338	11,0
Итого:	328 987	33 469	10,2	23 699	7,5	40 882	12,3
						8691	3,9
						4430	4,9
						—	—
						1405	11,5
						14 526	4,4

Но вернемся к материалам табл. 4. Обращает на себя внимание тот факт, что у арендовавших землю хозяйств средний посев на наделной земле уступает его величине для всех хозяйств в выборке. Причиной может быть наличие «голодной» аренды: наличие, но не преобладание. Во всяком случае, для группы хозяйств, которые арендовали свыше 4 дес., эта разница совсем незначительна. Величина средней посевной площади на наделной земле для дворов, арендовавших более 10 дес. земли, уже несколько выше средней по всем хозяйствам в выборке. Так действительное землепользование становилось «все менее и менее соответствующим... наделному землевладению крестьянства»⁶⁵.

По валовым данным томского издания итогов переписи можно установить общую величину сданных и арендованных пашни и сенокоса⁶⁶, но ни одно из изданий по Акмолинской области и Тобольской губернии вообще никаких данных по аренде-сдаче земли не приводит.

На основании результатов переписи 1917 г. по Тобольской губернии поддается изучению средняя экономическая обеспеченность некоторых групп сельского населения: крестьян (старожилов и переселенцев), казаков, коренных жителей (см. табл. 5)⁶⁷.

Удельный вес дворов, лишенных скота, рабочего скота и земли, по хозяйствам старожилов ниже их удельного веса по другим категориям.

Применение в сельском хозяйстве найма рабочей силы и машин, развитие арендных отношений определялись центральным процессом капиталистического развития деревни — разложением крестьянства. В. И. Ленин при изучении вопросов, связанных с разложением крестьянства как класса, говорил о необходимости использования группировок по хозяйственной состоятельности⁶⁸. Задача типологической группировки состоит в том, чтобы подразделить всю массу объектов на характерные типы, т. е. однородные в существенном отношении группы.

Критикуя приемы обработки статистических данных, характерные для земской статистики, В. И. Ленин требовал, чтобы обработка первичных материалов давала «как можно больше, как можно рациональнее и детальнее составленных *групповых и комбинационных таблиц* для отдельного изучения *всех* наметившихся — или *намечающихся*... — в жизни *типов* хозяйств»⁶⁹. В условиях капиталистического развития российской деревни В. И. Ленин считал рациональной группировку, которая позволила бы

⁶⁵ Там же, с. 94.

⁶⁶ Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии, с. 189—191.

⁶⁷ Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской губернии, табл. III—IV.

⁶⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 82.

⁶⁹ Там же, т. 24, с. 277.

выделить различные степени замены натурального хозяйства капиталистическим сельским хозяйством.

Разнообразие комбинаций хозяйственной обеспеченности крестьянских хозяйств в Сибири требует сочетания различных признаков, положенных в основание группировки. Отсутствие в программах сельскохозяйственных обследований 1916 и 1917 гг. бюджетных сведений не дает возможности группировать данные о крестьянских хозяйствах по признаку доходности. Но в основание группировки могут быть положены и другие существенные признаки — величина посевов, число рабочих лошадей, коров и др.

К сожалению, построение группировок по обеспеченности хозяйств рабочими лошадьми с использованием итогов сельскохозяйственных переписей и данных военно-конской переписи 1912 г. оказывается невозможным. Военно-конская перепись отнесла к рабочим лошадям 5 лет и старше⁷⁰, сельскохозяйственные же — 4 лет и старше. Эти материалы сравнимы только по общему числу рабочих лошадей в районе (после соответствующего пересчета). Так, за 1916—1917 гг. доля хозяйств без рабочих лошадей в Томской губернии возросла с 9,2 до 12%.

Советскими историками доказано, что главным фактором, определявшим хозяйственную состоятельность переселенцев, являлась не продолжительность их пребывания на новом месте, как считали буржуазные авторы, а социально-экономические условия⁷¹. «Временной» фактор не был решающим, хотя удельный вес бедняцких дворов изменялся в зависимости от временного интервала, в котором переселенцы оказались в Сибири. Об этом свидетельства дают данные табл. 6⁷².

Подведем итоги. При использовании данных Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. необходимо различать те возможности, которые исследователь получает при знакомстве с публикациями итогов обследований, и те, которые таит в себе изучение данных карточек. Все издания материалов переписей в разной мере страдают неполнотой. Издания итогов переписи 1917 г. более насыщены информацией, чем публикации предыдущего обследования. Материалы переписи 1917 г. позволяют выделить хозяйства приписных и посторонних, беженцев и военнопленных, отсутствовавшее население. Они содержат данные о числе хозяйств, лишенных земли, рабочего скота и др. По сведениям местных публикаций возможно, кроме того, выделение данных об аренде и сдаче земли, о найме сельскохозяйственного инвентаря (в Томской губернии), а также отдельных данных по хозяйствам старожилов и переселенцев (в Тобольской губернии).

⁷⁰ Статистика Российской империи. СПб., 1914. Т. 82. Военно-конская перепись 1912 г., с. III.

⁷¹ См., например: *Скляров Л. Ф.* Указ. соч.

⁷² *Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С. и др.* Указ. соч., с. 137, 224, 292.

Таблица 6

Распределение дворов переселенцев по годам прихода их владельцев в Сибирь	Число хозяйств	В том числе					
		хозяйств без псева и с псевом до 4 дес.	в % к числу хозяйств	хозяйств без рабочих лошадей и с 1—2 лошадьми	в % к числу хозяйств	хозяйств без скров и с 1—2 коровами	в % к числу хозяйств
До 1896 г.	1325	540	40,7	478	36,3	701	52,8
1896—1904 гг.	999	476	47,6	} 806	58,1	650	65,0
1905—1907 гг.	387	234	60,0			287	74,3
1908—1913 гг.	837	488	58,3	502	60,0	676	80,8
1914—1916 гг.	47	35	74,5	37	80,0	37	80,0

По опубликованным материалам переписей 1916—1917 гг. может быть изучен вопрос об обеспеченности хозяйств скотом и посевными площадями, а по данным 1917 г. — еще и собственной и наемной рабочей силой, сельскохозяйственным инвентарем и землей. Сравнение средней обеспеченности крестьянского и местного населения в Акмолинской области, Тобольской и Томской губерниях возможно по публикациям результатов переписи 1916 г. Изучение социально-экономического положения частновладельческих хозяйств в Западной Сибири невозможно, так как нельзя разграничить различные хозяйственные единицы, которые описывались в этой категории.

Поддаются изучению вопросы размещения сельского населения страны и ее отдельных регионов. Исследование разложения крестьянства по материалам публикаций итогов переписей затруднительно, так как валовые данные исключают возможность каких-либо группировок. Для изучения этого процесса необходимо привлечение первичных данных обследований.

В статье не проанализированы многие интересные задачи, которые могли бы быть решены на первичных материалах статистических обследований. Эти задачи могут решаться и традиционными приемами и с помощью методов математического анализа. Перечислим некоторые из них. Массовые сведения о губерниях выхода переселенцев и годах их переезда пригодны для изучения миграции переселенческих групп внутри Сибири. Первичные данные переписей позволяют выявить удельный вес трех основных экономических групп крестьянских хозяйств и по очень мелким территориальным единицам — селениям и волостям — и по крупным регионам. По сведениям анкет можно установить соотношение двух основных форм землепользования у различных категорий крестьянского населения в масштабах всей Сибири. Первое представление об этом дает уже соотношение поселенных и пообщинных бланков переписи 1917 г., заполненных в изучаемом районе. Массовые сведения позволяют выяснить удельный вес каждой сельскохозяйственной культуры, каждого вида скота в различных по зажиточности группах хозяйств и

природно-географических зонах. Использование корреляционно-го анализа поможет определить зависимость между различными показателями хозяйственной обеспеченности дворов. Внутригрупповой и межгрупповой статистический анализ массовых данных переписей 1916 и 1917 гг., несомненно, поможет прийти к интересным заключениям о положении сельского хозяйства и крестьянства накануне Октябрьской революции.

Будем надеяться, что обработка информации анкет переписей по однообразной программе с получением сравнимых выводов станет главным этапом в использовании советскими историками материалов переписей 1916 и 1917 гг. Вопрос о комплексном изучении первичных данных переписей уже поставлен нашими историками-аграрниками⁷³. От себя добавим, что при обработке материалов переписей по Степному краю, Сибири и Дальнему Востоку целесообразно дополнить единую программу вопросами местного значения. Применение ЭВМ позволит значительно увеличить объем привлекаемых для анализа материалов, на основе которых могут решаться вопросы об основных социально-экономических процессах в деревне, о социальной структуре крестьянства.

⁷³ См., например, выступления Л. М. Горюшкина и Л. С. Терещенко в кн.: Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы научной конференции 9—12 июня 1969 г. М., 1971, с. 83—84, 89—90.

О ДОСТОВЕРНОСТИ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (1858—1917 гг.)

В. М. Кабузан

С 1858 г. в России вместо ревизий был введен административно-полицейский учет населения, являвшийся более совершенным видом подсчета жителей империи. Он регистрировал не приписное, а все наличное население страны на определенную дату. Было проведено шесть общероссийских¹ административно-полицейских исчислений: в 1859, 1863, 1867, 1870, 1885 и 1896 гг.², когда «по кварталам и станам» местная администрация регистрировала все население империи.

Кроме того, губернские статистические комитеты (а там, где их не было — губернское начальство) и Центральный статистический комитет (ЦСК) МВД с 1842 г. ежегодно определяли примерную численность населения, исходя из данных о естественном движении населения и его переселениях из одной губернии в другую.

Первой и последней однодневной научно-организованной переписью, произведенной в дореволюционной России, была перепись 28 января 1897 г. Она была осуществлена путем непосредственного опроса всего населения на одну и ту же дату, по единой программе и единому, заранее утвержденному плану. Однако программа переписи имела ряд серьезных недостатков: отсутствовали прямые сведения о классовом и национальном составе населения, нечетко определялся образовательный ценз и т. д. Тем не менее она впервые в истории России дала точные цифры общей численности населения всего государства.

¹ За исключением Финляндии, где с 1749 г. существовал свой хорошо организованный учет населения.

² Статистические таблицы Российской империи, изданные по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. СПб., 1863. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год; Статистический временник Российской империи, изданный Центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1866, вып. 1; Статистический временник Российской империи, изданный Центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1874, сер. 2, вып. 2; Статистический временник Российской империи, изданный Центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1875, сер. 2, вып. 10; Статистика Российской империи. СПб., 1887. Вып. 1. Сборник сведений по России за 1884—1885 гг.; Статистика Российской империи. СПб., 1897. Вып. 11. Сборник сведений по России, 1896 год.

В начале XX в., ясно сознавая недостатки текущих исчислений ЦСК МВД, ученые статистики (П. П. Семенов-Тяньшанский, А. А. Кауфман и др.) подняли вопрос о проведении в России II Всероссийской переписи населения. Усилившиеся в этот период миграционные процессы (переселение на окраины и в города, эмиграция за рубеж) привели к существенным сдвигам в размещении народонаселения России. В 1897—1916 гг. внутренний миграционный процесс охватил более 5 млн. человек. В Москву прибыло более 700 тыс., в Петербург — более 1 млн., в Одессу — более 100 тыс. человек. Одновременно с этим в Среднюю Азию переселилось почти 1,5 млн., в Сибирь и на Дальний Восток — 2,5 млн. и на Кавказ — около 1 млн. человек³.

Исчисления же ЦСК МВД, публиковавшиеся с 1904 по 1916 г. (Статистические ежегодники России. СПб. (Пг.), 1905—1918), принимали во внимание переселения лишь с 1909 г. и то в неполном объеме, а отток населения в города почти полностью игнорировали. Не учитывались в должной мере и эмиграционные процессы, хотя с 1897 по 1916 г. превышение притока над оттоком составило почти 0,5 млн. человек (одновременно с этим в США убыло за это время 2670 тыс. человек русских подданных)⁴. Поэтому очень скоро данные исчислений ЦСК МВД начали сильно искажать демографическую ситуацию в России.

В 1913 г. началась подготовка к новой демографической переписи, которую предполагалось провести в декабре 1915 г., однако начавшаяся война помешала осуществлению этого плана⁵.

Лишь в мае—июне 1916 г. в 69 губерниях и областях России (кроме оккупированных территорий, четырех областей на Кавказе и двух в Сибири) была произведена перепись наличного населения страны в сельской местности⁶. Она не учла населения большинства городов и так называемое «временно отсутствующее население».

В 1917 г. в стране была произведена последняя в истории дореволюционной России сельскохозяйственная поземельная и городская перепись населения. 18—23 апреля 1917 г. в Москве Министерством земледелия был созван съезд статистиков страны, который принял программу переписи. Одновременно с сельскохозяйственной переписью программой предусматривалась пе-

³ Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 годы. СПб., 1910, с. 2—45; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно). Пг., 1916; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922, с. 1—2, 13—14; Статистический ежегодник города Москвы (год 2, 1907—1910). М., 1910, вып. 1; (год 5, 1911—1913). М., 1916; ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, 1870—1915 гг., д. 755, л. 72—75, 163.

⁴ Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928, с. 20, 22, 107.

⁵ Центральный государственный исторический архив СССР (далее: ЦГИА СССР), ф. 1290, оп. 10, д. 126—129, 131, 132, 138—141, 154—155.

⁶ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1916—1917, вып. 1—3.

репись в городах и поселениях городского типа. Предполагался учет не только наличного, но и так называемого «обычного» населения. Все временно отсутствующие регистрировались особо в местах своего постоянного жительства. Отдельно учитывались призванные в армию, военнопленные и беженцы⁷.

5 мая 1917 г. Временное правительство по представлению Министерства земледелия приняло закон о переписи всего населения летом 1917 г. 9 мая 1917 г. было опубликовано постановление министра земледелия, в котором определялся порядок, ход и цели предстоящей переписи⁸. Она должна была охватить всю территорию России, кроме Финляндии и земель, оккупированных неприятелем. Кроме того, переписью не были охвачены отдельные труднодоступные районы Сибири и Дальнего Востока. В целом она охватила целиком или частично в Европейской России 41 губернию или область, в Казахстане и Средней Азии — 7, в Сибири и на Дальнем Востоке — 8, на Кавказе — 5, а всего 61 губернию или область⁹.

По 14 губерниям и областям, не охваченным переписью 1917 г., приходится привлекать результаты переписи и исчисления 1916 г. (5 — в Европейской России, 2 — в Казахстане и Средней Азии, 6 — на Кавказе, 1 — в Сибири). По остальным нужно привлекать данные текущего административно-полицейского учета.

Кроме того, при определении численности населения империи в 1917 г. приходится учитывать результаты однодневной переписи русской армии 20 апреля 1917 г. и число русских пленных в Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, а также примерные потери России в войне¹⁰.

В целом перепись 1917 г. имела ряд серьезных недостатков. Она не охватила всей территории России и растянулась на значительный срок (в среднем длилась более трех месяцев — с середины июня по октябрь). Отсюда ясно, что не может быть речи

⁷ Бюллетень Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи, № 1, июль 1917 г., с. 4, 6, 8, 14, 25; ЦГИА СССР, ф. 433, оп. 1, д. 57, л. 1—47.

⁸ Бюллетень Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи, № 1, июль 1917 г., с. 4, 6, 8, 14, 25; ЦГИА СССР, ф. 433, оп. 1, д. 57, л. 1—47.

⁹ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М., 1923; Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 гг.— Бюллетень ЦСУ СССР, № 77, с. 11; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 г.: Калужская губерния. М., 1919; Города и поселения городского типа Новгородской губернии по переписи 1917 г. Новгород, 1922; Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. Красноярск, 1921; и др.

¹⁰ Сазонов Л. И. Численность русской армии в войну 1914—1918 гг.— В кн.: Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. М., 1923, с. 121—139; Биншток В. И. Военные потери России в войну 1914—1918 гг.— Там же, с. 139—152; Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960, с. 139—141, 296—303, 371—398.

о правильном учете всего наличного населения, приуроченном к одному дню, на территории всего государства. Сколько-нибудь удовлетворительной проверки результатов переписи также не производилось. Тем не менее материалы переписи 1917 г. содержат данные, отразившие в общей форме изменения в численности и географическом размещении подавляющей части населения России в эпоху империализма.

Кроме общегосударственных переписей с 60-х годов XIX в. в ряде городов и губерний страны производились локальные научно-организованные переписи населения (в Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе, Тифлисе, Прибалтике, Костромской губернии и т. д.)¹¹.

Кроме текущего административно-полицейского учета и переписей с середины XIX в. в России было улучшено качество регистрации естественного движения жителей¹² и организован учет внешнего миграционного движения. В ряде губерний повышенного притока населения (Петербургская, Варшавская губернии, Кубанская, Амурская, Донская области и др.) уже в 60-е годы XIX в. был налажен учет внутреннего механического движения населения. С рубежа XX в. он распространился на всю империю, о чем свидетельствуют данные публиковавшихся с 70-х годов XIX в. «Обзоров начальников губерний».

Насколько, однако, могут быть признаны достоверными результаты переписей и исчислений населения пореформенной России?

Прямых источников для разрешения такой задачи, к сожалению, не было в дореформенной России. В XVIII — первой половине XIX в. ревизии являлись по существу единственным всеобъемлющим видом учета населения, но мы не можем ответить на вопрос, какая часть населения страны смогла уклониться от ревизского учета. Используя результаты ревизий, мы лишь можем предполагать, что доля неучтенных жителей не была значительной, особенно в центральных, наиболее освоенных районах.

С 1858 г. на смену ревизиям приходят административно-полицейские исчисления, локальные научно-организованные переписи и переписи всего населения страны. Организуется церковный учет естественного движения населения и предпринимаются попытки фиксации механического движения.

Все это позволяет поставить вопрос об определении достоверности учета населения пореформенного периода на подлинно научную основу. Появляется возможность сравнивать на одну дату результаты переписей и текущего полицейского учета и, сверх того, используя данные о естественном и механическом приросте населения, определять его примерную численность в

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 755.

¹² Бессер А., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851—1890 годы. СПб., 1897, с. 43.

любое время. В конечном счете, это дает возможность получать достоверные цифры народонаселения страны. Используя как контрольные показатели результаты научных переписей, мы можем определять возможную степень погрешности текущего учета и выявлять районы и категории населения, регистрируемые с наибольшей или наименьшей степенью.

В 1858—1870 гг. в России, как указывалось выше, было проведено четыре крупных исчисления населения. Именно в этот период предпринимается попытка отойти от несовершенного ревизского учета, регистрировавшего так называемое «приписное» население (приписанное к местности взимания подушной подати), к учету наличного числа жителей, проживающих на определенной территории в момент проведения исчисления.

Естественно, что достичь при новых способах регистрации населения достаточно высокой точности удалось не сразу. Внутренние миграционные процессы в 60-х годах XIX в., особенно в первой их половине, не были значительны (в Петербурге механический прирост составил в 1859—1863 гг. 32,1 тыс. человек, в 1863—1867 гг. — 125,8 тыс. и в 1868—1870 гг. — 76,4 тыс. человек¹³; по данным губернских отчетов в 1859—1863 гг. в Сибирь прибыло около 52 тыс. переселенцев и т. д.).

В этот период в процессе механического движения населения ведущая роль принадлежала внешней миграции. Отток населения за рубеж (с территории Крыма, Западного Кавказа, Ставрополя и Польши) тогда значительно превышал приток. В 1859—1863 гг. убыль превзошла прибыль на 45 тыс. человек, в 1864—1867 гг. — более чем на 350 тыс. и лишь в 1868—1870 гг. баланс миграций дал положительный результат — 115 тыс. человек¹⁴.

В целом население Российской империи в 60-е годы XIX в. увеличивалось преимущественно путем довольно высокого естественного прироста (в 50 губерниях Европейской России естественный прирост на 1 тыс. жителей составлял в 1861 г. 14,3‰, в 1862 г. — 17,1‰, в 1863 г. — 12,3‰, в 1864 г. — 14,2‰, в 1865 г. — 13,1‰, в 1867 г. — 14,4‰, в 1868 г. — 9,1‰, в 1869 г. — 11,4‰, в 1870 г. — 14,2‰)¹⁵. Это было гораздо выше, чем в соседних государствах Европы (Швеции, Франции, Дании)¹⁶.

¹³ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922, с. 1—2, 13—14.

¹⁴ Статистика Российской империи: Сборник сведений по России за 1884—1885 гг. СПб., 1887, с. 55—56. В 1864—1867 гг. без Западного Кавказа, полностью включенного в состав империи, приток превзошел отток на 119 тыс. человек обоим пола. Однако с Западного Кавказа и Ставрополя в Турцию в эти годы убыло около 470 тыс. человек (Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916, с. 25), в силу чего общий баланс миграций дал отрицательную величину в 350 тыс. человек.

¹⁵ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, с. 155—156.

¹⁶ Куркин П. И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938, табл. 17.

Анализ показателей административно-полицейских исчислений 1858—1863 гг., последней X ревизии (1858 г.) и данных о естественном приросте населения в 1859—1863 гг. (см. табл. 1) показывает, что в 1858 г. текущим полицейским учетом население России было зафиксировано весьма неудачно, так как число жителей оказалось сильно завышенным. Администрация оказалась не в состоянии четко разграничить приписное и наличное население, в результате чего временно находившиеся в городах жители регистрировались дважды. МВД сам допускал возможность завышения числа жителей империи в 1858 г. на 1 млн. душ мужского пола¹⁷.

Об этом свидетельствуют данные о движении населения в 1858—1863 гг. по Европейской России и Западной Сибири. X ревизия учла в Европейской России 56 646,1 тыс. человек, а исчисление ЦСК МВД на 1.I.1859 г. — 59 320,6 тыс., или на 2674,5 тыс. человек больше. В 1863 г. на той же территории было зарегистрировано 61 333 тыс. человек. Естественный прирост в 1859—1863 гг. составил 4273 тыс. человек. Это значит, что если к результатам X ревизии присоединить цифры естественного прироста, то мы получим к 1.I.1864 г. 60 918,9 тыс. человек обоего пола. Соответствующее прибавление данных естественного прироста к показателям исчисления 1858 г. дает цифру 63 593,4 тыс. человек. Последняя цифра намного превышает итоги исчисления 1864 г. Если мы примем его за 100%, то население, учтенное на основании данных X ревизии и естественного прироста, будет равно 99,32%, а на основании исчисления 1858 г. и естественного прироста — 103,68%. Это означает, что если последняя ревизия и недоучла около 0,68% населения Европейской России, то первое исчисление ЦСК МВД завысило его на 3,68% (ревизии недоучли около 400 тыс., а исчисление излишне зарегистрировало 2260 тыс. человек обоего пола).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что для большей части России на 1.I.1859 г. целесообразнее привлекать данные X ревизии как более точные и лишь с 1864 г. руководствоваться показателями административных исчислений.

Табл. 1 показывает степень завышения численности населения исчислением 1858 г.: в Центрально-земледельческом районе — на 6,25%, в Центрально-промышленном — на 5,16%, в Белорусско-Литовском — на 5,68%, на Левобережной Украине — на 4,60%, в Среднем Поволжье — на 4,10% и т. д. Лишь в районах притока переселенцев (Новороссия, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Озерный район) исчисление 1858 г. дало более точные результаты, чем последняя X ревизия.

Мы видим, что завышение народонаселения в 1858 г. было настолько значительным, что по восьми губерниям Европейской

¹⁷ Статистические таблицы Российской империи, изданные по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. СПб., 1863. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год, с. 183—185.

Т а б л и ц а 1

Движение населения Европейской России и Западной Сибири* в 1859—1863 гг. по данным X ревизии, административно-полицейскому учету 1858—1863 гг. и показателям естественного прироста (церковный учет)

Район**	Численность населения к 1. I 1859 г.		Естественный прирост населения в 1859—1863 гг. *****	Численность населения к 1. I. 1864 г.		
	по X ревизии***	по исчислению 1858 г. ****		по X ревизии и естественному приросту	по исчислению 1858 г. и естественному приросту	по исчислению 1863 г. ***
<i>Европейская Россия</i>						
Центрально-промышленный	8146,3	8620,0	416,6	8562,9	9036,6	8592,5
%	—	—	—	99,67	105,16	100,00
Центрально-земледельческий	9448,3	9784,7	674,8	10123,1	10459,9	9844,2
%	—	—	—	102,84	106,25	100,00
Северный	1166,0	1226,5	76,2	1242,2	1302,7	1258,9
%	—	—	—	98,70	103,50	100,00
Озерный	2742,4	3043,2	138,1	2880,5	3181,3	3196,0
%	—	—	—	90,13	99,54	100,00
Среднее Поволжье	3706,8	3872,8	259,2	3966,0	4132,0	3969,5
%	—	—	—	99,92	104,10	100,0
Нижнее Поволжье	3575,8	3643,6	343,4	3912,2	3897,0	3890,6
%	—	—	—	100,54	100,16	100,00
Северное Приуралье	4092,2	4170,5	267,9	4360,1	4438,4	4359,1
%	—	—	—	100,03	101,82	100,00
Южное Приуралье	1897,2	2036,6	157,1	2054,3	2193,7	2142,2
%	—	—	—	95,90	102,40	100,00
Белоруссия и Литва	6001,2	6501,2	563,9	6565,1	7065,1	6685,6
%	—	—	—	98,20	105,68	100,00
Прибалтика	1743,2	1754,3	112,7	1855,9	1867,0	1812,3
%	—	—	—	102,40	103,04	100,00
Левобережная Украина	4723,0	4872,6	346,7	5069,7	5219,3	4989,7
%	—	—	—	101,61	104,60	100,00
Правобережная Украина	5022,7	5221,1	360,2	5382,9	5581,3	5481,7
%	—	—	—	98,20	101,81	100,00
Новороссия	4381,0	4573,5	558,0	4639,0	5131,5	5110,7
%	—	—	—	96,64	100,40	100,00
Итого:	56646,1	59320,6	4272,8	60918,9	63593,4	61333,0
%	—	—	—	99,32	103,68	100,00
<i>Западная Сибирь</i>	1531,2	1716,0	158,4	1689,6	1973,3	1814,9
%	—	—	—	93,10	108,73	100,00

* По прочим районам полные сведения отсутствуют.

** Районы даны по схеме П. П. Семенова-Тяншанского (о ней см.: Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963, с. 159—163).

*** ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 6, д. 1080, л. 65—84; д. 1023—1024.

**** Источники по исчислениям 1858 и 1863 гг. см. в сноске 2.

***** Военно-статистический сборник. СПб.; 1871, вып. 4. Россия, с. 54—66.

России (Калужской, Ярославской, Костромской, Московской, Рязанской, Тульской, Пензенской и Витебской) в 1859 г. было учтено больше жителей, чем в 1864 г., а в четырех губерниях прирост оказался ничтожным, хотя отлив населения отсюда был невысок, а естественный прирост — довольно значителен.

В 1864—1870 гг. качество учета населения находилось примерно на одном уровне. Точность учета несколько снижалась в связи с усиливающимся притоком жителей в города и переселениями на окраины, которые лишь частично регистрировались текущим административно-полицейским учетом.

Исчисление 1867 г. учло в Европейской России 63 629,3 тыс. человек, естественный прирост в 1868—1870 гг. составил 2204 тыс. человек¹⁸, механический прирост — 56,7 тыс. (извне приток превысил отток на 114,8 тыс. человек, на окраины убыло 58,1 тыс. человек)¹⁹. Таким образом, к 1.I.1871 г. по данным естественного и механического прироста здесь должно было значиться 65 890,5 тыс. человек, а исчисление 1870 г. показало 65 888,5 тыс. человек, т. е. цифры почти совпали (100% — исчисление ЦСК МВД и 100,03% — расчеты по показателям естественного и механического прироста).

За 70—90-е годы XIX в. мы располагаем возможностью сравнивать по всей империи (кроме Финляндии) данные соответствующих исчислений (1871, 1885, 1896, 1897 гг.) с показателями переписи 1897 г., исходя из показателей естественного и механического прироста между указанными исчислениями и переписью.

Если принять итоги переписи 1897 г. за 100%, то с исчисления 1870 г. по начало 1897 г. показатели естественного и механического прироста завысили данные о населении России на 1,03% (см. табл. 2). В Европейской России в результате повторного учета число населения оказалось завышенным на 2,67%, в Царстве Польском — на 4,87%, в Сибири — на 0,94%. Одновременно в результате недостаточно полной регистрации жителей недоучет достиг в Казахстане (Степном крае) 17,30% и на Кавказе — 9,75%.

В Европейской России особенно сильное завышение числа жителей органами текущей регистрации наблюдалось в Центрально-земледельческом (на 12,61%) и Центрально-промышленном (на 10,37%) районах, в Среднем Поволжье (на 8,23%), в Северном районе (на 4,73%) и на Левобережной Украине (на 4,72%). Одновременно с этим в Озерном районе, Нижнем Поволжье, в Белоруссии и Литве, в Правобережной Украине и Новороссии имел место некоторый недоучет населения методами текущей регистрации. Особенно заметен он в Правобережной Украине и Новороссии (соответственно на 6,87% и на 5,21%).

¹⁸ Статистический временник Российской империи. СПб., 1877, сер. 2, вып. 12, с. 2—3; сер. 2, вып. 13, с. 2—3; 1879, сер. 2, вып. 14, с. 2—3.

¹⁹ Статистика Российской империи: Сборник сведений по России за 1884—1885 гг. СПб., 1887, вып. 1, с. 55—56.

Таблица 2

Степень погрешности текущего административного учета 1870 г. по сравнению с переписью 1897 г., в % к переписи 1897 г., принятой за 100%*

Район	Численность населения в 1870 г. сравнительно с переписью 1897 г. (по данным естественного и механического прироста 1871—1896 гг.)	
	механический прирост по губернаторским отчетам	механический прирост по переписи 1897 г. (неместные уроженцы)
<i>Европейская Россия</i>		
Центрально-промышленный	110,37	104,80
Центрально-земледельческий	112,61	102,40
Северный	104,73	100,65
Озерный	98,21	100,33
Среднее Поволжье	108,23	101,73
Нижнее Поволжье	98,40	98,79
Северное Приуралье	104,72	101,40
Южное Приуралье	100,10	102,01
Белоруссия и Литва	99,92	95,02
Прибалтика	100,55	100,34
Левобережная Украина	104,72	99,08
Правобережная Украина	93,13	92,92
Новороссия	94,79	99,18
Итого	102,67	99,51
<i>Царство Польское</i>	104,87	97,34
<i>Казахстан</i>	82,70	83,68
<i>Сибирь и Дальний Восток</i>		
Западная Сибирь	107,35	108,04
Восточная Сибирь	101,11	107,70
Дальний Восток	83,00	93,40
Итого	100,94	104,76
<i>Кавказ</i>		
Северный	97,34	91,70
Закавказье	85,32	89,13
Итого	90,25	90,21
Всего по России	101,03	98,23

* Статистический временник Российской империи. СПб., 1881—1884, сер. 2, вып. 17—25, с. 2—16 (общие ведомости о числе родившихся, умерших и браков в Европейской России за 1871—1878 гг.); СПб., 1884—1889, сер. 3, вып. 3, 7, 20, 21, 23, 24, с. 2—16 (общие ведомости... за 1879—1884 гг.); Статистика Российской империи. СПб., 1890—1899, вып. 11, 12, 18, 21, 24, 33, 40, 41, 45, 47, 48, табл. 1 (движение населения Европейской России за 1885—1896 гг.); Аленицин В. Население и прирост в Европейской России в десятилетие 1891—1900.— Ежегодник России, 1905 г. (год 2). СПб., 1906, с. 45—66; Отчеты Медицинского департамента МВД за 1880—1895 гг. СПб., 1882—1898 (табл. 1. О числе жителей, родившихся и умерших по губерниям Российской империи в 1887—1895 гг. по уездам); Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896—1901 гг. СПб., 1905, табл. 1, с. 1—109; ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 755. Таблицы движения населения с 1870 по 1916 г.

При этом на территории Правобережной Украины выявился факт неполного учета числа коренных жителей, главным образом еврейского населения местечек, а в большинстве других районов недоучет был вызван неудовлетворительной регистрацией мигрантов.

Если за 70 — середину 90-х годов XIX в. использовать данные о числе неместных уроженцев по результатам переписи 1897 г. и привлечь сведения о естественном движении населения с 1871 по январь 1897 г., то мы получим более правдоподобную картину движения населения в России в 1871—1896 гг. (см. табл. 2, последняя графа). Мы видим, что в целом текущий учет недоучел примерно 1,72% населения страны (с учетом внешней миграции 1,66%). В Европейской России данные переписи и текущего учета почти совпали (перепись — 100%, учет — 99,51%).

Выявилась более четко картина, уже рассмотренная выше. В Северном и Озерном районах, в Прибалтике, Новороссии, на Левобережной Украине учет оказался близким к переписи. На Правобережной Украине, в Белоруссии, Литве и Нижнем Поволжье наблюдался недоучет коренного населения. Наконец, в Центрально-промышленном и Центрально-земледельческом районах, а также в Южном Приуралье допускался повторный учет жителей. Здесь недостаточно четко фиксировался приток в города и на окраины.

В Казахстане и в несколько меньшей мере на Дальнем Востоке и Кавказе текущий учет 1870 г. не смог удовлетворительно зафиксировать население, так как регистрация естественного, а отчасти механического прироста оставляла желать лучшего (в Казахстане не было зарегистрировано более 16%, на Кавказе — около 10% и на Дальнем Востоке — около 7% жителей). В сущности, в 1886—1897 гг. в стране действовала та же тенденция, только масштабы недоучета по исчислению 1885 г. оказались меньшими, чем в 1870 г. (равнялись примерно 1,12%).

Большой интерес для определения степени достоверности текущего учета 90-х годов XIX в. представляет сравнение данных переписи 28 января 1897 г. с результатами административного исчисления на 1.I.1897 г. и данными текущей регистрации с января 1886 г. по февраль 1897 г. (см. табл. 3).

Мы видим, что если принять результаты переписи по империи (без Финляндии) по наличному населению за 100%, то итог отчетов губернаторов на 1.I.1897 г. составит 101,74%, а число населения, полученное к 1.II.1897 г. на основании данных естественного и механического прироста с 1886 по 1896 г. — 100,98%. Если же принять во внимание и показатель баланса внешней миграции в 1886—1896 гг., то получим 100,60%.

Местные губернские статистические комитеты и другие органы текущей регистрации населения по существу дали по империи цифру населения, на 1,74% отличающуюся от результатов научно-организованной переписи (перепись — 125 635,2 тыс. человек, а текущий учет — 127 839,1 тыс. человек). По многим губерниям

Таблица 3

Степень достоверности текущего административно-полицейского учета 1897—1917 гг., в % к переписям 1897 и 1917 гг., принятым за 100% *

Район	1897 г.		1917 г.	
	по отчетам губернаторов к 1. I. 1897 г.	по данным естественного и механического прироста в 1886—январе 1897 г.	по отчетам губернаторов к 1. I. 1917 г.	по данным естественного и механического прироста в 1897—1916 гг.
<i>Европейская Россия</i>				
Центрально-промышленный	109,27	107,74	100,00	96,68
Центрально-земледельческий	111,10	110,40	103,54	98,37
Северный	104,40	104,30	100,60	99,83
Озерный	99,98	100,10	103,81	99,13
Среднее Поволжье	104,98	108,73	100,06	97,03
Нижнее Поволжье	102,70	100,54	100,78	98,75
Северное Приуралье	101,60	99,86	98,42	98,03
Южное Приуралье	100,30	100,77	100,07	100,84
Белоруссия и Литва	101,97	100,57	102,12	101,13
Прибалтика	101,56	102,00	100,20	94,81
Левобережная Украина	108,42	107,59	101,91	100,62
Правобережная Украина	95,84	93,84	107,33	106,18
Новороссия	96,83	95,74	99,42	100,67
Итого	103,42	102,78	101,80	99,71
<i>Царство Польское</i>	105,23	104,70	100,02	100,10
<i>Казахстан и Средняя Азия</i>				
Казахстан	90,03	85,91	101,68	101,96
Средняя Азия	79,50	69,42	102,60	104,12
Итого	86,20	79,92	102,00	102,68
<i>Сибирь и Дальний Восток</i>				
Западная Сибирь	97,65	102,53	96,20	103,81
Восточная Сибирь	98,50	100,30	104,63	111,60
Дальний Восток	95,60	88,10	103,20	94,92
Итого	97,31	99,38	99,13	103,73
<i>Кавказ</i>				
Северный	95,96	97,81	100,00	102,72
Закавказье	98,00	97,72	106,94	101,52
Итого	97,17	97,77	103,76	102,06
Всего по России	101,74	100,98	101,66	100,43
В том числе с учетом внешней миграции	—	100,60	—	—

* ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 755. Таблицы движения населения с 1870 по 1916 г., л. 1—450; Отчеты о состоянии народного здоровья и организаций врачебной помощи в.

Европейской России допускался значительный повторный учет (в целом больше итогов переписи на 3,42%). Особенно сильное преувеличение отмечается в Центрально-земледельческом (на 11,10%), Центрально-промышленном (на 9,27%) районах, в Среднем Поволжье (на 4,98%) и на Левобережной Украине (на 8,42%). Как видно, отток населения на окраины и в города регистрировался, как правило, в местах прибытия при отсутствии своевременного исключения из мест их первоначального проживания, что и приводило к завышению числа жителей. Центрально-земледельческий район и Левобережная Украина являлись в пореформенные годы основными районами выхода переселенцев, причем они продолжали числиться на старых местах их проживания. Поэтому перепись как бы сфотографировала подлинные размеры переселений из этих районов. В Центрально-промышленном районе наблюдался мощный приток мигрантов в Москву (в 1886—1896 гг. более 230 тыс. человек), причем последние также не исключались из мест приписки.

Одновременно с этим отчеты губернаторов показали значительно меньшие, чем перепись, цифры в Новороссии и на Правобережной Украине, причем в первом районе это был недоучет темпов миграционного движения (неземледельческое переселение на заводы района с 70-х годов XIX в.), а во втором — недоучет главным образом еврейской бедноты, уклонявшейся от учета.

В общем в 90-е годы мы видим действие тех же тенденций, что и в 60—80-е годы.

В Царстве Польском текущий учет завысил численность населения почти на 5% благодаря сложной методике регистрации жителей (постоянное, приписное, наличное и т. д.), а также отсутствию должной фиксации эмиграций за океан, усилившихся с начала 80-х годов XIX в. Зато в окраинных районах текущий учет, как и ранее, сильно занижил реальное число жителей. В Сибири (на 2,69%) и даже на Кавказе (на 2,83%) размеры недоучета оказались меньшими. В Сибири, кроме Дальнего Востока (недоучет на 4,40%), текущая регистрация была организована хорошо. На Кавказе качественное исчисление 1886 г. (по семейным спискам) позволило свести недоучет какой-то части жителей к минимуму. Зато в Казахстане и Средней Азии недоучет коренного населения достиг гигантских размеров (больше 13% общего числа жителей по переписи 1897 г.). При этом, если в Казахстане погрешность составила примерно 10%, то в Сред-

Окончание сноски к таблице 3

России за 1896—1914 гг. СПб., 1905—1916, табл. 1; ЦГИА СССР, ф. 1298, оп. 1, д. 2851. Отчет о состоянии народного здоровья... за 1915 год, л. 2—4; Там же, д. 2858. То же за 1916 год, л. 71—75; Статистический ежегодник России. 1916 (год 13). Пг., 1918, с. 94—103, вып. 1 (о переселениях в Сибирь в 1896—1916 гг.), 122—123 (о внешних миграциях в 1897—1914 гг.); Ямзин М. Переселенческое движение в Сибирь с момента, освобождения крестьян. Киев, 1912, с. 171—174; Оболенский (Осинский) В. В. Указ. соч., с. 20, 22, 107.

Т а б л и ц а 4. Естественный прирост и внешние миграции населения в России в 1897—1916 гг. по исторически сложившимся частям империи (без Финляндии)*

Год	Естественный прирост					Баланс миграций	Весь прирост
	50 губерний Европейской России	Царство Польское	Кавказ	Сибирь и Дальний Восток	Казахстан и Средняя Азия	Всего	
1897	1 533 492	168 081	124 728	113 938	65 647	2 005 886	1 998 354
1898	1 462 255	157 078	127 261	98 063	73 142	1 924 799	1 909 726
1899	1 751 564	155 675	116 883	104 806	86 720	2 215 648	2 172 884
1900	1 798 774	174 358	145 876	106 484	84 412	2 309 904	2 243 196
1901	1 582 689	173 282	156 362	129 043	87 189	2 128 565	2 124 199
1902	1 788 915	194 803	154 263	110 837	111 021	2 359 839	2 332 550
1903	1 875 092	186 943	178 560	144 444	110 420	2 495 459	2 419 903
1904	1 971 398	174 619	175 656	113 565	101 960	2 537 198	2 463 656
1905	1 424 787	150 220	155 935	96 968	122 956	1 959 866	1 741 560
1906	1 863 329	174 100	177 952	132 269	116 572	2 464 222	2 345 579
1907	2 113 094	186 647	193 508	132 791	129 785	2 755 825	2 647 374
1908	1 853 790	194 148	159 516	150 428	137 635	2 495 517	3 019 052
1909	1 749 061	190 420	155 502	165 395	136 881	2 397 259	2 485 385
1910	1 635 462	193 337	135 240	197 605	152 011	2 315 655	2 288 488
1911	2 043 390	199 532	194 850	190 674	158 393	2 786 839	2 804 899
1912	2 054 007	195 445	218 216	184 977	175 582	2 828 227	2 829 705
1913	1 929 911	180 366	212 648	184 074	149 829	2 656 828	2 747 364
1914	2 041 833	151 030	197 309	211 028	149 533	2 750 733	3 232 686
1915	1 205 824	—5 409	155 823	123 807	107 486	1 587 531	1 634 531
1916	516 938	31 419	88 830	61 130	112 266	810 583	810 583
Итого	34 192 605	3 226 194	3 224 928	2 752 326	2 369 440	45 765 493	46 239 475

* Источники те же, что и в табл. 3. О Польше за 1913—1914 гг. см.: Ruch naturalny ludnosci Wyznan chrześcijańskich W. b. Krolestwie Kongresowem w latach 1909—1918. Warszawa, 1921, s. 1—20.

Т а б л и ц а 5

Численность населения России по переписям 1897 и 1917 гг. и исчислениям 1913 и 1916 гг. *

Переписи и исчисления	50 губерний Европейской России	Царство Польское	Кавказ	Сибирь и Дальний Восток	Казахстан и Средняя Азия	Итого	Балтская миграция	Всего
<i>Перепись 1897 г.</i>	93 456 022	9 402 253	9 289 364	5 758 822	7 746 718	125 653 179	—	—
Исчисление к 1.1.1914 г.	123 884 032	12 451 407	12 072 330	8 115 183	9 746 873	166 269 825	—54 971	166 214 854
Исчисление к 1.1.1917 г.	127 648 627	12 628 447	12 514 292	8 511 148	10 116 158	171 418 672	+473 982	171 892 654
<i>Перепись 1917 г.</i>								
Численность постоянного населения	127 630 918	13 441 535	13 282 733	10 686 066	11 297 419	—	—	176 338 671
Численность наличного населения	115 300 233	10 947 900	12 019 730	9 653 452	11 104 579	—	—	159 025 894

* Источники те же, что и в табл. 4.

ней Азии она достигла $\frac{1}{5}$ (20,50%) реального народонаселения, а в Ферганской области — даже $\frac{1}{4}$ (24,60%). Это было связано с кочевым образом жизни значительной части жителей этого района и тем, что органы текущей регистрации народонаселения были созданы здесь лишь в 70—80-х годах и не успели должным образом организовать свою работу.

Давая в целом по империи сравнительно точную цифру всего населения, административно-полицейский учет привел искаженную картину по отдельным ее частям. В центре страны наблюдалось завышение итогов, а на окраинах — их занижение. Близким к итогам переписи оказались данные лишь в ряде районов (в Озерном, на Северном и Южном Приуралье, в Белоруссии, Литве и Прибалтике), где либо миграционные процессы не были значительны, либо их фиксировали достаточно хорошо.

На окраинах полицейский учет оказался относительно точным в Восточной Сибири, где оседало мало переселенцев, а также в Закавказье, где население было неплохо учтено в 1886 г.

Попытка, минуя текущий учет, исчислить население к 1897 г. на основе исчисления 1885 г. и показателей естественного и механического прироста в 1886—1896 гг. позволила получить результаты, весьма близкие к переписи (см. табл. 3). Она свидетельствует о том, что текущий учет нередко вообще не принимал тогда во внимание данные механического движения населения. В целом же, кроме Казахстана, Средней Азии, Северного Кавказа и Царства Польского, текущий учет позволяет делать выводы о тенденциях демографических процессов пореформенной России.

В конце XIX — начале XX в. (1897—1917 гг.) в России резко усилились миграционные процессы как внутри страны, так и между государствами. Однако теперь налаживается и более точная их регистрация, хотя относительно полно фиксируется лишь земледельческий отток на окраины и внешняя миграция, а приток в города регистрируется лишь по месту прибытия. Но и этого было достаточно для того, чтобы различия между результатами последней в истории царской России переписи 1917 г. (так называемое обычное или постоянное население) и данными текущего учета оказались даже меньше, чем в 1897 г. (см. табл. 3). Отчеты губернаторов в целом по стране завысили население, учтенное переписью, на 1,66% (176 214,2 тыс. человек по переписи и 179 139, 1 тыс. человек по текущему учету), а данные, полученные на основании переписи 1897 г. и показателей естественного и механического прироста в 1897—1916 гг. (176 965,8 тыс. человек) — всего на 0,43%. Губернаторские отчеты почти повсеместно (кроме Сибири) завысили данные о населении (в Европейской России — на 1,80%, в Казахстане и Средней Азии — на 2%, на Кавказе — на 3,76%).

Численность наличного населения России по переписи 1917 г. составила 171 802,8 тыс. человек (в губерниях и областях — 159 025,9 тыс., в армии — 12 103,9 тыс., разность между числом

Таблица 6

Численность населения Российской империи по исчислениям 1914—1916 гг. и переписи 1917 г., в тыс. человек обоего пола *

Вид учета	Исчисление к 1.1. 1914 г.	Исчисление к 1.1. 1915 г.	Исчисление к 1.1. 1916 г.	Исчисление к 1.1. 1917 г.	Исчисление к середине 1917 г.	% данных 1917 г. к наличному населению по переписи 1917 г.
Текущий учет (обзоры губернаторов)	174 631,2	176 870,5	178 812,7	179 139,2	—	104,27
Кроме того в Финляндии	3 232,0	3 269,4	3 314,7	3 348,0	—	—
Расчеты Центрального статистического комитета МВД	175 137,8	178 905,5	181 613,5	184 623,9	—	107,46
Данные естественного и механического прироста (внешнего)	166 214,9	169 447,5	171 082,1	171 892,7	—	100,03
Перепись 1917 г.: численность обычного населения	—	—	—	—	176 338,6	102,64
В том числе без убитых и безвозвратно убывших	—	—	—	—	174 527,7	101,59
Численность наличного населения	—	—	—	—	171 802,8	100,0

* Источники те же, что и в табл. 3 и следующие: Статистический ежегодник России. 1914 (год 11). Пг., 1915, с. 33—57; 1915 (год 12). Пг., 1916, с. 33—57; 1916, (год 13). Пг., 1918, с. 25—47; Урланис Б. Ц. Указ. соч., с. 320, 322, 381, 391; Сазонов Л. И. Указ соч., с. 125, 137; Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930, с. 8.

пленных в России и за ее пределами — 673,0 тыс. человек; см. табл. 6). По отношению к этому числу, если принять его за 100%, данные переписи по обычному или постоянному населению составили 102,64% (без убитых и безвозвратно убывших — 101,59%), а результаты текущего учета по подсчетам местной администрации — 104,27% (ЦСК МВД к 1.1.1916 г. — 105,71%, а к 1.1.1917 г. — 107,46%).

Население же, полученное к 1.1.1917 г. на основании данных естественного и механического прироста (внешнего), по существу оказалось почти равным наличному числу жителей по переписи 1917 г. (по переписи — 171 802,8 тыс. человек, а по исчислению 1916 г. — 171 892,7 тыс. человек, или 100,03% от данных переписи).

Это сравнение, безусловно, говорит в пользу примерной достоверности показателей переписи 1917 г. о наличном населении. Сведения об «обычном» населении дали превышение примерно на 2,5%. Что же касается текущего учета, то он в условиях

военного времени существенно зависил народонаселение страны. При этом если текущий учет местной администрации допустил превышение примерно на 4%, то Центральный статистический комитет, совершенно не принимая во внимание демографическую ситуацию на местах и оперируя средними показателями довоенного времени, довел эту погрешность до 7%. В то же время именно данные ЦСК МВД, опубликованные в «Статистических ежегодниках России»²⁰, наиболее широко используются советскими исследователями с отдельными оговорками об их несовершенстве. Центральным статистическим управлением СССР не использованы результаты переписи 1917 г.²¹ и оно опирается в своих расчетах на уточненные показатели исчисления ЦСК МВД за 1913 г., определяя все население империи в 165,7 млн. человек²² вместо 178 378,8 млн. по данным ЦСК МВД²³. По нашему мнению, расчеты ЦСУ СССР на 1.I.1914 г. неполны, к тому же методика их получения не раскрыта. Если рассматривать темпы естественного и миграционного движения населения России с 1897 по 1914 г., то к 1.I.1914 г. в России (без Финляндии) проживало 166 214,9 тыс. человек, а с Финляндией — 169 446,9 тыс. (см. табл. 4, 5). Видимо, именно эти цифры характеризуют примерную численность населения империи накануне первой мировой войны. В пользу их достоверности говорит необыкновенная близость данных о естественном и механическом приросте на 1.I.1917 г. с показателями переписи 1917 г. о наличном составе населения (171 892,7 и 171 802,8 тыс. человек обоего пола).

Из данных табл. 6 следует, что в 1917 г. в России (с Финляндией) проживало около 175 млн. человек наличного населения и 180 млн. человек так называемых «обычных» (постоянных) жителей. Разрыв между этими двумя показателями обусловлен тем, что в составе «обычного» населения значится около 2 млн. человек «безвозвратных» потерь России в первую мировую войну, а остальное приходится на долю повторного учета лиц, находившихся «во временной отлучке».

Из всего сказанного следует, что в пореформенный период в России организуется текущий административно-полицейский учет населения, распространяющийся на всю ее территорию (кроме Финляндии). Первым удачным исчислением подобного рода, фиксирующим наличное население империи, можно счи-

²⁰ Статистический ежегодник России. 1914 (год 11). Пг., 1915, с. 33—57; То же, 1915 (год 12). Пг., 1916, с. 33—57; То же, 1916 (год 13). Пг., 1918, с. 25—47.

²¹ Рашин А. Г. Указ. соч., с. 13, 20—21, 25, 26, 42.

²² Народное хозяйство СССР в 1956 г. М., 1957, с. 20; Народное хозяйство СССР в 1963 г. М., 1965, с. 7 и др. В 1921 г. все население России на 1.I.1914 г. было определено в 166 997 тыс. человек путем уменьшения данных ЦСК МВД на 5—10% (Статистический ежегодник. 1918—1920.— Труды ЦСУ РСФСР. М., 1921, т. 8, вып. 1, с. 62).

²³ Статистический ежегодник России. 1914 (год 11). Пг., 1915, с. 33—57.

тать исчисление 1863 г. В конце XIX в. в России проводится первая научно-организованная перепись населения (28 января 1897 г.). В 1917 г. в стране (кроме Финляндии, оккупированных и фронтовых губерний и отдельных территорий на Кавказе) была произведена сельскохозяйственная и городская перепись, которая учла сельское и городское, наличное и «обычное» население страны.

В середине XIX в. в России было улучшено качество учета естественного движения населения и организована регистрация внешнего миграционного движения. В ряде губерний, куда шли переселенцы, уже в 60-е годы налаживается фиксация механического движения. Организуется он и в крупных городах. С конца XIX в. он распространяется на всю империю.

В целом текущий полицейский учет всегда по стране несколько превышал общую численность населения (в 1870 г.— на 1,03%, в 1897 г.— на 1,74%, в 1917 г.— на 1,66% по отношению к постоянному и на 4,27% — наличному населению). По данным же естественного и механического прироста текущий учет занижал число жителей в России в 1870 г.— на 1,72%, в 1885 г.— на 1,12%, в 1897 г. завысил на 0,98% и в 1917 г.— на 0,43% по отношению к наличному населению и на 2,59% — к постоянному населению.

Наконец, по показателям естественного и внешнего механического прироста в 1870 г. численность населения оказалась заниженной на 1,66%, в 1885 г.— на 1,84%, в 1897 г.— на 0,77%, а в 1917 г. оказалась равной данным переписи (по наличному населению).

Используя демографические источники второй половины XIX—начала XX в., следует в первую очередь привлекать материалы локальных переписей и общероссийских переписей 1897 и 1917 гг.; в случае отсутствия таких данных можно использовать итоги текущего полицейского учета, уточняя и пополняя их данными естественного и механического (внутреннего и внешнего) прироста; следует иметь в виду, что текущий учет (отчеты и обзоры губернаторов) содержал искаженные показатели по губерниям и районам массового выхода переселенцев, которые не всегда своевременно исключались в местах выбытия (Центрально-земледельческий район, Левобережная Украина); по губерниям и районам оттока жителей в города (Промышленный центр, Северо-Запад); по ряду окраинных районов, где регистрация населения была организована плохо (Казахстан, Средняя Азия, Правобережная Украина).

В районах же старого заселения с невысокими темпами миграционного движения полицейский учет приводил сравнительно достоверные данные о населении (Прибалтика, Север, Северное и Южное Приуралье).

АРХИВ ГАЗЕТЫ «РУССКОЕ СЛОВО»

Н. А. Членова

История дореволюционной печати России явилась предметом специального изучения в трудах советских ученых¹. Усилился интерес исследователей и к источниковедческим проблемам русской дореволюционной журналистики². Всестороннее изучение и научное использование материалов периодических изданий не может быть проведено без обращения исследователей к архивным материалам этих изданий. Однако розыск и исследование архивных материалов газет осложняется тем, что от них сохранились лишь остатки некогда единого делопроизводства (в основном в материалах личных фондов). Поэтому выяснение происхождения этих материалов и их взаимоотношений способствует реконструкции их исходного состояния. В данной статье предпринимается такая попытка по материалам крупнейшей буржуазной газеты XX в. «Русское слово».

История этой газеты достаточно подробно освещена в публицистике и воспоминаниях современников³, а также в указанных выше работах советских исследователей, поэтому лишь кратко напомним ее основные положения.

Газета стала издаваться в 1895 г. в Москве по инициативе крупного книгоиздателя И. Д. Сытина. Официальным редакто-

¹ См., например: *Большевистская печать: Краткие очерки истории*. 1894—1917 гг. М., 1962; *Окороков А. З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970; *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х годов и печать. М., 1971; *Есин Б. А.* Русская дореволюционная газета: Краткий очерк. 1902—1917 г. М., 1971; *Боханов А. Н.* Русские газеты и крупный капитал.— *Вопр. истории*, 1977, № 3; и др.

² *Дмитриев С. С.* Источниковедение русской исторической журналистики: (Постановка темы и проблематика).— *Источниковедение отечественной истории*. 1975. М., 1976; *Кострикова Е. Г.* Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет: (На материалах архивных фондов «Речи» и «Русского слова»).— *Исторические записки*, 1979, т. 103.

³ *Щетинин Б. А.* В литературном муравейнике: (Встречи и знакомства).— *Исторический вестник*, 1911, т. 123, № 3; *Абрамович Н. Я.* «Русское слово». Пг., 1916; *Дорошевич В. М.* «Русское слово».— В кн.: *Полвека для книги*. 1866—1916 гг. Литературно-художественный сборник, посвященный 50-летию издательской деятельности И. Д. Сытина. М., 1916; *Окрейц С. С.* Литературные встречи и знакомства.— *Исторический вестник*, 1916, май; *Кугель А. Р.* Листва с дерева: Воспоминания. Л., 1926; *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М., 1960.

ром-издателем был А. А. Александров, известный как издатель реакционного журнала «Русское обозрение». Направление газеты было резко консервативным, она была непопулярна, а ее издание убыточным. В 1897 г. она перешла в полную собственность И. Д. Сытина.

До мая 1901 г. сменилось несколько фактических и официальных редакторов, пока главным редактором не стал видный русский журналист В. М. Дорошевич, официальным же редактором И. Д. Сынтин сделал своего зятя Ф. М. Благова. Направление газеты стало буржуазно-либеральным, к работе в ней привлекались лучшие журналистские силы России, популярность ее росла, рос и тираж, достигнув к 1916 г. колоссальной по тем временам цифры 739 тыс. экземпляров.

После победы Октября газета повела контрреволюционную линию, ее несколько раз закрывали, но, меняя названия⁴, она просуществовала до июля 1918 г., когда, как и все буржуазные газеты, была окончательно закрыта. Деятельность редакции продолжалась еще некоторое время, хотя газета уже не выходила. Только в августе 1918 г. редакция была распущена, но часть основных сотрудников Московского и Петроградского отделений газеты продолжала числиться в штате до 1 января 1919 г.⁵ Это число и следует считать крайней датой деятельности учреждения.

От делопроизводства «Русского слова» сохранились материалы, которые отложились, в основном, в фондах «Русского слова», в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 259)⁶ и в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ф. 595), а также в личных фондах первого редактора-издателя газеты А. А. Александрова (ЦГАЛИ, ф. 2) и заведующего Петроградским отделением газеты А. В. Руманова (ЦГАЛИ, ф. 1694).

Для того чтобы разобраться в современном состоянии материалов, необходимо выяснить структуру газеты, организацию работы редакции и систему делопроизводства, которая существовала в «Русском слове», рассмотреть потоки документной информации, исторические судьбы материалов «Русского слова».

В начальный период существования, когда главным редактором газеты был Александров, она считалась небольшой, собственная типография у нее отсутствовала, штат редакции невелик, обязанности между сотрудниками разделились нечетко, причем

⁴ До 27 ноября 1917 г. газета выходила под старым названием, с 16 января по 2 апреля 1918 г. — под названием «Новое слово», а с 11 апреля по 6 июля 1918 г. — «Наше слово».

⁵ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 3, д. 15. Протокол ликвидационного собрания сотрудников «Нашего слова» («Русского слова») от 15 августа 1918 г., л. 2.

⁶ Обзор этого фонда см.: Федоров И. Архив газеты «Русское слово». — В кн.: Зап. Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1938, № 3.

многие из них работали одновременно в «Русском слове» и «Русском обозрении»⁷.

В годы расцвета (1901—1917) структура газеты усложнилась, в нее входили: редакция, контора, которая ведала финансовой и хозяйственной частью, типография, предназначенная только для печатания «Русского слова», и экспедиция, занимавшаяся распространением газеты⁸. С 1905 г. все структурные подразделения газеты помещались на Тверской улице в доме, специально построенном для «Русского слова»⁹.

Усложнилась, но вместе с тем стала более четкой и структура самой редакции. Редакция состояла из двух отделений: Московского, руководящего, и Петербургского.

Московское отделение делилось на пять главных постоянных отделов: статей и фельетонов, московский, петербургский, провинциальный, иностранный¹⁰.

Отдел статей и фельетонов являлся самым важным и ответственным, так как именно он выражал наиболее ясно политическое лицо газеты. Московский отдел занимался городской хроникой, петербургский — хроникой столичной жизни. Задачи провинциального и иностранного отделов ясны из их названий.

Во время первой мировой войны особую значимость приобрел военный отдел. В редакции существовали также более мелкие отделы: общественно-административной хроники, финансовый, театральный, судебный, парламентский, музыкальный, народного образования, обзора печати. На правах отдела был и журнал «Искра» — еженедельное иллюстрированное приложение к газете¹¹.

В подчинении заведующего отделом был штат сотрудников: помощники, хроникеры, переводчики (в иностранном отделе), а также постоянные корреспонденты в иностранном и провинциальном отделах. Так, в провинциальном отделе в 1916 г. было 200 корреспондентов, в иностранном — корреспонденты во всех европейских столицах, в военном — в действующей армии. В случае необходимости на место мог быть послан и специальный корреспондент для освещения интересного, с точки зрения редакции, события¹².

⁷ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, оп. 1, д. 4. Семейная хроника «Русского слова» и «Искры» [1910 г.], л. 7; Центральный государственный архив литературы и искусства (далее: ЦГАЛИ), ф. 2, оп. 1, д. 707, л. 13; д. 535, л. 1.

⁸ Дорошевич В. М. Указ. соч., вклейка между с. 398—399, 418—419, 420—421.

⁹ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 1, д. 1, История газеты «Русское слово». 1894—1914, б/д, л. 17.

¹⁰ Дорошевич В. М. Указ. соч., с. 414—415; ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 1, д. 9, л. 3—4.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 1, д. 1. Ведомость сотрудников и служащих редакции газеты «Русское слово», б/д, л. 1—2; д. 9, л. 3—4.

¹² ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 1, д. 1, л. 1—2; д. 9, л. 1—2; ф. 1694, оп. 1, д. 80, л. 1; Дорошевич В. М. Указ. соч., с. 406, 412.

В Петербургском отделении работало 100 человек во главе с крупным журналистом А. В. Румановым. Данных о точной дате образования отделения в столице нет. Корреспонденты в Петербурге появились почти с самого начала существования газеты, а сам А. В. Руманов начал сотрудничать в газете в 1906 г. Хотя он входил в руководящее ядро редакции, но отделение в Петербурге работало строго по заданиям Москвы¹³.

Задачей Петербургского отделения был сбор информации в высших правительственных и военных учреждениях, в иностранных посольствах и у корреспондентов европейских газет, аккредитованных в столице, исполнение текущих заданий редакции. Отделение также делилось на отделы, но они были несамостоятельными и их общее руководство осуществлялось из Москвы¹⁴.

В последний период существования газеты с октября 1917 по июль 1918 г. ее структура, судя по документам, оставалась прежней¹⁵, но число сотрудников редакции и корреспондентов, видимо, сократилось.

Материал, поступавший в редакцию, состоял из статей и корреспонденций, телеграмм, заметок хроникерского характера. Ежедневно его приходило не менее 12 тыс. строк. Причем только около 3 тыс. строк поступало и обрабатывалось днем, основная же масса материала поступала между 21 часом и 5 часами утра и в то же время подготавливалась к печати. Всего в набор сотрудниками соответствующих отделов сдавалось от 6,5 тыс до 8 тыс. строк.

Гранки, т. е. типографские оттиски, корректировались сотрудниками отделов. Совместно с главным редактором или лицом, его заменявшим, решалось, что сдавать в печать, делалась окончательная разметка номера. Сверстанный номер шел в печать, и рано утром газета отправлялась подписчикам и в розничную продажу¹⁶.

Как известно, в государственных учреждениях и коммерческих предприятиях делопроизводство определялось законодательными актами и инструкциями, устанавливавшими последовательность прохождения дел, распределение их между отдельными структурными частями. В редакции же «Русского слова» существовали лишь общие нормы ведения делопроизводства, которые вытекали из потребностей деятельности самой редакции, причем, как видно из документов, они далеко не всегда соблюдались¹⁷. Кроме того, в ведении делопроизводства долгое

¹³ Дорошевич В. М. Указ. соч., с. 404, 412; ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 69, л. 1; ф. 595, оп. 2, д. 25, л. 2.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 80, л. 1; ф. 595, оп. 2, д. 19, л. 18, 40; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 11, д. 47, л. 1.

¹⁵ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 3, д. 15. Протокол ликвидационного собрания сотрудников «Нашего слова» («Русского слова») от 15 августа 1918 г., л. 1—3.

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 1, д. 9, л. 2; Дорошевич В. М. Указ. соч., с. 415—417.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 1103, оп. 1, д. 10. Письмо В. М. Дорошевича Н. В. Могучему от 28 декабря 1909 г., л. 3.

время отсутствовала и преемственность. Из разных источников известно, что за 1895—1910 гг. сменилось, по крайней мере, три секретаря редакции¹⁸. Примечательно, что когда в 1909 г. новый секретарь вступил в должность, то он получал инструкции не от своего предшественника, а от главного редактора. При этом создается впечатление, что предыдущий секретарь не вел документации¹⁹. В 1910—1918 гг. должность секретаря занимал В. А. Никольский (известно, что в первые годы существования газеты он был помощником секретаря)²⁰; в этот период положение, видимо, стабилизировалось.

Если в первый период существования газеты с технической работой вполне справлялись секретарь и его помощник, то с увеличением объема работы в «Русском слове» возникает секретариат со штатом дежурных секретарей, стенографисток и машинисток, выполнявших техническую работу как в дневное, так и в ночное время²¹.

Следует более подробно сказать и о системе учета материалов, существовавшей в редакции. Так, вся входящая документация ежедневно регистрировалась в редакционных книгах, причем фиксировалась фамилия корреспондента и полученная корреспонденция. Такой учет помогал редакции контролировать работу сотрудников. Сопоставляя данные редакционных книг с числом напечатанных заметок, редакция решала, дал ли сотрудник установленное количество информации в месяц²². Существовал учет и исходящей документации. Так, учитывались статьи, возвращаемые авторам, в специальной книге фиксировались инструкции, посылаемые в Петербургское отделение²³.

Чтобы представить, какого рода материалы могли отложиться в редакционном архиве, следует рассмотреть и потоки документации в текущем делопроизводстве редакции газеты. Московское отделение направляло в Петербург и корреспондентам инструктивные письма, телеграммы и телефонограммы, высыла-ло другую корреспонденцию и статьи, не принятые к печати²⁴.

¹⁸ Шетинин Б. А. Указ. соч., с. 878; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 1, № 16. Редакционный дневник секретаря за 1901 г., л. 93; ЦГАЛИ, ф. 1103, оп. 1, д. 10. Письма В. М. Дорошевича Н. В. Могучему 1909—1910 гг.

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 1103, оп. 1, д. 10.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 1, д. 19. Письмо В. А. Никольского А. В. Руманову от 27 апреля 1910 г., л. 1; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 3, № 15. Протокол ликвидационного собрания «Нашего слова» («Русского слова») от 15 августа 1918 г.; Там же, п. 1, д. 4, л. 5.

²¹ Дорошевич В. М. Указ. соч., с. 410, 412, 414.

²² ЦГАЛИ, ф. 1103, оп. 1, д. 10. Письма В. М. Дорошевича Н. В. Могучему от 19 января 1910 г., л. 4; от 28 марта 1910 г., л. 8; от 28 декабря 1909 г., л. 2.

²³ ЦГАЛИ, ф. 1103, оп. 1, д. 10. Письмо В. М. Дорошевича Н. В. Могучему от 28 декабря 1909 г., л. 8; Там же, ф. 595, оп. 2, д. 25. Ответ редакционного собрания Петербургскому отделению, б/д, л. 2.

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 2, д. 19. Письмо В. А. Никольского А. В. Руманову от 3 июля 1913 г., л. 68.

В свою очередь, из отделения в столице и от корреспондентов Московское отделение получало письма, статьи, телеграммы и телефонограммы. Только в редких случаях, когда прямая связь с Москвой была невозможна, корреспонденты направляли сообщения в Петербург, а затем их телефонировали в Москву²⁵. Шла переписка и между сотрудниками внутри самих отделений.

Обменивались информацией и структурные подразделения газеты. Контора давала сведения по финансовым вопросам, о розничной продаже газеты и получала от редакции сведения об авторах для оплаты их работы. Экспедиция представляла редакции сведения о подписчиках. Типография получала от редакции материалы для печати, передавала редакции гранки, сообщая время отправки в набор номеров газеты, их тираж и т. д.

Велась переписка с другими организациями и читателями. Главное управление по делам печати, военные цензурные комитеты, гражданские и военные судебные организации присылали в редакцию инструкции и запросы относительно сообщений, печатавшихся в газете, а редакция отвечала на эти запросы.

Кроме этого, редакция входила с прошениями в различные инстанции, например к московскому градоначальнику по поводу временной замены ответственного редактора или в Штаб верховного главнокомандующего по поводу посылки военных корреспондентов²⁶. Она получала многочисленные письма от общественных организаций и частных лиц.

Следует заметить, что редакционные материалы поступали в соответствующий отдел или к лицу, ответственному за данный участок работы, и оседали там. Известны случаи, когда они переходили в личный архив того или иного сотрудника.

Итак, можно выделить несколько групп материалов, функционировавших в текущем делопроизводстве редакции: 1) рукописные экземпляры и типографские оттиски статей и заметок; 2) письма и телеграммы; 3) телефонограммы (стенограммы и машинопись); 4) личные дела сотрудников; 5) иллюстративный материал; 6) статистическая документация; 7) протокольная документация. На длительное хранение в редакционном архиве оседала небольшая часть документации, которая была необходима для работы: инструкции государственных учреждений, поскольку их несоблюдение могло привести к штрафам и даже к запрещению газеты, переписка, так как было необходимо отвечать на письма и существовала традиция хранения переписки. Что же касается материала, который был нужен для текущего номера (статей, телефонограмм, телеграмм), то он хранился до того момента, пока в этом была необходимость. Если же мате-

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 2, д. 21, л. 135.

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 1, д. 6. Прошения редакции в Штаб верховного главнокомандующего о разрешении на отправку в действующую армию военных корреспондентов, 1914 г., д. 8. Переписка с московским градоначальником об утверждении штата редакции, 1914—1915 гг.

риал не был принят к печати, то его возвращали авторам как в рукописи, так и в гранках ²⁷.

О том, что представлял собой редакционный архив к концу существования газеты, позволяют судить два документа, составленные зимой 1918 г. в связи с переездом редакции с Тверской улицы на Арбат. В «Описи документов редакции», датированной 25 января, значится: «Папок с письмами, редакционными документами—...; свертков с бумагами покойного редактора «Искр» Бойовича — 3; свертков газет старых и рукописей — 1, папок с перепиской — 40, в пачках — 4 пачки; книг редакционных с записями — 8, папок картонных с редакционной перепиской — 48, мешков с корреспонденцией сотрудников — 1, мешков с редакционной корреспонденцией — 1, папок с перепиской Даниленко (заведующий отделом общественно-административной хроники.—*Н. Ч.*) — 31; всего 16 пачек ... 3 мешка» ²⁸.

Дополнительные сведения можно почерпнуть из «Описи имущества, принадлежащего частным лицам, выданного из помещения редакции», составленной 26 января. Были выданы: 4 папки с рисунками, 2 мешка с бумагами сотрудников, 1 ящик с кассетами и пластинками редакционного фотографа, рукописи одного из сотрудников ²⁹.

В настоящее время, к сожалению, нет возможности ответить на многие вопросы, которые возникают при изучении этих описей. Например, какие документы и в каком количестве входили в указанные свертки, папки и мешки или чем отличались папки с перепиской от папок картонных с редакционной перепиской. Следует сказать, что уже в этот период основную часть архива, как видно из описей, занимала переписка, а рукописи были представлены в незначительном числе.

Следует сказать, и о системе хранения документации, принятой в редакции. Как было отмечено выше, материалы сосредотачивались у лиц, ответственных за данный участок работы, что нашло отражение и в описи, составленной в 1918 г.: «свертки с бумагами Бойовича» (заведующего журналом «Искра»), «папки с перепиской Даниленко» (заведующего отделом общественно-административной хроники). Поскольку в отделах хранились материалы самого различного характера (переписка, статьи и т. д.), то документы, видимо, располагались и по типовому и по предметному признакам.

Какова же судьба материалов «Русского слова»?

Архив первого издателя газеты А. А. Александрова после его смерти поступил в 1937 г. в Государственный литературный музей. В 1941 г. он был передан Центральному государственному

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 103, оп. 1, д. 10. Письмо В. М. Дорошевича Н. В. Могучему от 28 декабря 1909 г., л. 3; Там же, ф. 595, оп. 2, д. 19. Письмо В. А. Никольского А. В. Руманову от 4 ноября 1913 г., л. 75.

²⁸ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 6, д. 1, л. 1.

²⁹ Там же, д. 3, л. 1.

литературному архиву (ныне ЦГАЛИ), где был заново обработан в 1954 г.

Архив Московского отделения редакции, как отмечалось выше, в январе 1918 г. был перевезен на Арбат, причем часть документов была выдана частным лицам. В последующий период к архиву «Русского слова» были присоединены материалы его преемников — газет «Новое слово» и «Наше слово». На Арбате архив, видимо, оставался до августа 1918 г., так как редакция больше свой адрес не меняла. Поскольку и после окончательного запрещения газеты редакция все еще надеялась возобновить ее издание (для чего часть основных сотрудников и была оставлена до января 1919 г.), то архив мог в любую минуту понадобиться редакции. Поэтому его в течение некоторого времени, видимо, продолжали хранить. Вероятнее всего, он был перевезен в дом правления издательства И. Д. Сытина на Маросейке, откуда в 1925 г. после ликвидации «Товарищества Сытина» он поступил в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

По-видимому, значительная часть материалов архива была утеряна еще до поступления в Отдел рукописей. Так, не поступили на хранение редакционные книги, числившиеся по описи 1918 г. В Отделе рукописей материалы были разобраны и структура архива изменена.

В 1931 г. две папки, в которых находилась переписка редакции «с официальными ведомствами и учреждениями по военным и цензурным вопросам», были переданы в Центральное архивное управление³⁰. В 1937 г. фонд обработали вторично и выделили более дробные комплексы. Хотя хронологическими рамками этого фонда были определены 1895—1918 гг., но документов, датированных ранее 1901 г., т. е. года вступления Ф. И. Благова в должность главного редактора, в нем практически не было. Единственным исключением были так называемые «редакционные дневники секретаря», которые сохранились со времени основания газеты³¹.

Впоследствии, при расфондировании архивных собраний Отдела рукописей, к фонду были присоединены несколько писем в редакцию газеты, причем три из них были датированы 1895 г. В 1960 г. к фонду присоединили материалы из личного архива И. Д. Сытина³². Такова история фонда «Русского слова» в Отделе рукописей.

Если судьбу архива Московского отделения редакции можно каким-то образом проследить, то о судьбе архива Петроградско-

³⁰ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР. Инвентарная книга «Музейного собрания».

³¹ Федоров И. Указ. соч., с. 70, 72; ГБЛ, ОР, ф. 259, п. 1, д. 11—17; п. 2, д. 1—15.

³² Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, оп. 27, д. 44—46; п. 29, д. 39—41; Зап. Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1961, вып. 24, с. 214.

го отделения нельзя сказать почти ничего. Деятельность Петроградского отделения прекратилась вместе с Московским. Заведующий Петроградским отделением А. В. Руманов, в архиве которого сосредоточивалась как личная переписка, так и документы отделения редакции, эмигрировал в 1918 г. Архив его остался в Советской России. В конце 30-х годов фонд А. В. Руманова находился в ЦГАДА, в 1941 г. материалы были переданы в Центральный государственный литературный архив и обработаны в 1949 г. В настоящее время он хранится там же.

Кроме указанных фондов в распоряжении исследователей есть еще один фонд газеты. История его такова. Документы первой его описи вначале входили в состав уже упомянутого фонда из Отдела рукописей. Они включают переписку Московского отделения редакции «с судебными и официальными ведомствами и учреждениями по военным и цензурным вопросам». В 1937 г. эти материалы оказались в ЦГАДА, где из них был сформирован отдельный фонд. С 1941 г. по настоящее время он хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства, где прошел обработку в 1954 г.

В этом же году к этому фонду были присоединены материалы, на которые не было сдаточной описи, поступившие из ЦГАДА. Они составили вторую опись. Главным образом это письма Московского отделения редакции в Петроград А. В. Руманову. Следует предположить, что эти документы первоначально входили в фонд А. В. Руманова.

Таким образом, архив газеты за 1895—1897 гг. входит в состав фонда А. А. Александрова (ЦГАЛИ, ф. 2), архив Московского отделения редакции за 1901—1918 гг. — в состав фондов «Русского слова» в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 259) и ЦГАЛИ (ф. 595, оп. 1), архив Петроградского отделения за 1906—1918 гг. — в состав фонда А. В. Руманова (ЦГАЛИ, ф. 1694) и в фонд «Русского слова» (ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 2). За 1898—1900 гг. документы практически не сохранились.

В материалах «Русского слова» нашли отражение как вопросы истории самой газеты (ее основание, работа редакции, ликвидация газеты), так и события внутренней жизни России и вопросы внешней политики.

Комплекс статей сохранился за 1895—1897 гг. и 1904—1917 гг. Подбор их случаен. При этом в фонде Московского отделения редакции — только 43 статьи, в архиве Петроградского отделения — около 260.

Переписка редакции сохранилась неплохо почти за все время существования газеты (1895—1897 гг. и 1901—1918 гг.), причем в нашем распоряжении есть не только письма сотрудников и корреспондентов в Московское отделение, но инструктивные письма Московского отделения в Петербург. Письма в Московское отделение адресованы в основном Сытину, Благову, Дорошевичу, Никольскому и другим ведущим работникам. Коррес-

понденцию, которая приходила в адрес газеты на имя других сотрудников редакции, следует искать и в их личных архивах. Имеется и переписка с государственными учреждениями, общественными организациями и читателями.

Протоколы редакционных собраний отложились только за последний год существования газеты. Решения же этих собраний по отдельным вопросам есть и за предыдущие годы.

Статистический материал представлен данными о тираже по месяцам за 1901—1916 гг., о числе газетных статей и информации за 1912—1913 гг., о подписке и продаже газеты за 1910—1914 гг., о тираже «Русского слова» по губерниям за 1913 г. и др.

Личные дела сотрудников «Русского слова» представлены удостоверениями работников редакции и договорами с ними и редакцией, но таких документов немного.

Для лучшей классификации материалов, которые хранятся в фонде «Русского слова» в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, а также для установления хронологических рамок фонда и для дальнейшей реконструкции утраченных документов редакционного архива большое значение имеет хранящийся в фонде документ — машинописная статья об истории газеты без даты и без имени автора³³. Сотрудник Отдела рукописей И. Федоров, осуществлявший обработку фонда в 1937 г., называет автором статьи секретаря редакции В. А. Никольского³⁴. И хотя Федоров не приводит никаких доказательств, его предположение, видимо, верно: в 1916 г. Никольский действительно готовил статью о «Русском слове» для сборника, посвященного 50-летию юбилею издательской деятельности И. Д. Сытина³⁵. Правда, статья Никольского так и не увидела свет, так как впоследствии редакционное собрание решило поручить очерк о газете главному редактору В. М. Дорошевичу³⁶. Очерк и был опубликован в сборнике «Полвека для книги»³⁷. Статья Никольского послужила для Дорошевича исходным материалом, в целом же и по стилю и по структуре статьи сильно отличаются между собой.

Поскольку Никольский изучал историю газеты, то было бы интересно выяснить источники, использованные в его статье, с тем, чтобы по возможности реконструировать не дошедшие до нас документы редакционного архива. В его «Истории „Русского слова“» содержатся сведения о создании газеты и ее работе при Александрове, о редакторах газеты и ее сотрудниках,

³³ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 1, д. 1. История газеты «Русское слово», 1894—1914 гг., б/д.

³⁴ Федоров И. Указ. соч., с. 71.

³⁵ ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 8. Письмо В. А. Никольского А. А. Александрову от 13 мая 1916 г., л. 1.

³⁶ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 7, д. 26. Обращение редакционного собрания к В. М. Дорошевичу, л. 1.

³⁷ Дорошевич В. М. Указ. соч.

произведениях, которые появлялись на страницах газеты, тираже, листаже, цене за объявления в газете за 1898—1916 гг. и статистические данные по расходам и доходам газеты за 1898—1914 гг.

Для выяснения сведений о возникновении газеты и ее работе в первые годы Никольский использовал копию программы газеты, утвержденную Министерством внутренних дел, и незаконченные наброски воспоминаний одного из первых сотрудников газеты Н. П. Бочарова, приуроченные к 10-летию юбилею «Искр»³⁸. Эти документы хранились в редакционном архиве и сейчас находятся в фонде «Русского слова» в Отделе рукописей. Возможно, что Никольский обращался и к мемуарам других лиц, сотрудничавших в «Русском слове», например, к опубликованным воспоминаниям Б. А. Щетинина (листки из журнала с воспоминаниями Щетинина хранятся в фонде «Русского слова» в Отделе рукописей и в настоящее время)³⁹. Имелся в редакции и памфлет Н. Я. Абрамовича «Русское слово»⁴⁰.

Но этого материала Никольскому оказалось недостаточно, и за дополнительными сведениями он обратился к первому редактору-издателю газеты Александрову, получив от него ответ, где сообщались некоторые подробности о создании газеты⁴¹. В настоящий момент в фонде «Русского слова» в Отделе рукописей хранятся конспективные записи о первых годах существования газеты, сделанные рукой Никольского, причем на листе имеется помета «15 мая ИДС»⁴². И. Д. С. — это, вероятно, инициалы И. Д. Сытина. Стиль и содержание этих записей очень близки к очерку о «Русском слове», который имеется в мемуарах издателя⁴³. Поэтому следует предположить, что эта запись беседы Никольского с Сытиным.

Источниками сведений о сотрудниках газеты, ее статьях, тираже и т. д. послужили так называемые «Редакционные дневники секретаря» за 1895—1915 гг., сброшюрованные по годам⁴⁴. Напомним, что это единственные материалы из фонда, датированные ранее 1901 г. Почти все записи в них сделаны рукой Никольского. Вот как выглядит страница из дневника за 1901 г.:

«Январь (по разметочным №№) (курсив мой. — Н. Ч.)

Подп. цена на год 5 р. Объявл. на 1 стр. — 40 к. на 4. 15 к.

³⁸ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 1, д. 10. Программа газеты «Русское слово», 16 сентября 1894 г., л. 1; д. 2. Краткая летопись газеты и журнала «Искры», 1910 г.; д. 4. Семейная хроника «Русского слова» и «Искры», 1910 г.

³⁹ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 27, д. 36.

⁴⁰ Там же, п. 28, д. 9.

⁴¹ ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 689. Письмо В. А. Никольского А. А. Александрову от 13 мая 1916 г.; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 7, д. 18. Письмо А. А. Александрова В. А. Никольскому от 28 июля 1916 г.

⁴² Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 1, д. 5.

⁴³ Сытин И. Д. «Русское слово». — В кн.: Жизнь для книги.

⁴⁴ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 1, д. 11—17; п. 2, д. 1—15.

Контора и редакция — Ильинские ворота (Старая пл.) д. И. С. Титова. Отделение конторы: Петровка, рядом с Петровскими линиями, д. С. Н. Грачева. Издатель И. Д. Сытин. Ред. Е. Н. Киселев. Отделение типографии Т-ва И. Д. Сытина — гор. участок, д. Титова.

№ 1 2 января. Передовая по ин. политике (Н. Лагов).

Новичок (Стрелков). Курск.

Н. Вадимов (Насакин).

Хроника. Орлов, Савельев, Н. Никольский.

Славский (Святославский), В. Шер»⁴⁵.

А вот текст дневников за 1898 г.:

«№ 92, 2 апр. 4 стр.

Игрек Зет (П. Савельев) У слепых (фел.)

(...) Передовая иностр.

Дюжина (...) из Петербурга

К (...) Курск

Омега (...) Отклики из провинции

Бордеро. Мотивы дня

Энес (Савостицкий?) Подслушанные разговоры»⁴⁶.

Имя Федоровым, предположившим, что записи велись ежедневно на протяжении 21 года секретарем редакции В. А. Никольским, «для фиксирования авторов, печатавшихся в номере», изменения тиража газеты, важных событий в жизни редакции»⁴⁷. Однако есть ряд моментов, который заставляет усомниться в том, что записи были сделаны одновременно с событиями. Во-первых, хотя В. А. Никольский действительно работал в «Русском слове» помощником секретаря в первые годы существования газеты, впоследствии он оттуда ушел и в 1901—1910 гг. был редактором ряда журналов в Петербурге⁴⁸.

Во-вторых, на это указывает и сама форма записей (см. второй пример). Фамилии авторов внесены в скобки позднее и написаны карандашом, причем фамилия Савостицкий с вопросительным знаком, свидетельствующим о том, что составитель привел ее по памяти. В ряде случаев в скобках фамилии авторов не указаны. Такие неполные записи встречаются в «дневниках» и на всем протяжении 900-х годов, в том числе и после возвращения Никольского в редакцию в 1910 г. Очевидно, это не дневники, а другой вид документа. Поскольку все записи в них сделаны рукой Никольского, следует предположить, что это черновые подготовительные материалы для его юбилейной статьи 1916 г., представляющие суммарные обзоры старых газет. Для этих обзоров им были использованы не только сами

⁴⁵ Там же, д. 16, л. 4.

⁴⁶ Там же, д. 13, л. 98.

⁴⁷ Федоров И. Указ. соч., с. 71.

⁴⁸ Библиография периодических изданий в России. 1901—1916 гг. Л., 1957—1960, т. 1—3, № 712, 1040, 7006, 9219; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 1, д. 4, л. 5.

газеты за 1895—1915 гг., но также «разметочные номера», где обычно отмечались фамилии авторов всех материалов, и «листки типографии» с дополнительными данными о тираже⁴⁹. В тех случаях, когда у составителя были «разметочные номера», он указывал фамилии авторов сразу, как в дневнике за 1901 г. Если таких номеров не было, места в скобках оставались пустыми и Никольский указывал, что записи произведены «не по разметочным номерам»⁵⁰. Когда же номера попадали к секретарю после того, как текст был написан, фамилии вносились в скобки карандашом, в помете же составителя «не» зачеркивалось⁵¹. Судя по характеру записей в «дневниках», «разметочные номера» сохранялись начиная с 1901 г. Указания же об использовании или неиспользовании таких номеров встречаются в дневниках за 1901—1905 гг. и 1911 г. В тех случаях, когда у Никольского не было соответствующих «разметочных номеров», он устанавливал авторов с помощью других материалов.

Обратимся к источникам сведений статистического характера (расходы на издание газеты, редакцию, телефон, телеграф, бумагу, печать, доходы от объявлений). Ими послужили «Отчеты по изданию газеты „Русское слово“», издававшиеся товариществом И. Д. Сытина. В настоящее время в фонде газеты Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина имеются отчеты за 1898—1899 гг., за 1901 г. (с вписанными от руки сведениями за 1900 г.) и за 1903 г.⁵² Возможно, что такие отчеты были в архиве редакции и за последующие годы. Если же их не было, то В. А. Никольский мог запросить контору газеты, в функции которой входило обрабатывать и хранить статистические данные. Все полученные сведения за 1898—1914 гг. были суммированы Никольским в таблице (она хранится в фонде⁵³) и оттуда перенесены в текст статьи.

Составленная Никольским история газеты носила рекламно-юбилейный характер. Поэтому материалы подготовительной работы представляют гораздо большую ценность, чем сам текст «Истории газеты „Русское слово“». Они позволяют установить тираж газеты, раскрыть псевдонимы, выяснить имена авторов передовых статей, информации, фамилии корреспондентов, что трудно, а иногда и невозможно установить по другим источникам. Эти материалы позволяют реконструировать и недошедшую до нас часть редакционного архива, правильно сгруппировать и классифицировать документы.

⁴⁹ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 259, п. 2, д. 2. Редакционный дневник секретаря за 1904 г., л. 1.

⁵⁰ Там же, п. 1, д. 17. Редакционный дневник секретаря за 1902 г., л. 92.

⁵¹ Там же, л. 1.

⁵² Там же, п. 4, д. 15—17.

⁵³ Там же, д. 1.

**О СТАТИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ
ПРИГОВОРОВ И НАКАЗОВ КРЕСТЬЯН
В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ
(на примере степного Предкавказья)**

Б. А. Трехбратов

В период первой буржуазно-демократической революции в России широко развернулось петиционное движение крестьянства, которое было вызвано, с одной стороны, началом революционных выступлений народных масс в стране, с другой — известным рескриптом Николая II от 18 февраля 1905 г., разрешавшим «верноподданным» доводить до сведения властей свои нужды. При издании рескрипта преследовались демагогические цели и ставилась задача отвлечь трудящихся деревни от открытой революционной борьбы, используя царистские и конституционные иллюзии крестьянства. Однако из этой затеи ничего не вышло. Наоборот, составление, обсуждение и принятие на сельских и волостных сходах приговоров, наказов и резолюций стимулировало усиленную работу крестьянской мысли, заставляло трудящихся села задумываться над истинными причинами угнетенного положения и искать пути выхода из него. При этом сходы часто превращались в антиправительственные митинги и собрания.

Приговоры и наказания крестьян обладают богатыми информативными возможностями: они содержат разнообразный материал для суждения о положении, уровне политического сознания, организованности крестьянских масс, их социально-экономической и политической программе, для изучения их идеологии и настроений.

В. И. Ленин придавал большое значение изучению приговоров и наказов, считая их ценным материалом, который «обязательно должен быть в руках каждого члена нашей партии»¹. В статье «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие», помещенной в центральном органе большевистской партии газете «Рабочий»², он дал глубокий анализ примерного наказа, составленного редакцией газеты «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» на основании 242 наказов с мест на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

Статья была посвящена крестьянским наказаниям кануна Великой Октябрьской социалистической революции, но она имеет

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 109.

² Там же, с. 108—116.

общеметодологическое значение для изучения всех документов такого рода. В. И. Ленин наметил основные принципы подхода к документам, которые позволяют сделать объективные, научные выводы: «Было бы крайне желательно, чтобы Совет крестьянских депутатов опубликовал как можно более подробные данные обо всех этих наказах (если уже абсолютно невозможно напечатать все их полностью, что было бы, конечно, всего лучше). Например, особенно необходим полный список губерний, уездов, волостей с указанием, сколько наказов из каждой местности доставлено, время составления или доставления наказов, анализ основных хотя бы требований, чтобы можно было видеть, заметны ли различия по районам относительно тех или других пунктов. Скажем, район подворного и общинного землевладения, районы великорусские и инонациональные, районы центра и районы окраин, районы, не знавшие крепостного права, и пр. — отличаются ли они постановкой вопроса об отмене права собственности на все *крестьянские* земли, о периодических переделах земли, о недопущении наемного труда, о конфискации инвентаря и скота у помещиков и проч. и проч. Научное изучение необыкновенно ценного материала крестьянских наказов без таких подробных данных невозможно. А мы, марксисты, всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики»³.

В поле зрения В. И. Ленина были и наказания крестьян в период первой русской революции. Ленинский анализ социально-экономического и политического содержания наказов крестьян, посланных в I Государственную думу, был связан с постановкой новых задач в агитационно-пропагандистской работе партии среди трудящихся сел. В заключительном слове по аграрному вопросу на IV Объединительном съезде РСДРП В. И. Ленин, анализируя наказ ставропольских крестьян своему депутату З. С. Мишину, подчеркнул, что «разбор земельных требований крестьян должен служить почвой для политической и в частности именно республиканской пропаганды»⁴.

Несмотря на очевидную важность изучения «приговорного» движения крестьянства, оно еще не получило всестороннего освещения в исторической литературе. Е. Г. Василевский и Нильве А. И. начали разработку приговоров и наказов крестьян, посланных во II Государственную думу⁵, причем статьи Нильве А. И. представляют интерес и в плане разработки мето-

³ Там же, с. 108—109.

⁴ Там же, т. 12, с. 370.

⁵ Василевский Е. Г. Социально-экономическое содержание крестьянских приговоров и наказов во II Государственную думу (1907 г.). — Труды кафедры истории народн. хоз-ва и эконом. учений эконом. ф-та МГУ. М., 1956, вып. 179; Нильве А. И. К методике изучения приговоров и наказов крестьян, посланных во II Государственную думу. — В кн.: Археографический ежегодник за 1970 г., М., 1971; Она же. Приговоры и наказания крестьян во II Государственную думу. — История СССР, 1975, № 5.

дики статистической обработки содержания этих документов. По материалам Самарской губернии разрабатывает методику изучения «приговорного» движения и анализирует его роль в борьбе крестьянства в 1905—1907 гг. О. Г. Буховец⁶. Приговоры и наказания трудящихся сел и станиц степного Предкавказья в годы первой русской революции в исследовательской литературе вообще не затрагивались.

В настоящей статье подводятся некоторые итоги источниковедческого изучения приговоров и наказов крестьян и казаков степного Предкавказья с точки зрения выявления их информативных возможностей и обоснования некоторых методических приемов их анализа. Нами выявлены 86 приговоров, наказов, резолюций и телеграмм, большая часть из которых была напечатана в местных газетах различных направлений и публикациях членов Трудовой группы I Государственной думы. Другая часть отложилась в Центральном государственном историческом архиве СССР и в государственных архивах Краснодарского (ГАКК) и Ставропольского (ГАСК) краев. В ЦГИА СССР сохранились 12 приговоров, в ГАКК — 2, в ГАСК — 7. В периодической печати было опубликовано 65 приговоров и наказов, из них: в газетах социал-демократического направления («Голос», «Колос», «Голос избирателя», «Союз», «Народная правда») — 26, в газетах эсеровского направления («Земля и воля», «Народный голос») — 2, в газетах конституционных демократов («Народная свобода», «Пятигорский листок») — 2, в газетах, издававшихся членами Трудовой группы I Государственной думы («Трудовая Россия», «Крестьянский депутат», «Известия крестьянских депутатов») — 6. Либерально-буржуазные газеты самых различных оттенков поместили на своих страницах 29 приговоров, наказов, телеграмм и резолюций. Как видно из приведенных данных, более половины (34 из 65) было опубликовано на страницах социал-демократической и революционно-демократической печати.

Большая часть приговоров и наказов (36) представляет собой краткие резолюции, в четырех приговорах содержится развернутый текст, в котором сравнительно подробно описывается положение крестьян, но резолюция — краткая. Другая группа приговоров (21) представлена довольно подробными резолюциями, но без разделения на пункты. И, наконец, в 25 приговорах и наказах имеется четкое деление на пункты: в девяти из них резолюция состоит из 4—10 пунктов, в десяти — из 10—20 пунктов и в шести приговорах содержится более чем 20 пунктов. Приговоров с одинаковым текстом обнаружено только два, преобладали нетиповые приговоры.

⁶ Буховец О. Г. К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905—1907 гг. (По материалам Самарской губ.). — История СССР, 1979, № 3.

Вопрос об авторстве приговоров, о «чистоте» их крестьянского происхождения очень сложен и требует специального рассмотрения. Отметим только то, что приговоры, отличающиеся непосредственностью в изложении крестьянских нужд, сугубой конкретностью в изложении фактов крестьянских бедствий, сочностью разговорного языка,— скорее творения самобытно-крестьянские, чем написанные под влиянием «посторонних». Так, крестьяне села Мостового Майкопского отдела Кубанской области в своем приговоре от 11 июня 1906 г., с которым они обращались к председателю Государственной думы, обрисовав свое тяжелое экономическое положение, просят его «обратить свое милостивое внимание» на их «бедное селение и еще притесняющие вышесказанные причины», которые «принять к зависящему распоряжению...»⁷. Крестьяне и мещане города Святой Крест Ставропольской губернии высказывали такие суждения в отношении урегулирования аграрного вопроса: «Земля — дар божий, как воздух, вода и солнце, и никто не должен ею распоряжаться и эксплуатировать. Бог сотворил мир и дал в полное распоряжение человеку, у бога нет ни дворян, ни крестьян, а все мы сыны божьи и мы имеем полное право требовать наследства отцовского, а отец всем — бог. Неужели же мы, крестьяне, только пасынки божьи, а дворяне сыны? Это грубая неправда. Кто трудится на земле, тот и должен иметь ее столько, сколько он может обработать своей семьей, чтобы от безделья не разбаловаться и не горовать»⁸.

Об отношении крестьян к «агитаторам» при составлении приговоров можно отчасти судить по наказу Богородицкого волостного схода Медвеженского уезда Ставропольской губернии от 5 марта 1906 г. Из 25 пунктов этого наказа-программы один (второй) посвящен специально «агитаторам»: «Все уполномоченные от крестьян перед открытием Государственной думы должны собраться вместе, не допуская на свое заседание положительно никого из других сословий и в особенности агитаторов от разных партий и союзов, и все вместе предварительно обсудить все общие нужды и затем все нужды каждой особой местности в отдельности и составить общий свод всех вопросов, подлежащих обсуждению в Государственной думе и как общие интересы, так и интересы крестьян отдельных местностей защищать в Государственной думе всем сообща»⁹.

Вместе с тем некоторые крестьянские приговоры и наказания не свободны от постороннего влияния. Часть их несет на себе печать влияния революционной пропаганды и агитации в деревне, но никакой «агитатор» не мог бы заставить крестьян подписать приговор, если бы он не соответствовал их нуждам и чаяниям.

⁷ Центральный государственный исторический архив СССР (далее: ЦГИА СССР), ф. 1278, оп. 1 (1-й созыв), д. 278, л. 229—229 об.

⁸ Северный Кавказ, 1906, 8 февр.

⁹ Северный Кавказ, 1906, 15 мар.

То, что в составлении приговоров принимали участие не только крестьяне, ощущается в словах и выражениях, не присущих им, в частности в таких, как «разрушить средостение между царем и Думой»¹⁰, «голос Думы звучит „гласом вопиющего в пустыне“»¹¹ и т. д. и т. п. Однако следует иметь в виду, что приговоры, как правило, писались со слов крестьян и что обоснование их требований принадлежало самим крестьянам. Литературную форму придавали наказам и приговорам писари, учителя, вообще грамотные люди. В отдельных случаях, может быть, крестьяне даже не вполне ясно понимали значение отдельных слов и выражений предложенного для подписи наказа, но они в то же время отчетливо видели, что он выражает действительные желания и нужды жителей села, и потому ставили свои подписи. В таких случаях не «их» была только внешняя форма приговора, но существо принадлежало им.

Некоторые приговоры были, несомненно, составлены и продиктованы «агитаторами», но и в такого рода приговорах крестьяне выставляли требования о своих местных нуждах, подсказанных самой жизнью. Так, крестьяне села Медвежье Ставропольской губернии в своем наказе от 16 апреля 1906 г., направленном депутату З. С. Мишину, наряду с общим требованием отобрать все земли, кроме частновладельческих, в казну выдвинули конкретное требование присоединить к их земле соседние участки землевладельцев Деминых и Берберова «по справедливой оценке и приняв во внимание покупную стоимость их»¹².

Составление, обсуждение и принятие на сельских сходах крестьянских приговоров и наказов началось еще задолго до начала заседаний I Государственной думы: 19 приговоров было принято крестьянами степного Предкавказья в период с 28 ноября 1905 г. по 25 апреля 1906 г., 24 приговора было составлено в мае, 34 — в июне и 9 — в начале июля 1906 г.

Большинство приговоров — 53 (61,6%) — послано в адрес Трудовой и Рабочей группы I Государственной думы. Причем из Ставропольской губернии трудовикам было адресовано 72,7% приговоров, что было связано с составом депутатов, избранных в Государственную думу от этой губернии: все три депутата (Ф. М. Онипко, Я. В. Борисов и З. С. Мишин) входили в Трудовую группу. В Кубанской же области только один из шести депутатов (В. И. Лунин) примыкал по своим взглядам к трудовикам, Н. И. Морев тяготел к кадетам, политические взгляды остальных депутатов не совсем ясны. Морев получил один наказ, также по одному наказу получили казацкие депутаты Гришай и Бардиж. Остальные приговоры имели следующий адресат: в Государственную думу — 12, председателю Думы Муромцеву — 5, царю — 1, председателю Совета министров (с последующей передачей в

¹⁰ Северо-Кавказский край, 1906, 13 июля.

¹¹ Северный Кавказ, 1906, 15 июня.

¹² Голос, 1906, 26—27 апр., 3—4 мая.

Государственную думу) — 2, будущему депутату Государственной думы — 1. Без указания конкретного адресата было принято девять приговоров.

Анализ требований крестьян убеждает в том, что приговоры и наказания, как это уже отмечалось в литературе¹³, не могут быть научно освоены традиционным методом иллюстрирования наиболее ярких мест из их текста. Для более досконального и продуктивного изучения этих документов представляется необходимым применить метод формализации сведений, содержащихся в них, с последующей их организацией в таблицы.

Характер требований	Число документов с данными требованиями	В % к общему числу
Политические	77	89,5
Аграрные	62	72,1
Экономические, кроме аграрных	28	32,5 ¹⁴

Как видим, заметное место в приговорах и наказаниях крестьян степного Предкавказья занимают аграрные требования. Требования переустройства политической системы государства, приводившиеся в значительной части наказов, свидетельствуют о пробуждении сознательности крестьянских масс, не замыкавшихся в узких рамках местных экономических интересов. Об этом же говорит и тот факт, что экономические требования (кроме аграрных) содержатся только в трети приговоров и наказов.

Самым распространенным аграрным требованием являлось требование передачи всех земель в пользу трудящихся без выку-

¹³ Нильве А. И. К методике изучения приговоров..., с. 177.

¹⁴ Здесь и далее все цифровые данные статьи приведены на основе следующих источников: ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 1 (1-й созыв), д. 286, л. 35—36; д. 271, л. 48, 71; д. 278, л. 229—230 об.; д. 285, л. 13—14 об.; д. 291, л. 289—290; д. 292, л. 35—36; ф. 1278, оп. 1 (2-й созыв), д. 785, л. 99—102 об., 173—175 (приговоры были посланы в январе и мае 1906 г., но попали в фонды II Государственной думы); ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 173, л. 65—67; д. 179, л. 141—141 об.; Государственный архив Краснодарского края (далее: ГАКК), ф. 454, оп. 1, д. 1046, л. 255 об.; д. 1047, л. 211—211 об.; ф. 583, оп. 1, д. 520, л. 15; Государственный архив Ставропольского края (далее: ГАСК), ф. 101, оп. 5, д. 376, л. 119—120, 127—128; д. 385, л. 55, 60—60 об.; ф. 398, оп. 41, д. 709, л. 44—44 об., 36—36 об.; ф. 1008, оп. 1, д. 74, ч. 1, л. 169—169 об.; газеты: Голос (Ставрополь), 1906, 26 апр.—4 мая, 7, 25—27 мая, 31 мая—2 июня, 4, 6, 8, 10, 13—17 июня; Голос избирателя (Ставрополь), 1906, 11 марта; Заря (Екатеринодар), 1906, 25 мая, 10 июня, 4 июля; Земля и воля (Ставрополь), 1906, 1 янв.; Жизнь Северного Кавказа (Владикавказ), 1906, 13 июня; «Известия крестьянских депутатов (СПб.)», 1906, 26, 31 мая; Колос (Ставрополь), 1906, 23—25 июня, 5, 7, июля; Крестьянский депутат (СПб.), 1906, 30 июня, 5—6 июля; Кубань и Черноморское побережье (Екатеринодар), 1906, 14 марта, 9 июня, 5, 6, 13 июля; Народная правда (Ставрополь), 1905, 20 дек.; Народная свобода (Ставрополь), 1906, 18 марта; Народный голос (Ставрополь), 1906, 21 янв.; Пятигорский листок (Пятигорск), 1906, 26 мая; Северный Кавказ (Ставрополь), 1906, 8 февр., 10 февр., 15 марта, 2, 23 апр., 31 мая, 4, 10, 15, 23, 28 июня, 2, 9 июля; Северо-Кавказский край (Ставрополь), 1906, 11, 13 июля; Союз (Ставрополь), 1906, 2 авг.; Трудовая Россия (СПб.), 1906, 2, 8 июня.

Ликвидация частной собственности на землю. Передача земли в руки трудящихся, которые сами ее обрабатывают	27
Учредительное собрание должно конфисковать все земли и передать их в распоряжение областных комитетов	3
Передача земли в уравнильное землепользование	4
Все земли отобрать в казну безвозмездно, частновладельческие же — по справедливой оценке	6
Требование земли содержится в форме лозунга «Земли и воли!»	14
Иногородних наделить землей наравне с казаками	1
Наделить землей безземельных и малоземельных крестьян	2
Дополнительное наделение землей крестьян из соседних частновладельческих или церковных земель	3
Переселить на удобную хлебородную землю	2

га (более 50% требований). Так, иногородние крестьяне станицы Некрасовской Майкопского отдела Кубанской области в своем постановлении от 20 ноября 1905 г. ходатайствовали о передаче казенной и частновладельческой земель, находящихся на Кубани, в пользование трудящихся в количестве, которое «каждый может обработать своим трудом, так как земля есть дар божий, поэтому она должна принадлежать всему народу и временно пользоваться ею может только землевладелец, обрабатывающий ее, а остальные, не обрабатывающие своими руками землю, имеют право лишь устройства на ней жилища, а потому земля должна принадлежать всем желающим работать на ней трудами своей семьи»¹⁵. «Землю помещичью, монастырскую, удельную, казенную,— писали в своем приговоре 29 июня 1906 г. крестьяне поселка Софиевский Ставропольской губернии,— распределить между всем народом на надел..., выкупа за землю не давать, а тем помещикам, которые захотят работать, дать равный с крестьянами надел...»¹⁶. Иногородние крестьяне станицы Вознесенской Лабинского отдела Кубанской области в постановлении от 25 апреля 1906 г. требовали, чтобы «вся земля в России была отобрана в общий юрт и разделена на души всем по ровному количеству» и бесплатно¹⁷. Трудящиеся села Павловское Медвеженского уезда Ставропольской губернии высказывали твердое желание, «чтобы частная собственность была воспрещена на землю, чтобы вся земля находилась в ведении всего трудящегося народа»¹⁸.

Требую, чтобы все земли «были переданы в общую собственность всего народа»¹⁹, чтобы «вся земля была передана на веде-

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 173, л. 65 об.— 66.

¹⁶ ГАСК, ф. 398, оп. 41, д. 709, л. 44.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 1 (1-й созыв), д. 285, л. 13 об.

¹⁸ Голос, 1906, 15 июня.

¹⁹ Народный голос, 1906, 22 янв.

ние трудящегося народа без права купли и продажи, при условии обработки личным трудом»²⁰, считая, что «частная собственность на землю должна быть уничтожена»²¹, добиваясь «полного отчуждения земель»²², крестьяне тем самым недвусмысленно заявляли о своем стремлении уничтожить все остатки крепостничества, смести помещичье землевладение, разгородить все земли и открыть к ним свободный доступ всего крестьянства, т. е. приходили к идее национализации земли.

В приговорах указывались также условия пользования землей. Так, крестьяне станицы Гиагинской Майкопского отдела Кубанской области считали, что «земля должна быть общественная и должна даваться мужскому полу от рождения до смерти, женскому полу — до замужества, если муж умрет — жена может пользоваться его наделом; запасная общественная земля должна обрабатываться своими общественными средствами, но ни в каком случае общество не имеет права отдавать ее за деньги в аренду; на общественной земле не должно быть никаких частных торгово-промышленных заведений, а должны быть устроены на ней общественные мельницы, маслобойные заводы, кузницы, аптеки, столярные мастерские и все то, что необходимо для общества, и весь доход, полученный от обработки земли и... торгово-промышленных заведений, должен идти на общественные и государственные нужды...»²³. Крестьяне села Медвежье Ставропольской губернии в наказе, посланном депутату З. С. Мишину, требовали: «Землю передать в руки тем лицам, которые занимаются обработкой ее, земля должна наделаться не отдельным лицам, но целым обществам так, чтобы общество могло пользоваться ею по обоюдному соглашению всех»²⁴. Созвучными этому являлись требования крестьян Александровского уезда Ставропольской губернии, в которых предлагалось все земли передать «в пользование крестьян, т. е. всему рабочему населению, потому что эти земли не должны быть отданы в пользование какому-либо одному лицу, которое ее само не обрабатывает, а землей должен пользоваться весь рабочий народ, который сам своим трудом обрабатывает» ее²⁵.

Эти требования, хотя и были навеяны иллюзиями мелкобуржуазного социализма, являлись, безусловно, революционными, так как идея уравнительности была, по словам В. И. Ленина, «знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России. Идея равенства, — подчеркивал В. И. Ленин, — самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности. Идея *равенства* законна и про-

²⁰ Северный Кавказ, 1906, 10 февр.

²¹ ГАСК, ф. 398, оп. 41, д. 709, л. 36—36 об.

²² ГАСК, ф. 101, оп. 5, д. 385, л. 60.

²³ Северный Кавказ, 1906, 10 февр.

²⁴ Голос, 1906, 27 апр.

²⁵ Северо-Кавказский край, 1906, 13 июля.

грессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим»²⁶.

Важное значение для крестьян имел вопрос об условиях перехода к ним земли. Основная масса крестьян отвергала всякий выкуп, требуя безвозмездного отчуждения помещичьих земель. Вместе с тем материалы некоторых приговоров обнаруживают известную непоследовательность и колебания крестьян в вопросе о выкупе. Это проявляется уже в том факте, что в ряде приговоров крестьяне вовсе не касаются вопроса об условиях отчуждения, допуская тем самым явную недооценку этой важной стороны аграрного преобразования. Так, в 14 приговорах требование земли содержится в общей форме — лозунга «Земли и воли!», в двух приговорах крестьяне требуют наделения землей безземельных и малоземельных однообщинников, не указывая, каким путем они хотят осуществить указанное требование. И, наконец, в шести приговорах, требуя отчуждения земель, крестьяне допускают выкуп частновладельческих участков с вознаграждением от казны по особой справедливой оценке. Эти приговоры составлены явно в духе кадетской программы. В некоторых случаях прослушивается голос кулака — владельца крупных участков купленной земли. Например, в приговоре села Медвежье Ставропольской губернии говорилось, что все земли, за исключением частновладельческих, приобретенных покупкой, должны перейти в казну без вознаграждения, «частновладельческие же земли приобретенные покупкой, — с вознаграждением от казны по особой справедливой оценке, приняв в расчет покупную ее стоимость, время пользования и всю ту выгоду, какую владелец извлек из нее»²⁷.

В других приговорах сказалось влияние морали мелкого хозайчика. Иногородние крестьяне станицы Зеленчукской Баталпашинского отдела Кубанской области в своем наказе депутату П. А. Гришаю от 2 июня 1906 г. предлагали «вести принудительное отчуждение частновладельческих земель во всей России по справедливой оценке»²⁸. Мы видим, что даже иногородние, как правило, менее обеспеченная часть населения казачьих станиц, боялись нарушить «священное право» земельной собственности.

Наиболее радикальная масса села сознавала, что добиться политических свобод и конфискации земли без выкупа мирным путем невозможно. Крестьяне села Китаевское Ставропольской губернии 28 мая 1906 г. писали своему депутату Ф. М. Онипко: «Вы, депутаты, открыто и смело вступайте в борьбу с правительством, так как мирным путем, мы видим, добиться земли и воли нельзя»²⁹. 300 крестьян станицы Михайловской Кубанской области на митинге, состоявшемся 10 июня 1906 г., «выслушавши ора-

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 213.

²⁷ Голос, 1906, 27 апр.

²⁸ Заря, 1906, 10 июня.

²⁹ Голос, 1906, 6 июня.

тора, пришли к убеждению, что наступает время новой великой битвы за всенародное Учредительное собрание и что скоро потребуется дружное выступление народной армии против заклятых врагов трудящегося народа. Мы, все собравшиеся, — отмечалось в резолюции митинга, — выражаем полную готовность и твердую решимость поддержать передового борца за народную свободу — революционный пролетариат России и будем вместе с ним бороться за счастье народное, а для этого мы становимся под красное знамя РСДРП»³⁰.

Требование земли было главным и самым распространенным экономическим требованием крестьян. Из других экономических требований встречаются требования замены всех прямых и косвенных налогов единым подоходным налогом, постройки в широких размерах казенных складов для семян, земледельческих орудий и машин, уничтожения таможенных пошлин при ввозе товаров из-за границы и др.

Но особую важность представляет факт выставления в значительной части приговоров и наказов требований политического характера.

Содержание политических требований	Число приговоров, содержащих данное требование
Созыв Учредительного собрания	23
Выборы в Государственную думу на основе четырехчленной формулы	11
Осуществление свобод, объявленных манифестом 17 октября 1905 г.	16
Министерство, ответственное перед Государственной думой	15
Государством управляет царь и Государственная дума	14
Государственная дума — законодательное учреждение	6
Ускорение созыва Государственной думы в помощь царю	1
Местное управление на выборных началах	9
Демократизация суда	8
Уничтожение постоянной армии и замена ее народной милицией	5
Уничтожение института земских начальников и полиции	4
Уничтожение сословий	16
Отмена исключительных законоположений	18
Отмена смертной казни	28
Амнистии политическим заключенным	42
Установление политических свобод	19
Облегчение военной службы	9
Роспуск казачьих частей по домам	3
Отделение церкви от государства	6
Церковь поставить под контроль государства	7
Ввести всеобщее бесплатное образование	19
Осуществление программы Трудовой группы	17
Государством управляют выборные от народа	1
Присоединение к Всероссийскому крестьянскому союзу	6

³⁰ Колос, 1906, 23 июня.

Эти политические требования крестьян степного Предкавказья отражают крестьянское понимание «полной воли», носят общедемократический характер.

Требование созыва Учредительного собрания содержится в 30 % приговоров. О росте политической сознательности крестьян свидетельствуют такие требования, как введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, амнистия политическим заключенным, отмена смертной казни, отмена всех исключительных законоположений, уничтожение сословий, уничтожение постоянной армии и замена ее народной милицией и др. Эти требования отражали демократические чаяния крестьян и создавали условия для расширения влияния российской социал-демократии на крестьянское движение.

Требование немедленного смещения реакционного кабинета министров и назначения министерства из состава Государственной думы и требование превращения Государственной думы в законодательное учреждение свидетельствовали о конституционных иллюзиях крестьянства, которое верило в то, что можно мирным путем, через Думу и думское правительство добиться земли и воли.

В неразрывной связи с конституционными иллюзиями находились и монархические иллюзии крестьян, которые от гнета помещиков и произвола чиновников искали защиты у царя, ожидая осуществления всех свобод, объявленных манифестом 17 октября 1905 г., и принимая за чистую монету афишированное в этом манифесте обещание самодержца «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собрания и союзов». Популярны были требования претворения в жизнь всех свобод, объявленных манифестом, и управления страной Государственной думой и царем. «Пусть будет государь и Государственная дума, и вы нам дадите и землю, и волю», — писали своим избранникам крестьяне Александровского уезда Ставропольской губернии³¹. В верноподданническом духе написана телеграмма жителей села Сотниковского, посланная на имя депутатов от Ставропольской губернии Я. В. Борисова, Ф. М. Оникко и З. С. Мишина: «Не верим, что царь, любящий свой народ, поручил министрам отказать этому народу в перемене дурных порядков, тяжело отзывающихся на угнетенных крестьянах... Добивайтесь тесного единения царя с Думой, — писали сотниковцы, — кланяйтесь царю. Скажите ему, что крестьяне ждут от него, как от царя, защиты угнетенных. Пусть и он не верит министрам и помещикам. Это — враги крестьян, которыми они даже недавно торговали»³².

Для определения политических симпатий крестьянства степного Предкавказья представляет интерес выяснение его отношения к различным фракциям I Государственной думы (табл. 1).

³¹ Северо-Кавказский край, 1906, 13 июля.

³² Северный Кавказ, 1906, 28 июня.

Т а б л и ц а 1
Адресаты аграрных требований крестьян степного Предкавказья

Аграрные требования, направленные в I Государственную думу	Всего	В том числе послано				
		трудо- викам	трудо- вой и рабочей группе	с.-д.	в Госу- дарст- венную думу и без ад- реса	буду- щему члену Госу- дарст- венной думы
Ликвидация частной собственности на землю и передача земли в руки тех, кто ее обрабатывает своим трудом *	27	15	2	2	5	2
Передача земли в уравнильное землепользование	4	1	—	—	3	—
Частновладельческие земли отобрать по справедливой оценке **	6	3	—	—	1	1
Учредительное собрание должно передать все земли в распоряжение областных народных самоуправлений	3	—	—	2	1	—
Иногородних наделить землей наравне с казаками	1	—	—	—	1	—
Требование земли содержится в форме лозунга «Земли и воли!»	14	11	—	—	3	—
Наделить землей безземельных и малоземельных крестьян	2	2	—	—	—	—
Дополнительное наделение землей крестьян из частновладельческих или церковных земель	3	1	—	—	2	—
Переселить на хлеботородную удобную землю	2	—	—	—	2	—
Итого	62	33	2	4	18	3

* Еще одно такое же требование содержится в прошении, посланном крестьянами станицы Некрасовской в адрес Витте для последующей передачи в I Государственную думу.

** Одно такое же требование было послано П. А. Гришаю.

Данные табл. 1 показывают, что из 62 пунктов аграрных требований 35, или 58,6%, было послано в адрес Трудовой и Рабочей группы, что свидетельствует о степени влияния этих групп на крестьянство.

Не меньший интерес представляют и сведения о том, в каких газетах печатали крестьяне свои приговоры и наказания (табл. 2).

Данные табл. 2 показывают, что из 46 пунктов аграрных требований, опубликованных на страницах периодической печати, 27 помещено в газетах социал-демократического и революционно-демократического направлений, 13 — в газетах направления, приближающегося к демократическому.

Т а б л и ц а 2

**Аграрные требования крестьян степного Предкавказья, опубликованные
в периодической печати в 1906 г.**

Аграрные требования	Опубликовано					
	всего	с -д.	трудо- виков	с.-р.	к.-д. и примы- кавших к ним	левее к.-д. и правее с.-д. и с.-р.
Передача земли в руки тех, кто ее обрабатывает своим трудом	21	10	3	—	3	5
Передача земли в уравнильное землепользование	3	—	—	2	—	1
Частновладельческие земли отобрать по справедливой оценке	6	3	—	—	—	3
Учредительное собрание должно передать все земли в распоряжение областных народных самоуправлений	3	3	—	—	—	—
Требование земли содержится в форме лозунга «Земли и воли!»	13	5	1	—	3	4
Итого	46	21	4	2	6	13

В целом крестьяне степного Предкавказья поддерживали революционно-демократические аграрные требования Трудовой группы. Но только этим нельзя ограничивать значение приговоров и наказов кубанских и ставропольских крестьян, посланных в I Государственную думу. Выработкой своих аграрных требований крестьяне способствовали формированию аграрной программы трудовиков. Об этом можно судить по тем приговорам и наказам, которые были составлены до обнародования 19 мая 1906 г. проекта программы Трудовой группы³³. Так, например, требование крестьян степного Предкавказья относительно передачи всей земли в руки трудящихся, которые обрабатывают ее своим трудом, встречается 27 раз, из них 7 раз оно было принято до обнародования программы трудовиков. Здесь можно говорить о влиянии крестьян на своих депутатов, делегированных в I Государственную думу.

В период деятельности I Государственной думы крестьяне внимательно следили за ее заседаниями и выступлениями различных депутатов, получая сравнительно широкую информацию из газет. Под влиянием этого и разъяснительной работы различных партий крестьяне вносили коррективы в свои требования, о чем свидетельствуют повторные приговоры и наказания крестьян. Всего обнаружено 22 повторных приговора по 10 населенным пунктам. Из них в трех приговорах крестьяне подтверждают ранее принятые требования; в трех — усиливают их в сторону более радикального разрешения аграрного вопроса; по одному разу

³³ Известия крестьянских депутатов, 1906, 19 мая.

принимают решение о посылке ходяков в Государственную думу для «пробивания» своих требований, принимают различные требования под влиянием партий и групп, действующих в данном населенном пункте; вносят некоторые тактические изменения в форме достижения своих требований, но суть оставляют ту же; после детально разработанного приговора-программы посылают беззубое уничижительное прошение.

Крестьяне села Кевсалы Ставропольской губернии в первоначальном приговоре от 21 мая 1906 г. (п. 5) требовали «передачи казенных, удельных, кабинетских, церковных и монастырских земель бесплатно, частновладельческих же частью бесплатно, частью за вознаграждение из казны в руки трудящегося населения»³⁴. В приговоре от 2 июля 1906 г. кевсальцы уже писали, что 5-й пункт приговора от 21 мая должен быть изменен так: «Частная собственность на землю должна быть уничтожена. Вся земля должна перейти в собственность всего народа без всякого выкупа; пользоваться ею должны только трудящиеся»³⁵. Крестьяне села Китаевское Ставропольской губернии первоначально не возражали против выкупа частновладельческих земель по справедливой оценке за счет государства, о чем и писали в Думу 23 апреля 1906 г. 28 мая 1906 г. они уже шлют телеграмму депутату Ф. М. Оникко с призывом к смелой борьбе с правительством, убедившись в том, что «мирным путем... добиться земли и воли нельзя»³⁶.

Таким образом, крестьянские приговоры и наказы, посланные в I Государственную думу, содержат богатый фактический материал, позволяющий судить о положении, степени политической активности, организованности жителей села, их социально-экономической программе и настроениях. По ним можно составить представление о влиянии на крестьянство различных партий и групп, выявить роль крестьянских приговоров в выработке программ Трудовой группы и различных партий, входивших в Думу. Важным достоинством этого источника является то, что в его создании принимали самое непосредственное и активное участие сами крестьяне.

Приговоры и наказы являются одной из форм крестьянской борьбы в годы революции 1905—1907 гг., которую условно можно назвать «митингово-приговорной», так как такого рода документы, как правило, обсуждались и принимались на многолюдных митингах и собраниях трудящихся деревни. Изучение приговоров и наказов крестьян существенно расширяет и углубляет наши представления о классовой борьбе в деревне в годы первой русской революции.

³⁴ Северный Кавказ, 1906, 23 июня.

³⁵ ГАСК, ф. 398, оп. 41, д. 709, л. 36—36 об.

³⁶ Голос, 1906, 3, 7 мая, 6 июня: Трудовая Россия, 1906, 8 июня.

**К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ «НИКОЛАЕВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»
(1905 г.)**

В. В. Ложкин

Восстание крестьян в октябре 1905 г. в ряде деревень Саратовского и Аткарского уездов Саратовской губернии и создание ими революционных крестьянских комитетов, взявших власть в свои руки и осуществивших революционно-демократические преобразования, известны как история «Николаевской республики» (по названию центра восстания — села Николаевский Городок), или «Мариинской республики» (по названию волости и земледельческого училища — опорного пункта восставших). Уже 12 ноября 1905 г. описание и высокую оценку восстанию дала газета «Новая жизнь», редактировавшаяся В. И. Лениным. Используя материалы газеты, в 1905 г. об этом восстании писал либеральный журнал «Мир божий» (№ 12, с. 28—30).

В 1925 г. ход восстания был подробно освещен в журнале «Пролетарская революция»¹. Позже этому восстанию был посвящен целый ряд воспоминаний, ему отдавалось должное как в литературе, посвященной крестьянскому движению в 1905—1907 гг., так и в специальных работах по истории революционного движения в Саратовской губернии².

Обширный круг опубликованных источников и литературы по рассматриваемой проблеме, казалось бы, исключал возможность выявления чего-либо нового. Однако опыт работы, проведенной в 1970 г. под руководством автора этих строк научной экспедицией Центрального Музея Революции СССР по истории революционной крестьянской борьбы в Саратовской губернии накануне и в годы первой русской революции, в частности, в Николаевском (ныне Октябрьском) Городке, показал, что даже по такому изученному периоду есть еще возможности значительного расширения источниковой базы исследований путем сбора разрозненных, малоизвестных или вовсе не известных материалов и «создания» новых источников (записей бесед, стенограмм воспоминаний уча-

¹ Илларионов И., Мирошкин Я., Максимов Т. и др. Крестьянское движение в селе Николаевский Городок Саратовской губ. в 1905 г. — Пролетарская революция, 1925, № 12 (47).

² Подробный перечень литературы и источников по рассматриваемой проблеме см.: Ложкин В. В. История одного поиска. «Николаевская республика»: страницы революционной борьбы. М., 1979.

стников событий), обогащения музейных фондов вещевыми реликвиями, отражающими существенные стороны событий тех лет.

Опыт экспедиции показывает, что при комплексном изучении источников в полную меру могут заговорить даже «раритеты». В данной статье мы и попытаемся показать это на конкретном анализе событий, довольно широко известных и, казалось бы, подробно описанных в литературе. Учитывая последнее обстоятельство, мы остановимся лишь на некоторых новых или спорных вопросах под углом зрения анализа источников. Этот анализ, на наш взгляд, имеет смысл не только для изучения данного исторического события, но и как пример для дальнейшего исследования истории других крестьянских восстаний 1905—1907 гг.

Общий обзор использованных источников можно дать, анализируя источниковую базу названных выше важнейших статей. Кем, на основе каких данных были изложены события в Николаевском Городке в статье, опубликованной 12 ноября 1905 г. в «Новой жизни»? Статья подписана сокращенно «И. Г.-г». Расшифровки сокращения нет в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова, нет указаний на авторство и в перепечатке «Новой жизни». Анализ текста статьи показывает, что, во-первых, ее писал человек, хорошо знавший состояние революционного движения в губернии, вероятно, один из деятелей Саратовской большевистской организации, во-вторых, он имел на руках некоторые документальные материалы, исходившие от восставших (резолуции митингов, планы действий революционного крестьянского комитета и др.). В статье содержится прямое указание на то, что редакция располагала материалами, присланными с места события («как сообщают нам наши корреспонденты»). Из руководящих деятелей Саратовской партийной организации 1905 г. такому сокращению соответствует фамилия И. Г. Гольденберга, который был признанным лидером Саратовской организации, позже — членом ЦК РСДРП. К осени 1905 г. он был вызван в Петербург, вошел в редакцию «Новой жизни». В материалах библиографического словаря указано, что он подписывал свои статьи рядом псевдонимов, в том числе «И. Г.-г»³. Кстати, так подписаны четыре статьи и в «Новой жизни». В документах Истпарта имеется прямое указание на то, что автором названной статьи был именно он⁴.

Какими же материалами располагал И. Г. Гольденберг, который сам не был очевидцем событий? У него был «доклад ревкома Николаевской республики»⁵. Этот факт подтверждают члены ревкома И. Ф. Илларионов и А. Г. Кузнецов. «Об этой так называемой „Николаевской республике“ в свое время был дан подробный доклад в ЦК РСДРП во фракцию большевиков», — писал

³ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее: ЦГАОР СССР), ф. 533, оп. 1, д. 1413, л. 376.

⁴ Ложкин В. В. Указ. соч., с. 82.

⁵ Там же.

А. Г. Кузнецов в автобиографии 1926 г. В аналогичном документе 1946 г. он уточнял: «Отчет о крестьянском революционном движении в указанном районе был представлен в свое время в редакцию „Новая жизнь“, которая в № 11 за 1905 г. напечатала некоторые извлечения из отчета»⁶. Таким образом, статья в «Новой жизни» была написана на основе, видимо, несохранившегося материала, написанного по горячим следам самими участниками событий с привлечением неизвестных по другим источникам документов, исходивших из рядов восставших⁷. Поэтому эта статья является уникальным, исключительно важным источником.

Статью в журнале «Пролетарская революция» писали участники и руководители крестьянского восстания. Среди них были члены районного революционного крестьянского комитета, в том числе упоминавшийся выше И. Ф. Илларионов. Однако статья — не просто воспоминания. Как было отмечено нами в книге (с. 126), в фонде Истпарта есть сведения, что один из ее авторов. И. С. Устюгов направлялся из Москвы для работы в саратовские архивы. Видимо, подбирал материал для статьи и работавший в губернском архивном ведомстве активный участник восстания крестьянин А. Е. Васильев. Сохранилось следующее письмо заведующему Саратовским истпартом: «В Истпарт ЦК обратилась группа участников революционного движения 1905 г. Саратовской губ. и так называемой „Николаевской республики“ с предложением собрать материал и написать историю этого периода. Истпарт ЦК план комиссии одобрил с указанием вести работу эту в пределах второй половины 1905 г. под руководством Саратовского губистпарта.

Ответственное лицо от группы — т. Васильев А. Е., которому и просим дать соответствующий мандат от Вашего губистпарта. На перепечатку материалов и документов Истпарт ассигнует специально 300 руб.»⁸.

Статья ограничивалась периодом октября 1905 г., т. е. непосредственно восстанием⁹. Авторам были известны основные документы о «Николаевской республике», исходившие из правительственного лагеря: донесение от 4 ноября 1905 г. начальнику губернского жандармского управления жандармского ротмистра Пастрюлина, руководившего подавлением восстания, и «обвини-

⁶ Семейный архив Е. М. Кузнецовой.

⁷ Ошибочно утверждение И. П. Шмыгина, что статья написана «по материалам местной судебной палаты» (*Шмыгин И. П. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг.* Ульяновск, 1962, с. 195). Судебная палата рассматривала это «дело» в 1908 г., а статья была опубликована в 1905 г.

⁸ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: ЦПА ИМЛ), ф. 70, оп. 2, д. 291, л. 5.

⁹ Хотя авторы, видимо, познакомились со всеми материалами жандармских архивов, касающимися каждого соавтора. Во всяком случае, в семейном архиве И. Ф. Илларионова сохранилась перепечатка номеров всех архивных дел, где содержатся ссылки на его революционную деятельность. Думается, она сделана в период работы над указанной статьей.

тельный акт» по делу о восстании, составленный 7 января 1908 г. Как в первом документе (объем 16 машинописных страниц), излагающем довольно подробно результаты предварительного следствия, проведенного Пастрюлиным в Николаевском Городке в октябре 1905 г., так и во втором, во многом уточняющем и дополняющем первый, ибо он был результатом следующего этапа «расследования» (объем 10 страниц типографского текста), содержится большое число конкретных фактов и фамилий (обвинялось по этому делу 77 человек).

И хотя статья в «Пролетарской революции» не содержит архивных ссылок, видно, что она написана с использованием обоих этих документов, добротна, с точными датами, фактами, четкой характеристикой событий. Развивая положения статьи, опубликованной в «Новой жизни», авторы ярко показали нарастание событий по дням, подчеркнули руководящую роль местной партийной организации, разносторонне охарактеризовали те революционно-демократические преобразования, которые начали осуществляться под руководством районного революционного крестьянского комитета. Не ограничившись изложением архивного материала, они дополнили его рядом таких деталей, о которых знали только руководители и участники восстания (например, о связях с Саратовским комитетом РСДРП). Как и материалы «Новой жизни», статья в «Пролетарской революции» стала важным источником по истории восстания. Однако краткость изложения привела к тому, что здесь был обойден ряд существенных моментов (состав революционного крестьянского комитета, партийного комитета и др.), события излагались безлико, не названо ни одной фамилии, как и в статье 1905 г. Не рассмотрен вопрос о предпосылках и значении восстания.

После экспедиции Музея Революции саратовскими историками была расширена источниковая база исследований. Следует отметить небольшую, но содержательную газетную статью З. Ким¹⁰. Автор расширил круг источников, раздвинул хронологические рамки повествования, сделал попытку изложить историю возникновения социал-демократической организации в Николаевском Городке, привести фамилии восставших и показать их участие в дальнейших событиях первой русской революции. Однако в статье нет ссылок на архивные документы, которыми пользовался автор, что не дает возможности полностью выявить источниковую базу этого, не получившего, к сожалению, дальнейшего продолжения исследования.

Несомненным шагом вперед в изучении восстания явилась статья В. М. Гохлернер и К. П. Харламовой¹¹. Привлечение новых источников сочетается в ней с многосторонним подходом в

¹⁰ Ким З. Под руководством саратовских большевиков.— Коммунист, Саратов, 1973, 15 ноября.

¹¹ Гохлернер В. М., Харламова К. П. Из истории крестьянских революционных комитетов в Саратовской губернии в 1905 г.— В кн.: Поволжский край. Саратов, 1977. (Межвузовский научный сборник; № 5).

постановке и рассмотрении истории «Николаевской республики»: здесь анализируется социально-экономическое положение крестьянства, дается краткий очерк революционного движения в Николаевском Городке накануне 1905 г., деятельности социал-демократической группы, подробно излагается ход восстания, принята попытка определить персональный и партийный состав революционных крестьянских комитетов и на основе конкретного анализа сделать обобщающие выводы об их типичности и значении. Авторы обнаружили две из трех напечатанных в селе в период восстания листовок, а также ряд расписок, выданных от имени революционных крестьянских комитетов, — важных источников по истории «Николаевской республики».

Тем не менее, давая положительную оценку научного уровня статьи, следует отметить, что ряд архивных источников, известных авторам, не использован в полной мере при анализе событий, изложение которых ведется по преимуществу на основе уже традиционных источников — донесения Пастрюлина и «Обвинительного акта». Материалы многих архивов (даже саратовских) оказались неизвестными авторам.

Еще в 1970 г. во время работы указанной выше научной экспедиции ЦМР СССР автор этих строк обнаружил ряд новых источников. Были написаны статья¹² и указанная выше книга, в которых сделана попытка проанализировать объективные и субъективные предпосылки восстания, рассмотреть историю местной социал-демократической организации и влияние на нее рабочих-революционеров Саратова, раскрыть ее персональный состав, идеологическую, организационную, военно-техническую подготовку восстания, изучить судьбы членов районного революционного крестьянского комитета и ряда активистов, их связи в разное время с В. И. Лениным, использование опыта этого восстания и др.

Работа экспедиции значительно расширила источниковую базу изучения проблемы, причем поиск новых источников шел по нескольким направлениям. Было проведено стенографирование воспоминаний трех ныне уже покойных участников событий¹³. Один из них — Е. И. Бармин, крестьянин деревни Кувька, за революционную деятельность был арестован и посажен в тюрьму еще в 1902 г.¹⁴ В 1905 г. он вернулся в деревню и участвовал в восстании. Стенограмма его воспоминаний на восьми машинописных страницах содержит много фамилий участников восстания, ряд деталей, которые дополняют факты, известные по архивным документам, интересный биографический материал. Воспоминания Е. К. Бунина (на 19 страницах), бывшего ученика Мариинского земледельческого училища (МЗУ), на базе кото-

¹² Ложкин В. В. Мы сами — государи! — В кн.: Памятники отечества. М., 1977, кн. 3.

¹³ Беседы вел автор статьи совместно с Л. А. Кононовой, стенографировавшей их (ЦМР СССР, Главная инвентарная книга (ГИК), № 38154, Вс. 4183).

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1902 г., д. 1666, л. 7 об.

рого была создана местная партийная организация, называют пофамильно некоторых руководителей большевистской организации, дают яркие зарисовки быта, учебы мариинцев, характеристику учителей, неизвестные по другим источникам детали восстания, биографические данные учащихся. Е. К. Бунин, как подтверждается документами, входил в группу учеников, идущих за социал-демократами¹⁵.

Не меньший интерес представляют воспоминания М. П. Александровой (8 страниц), дочери участника первого в Николаевском Городке крестьянского революционного кружка и сестры члена районного революционного крестьянского комитета В. П. Осипова-Васильева. Ей в 1905 г. было 16 лет, и она помогала повстанцам. Некоторые факты, изложенные ею, мы перепроверили по архивным документам. Фамилии известных ей членов крестьянского революционного кружка совпадают с агентурными данными охранки¹⁶. Можно думать, что и другие факты, приводимые ею, столь же достоверны. Из ее воспоминаний мы узнаем историю создания Николаевского Городка, данные об отце, брате, об эмиграции участников восстания в США и их возвращении и ряд других интересных подробностей.

Были записаны беседы с Ф. Ф. Андрияновым — сводным братом выдающегося рабочего-революционера, члена Аграрной группы Саратовского комитета РСДРП В. Ф. Ефимова-Саратовца о приездах последнего в родную деревню Карамышку; с Г. А. Баклановым — единственным, кого удалось найти из лиц, привлеченных к судебному делу о восстании. Позже были получены написанные им воспоминания о событиях 1905 г. в селе Слепцовке.

В фонде Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев сохранились неизвестные исследователям воспоминания о 1905 г. ученика МЗУ И. Т. Кошкина, записанные в 1934 г.¹⁷ Он учился в одном классе с Е. К. Буниным и вместе с большой группой учеников был исключен за участие в ученической забастовке¹⁸. Он, видимо, не был социал-демократом, поэтому многие факты о деятельности партийной организации рассказывал понаслышке, неточно. Но ряд фактов о массовых действиях был ему хорошо известен и не вызывает сомнения в достоверности.

В этом же фонде есть и воспоминания А. Е. Васильева — крестьянина Николаевского Городка, члена РСДРП, который за участие в восстании был приговорен к самому суровому наказанию — пяти годам каторги.

¹⁵ Центральный государственный исторический архив СССР (далее: ЦГИА СССР), ф. 358, оп. 69, д. 23770, л. 17 об., 72.

¹⁶ Центральный Музей Революции СССР (далее: ЦМР), ГИК, № 38154, Вс. 4183. Стенограмма воспоминаний М. П. Александровой, с. 2; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1902 г., д. 1666, л. 33.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 204, л. 87—89 об.

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 69, д. 23770, л. 72.

В архиве Восточного-Сибирского краевого общества политкаторжан сохранилось личное дело Д. Г. Лаврова — крестьянина деревни Марьевки близ Николаевского Городка, также осужденного на пять лет каторги и вечное поселение в Сибири¹⁹. Заполненная им в 1925 г. подробная анкета дает важные сведения о его партийности, участии в революционном движении, об условиях жизни мариинцев — политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В подробной автобиографии того же времени Д. Г. Лавров писал о причинах, приведших его на путь революционной борьбы, сообщал ценные сведения о революционной пропаганде среди крестьян их деревни, проводившейся учениками МЗУ еще в конце XIX в., вспомнил ряд таких деталей о восстании, которые отсутствуют в других документах. Этот источник в сочетании с обширным прошением Лаврова, написанным в январе 1909 г. и сохранившимся в фонде прокурора Саратовской судебной палаты²⁰, дает много важного конкретного материала о событиях октября 1905 г., дополняющего и донесение Паструлина и «Обвинительный акт».

Определяя круг людей, участвовавших в событиях, выделяя руководителей и наиболее активных деятелей, приходишь к выводу, что публикации, основанные только на решении царского суда по делу о восстании, искажают картину, вне поля зрения историка оказываются главные действующие лица этой исторической драмы. Председатель революционного крестьянского комитета И. Г. Уханов в письме из Цюриха, перехваченном в 1908 г. охранкой, сообщал о «страшно подлом», несправедливом царском суде: «Осудили почти невинных и даже совсем невинных на каторгу... Подсудимых было 77 человек; кроме этих, человек двадцать не разыскали — самых главных»²¹. Кто же они — наиболее активные участники и руководители восстания? В архивах Саратовской судебной палаты значились их фамилии, их безрезультатно искала полиция вплоть до 1917 г.²²

Ариадновой нитью поиска стала статья в «Пролетарской революции». Среди ее шести авторов лишь Л. Попов был осужден по делу о восстании. В архиве Истпарта мы обнаружили относящийся к 1925 г. список с десятью фамилиями, в котором значилось, что в Теплотехническом институте работал Максимов Т. Ф., в Центральном сельскохозяйственном банке — Устюгов И. С., Институте Красной профессуры — Мирошкин Я. А., ГПУ — Павлов А. П., Центросоюзе — Попов Л. П., торгпредом в Норвегии — Николаев А. М.²³

В архивах названных учреждений мы смогли найти личное

¹⁹ Партийный архив Иркутского обкома КПСС (далее: ПАИО), ф. 148, оп. 1, д. 147.

²⁰ Государственный архив Саратовской области (далее: ГАСО), ф. 9, оп. 1, д. 1510, л. 142—146 об.

²¹ ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1908 г., д. 7, ч. 25, л. 45.

²² ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 3354, л. 316.

²³ Ложкин В. В. История одного поиска, с. 126.

дело лишь И. С. Устюгова. Помимо документов, адресованных И. Т. Смилге и прекрасно характеризующих политические и деловые качества И. С. Устюгова, в деле оказался обширный материал о его жизненном пути²⁴. Ценнейшим документом является автобиография И. С. Устюгова, написанная как подробные воспоминания о детстве, юности, участии в революционной борьбе. Она является неожиданной расшифровкой и дополнением материалов о забастовке в Николаевском Городке, опубликованных в ленинской «Искре»²⁵, и дает правдивые сведения о сложном пути становления на позиции пролетарского социализма многих учеников МЗУ, выходящих из мелкобуржуазных слоев населения, преодолении эсеровского влияния.

Вскоре были найдены анкеты с ответами на вопросы о революционной деятельности, автобиография-воспоминания Я. А. Мирошкина, которые хранятся в двух личных делах в архиве Общества старых большевиков. Из них ясно, что он познакомился с революционным движением в МЗУ в 1901 г., с 1903 г. стал марксистом. «С 1904 года,— писал он,— работал в Аграрной группе Сар[атовской] организации при селе Ник[олаевский] Городок, потом [в] Саратове и Самаре, в организации С.-Д., примыкал к течению большевизма с самого начала»²⁶. Теперь конкретные действия этого юноши в период восстания, известные по жандармским архивам, обретали новое звучание, как действие члена партии, проводившего партийную линию.

Архив Теплотехнического института, где работал Т. Ф. Максимов, за те годы не сохранился. После встречи с ветеранами института начались поиски семьи Т. Ф. Максимова, приведшие к знакомству с его женой, живущей в Саратовской области. Встретились и с родственниками И. С. Устюгова, Я. А. Мирошкина, И. Ф. Илларионова, Н. Ф. Карцева, И. Г. Уханова, А. М. Николаева, А. Г. Кузнецова — членами революционного крестьянского комитета, руководителями партийной организации. В семейных архивах, как мы и предполагали, оказались неизвестные исторической науке документы или имелись сведения о таких материалах, хранящихся в местных архивах и музеях. Так, дочь А. М. Николаева указала нам на два уникальных документа о революционной деятельности отца, хранящиеся в Хвалынском краеведческом музее Саратовской области.

Новые источники были найдены в архиве Ф. В. Шушурина — бывшего мариинца, собравшего большой материал о восстании. Будучи уже на пенсии, он возглавил комиссию по подготовке к 100-летию со дня основания училища, которая собрала анкеты окончивших МЗУ, их воспоминания об учебе, революционной деятельности. В них содержатся не публиковавшиеся нигде ранее факты. Среди всех этих материалов особое место занимают пись-

²⁴ Центр. гос. архив народного хозяйства СССР, ф. 7480, оп. 1, д. 1904.

²⁵ Искра, 1901 г., авг., № 7.

²⁶ Памятники отечества. М., 1977, кн. 3, с. 163.

ма 1963—1965 гг. и подробные ответы на вопросы анкеты одного из активных участников восстания, члена социал-демократического кружка И. М. Лидэ. В этих документах содержится описание партийной работы среди учащихся МЗУ и крестьян, дается характеристика учеников, руководивших социал-демократической работой, факты об их судьбах.

Определение фамилий активных участников восстания и целенаправленное изучение в материалах дореволюционных архивов сведений об их революционной деятельности также расширило источниковую базу истории этого крестьянского восстания.

Например, ученик МЗУ А. М. Николаев не фигурирует ни в донесении ротмистра Пастрюлина, ни в «Обвинительном акте» по делу о восстании. Однако он участвовал в нем. В жандармском архиве есть дело «О распространении преступных изданий крестьянином Акимом Максимовым Николаевым. Начато 30 мая 1905 г.», содержащее ряд партийных документов, распространявшихся также и среди крестьян в округе Николаевского Горodka²⁷.

Изучение материалов ЦГАОР СССР («дела», заведенные на А. М. Николаева в Департаменте полиции) позволило обнаружить неизвестные ранее факты о его революционной деятельности после восстания 1905 г. Если их дополнить автобиографией А. М. Николаева и копией стенограммы его выступления 20 августа 1933 г. на заседании комиссии по чистке партии²⁸, где содержится не только уникальный биографический материал, но и конкретные факты о восстании, то станет понятным, что все эти документы дают новые сведения об изучаемом событии.

В Государственном архиве Саратовской области были обнаружены и другие новые документы. В ЦГИА СССР в Ленинграде помимо документов из фондов Министерства юстиции, касающихся судебного дела, хранятся материалы архивов Мариинского земледельческого училища, плохо сохранившиеся в ГАСО. В фонде 398 Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ отложились исключительно ценные документы, характеризующие участников революционных событий — учеников МЗУ и сами эти события. В отдельные дела ежегодно подшивались документы о преподавателях и учениках МЗУ, протоколы заседаний педагогических советов, годовые отчеты училища, сведения о приеме и исключении из училища, результатах учебы и т. п. Здесь хранятся подлинники тех заявлений-протестов, с которыми обращались революционно настроенные ученики МЗУ, в частности требования бастовавших в 1905 г.

²⁷ ГАСО, ф. 53, оп. 1, д. 101. См. также дело «По поводу распространения преступных изданий среди крестьян с. Елшанки Хвалынского уезда бывшим учеником Мариинского земледельческого училища Акимом Максимовым Николаевым». Начато 26 мая 1905 г., окончено 30 октября 1905 г. (Там же, оп. 7, д. 217).

²⁸ С этими документами любезно познакомил нас директор Хвалынского краеведческого музея Саратовской области Ф. Г. Пиченко.

учеников, переписка училищного начальства по этому поводу, сведения об административных мерах, применявшихся к революционно настроенным учащимся. Особую ценность по нашей теме представляет папка, озаглавленная «О беспорядках в МЗУ и вызванных ими мероприятиях», содержащая документы о революционном движении в МЗУ в 1905 г. и, в частности, о восстании²⁹. В этом фонде мы нашли подлинники документов, исходивших от председателя и членов революционного крестьянского комитета — учеников МЗУ, многих руководителей местной партийной организации. Источники рассказывают об условиях жизни и борьбы революционеров-ленинцев, дают новые штрихи их биографий.

Таким образом, даже краткий перечень новых источников позволяет представить те огромные возможности, которые имеются у исследователей при изучении конкретного события.

Есть ли еще разысканные источники по истории этого восстания? Да, есть. «Обвинительный акт» содержит ссылки на пять томов судебного дела о восстании в Николаевском Городке, до сих пор неизвестного исследователям. Их, видимо, нет в Государственном архиве Саратовской области. По сведениям В. М. Гохлернер, сообщенным пишущему эти строки, в ЦГИА СССР в описи Министерства юстиции или Сената значилось это дело (вероятно, оно было затребовано из Саратовской судебной палаты), но работники архива его не нашли и судьба его остается пока неизвестной. Нам также, к сожалению, не удалось обнаружить это многотомное дело. С нахождением его, видимо, откроются новые детали, и поэтому поиск следует продолжить.

Вероятно, возможно разыскать семейные архивы И. М. Лидэ, Л. М. Попова, А. П. Павлова, А. С. Дмитриева и других не найденных нами семей участников восстания — большевиков. Они могут дать новые штрихи к истории «Николаевской республики».

В то же время нам представляется, что источников достаточно для того, чтобы всесторонне описать и оценить это восстание. Попробуем теперь выделить и охарактеризовать подробнее те из них, которые содержат новую информацию, исправляющую, уточняющую, дополняющую установившиеся в исторической литературе представления об этом восстании. Рассмотрим их в связи с анализом причин, предпосылок и некоторых вопросов самого хода восстания.

Вопрос об объективных причинах и предпосылках восстания в Николаевском Городке исследован еще слабо, причиной чему является ограниченный круг использованных источников. Многими историками предполагается, что общая характеристика аграрного вопроса в России и анализ поземельных отношений в Саратовской губернии в целом объясняют и причины данного восстания. Более глубокого анализа социально-экономического положения крестьян Николаевского Городка и окружающих дере-

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 69, д. 23770.

вень в литературе не дается. Нужны поиски новых источников, позволяющих дать сравнительный с другими уездами, волостями, селами анализ социально-экономического положения крестьянства, объективных предпосылок восстания.

Существенной особенностью крестьян этой местности был высокий сравнительно с остальной массой уровень грамотности и культуры. В селе Николаевский Городок была земская школа, земледельческое училище (одно из 11 существовавших тогда в стране средних сельскохозяйственных учебных заведений и единственное в губернии), больница, ветеринарный пункт, почтово-телеграфная контора, мастерская плугов. Большую роль сыграла близость к Саратову, центру рабочего, социал-демократического движения в губернии.

Создание «Николаевской республики» — свидетельство большой роли субъективного фактора, результат упорной и разносторонней деятельности среди крестьянства местной социал-демократической организации.

Документы самих восставших и материалы, вышедшие из правительственного лагеря, отражают большую роль связи мариинцев с рабочими-революционерами как в становлении местной партийной организации, так и в проведении ею выдержанной пролетарской линии. Эта связь имела место накануне и в период первой русской революции³⁰.

Новые документы, найденные в семейных архивах участников восстания, в совокупности с жандармскими архивами позволяют утверждать, что социал-демократическая группа, основой которой были учащиеся МЗУ, действовала в Николаевском Городке уже в 1902 г. В этом отношении представляет большой интерес заверенная автобиография И. Ф. Илларионова, содержащая ряд неизвестных ранее фактов по истории местной социал-демократической организации и «Николаевской республики». Половина текста посвящена этим сюжетам, другая половина — эмиграции автора в Америку и его работе после возвращения на Родину. Сын крестьянина деревни Карамышки писал, что был принят в партию в Николаевском Городке в начале 1902 г.³¹

И. Ф. Илларионов чрезвычайно скромно писал о своих заслугах, участии в революционном движении. Документы жандармских архивов рисуют его кипучую революционную деятельность³². Об этом же свидетельствуют его товарищи по партийной

³⁰ Подробнее см.: *Ложкин В. В.* История одного поиска. «Николаевская республика»: страницы революционной борьбы.

³¹ Семейный архив Н. И. Илларионовой.

³² У него находили социал-демократические издания, оружие. Его арестовывали, сажали в тюрьмы в ноябре 1902 г., августе 1904 г., апреле, мае 1905 г. В промежутках между арестами он был под особым надзором полиции (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1902 г., д. 1666, л. 6; 1904 г., д. 1691, л. 3; ОО, 1905 г., д. 4, ч. 64, л. 130; ГАСО, ф. 53, оп. 1, 1904 г., д. 78, л. 150; 1905 г., д. 88, л. 30, 47; ф. 37, оп. 1, 1903 г., д. 17, л. 166; и др.). После восстания на него был объявлен розыск (Московские ведомости, 1906 г., 15, 16, 17 июня).

работе. Сохранился документ без заглавия, подписанный членом ВКП(б) с 1902 г. А. Г. Кузнецовым. Его подпись и партийный стаж заверены в 1947 г. парткомом Министерства путей сообщения СССР. «Товарища Илларионова Ивана Федоровича,— говорится в нем,— я знал с 1901 г. как революционера-марксиста по его нелегальной работе среди крестьян и учащейся молодежи Мариинского земледельческого училища вблизи Саратова и с 1902 г. как искровца и члена Саратовской социал-демократической организации по аграрной группе (периферии) района Николаевского Городка бывшего Саратовского уезда.

Тов. Илларионов был одним из тех товарищей по революционному подполью, который содействовал моему вступлению в ряды партии». Далее говорилось о революционной деятельности И. Ф. Илларионова в 1905 г., его участии в вооруженном восстании и организации «Николаевской республики», партийной работе после восстания³³.

В семейном архиве жены А. Г. Кузнецова хранится еще большее число документов о деятельности партийной организации накануне и в период первой русской революции.

В автобиографиях 1926 и 1946 гг., в заполненном в 1932 г. личном листке по учету кадров Наркомвнешторга СССР А. Г. Кузнецов указывал, что был принят в РСДРП в 1902 г. в Николаевском Городке, работал в «Саратовской организации по периферии Саратовского уезда и числился деревенским организатором и пропагандистом под кличкой „Слепой“»³⁴.

В автобиографиях и других документах И. Ф. Илларионов и А. Г. Кузнецов, отмечая первоначальное влияние эсеров на крестьянские массы, подчеркивают роль местной социал-демократической организации как в движении в 1902 г., так и в более позднее время, когда массовые крестьянские выступления в этом районе проходили под идейным и организационным руководством Саратовского комитета РСДРП.

Найденные новые материалы, исходящие от социал-демократов Николаевского Городка, дают возможность более глубоко и всесторонне подойти к оценке жандармских архивов и внести коррективы в устоявшийся в исторической науке взгляд об отсутствии в 1902 г. в саратовской деревне социал-демократической работы³⁵.

Наиболее сложным, неизученным и в то же время важным вопросом, позволяющим глубже раскрыть роль и разные стороны деятельности местной партийной организации в этом выдающемся крестьянском восстании, является определение ее персонального состава. Без обоснования и с двумя неточностями З. Ким в указанной выше статье называет фамилии 10 большевиков —

³³ Семейный архив Н. И. Илларионовой.

³⁴ Семейный архив Е. М. Кузнецовой. Автобиография А. Г. Кузнецова, 1946 г.

³⁵ Ходаков Г. Ф. Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов, 1968, ч. 1, с. 45, 46.

участников восстания. В. М. Гохлернер и К. П. Харламова, отмечая сложности решения этой задачи, пишут: «Руководители восстания, как видно, были мастерами революционной конспирации и не оставили прямых свидетельств своей партийной принадлежности. Ничего в этом отношении не смогли выяснить о каждом ни охранка, ни царский суд. Партийный состав избранного в Городке районного революционного крестьянского комитета поэтому установить трудно»³⁶. Исследователи не ставили перед собой задачи определить состав партийной организации.

Нам удалось установить около тридцати учеников МЗУ и крестьян, которых, правда с разной степенью доказательности, можно назвать членами социал-демократической организации Николаевского Городка в 1902—1906 гг.

Важнейшими источниками для этого были автобиографические документы, заполненные после Октябрьской революции, свидетельства членов партии о своих товарищах, сопоставленные с данными жандармских архивов, сведениями охранки об участии этих лиц в революционном движении. Вступление в РСДРП до 1904 г. И. Г. Уханова (1884—1915) (партийные клички «Уханыч», «Григорич»), Т. Ф. Максимова (1883—1951), в 1905 г. — профессиональных революционеров-большевиков — устанавливается по воспоминаниям многих большевиков, опубликованных в свое время Истпартом³⁷.

Семь мариинцев называют время своего вступления в РСДРП в автобиографиях, написанных в 20-е—30-е годы, в личных листах по учету кадров, анкетах обществ старых большевиков, политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Эти сведения заслуживают доверия. Как правило, в личных делах содержатся свидетельства товарищей, их рекомендации для вступления в общества или на ответственную работу. Кроме того, материалы об их активной революционной работе в обилии содержатся в полицейских документах. В 1902 г. вступили в РСДРП, а с 1903 г. стали большевиками сыновья крестьян деревень Карамышки и Константиновки ученики МЗУ И. Ф. Илларионов (1882—1955) и А. Г. Кузнецов (1886—1952), а также Л. Л. Капустянский (1881—1920). В 1904 г. стали большевиками крестьяне — ученики МЗУ Я. А. Мирошкин (1882—1938), И. С. Устюгов (1881—1928), А. М. Николаев (1887—1942), А. Е. Васильев (1858—1935)³⁸. Помогают выяснить

³⁶ Гохлернер В. М., Харламова К. П. Указ. соч., с. 101.

³⁷ Владимирская окружная организация РСДРП: (Материалы к истории социал-демократической большевистской работы во Владимирской губернии). 1892—1914. Владимир, 1926, вып. 2, с. 282; 1927, вып. 3, с. 175, 276—279, 315; 25 лет Муромской партийной организации. Муром, 1928, с. 38, 43, 46.

³⁸ О партийном стаже крестьянина Николаевского Городка А. Е. Васильева см. в кн.: Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934, с. 100. В автобиографии, хранящейся в Хвалынском краеведческом музее, А. М. Николаев писал: «В партию вступил в 1904 г. в Саратовскую организацию. До вступления еще юношей я был под влиянием революционеров, исполнял всякого рода технические поручения, с года же вступления уже вел самостоятель-

состав местной партийной организации два автобиографических документа И. М. Лидэ: его письмо секретарю парторганизации сельскохозяйственного техникума им. К. А. Тимирязева от 3 августа 1963 г. и анкета окончившего Марининское земледельческое училище, заполненная 12 февраля 1965 г. В них (особенно подробно в анкете) рассказывается о социал-демократической работе в 1904—1906 гг., называются фамилии В. П. Тараканова, А. С. Дмитриева, И. Ф. Николаева (из деревни Марьевка). В. П. Тараканов (1887—1921) вступил в партию в 1906 г.³⁹ Членом партии был и В. П. Осипов-Васильев. Это подтверждается его ролью во время восстания, уходом из Николаевского Городка по указанию Саратовского комитета РСДРП вместе с вожаками восстания, эмиграцией совместно с членом РСДРП И. Ф. Илларионовым в Америку, наконец, свидетельствами его сестры, с которой беседовал автор, и дочери.

В анкете И. М. Лидэ писал, что во главе партийной работы и революционного движения 1905 г. стояли: И. Г. Уханов, Я. А. Мирошхин, А. Г. Кузнецов, И. С. Темников, И. Е. Концов, Н. Ф. Карцев, И. Ф. Илларионов, А. С. Дмитриев, М. П. Лозгачев, Т. Ф. Максимов. На примере И. Г. Уханова, Я. А. Мирошхина, А. Г. Кузнецова, Т. Ф. Максимова мы убедились, насколько сведущ в своей информации И. М. Лидэ. Думается, что его сведения относительно И. С. Темникова и И. Е. Концова столь же достоверны⁴⁰.

Исследование дополнительных материалов привело к уточнению данных И. М. Лидэ относительно Н. Ф. Карцева и М. П. Лозгачева. Несомненно, оба входили в число тех, кто был во главе революционного движения, но не во главе партийной организации. Скрывшийся после восстания из Николаевского Городка Н. Ф. Карцев, по сведениям анкеты партийной переписи 1926 г., вступил в РСДРП в 1906 г.⁴¹ М. П. Лозгачев сблизился с эсерами и был повешен в 1907 г. после террористического акта⁴².

ную работу по пропаганде. Рекомендован был своими товарищами, уже работавшими в партии, с ними как раз я и жил на одной квартире». Если бы удалось узнать, с кем на квартире жил А. М. Николаев, наши сведения о составе партийной организации могли бы пополниться.

³⁹ Ленин и Саратовский край. Саратов, 1975, с. 370.

⁴⁰ Судя по «Обвинительному акту» и донесению Пастрюлина, И. С. Темников входил в руководящее ядро в период восстания, ушел от преследования и разыскивался полицией, как и И. Г. Уханов, Т. Ф. Максимов, А. Г. Кузнецов, И. Ф. Илларионов, А. С. Дмитриев и их товарищи до 1917 г. (ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 3354, л. 316). И. Е. Концова членом партии называет также А. Г. Кузнецов. В 1904 г. И. Е. Концов был арестован в МЗУ и находился под особым надзором полиции, в апреле 1905 г. он вновь арестован вместе с членом РСДРП И. Ф. Илларионовым и В. Ф. Петровым при транспортировке нелегальной литературы в Царицын (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1904 г., д. 1691, л. 3 об.; ГАСО, ф. 53, оп. 1, 1905 г., д. 88, л. 30—32).

⁴¹ Ложкин В. В. История одного поиска, с. 25, 129—130.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1908 г., д. 9, ч. 50, л. 60—66; 5-е д-во, 1908 г., д. 19, ч. 14, л. 9; 7-е д-во, 1907 г., д. 5343, л. 1—9.

Анкета И. М. Лидэ дает материал для определения еще одной группы членов местной социал-демократической организации. Автор ее называет наиболее активными членами социал-демократического кружка, который был в их классе, А. Смирнова, Л. Хесина, В. Тараканова, Л. Концова (брата И. Е. Концова), С. Одинова, А. Николаева. Конечно, члены кружка — это еще не члены партии, но известно, что А. М. Николаев в 1904 г. вступил в РСДРП, а В. П. Тараканов — в 1906 г. Не исключено, что и среди остальных названных лиц были члены партии.

Ценными источниками, называющими членов местной социал-демократической организации, являются автобиография А. Г. Кузнецова 1926 г. и его заявление на получение звания красного партизана (без даты). Кроме перечисленных членов местной партийной организации он называет фамилии и партийные клички следующих товарищей: В. А. Кряжев («Барбаросса»)⁴³, Л. П. Попов («Леня»), Вася Павлов. Не называя фамилий, указывает партийные клички еще пятерых мариинцев: «Чилим»⁴⁴, «Щука», «Барин», «Сысой», «Пудыч».

По данным брата И. Г. Уханова, членом партии с 1905 г. был Неон Волков⁴⁵.

Знание персонального состава партийной организации, особенно его руководящего ядра, позволяет получить даже по широко известным источникам (донесение Пастрюлина, «Обвинительный акт») новые данные о деятельности местной партийной организации в период восстания, ибо в жандармских и судебных документах названо большое число фамилий и указаны действия этих лиц.

Руководящая роль партийной организации, отдельные стороны этого выдающегося события предстают во всей яркости и полноте при изучении комплекса документов, часть из которых была неизвестна исследователям или использовалась недостаточно.

Уникальным источником является дневник ученика МЗУ И. Г. Ермаченко, который вел записи от 13 по 21 октября 1905 г. К сожалению, в полной мере этот источник не использован в литературе. Он описывает, объясняет события с позиции восстав-

⁴³ «Видный революционный деятель Саратовской губ. в 1902—1906 гг.» — сказано о нем в центральном справочном алфавите полиции (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1905 г., д. 6203, л. 8).

⁴⁴ В автобиографии А. Г. Кузнецов писал: «Пехота» (Мирошхин), «Цербер» (Илларионов), т. Лидэ, «Чилим», «Барбаросса» (т. Кряжев), «Макс» (Максимов). Если здесь по вине машинистки не поставлены скобки, то «Чилим» — это И. М. Лидэ.

А. Г. Кузнецовым приводится такой факт: «[Я] организовал вооруженный захват почты и почтового отделения Николаевска. Лично участвовал в захвате оружия и денег — моим помощником был „Чилим“». В показаниях начальника почтового отделения называются фамилии многих учеников, участвовавших в операции. Фамилия И. М. Лидэ отсутствует. По этим показаниям помогал А. Г. Кузнецову в захвате оружия и денег В. И. Пантелеев. Может быть, он и был «Чилимом»?

⁴⁵ Письмо А. И. Уханова автору от 27 июня 1977 г.

ших. Кем же был автор дневника? Насколько он сведущ в событиях?

Постановка этого вопроса связана с более общей проблемой, касающейся результатов обысков, проведенных после подавления восстания. Из известных нам большевиков Николаевского Городка в первые дни был арестован Леонид Попов. Однако документы, изъятые у него, не фигурируют в протоколах осмотра вещественных доказательств. Видимо, он уничтожил все, что могло его скомпрометировать. Среди оставленных в МЗУ вещей учеников взяты «вещественные доказательства» лишь у двух известных нам членов партии (Я. Мирошкина, И. Концова). И хотя огромное количество социал-демократической литературы было найдено у Сергея Кошкина, Петра Зелинского, Кирилла Беспалова, Сергея Лапина, только на этом основании считать их социал-демократами нельзя. По результатам обыска складывается такая картина: чем более важную роль играл в событиях социал-демократ, чем более опытным он был, тем меньше он оставил для жандармов улики. Например, никаких вещественных доказательств не оставили И. Г. Уханов, И. Ф. Илларионов, А. Г. Кузнецов, А. М. Николаев и многие другие руководители и активные участники восстания. Думается, что сам факт ведения дневника говорит о том, что его автор, если и примыкал к социал-демократам, то был еще недостаточно опытным конспиратором.

Дневник велся в «записной книжке в черном клеенчатом переплете». Жандармы в протоколе воспроизводят записи только за октябрь 1905 г. В дневнике нет сведений о сугубо конспиративных собраниях, его ценность — в записи многих массовых событий, отражении их нарастания, в передаче неповторимого аромата революционной эпохи. Некоторые факты, объясняющие ход событий (например, что 17 октября «приехали жандармы и солдаты»), мы узнаем только из этого документа.

Этот важный для изучения истории «Николаевской республики» источник подтверждает, что события в разгар Всероссийской октябрьской политической стачки начались не стихийно, а по инициативе большевистской организации, ее Саратовского комитета. Он помогает решить вопрос и о времени создания районного революционного крестьянского комитета — 14 октября.

В записи за этот день И. Ермаченко излагает резолюцию, принятую на заседании, где был избран районный революционный крестьянский комитет, и которая приводилась в статье в «Новой жизни» 12 ноября 1905 г. Правда, в статье говорится о поручении «уполномоченным выработать план действий», а у И. Ермаченко — уже «обрисовали план... действий». Это кажущееся противоречие снимается сообщением члена Аграрной группы Саратовского комитета РСДРП Л. И. Кузнецова (Голова) о том, что «аграрная группа Саратовской с.-д. организации (Марат, Харабик, Серов, Кириллов, я и другие) выработали план революционных действий и организации крестьянской рево-

люционной власти» еще до восстания⁴⁶. Таким образом, прибывшие из Саратова И. Г. Уханов, И. С. Устюгов и их товарищи имели в целом уже готовый план и могли «обрисовать» его во всех основных чертах, развив его позже лишь в деталях.

Жандармские сведения о собрании 14 октября, почерпнутые из агентурных данных, со слов крестьянина — очевидца событий, подтверждают это предположение⁴⁷.

Вопрос о времени создания районного революционного крестьянского комитета имеет важное значение в истории «Николаевской республики». Справедливо пишут В. М. Гохлернер и К. П. Харламова, что «благодаря созданию революционных крестьянских комитетов в Маринской и Кологриво-Слепцовской волостях они поднялись до вооруженного восстания»⁴⁸. Создание таких комитетов толкало крестьянские массы на вооруженный захват власти. Их значение в нарастании событий помогают проследить как дневник И. Ермаченко, так и жандармские документы.

Другим существенным вопросом истории «Николаевской республики» является состав революционных крестьянских комитетов. Этот вопрос поставлен в статье В. М. Гохлернер и К. П. Харламовой, которые на основе анализа персонального состава районного революционного крестьянского комитета Николаевского Городка делают обобщающий вывод о саратовских крестьянских комитетах: «Создавались они как общедемократические органы с участием представителей всей революционной демократии, социал-демократов и социалистов-революционеров, беспартийных крестьян»⁴⁹.

Однако имеющиеся источники не дают оснований для такого заключения. В. М. Гохлернер и К. П. Харламова в состав районного революционного крестьянского комитета включают без достаточных оснований восемь человек. Их членство подтверждают якобы судебно-следственные материалы. Но выясняется, что тома судебного дела о восстании до сих пор не обнаружены, а по «Обвинительному акту», донесению Пастрюлина и материалам предварительного следствия определенно можно сказать то, что членами крестьянского комитета были только Н. Ф. Карцев и В. П. Осипов-Васильев. Известны расписки, подписанные ими в качестве членов крестьянского комитета⁵⁰. В одной из расписок есть подпись С. Лапина, но не как члена комитета, а как «уполномоченного»⁵¹, а это существенная разница. Похожая подмена понятий произведена и в отношении А. Васильева, Д. Лаврова,

⁴⁶ Кузнецов Л. И. (Гóлов). Из воспоминаний о 1905 г. — Коммунистический путь (Саратов), 1925, № 36.

⁴⁷ ГАСО, ф. 53, оп. 1, 1905 г., д. 184, л. 20 об.

⁴⁸ Гохлернер В. М., Харламова К. П. Указ. соч., с. 98.

⁴⁹ Там же, с. 118.

⁵⁰ ГАСО, ф. 409, оп. 1, д. 171а, л. 37 об. Можно предположить, что В. П. Осипов-Васильев был председателем крестьянского комитета деревни.

⁵¹ ГАСО, ф. 53, оп. 6, д. 171, л. 100.

П. Мусатова. Авторы статьи приводят расписку, подписанную от имени крестьян села Николаевского А. Е. Васильевым, деревни Марьевки — Д. Г. Лавровым, деревни Кувьки — П. Я. Мусатовым⁵² и называют их членами районного комитета.

Из текста расписки ясно, что там не идет речь, как в случае с С. Лапиным, о революционном крестьянском комитете.

После решения 14 октября создать районный революционный крестьянский комитет и принятия им плана борьбы, включавшего в себя разборку хлеба в помещичьих экономах и на ферме МЗУ, ревком провел большую разъяснительную работу среди крестьян. Проходили митинги, собрания как в Николаевском Городке, так и в окружающих деревнях. В дневнике И. Ермаченко записано, что 20 октября до двух часов ночи длилось «собрание крестьян окрестных сел, и все составили приговор и подписали, что им нужен хлеб и земля»⁵³. Выступивший на этом собрании И. Г. Уханов призывал крестьян действовать организованно. Там избрали уполномоченных от каждой деревни. В прошении Д. Г. Лаврова, написанном в январе 1909 г., рассказывается об истории избрания 20 октября уполномоченных, которые должны были следить за порядком и записывать, кто сколько взял хлеба⁵⁴. Сельскими сходами были приняты приговоры. Один из таких приговоров был найден при обыске у учителя И. В. Синькова, действовавшего в с. Слепцовка⁵⁵. Не на этом ли основании его тоже считают членом революционного крестьянского комитета? Этих и других имеющихся сведений об его активном участии в крестьянском движении явно недостаточно для такого утверждения⁵⁶.

В автобиографиях и анкетах Общества политкаторжан и ссылопоселенцев, заполненных в первые годы Советской власти А. Е. Васильевым и Д. Г. Лавровым, требовалось указать, в каких революционных организациях они работали до своего ареста. Там ни слова нет об их членстве в революционном крестьянском комитете, а в то же время они подробно пишут о своем участии в восстании и деятельности в качестве уполномоченных деревень при отобрании помещичьего хлеба. В 1925 г. Д. Г. Лавров писал: «Я и другие крестьяне: Кузнецов Ал. Дм., Васильев Авкс. Егор., Бухарев Еф. Ан., Мусатов Пав., Сергеев Сергей и учитель Синьков Ив. Вас. были избраны уполномоченными общества по отобранию и раздаче хлеба нуждающимся. Хлеб брали все поголовно. В течение трех дней взяли и раздали тысяч шестьдесят пудов... было отдано под суд 325 человек. Нас же, как уполномоченных, ни в чем не обвинили, но через 1,5 месяца предъяви-

⁵² Гохлернер В. М., Харламова К. П. Указ. соч., с. 100, 112.

⁵³ ГАСО, ф. 53, оп. 6, д. 171, л. 105 об.

⁵⁴ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 1510, л. 144.

⁵⁵ Там же, ф. 53, оп. 6, 1905 д. 171, л. 110.

⁵⁶ Точно так же активное участие в восстании Л. Попова не дает еще всех необходимых аргументов, чтобы утверждать о его членстве в ревкоме. Весьма вероятно, что он был им. К тому же факт его, социал-демократа, пребывания там не изменил бы оценки партийного состава ревкома.

ли к нам обвинение, в тюрьму же не посадили, а отдали на поруки. Все Саратовское о-во и вся защита (было 18 чел. присяжных поверенных) были убеждены, что нам — уполномоченным — опасаться нечего»⁵⁷.

Можно утверждать, опираясь на документы, что председателем революционного крестьянского комитета был руководитель партийной организации Николаевского Городка И. Г. Уханов, а его членами — И. Ф. Илларионов, А. Г. Кузнецов, Н. Ф. Карцев, В. П. Осипов-Васильев. С большой долей вероятности можно думать, что туда входили также Я. А. Мирошхин и Т. Ф. Максимов. Все они были в то время социал-демократами. (Лишь Н. Ф. Карцев стал им чуть позже.)

Этот комитет в расписках, выдававшихся от его имени, именовался «Районным революционным крестьянским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии».

Описание в литературе глубоких революционно-демократических преобразований, проводившихся революционными крестьянскими комитетами, основано на широком круге источников, исходивших как со стороны царских властей, так и со стороны восставших.

Документами, которые легли в основу широко цитируемого исследователями донесения Пастрюлина, кроме протокола осмотра вещественных доказательств, являются протоколы допросов, проведенных им в Николаевском Городке 22—24 октября 1905 г. Эти материалы — разные по объему и по ценности информации, содержащейся в них. В большинстве своем это показания «пострадавших», требующие к себе особого критического подхода ввиду классовой направленности дававших показания. Ряд допрашиваемых (ученики МЗУ, крестьяне — участники восстания, директор МЗУ, управляющий фермой) по совершенно различным мотивам не называют многих фамилий, но все же дают описание самих событий. Эти показания в совокупности с другими, дававшимися чинами полиции и сельской администрации, помещиками, начальником телеграфа, хорошо знавшими местное население и учеников МЗУ и в обилии называвшими участников восстания, являются ценнейшим источником, дающим богатейшие сведения о действиях повстанцев, причем на решающих участках. Они во многом конкретизируют, дополняют и уточняют примеры, приводимые Пастрюлиным. Например, только здесь содержится факт, что в волостном правлении на портрете царя не оказалось короны⁵⁸. Из письма И. Г. Уханова 1908 г. узнаем, что это дело его рук⁵⁹. Революционные события в Кувыке 19 октября становятся известными из того же источника⁶⁰.

⁵⁷ ПАИО, ф. 148, оп. 1, ед. хр. 147, л. 108.

⁵⁸ ГАСО, ф. 53, оп. 6, д. 171, л. 36.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1908 г., д. 7, ч. 25, л. 45.

⁶⁰ ГАСО, ф. 53, оп. 6, д. 171, л. 18, 20.

Анализ протоколов предварительного следствия позволяет выяснить источник излагаемых в донесении Пастрюлина фактов, степень их достоверности, исправить вкравшиеся ошибки. Так, довольно широкое распространение в литературе получила версия, что начало событий связано с приездом в село Ф. Н. Мальцева, фамилию которого называет Пастрюлин. Эти сведения были получены им от полицейского стражника Е. Д. Петрова со слов переусердствовавшего осведомителя-крестьянина. Между тем Ф. Н. Мальцев за революционную деятельность был сослан в Архангельскую губернию и умер там еще в 1904 г.⁶¹

Среди судебного-следственных материалов есть еще ряд документов⁶². Особо надо выделить расписки революционных крестьянских комитетов и листовки, изданные во время восстания, наиболее достоверно отражающие деятельность повстанцев. Всего известно упоминание о 16 расписках, выданных от имени ревкома при конфискации у помещиков и казны хлеба, оружия, денег. В донесении Пастрюлина и «Обвинительном акте» цитируются шесть расписок. Если учесть, что тексты еще двух расписок приводятся в протоколах предварительного следствия, а фотокопии трех расписок В. М. Гохлернер передала Музею Революции СССР, то нам известны тексты 11 этих важных документов. По ним устанавливаются различные стороны деятельности революционных крестьянских комитетов, как районного, так и созданных в деревнях. Они позволяют внести поправки в другие источники и литературу, подсчитать количество конфискованного у помещиков и казны и розданного крестьянам хлеба. Эти источники ценны и при подсчете конфискованного у врагов оружия и денег.

Исключительную важность для анализа деятельности местной партийной организации и руководимого ею районного революционного крестьянского комитета представляют три листовки, изданные в период восстания в Николаевском Городке⁶³.

Комплексное использование широкого круга новых источников, их сопоставление, сравнительный анализ дают неизвестные ранее фактические данные, характеризующие существенные стороны восстания. Так, две расписки, выданные членом революционного крестьянского комитета Н. Ф. Карцевым помещику Пет-

⁶¹ Малинин Г. Свяжите нас в «Вавилоном!» Саратов, 1973, с. 217; *Ракитникова И.* Революционная работа в крестьянстве в Саратовской губ. в 1900—1902 гг.— Каторга и ссылка, 1928, № 10/47, с. 15.

⁶² В деле 184 (ф. 53), где содержится донесение Пастрюлина, есть ряд документов о действиях карателей. В фонде Саратовской судебной палаты (ф. 7) хранится «Дело по обвинению бывших учеников МЗУ Н. Ф. Карцева, В. А. Кряжева и др. ...», начатое в 1908 г. и оконченное в 1916 г. (№ 3354). Оно содержит сведения о тяжелом положении арестованных, побеге из зала суда обвиняемых Н. Ф. Карцева, Н. А. Васильева, К. Н. Светликова, И. А. Хруцкого, об арестах 1910 г., содержится список не разысканных до 1917 г. руководителей и наиболее активных участников восстания.

⁶³ Подробнее о них см.: *Гохлернер В. М., Харламова К. П.* Указ. соч.; *Ложкин В. В.* Указ. соч.

рову 21 и 22 октября 1905 г., подробные показания на предварительном следствии зятя Петрова, материалы допроса Н. Ф. Карцева в июне 1907 г., воспоминания участвовавших в этих событиях члена революционного крестьянского комитета А. Г. Кузнецова и крестьянина деревни Слепцовки Г. А. Бакланова позволяют в деталях и лицах восстановить драматическую картину крестьянской борьбы и роль революционного крестьянского комитета⁶⁴.

Дополняя материалы следствия, документы, обнаруженные в семейном архиве А. Г. Кузнецова, по-новому раскрывают военнотехническую деятельность партийной организации и революционного крестьянского комитета, в частности в «организации пиротехнической мастерской, изготавливавшей бомбы»⁶⁵.

Не излагая хода и исхода восстания в Николаевском Городке, которые известны по литературе, отметим, что значение восстания — большая тема, достойная специальной статьи. Его опыт был использован как в последующей работе Аграрной группы Саратовского комитета РСДРП, так и в деятельности других местных партийных организаций. «Президент» «Николаевской республики» И. Г. Уханов и его двое соратников по восстанию в 1906 г. действовали в качестве профессиональных революционеров-большевиков во Владимирской окружной организации и использовали этот опыт для усиления партийной работы среди крестьянства. О нем говорил И. Г. Уханов на IV съезде РСДРП⁶⁶. Этот опыт наряду с опытом других революционных выступлений масс в 1905 г. явился предметом анализа большевиков на IV съезде РСДРП по вопросу о деятельности революционных крестьянских комитетов и вошел в бесценный фонд ленинской аграрной теории.

Изучение истории «Николаевской республики» показало, что при целенаправленном поиске открываются новые пути и возможности для значительного расширения уже известной источниковой базы исследования. Плодотворным является выявление круга лиц, участвовавших в событии, их места и роли в них, выяснение их судеб, адресов ближайших родственников, в результате чего можно определить те архивы, где отложились материалы об их деятельности, сохранились их личные дела, автобиографии, воспоминания, и познакомиться с документами семейных архивов. Знание участников события помогает выявлению новых штрихов, сторон, уяснению нового ракурса в изучении исторических событий, уже известных по опубликованным источникам и

⁶⁴ ГАСО, ф. 10, оп. 1, д. 1452, л. 116—117; ф. 53, оп. 6, д. 171, л. 49.

⁶⁵ Эти сведения дополняются М. П. Александровой, помогавшей повстанцам в этой работе. Она рассказывала, как ее брат В. П. Осипов-Васильев и его товарищи готовили взрывчатку у них в доме (ЦМР, ГИК, № 38154, Вс. 4183). Директор МЗУ уточнил эти сведения (ГАСО, ф. 53, оп. 6, д. 171, л. 16).

⁶⁶ Четвертый (объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959, с. 185—186. Умер И. Г. Уханов в эмиграции в 1915 г.

литературе. Расширение круга свидетелей событий, так или иначе причастных к ним, также может пополнить имеющиеся сведения.

По историко-революционной тематике важно тщательно исследовать материалы, исходившие от господствующего класса и его карательных, судебно-следственных и других органов. Выяснение всей совокупности документов, отложившихся в различных органах, изучение их движения в инстанциях, выявление первичных материалов, на основе которых производился последующий анализ документов чиновниками, поможет выявить неизвестные ранее факты и дать им новую оценку.

Только комплексное изучение всех опубликованных и неопубликованных архивных источников и литературы позволяет получить новые факты, новое знание, на основе которого могут быть сделаны обобщающие выводы.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ПАСПОРТНОЙ СТАТИСТИКИ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Р. М. Введенский

Обобщающие исследования важнейших сторон социально-экономической истории России первой половины XIX в. не только подвели итог тому, что сделано в изучении этой темы, но и поставили на очередь дня задачу по разработке ее на более углубленном уровне. Поэтому не случаен повышенный интерес к источниковой базе, прежде всего к массовым источникам, характеризующим промышленное и сельскохозяйственное производство¹. Основой указанных работ является, в конечном счете, выяснение надежности конкретно-исторических сведений, содержащихся в источниках, их информационного потенциала.

Столь же необходимо исследование источников о развитии вольного найма — одного из главных показателей генезиса капитализма в России. При разработке этой проблемы естественно было обращение к данным паспортной статистики губернского и особенно российского масштабов. Речь идет прежде всего о числе выданных паспортов, которое, по мнению Н. М. Дружинина, дает нам «приблизительное представление о размерах крестьянского отхода»². Более определенно высказывался А. Г. Рашин. «О размерах отхожих промыслов, — писал он, — ...дают самое наглядное представление данные паспортной статистики»³.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы выяснить, насколько паспортная статистика как источник сведений о числе лиц, работавших по найму, отражает их действительное число и динамику его изменения.

В России первой половины XIX в. доход от продажи паспортов на право отлучки с места жительства оставался заметной статьей денежных поступлений в государственную казну. Финансовой стороной паспортного дела ведало Министерство фи-

¹ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979; Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в.: Источниковедческое исследование. М., 1976.

² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946, т. I, с. 74.

³ Рашин А. Г. К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30—50-х годах XIX в. — Исторические записки, 1955, № 53, с. 145.

нансов, а в рамках Министерства — департамент разных податей и сборов, четвертое отделение этого департамента, «коего занятие заключает в себе все распоряжения и наблюдения по государству относительно сборов гербового, крепостного, подорожного...»⁴. Паспортный сбор был составной частью сбора гербового, поэтому и документы о нем отложились главным образом в делах четвертого отделения департамента разных податей и сборов. В губерниях продаж паспортов ведали казенные палаты, в уездах — уездные казначейства.

Паспортный лист, как он именовался в официальном делопроизводстве, был предметом строгой финансовой отчетности. Департамент ежегодно заготавливал паспортные листы разного рода: для купцов трех гильдий они выдавались на срок от одного до трех лет, для крестьян и мещан выдавались на шесть месяцев (с 1827 г.), один, два и три года⁵. Кроме того, были «письменные виды для дворовых людей, проживающих в столицах» на срок до одного года. Стоимость их была равна стоимости годового паспорта для крестьян и мещан.

При заготовке паспортных листов всегда учитывался их расход в прошедшем году. Исходя из дохода за прошлые годы, планировалась и сумма паспортного сбора для каждой из губерний и по России в целом. Она составной частью входила в «Роспись доходов», составлявшуюся на каждый год. Планируемая сумма паспортного сбора превышала прошлогоднюю. Следует отметить, что действительный сбор от запланированного почти всегда отличался незначительно.

В соответствии с расходом паспортов разного рода в прошедшем году в губернии по счету посылались паспортные листы. Доставлялись они специальным нарочным, который с надлежащей охраной следовал из Петербурга в губернию. В губернии листы приходовались казенной палатой. Остановливаясь на этих деталях, подчеркиваем тот факт, что паспортная статистика достойна доверия уже потому, что имела дело с документами строгой финансовой отчетности. Губернии ежемесячно отчитывались перед департаментом о поступлении паспортного сбора. Здесь они вносились в «книгу о неокладных доходах». Учет осуществлялся по следующему формуляру: давалось название губернии, размер паспортного сбора, назначенный на текущий год «по высочайше утвержденной росписи». Сумма указывалась с округлением до тысяч. Две последующие графы: «К тому прибыло», «Напротив того убыло», по-видимому, содержали корректировку предполагаемой к получению суммы, причем всегда незначительную. Последующие двенадцать граф — поступление паспортного сбора за каждый месяц. В заключение ука-

⁴ Центральный государственный исторический архив СССР (далее: ЦГИА СССР), ф. 571; (Департамент разных податей и сборов Министерства финансов), оп. 1, д. 1026, л. 467.

⁵ Там же, д. 1029, л. 695—698.

зывалась сумма паспортного сбора за год для каждой губернии. Нами разысканы три такие книги за 1830, 1831 и 1832 гг.⁶

Другими источниками сведений по паспортной статистике были ежегодно составляемые отчетные ведомости. Их было несколько. «Ведомость об отправлении гербовой бумаги» показывала, сколько в каждую из губерний в отчетном году отправлено было свидетельств на право торговли и сколько паспортов. Причем паспорта и свидетельства показывались все вообще, без подразделения — для кого и на какой срок могут быть выданы. Сверх данных за прошедший год такие ведомости, как правило, содержали аналогичные данные и за несколько предшествующих лет, по-видимому, для выяснения тенденции в расходовании листов, что помогало более точно прогнозировать расход соответствующих листов на последующее время.

Финансовая сторона паспортного дела отражалась в «Ведомости о доходе, поступившем по гербовому сбору», где опять-таки по каждой из губерний был указан сбор от продажи свидетельств на право торговли и поступления от продажи паспортов. Иногда составлялись «Сравнительные ведомости» о поступившем доходе, содержащие сведения за многие годы. Такова, например, «Сравнительная ведомость о поступившем доходе...» за 1823—1839 гг.⁷ Здесь за каждый год показан доход от продажи свидетельств на право торговли «со штрафами за невзятые в срок свидетельства», за паспорта, за гербовую всех сортов бумагу. Кроме сравнительных ведомостей составлялись ведомости с указанием дохода по данным статьям только за отчетный год.

Особый интерес представляют «Ведомости о приходе, расходе и остатке годной к употреблению гербовой бумаги», содержащие сведения о расходе свидетельств на право торговли и паспортов, но уже с расшифровкой. По паспортам указывалось: сколько осталось паспортных листов от прошлого года отдельно для купцов каждой из трех гильдий, паспортов годовых, двух- и трехгодовых, сколько паспортов израсходовано и каков их остаток на будущий год. По той же схеме приводились данные о паспортах для крестьян и мещан, но с прибавлением данных о паспортах полугодовых. Приводились сведения о расходе письменных свидетельств для дворовых людей, проживавших в столицах. Такие «Ведомости» разысканы за 1838—1840 гг.⁸

При оценке документов паспортной статистики решающее значение приобретает уяснение того, насколько достоверны сведения о числе выданных паспортов и о размере паспортного сбора. Достоверность сведений о числе выданных паспортов нам представляется несомненной. В этом убеждает уже приведенный порядок заготовки, отправки и учета паспортных листов, система отчетности по их расходованию. За каждый проданный

⁶ Там же, оп. 9, д. 89, л. 1—106; д. 90, л. 1—55; д. 97, л. 2—56.

⁷ Там же, д. 1027, л. 766—767.

⁸ Там же, оп. 1, д. 1026, л. 544—547; д. 1027, л. 707—709; д. 1029, л. 695—698.

паспорт казенная палата отчитывалась соответствующей денежной суммой. Злоупотребления, которые несомненно имели место, не затрагивали этих казенных сумм, долженствующих быть отпущенными по назначению. Вспомним, что казенная палата отчитывалась о суммах паспортного сбора ежемесячно. Следует учитывать и то, что, по крайней мере на уровне казенных палат и министерства, там, где речь шла о денежных суммах, ценных бумагах, официальная отчетность, как правило, оказывалась на высоте.

Вопрос о том, насколько официально указанная сумма паспортного сбора соответствует совокупной стоимости проданных паспортов, можно установить следующим образом: подсчитаем совокупную стоимость израсходованных паспортов, указанных в «Ведомости о приходе, расходе и остатке годной к употреблению гербовой бумаги», и сравним ее с вышеупомянутой суммой паспортного сбора. Цена каждого рода паспортов до 1840 г. на ассигнации и с 1 января 1840 г. в расчете на серебро указана в «Табели цен гербовой бумаги»⁹. Официальная сумма паспортного сбора приведена в «Сравнительной ведомости о поступившем доходе...». На их основании составлена табл. 1.

Сопоставление стоимости проданных паспортов с суммой паспортного сбора показывает, что разница между ними составляет 0,3%. Соответствующие расчеты, сделанные по аналогичным документам за 1839 и 1840 гг., дают отклонения менее 2%¹⁰. Это позволяет сделать вывод, что сумма паспортного сбора — надежный показатель паспортной статистики, с большой степенью точности соотносящийся с числом проданных паспортов и видов для жительства дворовых людей в столицах, отражающий динамику расхода данных документов. Уяснение этого имеет существенное значение. Имеющиеся сведения о числе выданных по России паспортов чрезвычайно отрывочны. Так, в цитируемой уже работе А. Г. Рашина приведены данные о выданных паспортах за 1828, 1843—1845 гг.¹¹ В документах Департамента разных податей и сборов данные о числе выданных паспортов по России разысканы за 1836, 1838—1840 гг. Но и в совокупности все это не дает достаточного материала для сопоставлений и уяснения общей тенденции. Иное дело сумма паспортного сбора, о котором найдены сведения по России с 1823 по 1855 г., за исключением 1842, 1845 и 1846 гг. (см. табл. 2).

Главный вывод, который позволяет сделать приведенная таблица: за три с половиной предреформенных десятилетия сумма паспортного сбора выросла незначительно. Подробности укладываются в рамки этого основного вывода, тем не менее рассмот-

⁹ Полное собрание законов Российской империи, т. 14, ч. 2, № 1287, с. 237.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 1, д. 1027, л. 708, 709; д. 1029, л. 697, 698; оп. 9, д. 537, л. 23.

¹¹ Рашин А. Г. К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30—50-х годах XIX в., с. 146—148.

Т а б л и ц а 1

Число паспортов на право отлучки, проданных в 1838 г., и их стоимость, в руб. ассиг.*

Род паспорта	Срок отлучки	Всего продано	Стоимость одного паспорта	Стоимость всех проданных паспортов
Для купцов:				
1-й гильдии	До 1 года	1 111	100	111 100
2-й »	» » »	2 118	50	105 900
3-й »	» » »	29 531	25	738 275
3-й »	На 2 года	42	50	2 100
Всего	—	32 802	—	957 375
Для крестьян и мещан	На 6 месяцев	288 625	3	865 875
	» 1 год	494 278	5	2 471 390
	» 2 года	4 892	10	48 920
	» 3 »	1 594	15	23 910
Всего	—	789 389	—	3 410 095
Письменные виды дворовым людям в столицах	—	75 000	5	375 000
Итого	—	897 191	—	4 752 470 (100%)
Официально приведенная сумма паспортного сбора	—	—	—	4 734 941 (99,7%)

Примечание: Поступления от продажи «письменных видов дворовым людям в столицах» включались в сумму паспортного дохода, поэтому их число включено нами в число проданных паспортов. В 1838 г. выдано было 1180 бесплатных паспортов. Они в общее число проданных паспортов не включены.

* ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 1, д. 1026, л. 544—547; д. 1027, л. 766—767.

рим их, учитывая, что цены на паспорта были несколько снижены начиная с 1827 г. и после этого оставались неизменными. Поэтому в качестве исходного пункта для сравнения возьмем сумму паспортного сбора за 1827 г. Если принять ее за 100%, то на следующий год она снижается на 16%, или на $\frac{1}{6}$ часть, а к 1831 г. — на 20%. Очевидно, это было результатом прежде всего введения краткосрочных билетов. Лишь к концу 30-х годов сумма паспортного сбора достигла уровня 1827 г. В 40—50-е годы сумма паспортного сбора несколько увеличивается: в 1844 г. — на 14%, в 1848 г. — на 22% выше уровня 1827 г. В целом в расчете на один год сумма паспортного сбора за первую половину 50-х годов превысила уровень конца 20-х годов на 35%.

Исследователями твердо установлен факт весьма значительного роста неземледельческих занятий, подвижности населения в первой половине XIX в., особенно в 30—50-е годы. Это хорошо видели еще современники. В 40-х годах XIX в. Россию посетил немецкий ученый К. Гакстгаузен с целью изучить ее производи-

Т а б л и ц а 2
Сумма паспортного сбора, в руб. сереб. *

Год	Сумма паспортного сбора	Год	Сумма паспортного сбора	Год	Сумма паспортного сбора
1823	1 289 800	1833	1 057 100	1844	1 531 736
1824	1 276 500	1834	1 172 500	1847	1 626 353
1825	1456 400	1835	1 182 500	1848	1 641 111
1826	1 367 200	1836	1 178 200	1849	1 361 641
1827	1 335 200	1837	1 219 100	1850	1 454 353
1828	1 152 700	1838	1 337 800	1851	1 454 353
1829	1 152 400	1839	1 416 054	1852	1 524 535
1830	1 113 200	1840	1 203 986	1853	1 530 950
1831	1 088 700	1841	1 453 739	1854	1 616 672
1832	1 146 200	1843	1 453 739	1855	1 514 445

* ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 1, д. 96, л. 44—51; д. 1027, л. 766, 767; д. 1029, л. 724—729; д. 1038, л. 495—499; д. 1046, л. 603, 604 д. 1050, л. 473—478; д. 1052, л. 487—492; д. 1054, л. 569—574; д. 1056, л. 570, 574, 575; д. 1060, л. 227—233.

тельные силы, общественные отношения и быт¹². Проезжая по нечерноземным губерниям, он был поражен большим распространением здесь крестьянских промыслов, не связанных с земледелием. Здесь «оброк лежит не на земле, которую помещик дает крестьянину, но на его рабочей силе и промыслах»,— писал он¹³. По мнению известного историка и статистика К. Арсеньева, уже в середине 30-х годов XIX в. число людей, занимавшихся судоходством только на Волге, достигало 260 тыс. человек, по рекам волжской системы— еще 24 тыс. человек¹⁴. Согласно официальной статистике того времени с 1825 по 1860 г в стране в 3 раза выросло число «фабрик и заводов» и почти в такой же степени увеличилось число работающих на них, составив в 1860 г. 565 тыс. человек. Большая часть из них наемные работники¹⁵. Как говорилось в записке, сохранившейся в фонде министерства финансов, на рубеже 30-х и 40-х годов «во всем государстве обращается в разных работах и промыслах по самой меньшей мере до 4-х миллионов людей»¹⁶.

¹² Дружинин М. Н. А. Гакстгаузен и русские революционные демократы.— История СССР, 1967, № 3.

¹³ Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1869, т. 1, с. 220.

¹⁴ Арсеньев К. И. Гидрографическое обозрение России.— Журнал Министерства внутренних дел (далее: ЖМВД). СПб., 1836, т. 19, с. 26.

¹⁵ Пажитнов К. А. Положение рабочего класса России. Л., 1925, т. 1, с. 19; Хромов П. А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957, с. 179.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 537, л. 4—9.

По подсчетам советского историка Н. Л. Рубинштейна, на рубеже XVIII и XIX вв. в России было свыше 200 тыс. наемных работников, непосредственно же перед реформой 1861 г., согласно обстоятельным выкладкам А. Г. Рашина, — почти 4 млн. человек¹⁷. Мы не ставим цели критически рассмотреть данные цифры, однако для нас является важным то, что за шесть предреформенных десятилетий число лиц наемного труда выросло многократно, что не могло не означать большого роста числа тех, кто уходил от хозяйства. Но если посмотреть на проблему с этих позиций, можно сделать вывод, что паспортная статистика не отражала этих сдвигов даже приблизительно, не отражала сколько-нибудь отчетливо тенденции к многократному росту числа наемных работников, а поэтому не может быть критерием для определения числа лиц, отлучавшихся от своих домов. Причина этого парадокса станет яснее, если мы обратимся к погубернскому материалу, истории отдельных хозяйственных единиц. В качестве примера для сравнения рассмотрим хозяйственную жизнь в двух губерниях: Владимирской — промышленной и в Смоленской, где в занятиях жителей решительно преобладало земледелие.

В промышленном развитии Владимирская губерния уступала разве только Московской. Уже в начале XIX в. здесь, как свидетельствовал губернатор, «большая часть их (жителей. — Р. В.) занимается разными промыслами и мастерствами, отходит каждое лето в весьма большом количестве на судоходные, каменные, плотничные и другие работы, оставляя в домах своих число людей, нужное только на обрабатывание небольших своих полей»¹⁸. Но уже в то время отмечалось, что «гораздо большее число поселян занимаются работами внутри губернии», причем на первое место здесь ставились работы на местных, губернских «фабриках». Работали на них, «не отвлекаясь между тем от главного для поселян занятия — от земледелия»¹⁹. К сожалению, и для начала XIX в. и для первых его десятилетий нами не отысканы конкретные сведения о числе работающих. В частности, нет данных о числе работающих на мануфактурах. Приведенные характеристики страдают отсутствием конкретности, составляя «общий взгляд» на проблему. И это не случайно. Губернские статистические комитеты были образованы позднее. Между тем число мануфактур росло. В 1804 г. их было 263, в 1814 г. — уже 408²⁰. Владельцами большей их части выступали крестьяне и купцы, а это свидетельствует о том, что уже в начале XIX в. вольнонаемный труд занимал здесь преобладающее место.

¹⁷ Рубинштейн Н. Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России в XVIII в. — *Вопр. истории*, 1952, № 2; Рашин А. Г. К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30—50-х годах XIX в., с. 193.

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 22, л. 112—113.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 28—30; д. 23, л. 204.

В последующие десятилетия и особенно перед реформой 1861 г. неземледельческие занятия жителей намного увеличились. Одно из доказательств этому — увеличение ввоза в губернию хлеба. В 1829 г. сюда «для внутреннего потребления» из южных губерний было завезено 214 тыс. четвертей, а в 50-е годы — уже 500 тыс. четвертей хлеба ежегодно²¹.

В фонде Владимирского губернского статистического управления содержится относящийся ко второй половине 50-х годов подробный перечень занятий жителей каждого населенного пункта, составленный по уездам. Во Владимирском уезде, например, большая часть взрослого мужского населения в весенне-летнее время участия в сельских работах не принимала. Это были каменщики, кровельщики, кирпичники, плотники. Летом как раз был «их сезон». Они уходили «в разные города и селения для промышленности»²².

Но, с другой стороны, по-видимому, в еще большей степени выросли неземледельческие занятия на местах. В тех же «описаниях» перечисляются по крайней мере 25 видов таких занятий среди жителей только названного Владимирского уезда. В их числе было: производство колес, телег, тарантасов, хомутов, битье масла, но главным образом указывается на работу в светелках, где «ткут миткаль из розданного сырья, а, выткав, возвращают обратно по принадлежности». Ткали на станах, которые стояли в избах. В 1830 г. в губернии насчитывалось 39 700 станков, а в 1857 г. их было уже 80 тыс. В губернии значительный шаг вперед сделало развитие централизованной мануфактуры. В 1830 г. здесь, по сведениям губернского статистического управления, насчитывалось 214 «фабрик», где трудилось 35 тыс. человек. К 1860 г. на «фабриках» одних мастеров и рабочих было 57 300 человек²³. Это свидетельствовало о возможности находить применение рабочим рукам около дома или недалеко от него. Без документа на право отлучки можно было обойтись, если предприятие располагалось в радиусе 30 верст. Если расстояние было несколько большим, а работа сезонной, то целесообразно было брать отпускной билет.

О том, кто брал паспорта и каким образом в промышленной губернии мог сокращаться круг лиц, берущих паспорта, показывает архивный материал отдельных вотчин.

В Муромском уезде была расположена большая вотчина князей Голицыных — село Поздняково с деревнями²⁴. Вотчина

²¹ Там же, д. 27, л. 26; Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии/Сост. К. Тихонравов. М., 1857, с. 7—8.

²² Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО), ф. 14, д. 10660, л. 1.

²³ Рашин А. Г. Формирование пролетариата в России. М., 1940, с. 89.

²⁴ К началу XIX в. здесь насчитывался 231 двор, 918 ревизских душ (Государственный исторический музей (далее: ГИМ), ОПИ, ф. 14, д. 1612, л. 118, 133).

была малоземельной, хлеб необходимо было прикупать. Это было типично и для уезда в целом и для большинства районов Владимирской губернии. Вотчина была расположена на берегу Оки. Очевидно, это предопределило занятия крестьян. В начале века большая часть мануфактур в уезде принадлежала помещикам и работали там крепостные. В этих условиях главным занятием мужчин — работников вотчины стало бурлачество на Волге. Уходили из домов еще зимой, торопясь в Астрахань к первой путине, которая лучше оплачивалась. Возвращались осенью, в октябре-ноябре. Всем уходящим давались годовые паспорта. Годовой паспорт брали, таким образом, те, кто уходил далеко и надолго.

В первые десятилетия XIX в., по свидетельству приказчика, уже в январе-феврале из вотчины с годовыми паспортами уходило все трудоспособное мужское население за исключением нескольких человек, предназначенных в рекруты. Однако уже в конце 10-х годов наряду с бурлачеством здесь упоминается работа крестьян в Муроме, в 12 верстах от вотчины. Работали на «фабриках», построенных купцами²⁵. К середине 30-х годов «фабрики» существуют уже в самой вотчине и не первый год, «кои построены, по словам здешнего старосты, муромскими купцами на их счет и их лесом». Всего в вотчине было по крайней мере три «фабрики»²⁶. В 1858 г. их было уже семь. Только владельцами их теперь были свои, вотчинные зажиточные крестьяне. Здесь в зимнее время занимались ткачеством фландрских полотен 157 односельчан. Помимо «фабрик», зажиточными крестьянами было построено два маслобойных «завода» и четыре ветряных мельницы. Работали на них, нанимаясь у владельцев, те же односельчане. Бурлаками работали уже не «все вообще», как в первые десятилетия XIX в., а 379 мужчин из числа 680 работников вотчины²⁷. Таким образом, в масштабе отдельной вотчины, расположенной в промышленной губернии, видно переложение занятий части крестьян на местные «фабрики и заводы». Естественно, тем, кто работал в собственной деревне или в Муроме в 12 верстах от вотчины, ни паспорта, ни билета не требовалось.

На этом фоне рассмотрим данные губернаторского отчета и архива казенной палаты о числе выданных во Владимирской губернии за разные годы паспортов на право отлучки. В 1809 г. их было выдано 55000, в 1840 г. — 47479, в 1846 г. — 47159, в 1853 г. — 45198 и в 1854 г. — 42663²⁸.

Налицо заметное снижение числа выданных паспортов: на 1/4, по сравнению с началом века, причем для 40-х и 50-х годов

²⁵ ГИМ ОПИ, ф. 14, д. 1614, л. 11; д. 1616, л. 28.

²⁶ Там же, д. 1625, л. 297; л. 1638, л. 23—24.

²⁷ Там же, д. 1699, л. 99.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 22, л. 380—381; ГАВО, ф. 301, д. 1818, 1911, 1950, 2214, 2309.

речь идет не только о годовых, но и полугодовых паспортах. Снижение числа проданных паспортов ни в коем случае не означает того, что число лиц податных сословий, отлучающихся из своих домов, уменьшилось. Сама губерния была крупным работодателем.

Перечисляя отхожие промыслы, документы называли каменные работы, кровельное и плотничье дело — занятия, носившие по преимуществу сезонный характер. Занимаясь ими, подчас можно было ограничиться краткосрочным билетом, с «разрешающей надписью» продлить его в случае необходимости, тем более если работа была заранее организована подрядами. Следовательно, в этих условиях значительное расширение неземледельческих занятий, работ по найму не укладывалось в паспортную статистику. Занятия крестьян Муромской вотчины предпринятых десятилетий — конкретный тому пример.

В отличие от Владимирской, в Смоленской губернии промышленность была развита слабо. Губернатор писал в отчете: «Крестьяне здесь мало склонны к промыслам». Это утверждение применимо ко всей первой половине XIX в. В 1845 г. стоимость промышленной продукции в Смоленской губернии была в 18 раз меньше, чем во Владимирской²⁹. Удельный вес крепостного населения был наибольшим по сравнению с другими губерниями. Преобладало мелкопоместное дворянство. Большинство крестьян выполняло тяжелую барщину. Однако в восточных уездах имелись вотчины крупных владельцев, крестьяне которых были на оброке. Эти уезды примыкали к Московской губернии. По мере роста оброчных платежей крестьянам необходимо было все больше денежных средств, а земледелие их не обеспечивало. В первые два десятилетия XIX в. в пределах губернии работу можно было найти в Гжатской пристани, через которую из южных районов в Прибалтику и Петербург шел хлеб, а из средней полосы — лен и пенька. Но открытие Мариинской и Тихвинской водных систем резко снизило значение Гжатской пристани как перевалочного пункта. Губерния оказалась далеко в стороне от больших торговых путей. В этих условиях, а они мало изменились в течение первой половины XIX в., растущая мануфактурная промышленность Москвы и Подмосковья стала притягательным местом для свободных крестьянских рук. «Жители Гжатского и Сычевского уездов, как ближайшие к Москве, приметно отличаются расположением и способностями к различным промыслам и рукоделиям» — утверждал губернатор в другом отчете³⁰.

Таким образом, в условиях, когда губернская промышленность не могла обеспечить работой свободные руки, отход в другие губернии, прежде всего в Москву и Подмосковье, стал главным приложением рабочих рук смоленских крестьян и в

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 6, д. 92, л. 91—99.

³⁰ Там же, оп. 4, д. 73, л. 74—75.

первую очередь жителей восточных уездов. Отлучка была длительной. И тут необходимы были паспорта. Для Смоленской губернии в первой половине XIX в. был характерен значительный рост паспортного сбора. Если в 1815 г. по размеру паспортного сбора губерния была на девятнадцатом месте среди других, то в 1852 г. — на девятом. В 1815 г. он составлял 14 727 руб. серебром, в 1830 г. — 22 558, в 1840 г. — 32 060, в 1850 г. — 37 913 и в 1852 г. — 42 510 руб.³¹.

От десятилетия к десятилетию возрастала сумма паспортного сбора и в 1852 г. почти в 3 раза превысила уровень 1815 г. Как это происходило, отчетливо просматривается на примере одной вотчины.

В восточном Сычевском уезде губернии было расположено оброчное имение кн. Голицыных село Гривы с деревнями³². В начале XIX в. земледелие и садоводство как главные занятия крестьян сочетались здесь с зимними извозами хлеба к Гжатским пристаням в соседнем уезде. Однако уже во втором десятилетии XIX в. крестьяне стали посылаться помещиком на заработки на «фабрики» Москвы и Подмосковья. К 40-м годам XIX в. на «фабриках» трудилось $\frac{3}{4}$ из числа мужчин — работников Сычевской вотчины, многие из них проработали к этому времени здесь долгие годы, превратившись в наемных работников крепостной эпохи³³. В 40-е годы широко стала практиковаться посылка на фабрики подростков, которые работали там в качестве учеников, «дабы приучать себя к ожидающим... занятиям». Всем уходящим давались паспорта. Следовательно, паспорта брали те, кто уходил от хозяйства далеко и надолго, чья связь с хозяйством была невелика или оборвалась совсем. Это были прежде всего наемные работники, но также и крестьяне-предприниматели, отлучавшиеся по своим делам.

Обратная связь между уровнем промышленного развития и динамикой паспортного сбора прослеживается и для других губерний. Так, с 1815 по 1855 г. заметно снизилась сумма паспортного сбора в губерниях Промышленного центра: Костромской (на 20%), Нижегородской (на 31%). Однако в промышленной Московской губернии, куда стекалась рабочая сила, где проводили зиму помещики, которые могли выдавать крестьянам паспорта, и в Москве, где жили десятки тысяч дворовых людей, паспортный сбор увеличился в 3 раза. Это подчеркивает, что в рамках общей тенденции, выявленной нами, могли быть и исключения, обусловленные спецификой той или иной губернии, выяснение которых требует специального рассмотрения.

³¹ Там же, ф. 571, оп. 1, д. 96, л. 44—51; д. 1029, л. 724—772; д. 1052, л. 487—492; д. 1054, л. 569—574; оп. 9, д. 89, л. 89—90.

³² В 1806 г. здесь было 405 дворов, 1300 ревизских душ (ГИМ, ОПИ, ф. 14, д. 2745).

³³ Введенский Р. М. Развитие неземледельческого отхода из оброчной деревни Промышленного центра России в первой половине XIX в. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1962, № 187.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЛ ОБ ОПЕКЕ ДВОРЯНСКИХ ИМЕНЕЙ (первая половина XIX в.)

Л. М. Рянский

Исследование данных документации дворянских опеки и их обработка на ЭВМ, которые начались в последнее время¹, требуют подробного анализа ее разновидностей и информативных возможностей. В настоящей статье и предпринимается попытка такого анализа.

Дворянские опеки создавались в ходе губернской реформы 1775 г. на основании «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», состояли при уездных судах, но имели свои особые канцелярии. Их председателями являлись уездные предводители дворянства, а членами — судьи и дворянские заседатели уездных судов².

Основной функцией опеки было управление именными вдов, малолетних сирот, умалишенных, глухонемых от рождения, расточителей, спорящих по наследству, неисправных плательщиков, жестоких в обращении с людьми и др. Опекунами обычно становились родственники или «свойственники» малолетних наследников, однако могли привлекаться и посторонние люди «честного и порядочного поведения». Функции опекунов определяло «Примерное или повальное наставление», которое наряду с сентенциями быть «кротким» и «человеколюбивым» возлагало на них и вполне определенные, весьма многочисленные обязанности. Опекун должен был принимать имение в свое ведение по описи, оригинал которой оставался у него, а копия отсылалась в дворянскую опеку. Он обязывался вести отчетную хозяйственную документацию и ежегодно предоставлять ее в опеку, «приводить деревни и людей... в такое состояние, чтобы малолетний получал с них принадлежащие ему доходы» и бездоимочно выплачивать казенные подати. От него требовалось сохранять дворовых и крестьян в «добропорядочном положении», следить за тем, чтобы «не ослабевало» земледелие, скотоводство и про-

¹ Булгаков М. Б. Архивы дворянских сословных учреждений как массовый источник для изучения разложения феодально-крепостнической системы.— В кн.: Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: XVIII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докл. и сообщ. Ростов-на-Дону. 21—25 сентября 1978 г. М., 1978, с. 147—150.

² ПСЗ, I, т. 20, № 14392; т. 2, ч. 1, № 4062.

мысли. Ему запрещалось отягощать крестьян излишними поборами, налагать новые повинности сверх прежде положенных. Излишних дворовых опекун мог отпускать на оброк или определять на различные должности при господском дворе, а также сажать «на пашню», т. е. переводить в разряд крестьян. По достижении наследниками совершеннолетия опекун должен был представлять им отчет о своей деятельности³.

Как видим, законодательство предусматривало весьма строгий контроль за деятельностью опекунов и ставило определенные ограничения их произволу. Это обстоятельство, как и конкретное изучение источников, позволяет полагать, что опека не вносила существенных искажений в естественный ход развития имений.

Дела об опеке содержатся в фондах Московского и Петербургского опекунских советов, наместнических и губернских правлений, предводителей дворянства, судебных учреждений и особенно дворянских опеков, хранящихся в центральных и областных архивах.

В канцеляриях дворянских опеков велось обширное делопроизводство, представленное целым комплексом источников. Среди них наибольший интерес представляют дела об опеке дворянских имений, содержащие, в свою очередь, ряд самостоятельных источников, и журналы заседаний опеки.

Рассмотрим процесс складывания и формирования дел по опеке имений. После принятия решения о наложении опеки на имение туда посылался чиновник уездного суда (обычно дворянский заседатель) для производства описи всего имущества помещика. Составленная опись доставлялась в дворянскую опеку, где она подшивалась в заводимое дело об опеке этого имения. В дальнейшем дело дополнялось документацией, связанной с управлением данного имения: ежегодные хозяйственные отчеты опекунов, приходные и расходные книги, различные реестры, отдельные акты, иногда ревизские сказки и уставные грамоты, предписания опеки, гражданской палаты и других вышестоящих инстанций, жалобы наследников и опекунов, их переписка с различными учреждениями. Таким образом, в делах об опеке отражался весь процесс управления имениями, что создает возможность для всестороннего изучения их экономического и отчасти социального развития.

Наиболее ценными источниками являются описи дворянских имений, в которых фиксировались данные о количестве различных земельных угодий, как правило, отдельно на барскую запашку и наделную крестьянскую землю; указывались площади помещичьих посевов и количество скота; приводились сведения о промышленных заведениях («фабриках», «заводах», мельницах и т. п.), о хозяйственных и бытовых постройках, о внутреннем убранстве господского дома и количестве всевозможных

³ ПСЗ, I, т. 20, № 14392, с. 215—216, 222.

вещей, о наличных деньгах, запасах хлеба и других продуктов. Иногда описи имения включают также описания крестьянских дворов. В других случаях подворные описи помещались отдельно от описаний имений.

Как известно, подворные описи — источники, наиболее адекватно отражающие экономическое положение крестьян дореформенного времени. Правда, они, по сравнению с аналогичными источниками из вотчинных фондов, несколько беднее по содержанию. Так, в них редко приводится подворная раскладка тягол, что затрудняет установление размеров повинностей крестьян по группам. Отсутствуют и данные о доходах и посевах крестьян. Однако наличие сведений о численности семей, количестве скота и птицы, хозяйственных и бытовых постройках, реже о запасах хлеба и количестве наделной земли — все это делает их важными источниками для исследования социально-экономического развития крепостной деревни⁴. Учитывая, что одни и те же имения попадали в ведение опеки неоднократно, ценность ее документации становится еще более очевидной. Материалы об опеке дворянских имений — важный резерв для поисков подворных описей. Так, в результате сплошного просмотра лишь одного хорошо сохранившегося в Государственном архиве Курской области фонда опеки Рыльского уезда (ф. 294) и выборочного обследования фондов губернской палаты гражданского суда (ф. 59), губернского правления и рыльского предводителя дворянства нам удалось обнаружить более 130 описей имений с описаниями крестьянских дворов (преимущественно средних и мелких). Дела об опеке вотчин, принадлежавших представителям сановой знати, вероятно, можно отыскать в фондах московских и петербургских опеков. Закон разрешал управление имениями независимо от их местонахождения тем опекам, где располагались центры вотчин.

Описи имений играли важную роль как средство контроля за деятельностью опекунов. Все хозяйственные отчеты рассматривались «сообразя с описью». В одном из предписаний палаты гражданского суда опекам прямо подчеркивалось: «Точные описи необходимы для соображения при ревизии отчетов»⁵.

Целям текущего, так сказать, оперативного наблюдения за управлением дворянскими имениями служили ежегодные хозяйственные отчеты. Обычно они именовались «отчетными ведомостями», хотя в обиходе нередко назывались «отчетами» (в конце XVIII в. — «годовыми отчетами» или даже «щетами»).

⁴ Подробнее о подворных описях из фондов опеков и других государственных учреждений см.: *Крутиков В. И.* Подворные описи как источник для изучения положения помещичьих крестьян в период разложения и кризиса крепостничества. — В кн.: *Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии: (Материалы XVI сессии симпозиума по изучению аграрной истории. Кишинев, 1976).* Кишинев, 1978.

⁵ Государственный архив Курской области (далее: ГАКО), ф. 59, оп. 1, д. 6641, л. 587 об.; д. 6640, л. 22 об.

Отчеты составлялись по заданному формуляру и ежегодно в январе должны были представляться в дворянскую опеку. Последняя производила их ревизию. Если информация отчетов признавалась достоверной, они направлялись в палату гражданского суда, которая, в свою очередь, ревизовала их еще раз, и, в случае положительного исхода проверки, они сдавались в архив, где подшивались в дело по опеке соответствующих имений. Однако когда какие-либо сведения отчетов опека или гражданская палата находили неверными, а тем более фальсифицированными, то назначалось «дознание». В имение направлялись становой пристав или в более серьезных ситуациях дворянский заседатель, производившие проверку сведений на месте. Процедура «дознания» сводилась к личному наблюдению, опросу 12 посторонних свидетелей, а также сбору показаний крестьян и местной администрации⁶.

Годовые отчеты чаще получали положительную оценку ревизовавших инстанций. Так, Рыльская дворянская опека рассмотрела в 1845 г. 48 отчетов, из которых только 4 были признаны составленными неверно, в 1851 г.—соответственно 56 и 9, в 1839 г.— 40 и 5⁷.

Попытаемся установить, на основе каких исходных данных составлялись отчеты. Хотя прямых свидетельств об этом обнаружить не удалось, имеются основания предполагать, что хозяйственное делопроизводство велось внутривотчинной администрацией (приказчики, старосты, выборные и т. п.). Вот некоторые примеры. В 1837 г. приехавший в имение Ярославцевых дворянский заседатель выяснял сведения о количестве хлеба у старосты, приказчика, ключника и крестьян. Любопытную запись содержит журнал заседаний опеки за этот же год: в одном имении во время составления описи по ошибке старосты в нее был внесен «магазинный» крестьянский хлеб. В 1858 г. опека предписала опекуну имения Львовых «чрез крестьян дознать», почему уродился плохой урожай озимых.

В опекаемых имениях, по всей вероятности, велись текущие хозяйственные журналы⁸. О наличии «экономических книг» свидетельствует и форма записи некоторых приходных денежных ведомостей, являющихся составной частью годовых отчетов. Так, в отчетах по имению Бураго за 20-е годы XIX в. фиксировались все случаи сбыта хлеба и другой продукции с точным указанием числа и месяца продажи. Очевидно, составители отчетов вносили в них без всякой обработки данные, взятые из другой документации, т. е. «экономических книг». Уместно в данной связи отметить, что опекунами практически всегда назначались дворяне, имевшие достаточно забот о своих собственных хозяйствах. Нередко одно и то же лицо являлось опеку-

⁶ Там же, ф. 294, оп. 1, д. 176, л. 628—628 об.; д. 434, л. 284 об., д. 761, л. 14 и др.

⁷ Там же, д. 176, 648.

⁸ Там же, д. 434, л. 284 об.; д. 453, л. 102; д. 761, л. 14; д. 435, л. 125 и др.

ном или попечителем одновременно нескольких имений. Надо полагать, ему не оставалось ничего другого, как поручать ведение текущего хозяйственного учета администрации подведомственного ему имения.

Итак, по всей видимости, в вотчинах, находившихся под опекой, применялась такая же практика сбора и фиксации хозяйственной и другой информации, как и в имениях, состоявших в полном владении помещиков. По нашему убеждению, между учетной хозяйственной документацией из вотчинных фондов и аналогичными материалами, содержащимися в делах об опеке имений, с точки зрения приемов и методов ее составления, нет принципиальной разницы. Различия имеются лишь по форме, но не по существу.

Для определения степени достоверности содержащихся в отчетах сведений необходимо познакомиться с основными критериями оценки и методами их проверки в ходе ревизий опекой и гражданской палатой. Об этом можно узнать в основном из сопроводительных бумаг, прилагавшихся к отчетным ведомостям в тех случаях, когда их возвращали на исправление.

Главный лейтмотив деятельности опеки и палаты гражданского суда состоял в том, чтобы «дохода по количеству имения получалось довольно, расход производился необходимый и умеренный»⁹. Согласно законодательству опека обязана была не только сохранять прежние доходы имений, но и стараться их приумножить. По мере углубления кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства, сопровождавшегося ростом задолженности дворянства, эта задача становилась все более сложной и заставляла членов опек, рассматривавших отчеты, относиться к ним все внимательнее и требовательнее.

Известно, что при ревизии отчетных ведомостей полагалось «соображать их с описью».

От членов опек, рассматривавших отчеты, требовалось, чтобы они «соображали показываемый в отчетах доход, получаемый с имения, с местностью, то есть с качеством земли, степенью урожая, существующими ценами на все роды продуктов и, наконец, с положением и естественными выгодами всего имения, без чего палата, не имея сведений о всем вышеописанном, не может правильно обсудить, как управляют опекуны имениями»¹⁰. Изучение отчетов свидетельствует о стремлении членов опеки установить степень адекватности цифровых данных ведомостей реальной действительности.

Годовой хозяйственный отчет состоял из отдельных ведомостей, имеющих балансовую форму и отражающих состояние определенной отрасли экономики дворянского имения. Большая часть сведений касалась собственно помещичьего хозяйства.

⁹ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 6641, л. 587 об.— 588.

¹⁰ Там же, ф. 294, оп. 1, д. 176, л. 382 об.

Начинались отчеты с перечисления наследников имения и их местонахождения. Далее указывалось, какие селения входят в состав вотчин, суммы казенных и частных долгов, лежащих на имении, количество денег, кредитованных другим лицам. Здесь же отдельной графой шла так называемая «земляная ведомость», в которой были зафиксированы размеры угодий (чаще всего барская запашка и крестьянские наделы). Поскольку в других ведомостях отчетов имеются данные о численности крестьян, тягол, об отдаче помещицьею земли в аренду, возникает возможность для определения нормы барщинной эксплуатации крестьян.

Данные о количестве земельных угодий устанавливались в процессе описи имений. С этой целью привлекались «экономические книги», если они велись, и использовались показания крестьян. Иногда в описях имений и других документах указывалось, что количество земли определено «по примеру», т. е. в результате измерения, что косвенно подтверждается и фактами уплаты денег «за обмер» земельной площади¹¹.

По-видимому, наиболее точными являются данные о размерах пашенных угодий, так как они ежегодно вовлекались в хозяйственный оборот. К тому же их легко было проверить, сравнив с количеством посевов, что, кстати, и делалось в ходе ревизии отчетов.

Изучение журналов заседаний палаты гражданского суда свидетельствует о распространенности практики привлечения в сомнительных случаях планов Генерального межевания¹². Видимо, палата далеко не всегда принимала на веру сведения отчетов о размерах земельных угодий.

В плане изучения помещицкого хозяйства большой интерес представляют ведомости о посеве, урожае и расходе хлебов и трав.

Посевы различных культур показаны в четвертях, четвериках (иногда мерах) и гарнцах, а с 30-х годов XIX в. и в десятинах. Опека и гражданская палата в процессе ревизии отчетов устанавливали точность данных о размерах посевов, так как это было особенно «необходимо для обнаружения распоряжений опекуна»¹³. Такое отношение к рассматриваемым показателям нетрудно объяснить: зерновое производство — главная отрасль дворянского хозяйства, дававшая львиную долю доходов. Точные сведения о количестве посевов необходимы были также для проверки данных «земляных ведомостей». Так, в отчете опекуна имения Бакшеевых за 1837 г. было показано лишь количество высеянного хлеба (46 четвертей), но без обозначения площади посевов. На заседании опеки производился перерасчет четвер-

¹¹ Там же, л. 643.

¹² Там же, ф. 59, оп. 1, д. 6641, л. 119 об.

¹³ Там же, л. 6643, л. 660.

тей на десятины: «По общему хозяйственному расчету по 7 мер на десятину должно получиться 53 десятины»¹⁴.

Анализируемые ведомости содержат интересные данные о нормах высева семян озимых и яровых хлебов на одну десятину. Они могут быть использованы при переводе размеров посевов, указанных в губернаторских отчетах, донесениях земских исправников, уездных предводителей дворянства, палат государственных имуществ в четвертях, на посевную площадь. Это позволит наиболее точно вычислить средние размеры барских запасек и крестьянских наделов в отдельных уездах, а затем и в губерниях.

Знание норм высева зерновых может оказаться полезным и при исследовании состояния и развития производительных сил в сельском хозяйстве, в частности агротехники. Примером плодотворной разработки данного вопроса, правда по другим источникам, может служить исследование Л. В. Милова¹⁵.

Данные о посевах позволяют изучать в динамике структуру посевных площадей и соотношение посевов различных культур в дворянских вотчинах. В Госархиве Курской области по некоторым имениям сохранились отчетные ведомости, относящиеся не только к дореформенному, но и пореформенному периоду. Так, по Ржавскому имению А. И. Кусакова имеются ведомости за 1846—1874 гг., по Ломакинскому имению Бурого — за 1819—1826 и 1855—1868 гг.

В рассматриваемых ведомостях далее приводятся сведения о приходе хлеба: остаток от прошлых лет, количество собранных, перемолоченных копен и вымолоченного из них зерна различных культур. Поскольку зерновое производство являлось основным источником доходов, то не случайно и пристальное внимание опеки и гражданской палаты к этим данным. Судя по источникам, при ревизии отчетов им отводилось одно из первых мест. Рассматривая отчетную ведомость за 1844 г. по имению Бакшеевых, опека квалифицировала «непомерно» малым умолот гречихи по 4 гарнца и конопля по 3 мерки и 3 гарнца с одной копны. Указанный в отчете по имению Кусакова за тот же год урожай озимого и ярового хлеба, по мнению членов опеки, «необыкновенно мал», а умолот овса, гречихи, гороха, мака и льна — «чрезвычайно мал». Ведомость имения Головиных за 1851 г. также показывает «весьма малый нажин ржи, овса, гречихи, конопель, а особенно сена»¹⁶. Как видим, опека обращала внимание на абсолютные показатели.

При оценке урожайности хлебов требовалось учитывать качество земли, а также аналогичные показатели в других близлежащих имениях. Так, проверяя ведомости по имению Ярослав-

¹⁴ Там же, ф. 294, оп. 1, д. 435, л. 111.

¹⁵ Миров Л. В. К вопросу о нормах высева во второй половине XVIII в.: (По материалам Курской губернии). — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР: Сб. 7. М., 1969.

¹⁶ ГАКО, ф. 294, оп. 1, д. 176, л. 229, 399—399 об.

цевых, опека нашла урожай «чрезвычайно мал, особенно с таким по имению дворян Воропановых, в том же селе находящемся»¹⁷. Посланный для проведения расследования по этому поводу становой пристав «взял» сказку от 12 «сторонних присяжных» людей, из которой явствует, что в отчете были показаны правильные сведения об урожайности. Оказывается рожь была посеяна на глинистой, малоплодородной почве, а яровые пострадали от града¹⁸. На наш взгляд, не случайно опекуны ожидали, что придется нести ответственность за низкие сборы хлебов. В этом отношении примечателен следующий пример. В 1839 г. опекун Дмитровского имения Бакшеевых поспешно информировал опеку о серьезном ущербе, нанесенном посевам ржи градом¹⁹.

Не исключено и использование при оценке данных об урожайности сведений о выборочных пробных умомотах, проводившихся с целью определения урожайности зерновых в отдельных уездах и губерниях. Эти данные собирались предводителями дворянства, являвшимися председателями опек.

Определяя достоверность сведений отчетных ведомостей о количестве собранного в имениях сена, члены опеки учитывали площадь сенокосных угодий. В отчете за 1850 г. по имению Головиных указывался сбор сена, равный 10 возам. Приведенная цифра была признана неверной, так как в имении насчитывалось 14 десятин сенокоса²⁰.

Критически рассматривались опекой и цифровые данные отчетов о расходе хлеба. Так, опекун имения Филимоновых написал в отчете за 1850 г., что за 5 месяцев на продовольствие дворовых израсходовал 40 четвертей ржи. Опека сочла такую цифру завышенной, сославшись на расход предыдущего опекуна, который на эти цели истратил за 8 месяцев только 43 четверти и 3 мерки ржи²¹. Неверным был признан внутривладельческий расход 1844 г. в имении Бакшеевых. Опекуну был задан вопрос, почему на продовольствие для 48 людей было отпущено 90 четвертей ржи, 2 четверти гречихи, 6 четвериков проса, 1 четверть и 2 мерки гороха, если эти люди работали не весь год и до приезда опекуна состояли на оброке, «принося доход». «Непомерно много» зерна было растрчено также на пропитание «застольных людей», плотников и приезжих родственников (более 40 четвертей). Совершенно нереальным признавался расход хлеба в 60 четвертей на корм скоту и птице²².

Как видим, явное завышение цифровых данных по расходу зерна не допускалось, что, несомненно, увеличивает доверие к ним.

¹⁷ Там же, л. 191.

¹⁸ Там же, л. 628—628 об.

¹⁹ Там же, д. 435, л. 18.

²⁰ Там же, д. 649, л. 268 об.

²¹ Там же, л. 169.

²² Там же, д. 176, л. 229—230.

Итак, зерновые ведомости включают достаточно богатый спектр хозяйственных сведений, позволяющих изучать в динамике состояние и развитие земледельческого производства и выяснять степень его товарности в дворянских имениях.

Необходимо сделать замечание, касающееся обработки рассмотренных ведомостей. Во многих имениях, как показывает изучение опекунских отчетов, весь собранный хлеб часто не перемолачивался сразу. Порой за ряд лет скапливались огромные его запасы. Поэтому ежегодно обмолачивался хлеб, собранный не только в текущем году, но и хранившийся в копнах от прошлых лет. В результате осложняется определение валового сбора, без чего нельзя выяснить степень товарности земледелия. Указанное затруднение можно попытаться преодолеть, если из ведомостей выбирать данные о количестве как нажатых, так и перемолоченных копен. Поскольку всегда указывается содержание зерна в одной копне нового урожая, нетрудно подсчитать и валовой сбор зерновых.

Сведения о количестве зерна в копне имеют значение и при обработке подворных описей. В них запасы крестьянского хлеба зачастую показаны в таких единицах измерения, как копны. Между тем, как известно, масса производимого хлеба является важным показателем производственно-экономических возможностей и едва ли не единственным критерием надежного определения типа воспроизводства хозяйства земледельческих крестьян. Так как и на барской запашке и на надельной земле трудились одни и те же люди, использовавшие одинаковые приемы уборки хлеба, содержание зерна в копне как в первом, так и во втором случае должно быть идентичным. Отсюда открывается возможность более или менее точных подсчетов запасов крестьянского хлеба, тем более что, как правило, сохранились отчетные ведомости, составленные одновременно с подворными описями.

Помимо рассмотренных, годовые отчеты включали также ведомости, отражающие состояние других отраслей помещичьего хозяйства: животноводства, птицеводства, вотчинного предпринимательства. В них отмечались количество производимой продукции и статьи ее расхода. Не анализируя подробно эти ведомости, так как перечисленные отрасли в рядовых дворянских вотчинах имели второстепенное значение, укажем, однако, что содержащиеся в них сведения существенно расширяют наши представления по многим параметрам дворянского хозяйства.

Интересны насыщенные цифровыми данными ведомости о приходе и расходе денег. Особенно ценными для исследователей являются сведения о статьях дохода имений (продажа земли, хлеба, скота, другой продукции; арендная плата за землю, получаемая от помещиков и лиц различного звания, в том числе от своих и чужих крестьян; оброчные деньги, собираемые с крестьян и дворовых; возвращаемые долги и пр.). Ведомости о расходе денег фиксируют все случаи покупки земли, рабочего и продук-

тивного скота, сельскохозяйственных и других машин, оплаты труда наемных работников, учителей, губернаторов, представителей управленческого аппарата и все потребительские затраты. Очевидно, такое разнообразие сведений обеспечивает изучение помещичьих бюджетов. Это большое достоинство отчетных ведомостей, особенно если по одному и тому же имению они сохранились за дореформенный и пореформенный периоды.

Ведомости «о состоянии денег» проверялись в опеке и палате гражданского суда с особой тщательностью. В условиях неудержимого разложения и кризиса крепостного хозяйства задолженность дворян приняла невиданные ранее масштабы. Власти вынуждены были предпринимать огромные усилия по ликвидации дворянских долгов, прежде всего казенных. Например, в 1845 г. Курское губернское правление предписало опекам «обращать все без изъятия (доходы.—*Л. Р.*)... на уплату недоимки»²³. Обычным явлением были порицания, а порой и угрозы в адрес опекунов за недостаточные доходы и чрезмерные расходы денег. В частности, очень большим признавался расход за 1844 г. по Рыльскому имению Бакшеевых (4015 руб.) и по этому поводу давался примечательный комментарий: «...по чему если видимую в отчетах неумеренность допустить, то имение Бакшеевых должно прийти в совершенное расстройство»²⁴. Столь же скептически отнеслась опека к расходу по Корочанскому имению Бакшеевых. Ему «нельзя дать вероятности», судя по количеству земли и крестьян, говорилось в источнике²⁵. Опекуна имения Авчинниковых упрекали за то, что в 1856 г. приход денег был «весьма мал, расход неумеренный и не сообразный с доходом»²⁶.

Уточняя приход, чиновники скрупулезно взвешивали и оценивали каждую его составную часть. В отчете по имению Головиных, к примеру, подмечена низкая плата за землю, взимаемая с арендаторов. В другом случае отдача «в наймы» сенокоса квалифицирована как «непомерно дешевая»²⁷. При проверке данных о продаже хлеба опека, вероятно, часто руководствовалась справочными ценами. Характерны следующие эпизоды. Опекун имения Гурских просил разрешения продать гречиху для быстрой ликвидации казенной недоимки. Опека дала согласие, но заметила, что «цены сейчас в ноябре на гречу гораздо выше, чем значится в рапорте»²⁸. Когда в 1839 г. возник вопрос о продаже большого количества хлеба в имении Воропановых в счет уплаты штрафа, по просьбе опеки рыльский городничий прислал справочные цены²⁹. Все это свидетельствуют о заинтере-

²³ Там же, л. 477.

²⁴ Там же, л. 231.

²⁵ Там же, д. 649, л. 75.

²⁶ Там же, д. 761, л. 43.

²⁷ Там же, д. 649, л. 269; д. 176, л. 192.

²⁸ Там же, д. 176, л. 642.

²⁹ Там же, д. 434, л. 318—318 об.

ресованности дворянских опеков в получении правдивых сведений о доходах и расходах в подведомственных имениях.

В конце годовых отчетов обычно шли ведомости, показывающие движение населения обоого пола, нередко с разделением на крестьян и дворовых. В них было отмечено общее число душ, а также родившиеся, переведенные из других имений, купленные, умершие, проданные, отданные в рекруты крестьяне и крестьянки. Эти данные можно считать достаточно надежными. В распоряжении уездного начальства имелись ревизские сказки. Что касается продажи или перевода крепостных в другие места, то на это требовалось специальное разрешение опеки. Рассматриваемые ведомости могут быть использованы в качестве источников для проведения выборочных исследований протекавших в деревне демографических процессов, углубляющих наши представления о процессе разложения феодализма.

К достоинствам годовых отчетов относится наличие в них сведений о повинностях крестьян. Данные показатели разбросаны по целому ряду ведомостей. Выше уже указывалось на возможность изучения в динамике размеров барщины и оброка в дворянских имениях. Кроме того, в ведомостях о движении скота, птицы, различных материалов показаны размеры «столовых припасов», количество мелкого скота, холста, сукна и прочее, взимавшихся с крепостных. Если помещики предпочитали получать вместо них денежный эквивалент, то об этом сообщали ведомости о приходе денег. Они же иногда содержат данные о государственных и земских повинностях.

Многие отчеты, в первую очередь относящиеся к первой трети XIX в., включают сравнительно обильную информацию о такой категории крепостных, как дворовые. Встречаются ведомости о населении, где приведен перечень должностных лиц, а в некоторых из них имелся специальный реестр дворовых, представлявший собой их посемейный список с указанием «при какой должности находятся»³⁰. Приходные денежные ведомости регистрировали уплату денег дворовыми специалистами (сапожниками, слесарями, каретниками, обойщиками, печниками и т. п.), отпущенными на оброк.

Проведенный анализ ежегодных хозяйственных отчетов показывает, что они содержат богатые сведения, обеспечивающие всестороннее изучение в динамике экономического развития дворянских вотчин. Вместе с тем не стоит преувеличивать степень достоверности информации отчетных ведомостей. Особенно это относится к ведомостям о приходе и расходе хлеба. Нельзя исключать и возможности прямого искажения составителями отчетов тех или иных данных с целью завуалировать расхищение ими материальных ценностей и денег, либо скрыть свою нераспорядительность. На формально-бюрократическое отношение опекунов к составлению отчетов могло влиять и такое требова-

³⁰ Там же, ф. 33, оп. 2, д. 495, л. 2593—2596.

ние, как обязательное совпадение прихода различных продуктов и других ценностей с расходом с точностью до долей копейки и гарнца. Но в то же время нет особых оснований для источниковедческого нигилизма по отношению к отчетным ведомостям. У властей были фискально-административная заинтересованность в получении разнообразной хозяйственной информации и определенные возможности ее проверки, причем и опека и гражданская палата несли ответственность за ее достоверность. Отметим также и то, что наследники имений и их родственники ревниво следили за хозяйничанием опекунов, обращаясь в различные инстанции с жалобами на последних, зачастую необоснованными. Поэтому опекуны должны были соблюдать известную осторожность и сообщать сведения, которые приблизительно верно отражали реальное положение дел. Впрочем, у исследователей имеются возможности для самостоятельной проверки достоверности данных отчетов, поскольку их отдельные составные части между собой взаимосвязаны, а, кроме того, в архивах сохранились другие источники, затрагивающие и сведения отчетных ведомостей. Полагаем, что установлению правильности данных будет способствовать их изучение в динамике. В этом случае их погрешности проявятся более отчетливо.

Близки к годовым отчетам по набору сведений приходные и расходные книги, также содержащиеся в делах об опеке имений. Однако в них отсутствуют некоторые важные данные (например, о количестве угодий). К тому же их сохранилось в архиве значительно меньше, чем отчетов, что снижает их ценность. Выяснить назначение приходо-расходных книг нам не удалось. Возможно, они служили черновиками для составления отчетных ведомостей.

В заключение коснемся журналов заседаний опеки и палаты гражданского суда. Основное достоинство журналов состоит в том, что они содержат разнообразную информацию по всем имениям, состоящим под опекой. Следовательно, журналы заседаний необходимо привлекать в целях источниковедческого анализа других материалов об опеке. Помимо этого, журналы дают богатые фактические данные по помещичьему хозяйству, изучение которых может стать целесообразным, особенно если не сохранились дела по отдельным имениям.

Мы рассмотрели наиболее важные документы, содержащиеся в делах об опеке имений, которые еще недостаточно использованы историками-аграрниками в своих исследованиях. При условии предварительного источниковедческого анализа и привлечения дополнительной документации, в частности из вотчинных фондов, материалы об опеке обеспечивают почти сплошное комплексное изучение социально-экономического развития помещичьего и крестьянского хозяйства в рамках отдельных районов.

К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТА «ПИСЕМ РУССКОГО ОФИЦЕРА» Ф. Н. ГЛИНКИ

А. Г. Тартаковский

В русской повествовательно-исторической традиции, вызванной к жизни наполеоновскими войнами, «Письма русского офицера»¹ занимают место совершенно особое. И по обширности изображения этой эпохи, и по воздействию на последующие судьбы русской военной литературы и, главное, как документ, непосредственно запечатлевший влияние 1812 г. и заграничных походов на умонастроения дворянской молодежи, из рядов которой вышла когорта первых в России дворянских революционеров, книга Ф. Глинки превосходит многое из того, что было создано в этом отношении его современниками.

Понятно, что она давно привлекла внимание ученых, более всего литературоведов, и трактовалась преимущественно в плане воплощенных в ней жанрово-стилистических и идейно-эстетических исканий начала XIX в. «Письма русского офицера» рассматривались как произведение, возникшее на скрещении традиций просветительского путешествия, связанных прежде всего со знаменитой книгой А. Н. Радищева, и эпистолярной прозы, ведущей свое начало от «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина². Однако при бесспорных достижениях

¹ Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Писаны Федором Глинкою. В типографии С. Селивановского. М., 1815—1816. Ч. 1—8. (Цензурные разрешения датированы: на ч. 2—3—2 апреля, ч. 4—3 мая, ч. 5—14 мая, ч. 6—31 мая, ч. 7—28 октября, ч. 8—17 декабря 1815 г. Части 1—7 помечены 1815 г., ч. 8—1816 г.). В 1808 г. типографией П. Бекетова в Москве были выпущены в двух книжках «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 годах», посвященные участию Ф. Глинки в кампании 1805 г. и возвращению в Россию в начале 1806 г. Они соответствуют (да и то неполностью) ч. 1 издания 1815—1816 гг. Между тем это последнее расценивается иногда в литературе лишь как расширенная перепечатка издания «Писем» 1808 г. Но из сказанного ясно, что по объему и содержанию текста издание «Писем» 1815—1816 гг. представляет, в сущности, самостоятельное произведение Ф. Глинки и именно так будет далее рассматриваться (ссылки на него даются с указанием только части и страниц).

² Орлов Вл. Радищев и русская литература. Л., 1952, с. 145—146; Базанов В. Очерки декабристской литературы. М., 1953, с. 43—50, 79—80; Макогонен-

литературоведческого подхода только в его рамках вряд ли может быть правильно истолкован даже сам жанр «Писем» как литературного произведения, не говоря уже об адекватном их понимании как памятника общественной мысли (породившей его эпохи, глубоко и проникновенно, в духе высокой гражданственности и вольнолюбивого патриотизма раскрывшего народный характер Отечественной войны. Такое понимание возможно достичь на базе более широкого — историко-источниковедческого — подхода.

Нельзя сказать, чтобы историки вовсе не обращались к «Письмам русского офицера». Более того, в дореволюционной и советской историографии нет ни одной серьезной работы об отражении 1812 года в современном общественном сознании и о предыстории декабризма, в которой не было бы ссылок на эту книгу. Но использовалась она лишь со стороны ее идейного содержания и, как правило, иллюстративно; те или иные записи привлекались выборочно, «цитатно», без уяснения их соответствия действительному ходу событий, точности авторских датировок и места в общем контексте повествования, что неизбежно влекло за собой, как мы увидим далее, и не совсем верные суждения конкретно-исторического характера.

Источниковедчески же ни отдельные записи, ни весь памятник как целостное и законченное произведение с учетом его жанрового своеобразия, длительной истории сложения, полного объема сохранившихся текстов, как напечатанных, так и рукописных, наконец, положения автора в описываемых событиях не подвергались изучению. Многое здесь остается неясным, а то и просто запутанным.

Решение столь сложной задачи — дело большого и специального исследования. Предлагаемые ниже заметки имеют своей целью сосредоточить внимание лишь на некоторых его аспектах.

Прежде всего следует уточнить итеренарий Ф. Глинки в период войн 1812—1815 гг.

Как явствует из ч. 4 «Писем», вторжение Наполеона в Россию застало Глинку в его имении в селе Сутоки Смоленской губернии. После оставления русскими Смоленска он присоединился к армии, дошел с ней до Бородина, отступил далее через Москву, проделал с ней же фланговый марш-маневр, в Тарутине был зачислен адъютантом к М. А. Милорадовичу и в этой должности принимал участие в наступательных операциях вплоть до конца войны 1812 г. В литературе высказывалось мнение о том, что Глинка был столь же непосредственным участником и всех последующих кампаний. В. Г. Базанов — автор многих ценных работ о военно-политической биографии и творческом наследии

ко Г. П. Радищев и его время. М., 1956, с. 496—497, 726—727, 729—730; История русского романа. М.; Л., 1962, т. 1, с. 85; Петрунина Н. Н. Декабристская проза и пути развития повествовательных жанров. — Рус. лит., 1978, № 1, с. 28.

Глинка — писал по этому поводу: «...вместе с армией, преследовавшей отступающих французов, Глинка проделал весь заграничный поход 1813—1814 гг.»³ Это, однако, не совсем точно. Глинка проделал только зимне-весеннюю кампанию 1813 г. и еще до окончания перемирия, в июле, отправился из Рейхенбаха на родину. В начале сентября он прибыл в Смоленск, поселившись в своем имении, и оттуда наезжал в Москву (ч. 6, с. 59, 79). Сохранились его письма: от 3 ноября 1813 г. к А. И. Михайловскому-Данилевскому, с которым он сблизился во время боевых походов, и к А. Я. Булгакову от 18 февраля 1814 г. из Суток⁴. И лишь во второй половине марта 1814 г., уже после заключения Парижского мира, Глинка выехал из России в европейские страны, к тому времени освобожденные от наполеоновского господства, в июне 1814 г. добрался до Парижа, где застал русские войска готовящимися к возвращению на родину, пробыл здесь несколько недель, двинулся в обратный путь, вернувшись снова в Россию летом 1814 г. (ч. 6, с. 87, 132; ч. 7, с. 190—191, 201; ч. 8, с. 168, 248, 253—254).

Таким образом, во второй половине кампании 1813 г. и во всем походе 1814 г. во Франции Глинка не участвовал — обстоятельство, важное для понимания манеры повествования в «Письмах русского офицера» об этом периоде наполеоновских войн. 29 июня 1814 г. Михайловский-Данилевский с сожалением писал Глинке: «...вы не были с нами в сем знаменитом походе, в котором мы пожинали плоды трудов и крови, пролитой нами на отечественных полях»⁵. Но в летние месяцы 1815 г., в связи с открытием военных действий против Наполеона, Глинка снова в рядах армии, участвуя в кратковременном походе гвардейского корпуса, двинутого из Петербурга на помощь союзным войскам, но остановленного в Вильне.

Принято обычно считать, что опубликованные Ф. Глинкой тексты «Писем» всецело исчерпываются 8 частями упомянутого выше издания 1815—1816 гг.⁶ Но при этом остаются в тени многие другие публикации первых послевоенных лет, сыгравшие немалую роль в популяризации этой книги.

Так, перед выходом тех или иных частей издания 1815—1816 гг. небольшие отрывки из них Ф. Глинка печатал в пользовавшихся широким читательским спросом русских журналах⁷.

³ Базанов В. Г. Ф. Н. Глинка. — В кн.: Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957, с. 12. (Библиотека поэта. Большая серия).

⁴ Рус. старина, 1906, № 3, с. 718—719; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 41, карт. 71, № 75, л. 1 об.—2.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, д. 240, л. 1.

⁶ Более полувека спустя ч. 4—8 этого издания были без изменений перепечатаны им отдельной книгой (Письма русского офицера. М., 1870), также давно введенной в научный оборот.

⁷ Русский вестник, 1814, № 10, с. 51—57; Вестник Европы, 1815, № 14, с. 126—130; Сын Отечества, 1815, № 24, с. 163—181; № 27, с. 30—37; № 50, с. 161—178; 1816, № 25, с. 209—218. В. Н. Орловым ошибочно указано, что отрывки

Кроме того, видимо, еще весной 1814 г., находясь во Франции, Ф. Глинка переслал в Москву для публикации в «Русском вестнике» довольно пространный фрагмент «Писем» с описанием Отечественной войны и кампании 1813 г. (до отъезда автора из Рейхенбаха в Россию)⁸. При этом он пояснил, что «сии письма вчерне отданы для напечатания. Есть ли провидение дозволит сочинителю возвратиться из-за Рейна, то в новом издании представятся они в новом и лучшем свете». В редакционном примечании (его автором был весьма осведомленный в планах Ф. Глинки его брат — С. Н. Глинка) указывалось, что «полное оных издание вскоре особо напечатается»⁹, — под ним, конечно, подразумевалось начавшее выходить годом позже отдельное издание «Писем» в 8 частях. Содержанию фрагмента соответствуют в этом издании ч. 4 и около половины ч. 5, но текстуально он существенно отличается от них множеством разночтений не только стилистического, но фактического и политического характера, образуя, в сущности, раннюю редакцию этих частей. Однако в исследовательской литературе эта публикация никогда не учитывалась.

Не учтены в ней и попытки осуществления в России французского издания «Писем». Первая из них относится к 1816 г., когда в том же «Русском вестнике» было напечатано «Предварительное уведомление о переводе на французский язык Писем русского офицера», подписанное неким А...Б...Э...¹⁰, который сообщил о подготовке к печати всех 8 частей «Писем» и объявил даже об условиях подписки, однако перевод этот напечатан не был. В 1821 г. С. Н. Глинка выпустил «Письма» за 1812 г. с параллельным расположением текста на французском и русском языках¹¹, — и книга эта привлекла к себе тогда же внимание прессы¹².

Перечисленные выше публикации по содержанию не выходят за хронологические рамки текста отдельного издания «Писем» в 8 частях, завершавшегося рассказом об отъезде Ф. Глинки в начале лета 1814 г. из Парижа на родину. Однако состав данного издания не отражает всего корпуса готовившихся Ф. Глинкой к печати «Писем русского офицера» и всей полноты его творческих замыслов.

В заключении к ч. 8 он писал: «Все, о чем я намекнул здесь только слегка, описано довольно пространно в походных запис-

из «Писем» печатались в «Русском вестнике» и «Сыне Отечества» еще в 1812 и 1813 г. (Декабристы. Л., 1975, т. 2, с. 419). В действительности же ранее 1814 г. ни один из них в этих журналах не появился.

⁸ Письма русского офицера о войне Отечественной 1812 и заграничной 1813 года. — Русский вестник, № 6, 7, 8.

⁹ Там же, № 8, с. 122.

¹⁰ Русский вестник, 1818, № 19, с. 136—139.

¹¹ Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года, сочиненные Федором Глинкою, а на французский язык переведенные С. Глинкою. М., 1821.

¹² Сын Отечества, 1822, № 17, с. 137.

ках моих и может прибавить еще два тома к вышедшим уже осьми». В этих словах примечательно прежде всего указание на наличие у Ф. Глинки рукописного массива текстов о его военных походах и путешествиях,— массива, относительно которого 8 изданных частей составляют всего лишь некоторую выборку. Но еще важнее признание Ф. Глинкой намерения продолжить 8 частей «двумя томами», и план этот он предполагал осуществить в виде нового, «второго», как он писал сам, и, надо полагать, наиболее полного издания «Писем русского офицера», хотя понимал, что оно потребует немало усилий и вряд ли появится в ближайшее время (ч. 8, с. 265—266).

Тем не менее Ф. Глинка представлял себе, какой будет структура дополнительных томов и размещение материала внутри каждого из них. В том же заключении, упомянув о посещении им места Лейпцигского сражения, он отметил, что «историческое описание знаменитой битвы при Лейпциге со всеми сопровождавшими оную обстоятельствами и планами помещено будет со временем в IX части нового издания Писем русского офицера» (ч. 8, с. 263).

Необходимость его ощущалась тем острее, что 8 частей «Писем» разошлись, едва успев выйти в свет. Летом 1815 г., когда были изданы первые 5 частей, Ф. Глинка писал А. И. Михайловскому-Данилевскому: «Еще не окончилось печатание, а уже третья часть издания раскуплена»¹³, спустя же два года В. А. Жуковский сетовал на то, что «Писем» нет возможности достать в лавках». Позднее Ф. Глинка вспоминал, что перспективы «нового издания» он «оживленно обсуждал в обществе посетивших его в 1817 г. в Гвардейском штабе друзей-литераторов — В. А. Жуковского, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова, Н. И. Гнедича»¹⁴.

Таким образом, вопрос о новом издании стоит перед Ф. Глинкой уже и в ту пору, когда, будучи активнейшим членом Союза спасения, он развертывает в духе его установок неутомимую общественно-просветительную деятельность, и одним из ее направлений становятся целеустремленные усилия по обобщению и пропаганде опыта Отечественной войны и заграничных походов, занимавших тогда вообще одно из центральных мест в умственных интересах и издательских начинаниях Ф. Глинки. Он выступает с обширной программой создания истории Отечественной войны, призванной служить средством нравственно-патриотического воспитания масс, спланирует вокруг руководимого им «Военного журнала» лучшие силы военной интеллигенции, в том числе и членов тайной организации, печатает на его страницах описания сражений, очерки о партизанской борьбе и народном героизме, мемуарные записки участников походов

¹³ Учен. зап. Вильнюсского гос. ун-та. Сер. общ. наук, 1954, т. 1, вып. 4, с. 162—163.

¹⁴ Письма русского офицера. М., 1870, с. III.

1812—1814 гг. Здесь же и в других изданиях он публиковал и собственные исторические труды о минувших кампаниях и биографии прославленных генералов¹⁵.

Трудно допустить, чтобы замысел нового издания военных записок самого Ф. Глинки, всем своим содержанием и публицистическим пафосом созвучных этой его разносторонней деятельности, стоял бы от нее в стороне, никак бы с ней не соприкасался. Думается, что новое издание «Писем русского офицера» неотъемлемым звеном входило в общее русло возглавляемого Ф. Глинкой движения за освоение и популяризацию с передовых идейных позиций истории войн с Наполеоном, а в дополнительные тома были привнесены и специфически декабристские мотивы.

После подавления восстания Глинка был сослан в Петрозаводск, а затем в Тверь. Связанный и ранее с литераторами пушкинского круга, он сотрудничал в те тяжелые для него годы в альманахе «Северные цветы», где из номера в номер помещал стихотворения, выдержки из поэм, беллетристическую прозу и даже военно-исторические очерки на темы 1812 г. В 1827 г. он собирался напечатать в нем «отрывок из дневных записок русского офицера», заключавший в себе «обозрение происхождения масонских лож», не пропущенный, однако, цензурой и впоследствии затерянный¹⁶. Тематически никаких аналогий с содержанием 8 частей издания «Писем» 1815—1816 гг. этот отрывок не имеет, и его безошибочно можно полагать частью текста одного из дополнительных томов. Да и бросающееся в глаза сходство названий «Отрывка» и «Писем» ясно указывает на их принадлежность к одному и тому же произведению.

Экскурс в историю масонства, вероятнее всего, был навеян знакомством Ф. Глинки в 1814 г. с общественной жизнью Франции, бывшей в пред- и послереволюционную эпоху рассадницей масонских лож, в оболочку которых облекались антифеодальные по своим устремлениям конспиративно-просветительские движения. И в России масонские ложи находились, как известно, в орбите влияния Союза спасения и Союза благоденствия, широко использовались в их организационно-тактических и агитационных целях. Сам Ф. Глинка с 1815 г. состоял в близкой к ранним декабристским обществам ложе «Избранного Михаила», а в 1817—1818 гг. фактически и руководил ею¹⁷. Включение в готовившееся как раз в эту пору новое издание «Писем» «обозрения происхождения масонских лож» обретало, таким образом, актуальный смысл — и для Ф. Глинки лично, и для тайного

¹⁵ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: (Опыт источниковедческого изучения). М., 1980.

¹⁶ Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978, с. 115.

¹⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 267; Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964, гл. III.

общества в целом. Но и после подавления восстания исторический очерк о масонстве, живо напоминавший о декабристском прошлом автора, сохранял политическое звучание, — вероятно, потому-то он и был изъят цензурой из «Северных цветов», тем более, что в свете строжайшего запрета правительством еще в 1822 г. масонских лож любое упоминание о них в русской печати было неуместным.

Ф. Глинке удалось все же опубликовать некоторые тексты «Писем русского офицера», предназначенные для дополнительных томов. К сожалению, они не привлекли внимания в научной литературе и не были осмыслены именно в этом своем качестве, хотя уже давно зарегистрированы в библиографиях¹⁸.

В октябре 1815 г., не дожидаясь выпуска типографией С. Селивановского ч. 7 и ч. 8 «Писем», Ф. Глинка печатает в «Сыне Отечества» «Дневные записки русского офицера» о походе гвардии в августе 1815 г. в Вильну и о своем возвращении через прибалтийские города в Петербург¹⁹. Это — безусловно один из завершающих фрагментов «Писем русского офицера». Он не вошел в ч. 8 «Писем», которая, как мы отметили выше, обрывалась записью о выезде из Парижа летом 1814 г.

В ч. 8 отсутствует и другой отрывок такого же характера, появившийся уже 14 лет спустя одновременно в двух столичных альманахах, — «Листок из дорожных записок русского офицера» (первоначально Ф. Глинка предполагал опубликовать его в «Северных цветах») ²⁰. В «Листке» обозревался начальный этап возвращения Глинки на родину — сразу же после отъезда из Парижа летом 1814 г.

Оба отрывка — «Листок» и «Дневные записки» — есть, следовательно, сюжетное продолжение ч. 8 «Писем» и, очевидно, должны были быть включены в ч. 9 или ч. 10 нового издания. Причем они не просто тематически завершали «Письма русского офицера», но по стилю и структуре повествования были однотипны со всеми походно-путевыми текстами этого произведения Ф. Глинки. Он вообще подчеркивал единый характер своих «Писем», будь то описания кампании 1805 г. или заграничных походов, сокрушивших наполеоновское господство, отмечая, что их части надо воспринимать «непременно в общей связи с первым и последним» и что «все сие» составляет «одно целое» (ч. 2, с. 6, 10).

Уточнив итinerary Ф. Глинки в годы войн с Наполеоном и историю прижизненных публикаций «Писем», мы можем теперь установить примерно время его работы над текстом частей 4—8 отдельного издания 1815—1816 гг., посвященных кампани-

¹⁸ *Ченцов Н. М.* Восстание декабристов: Библиография. М.; Л., 1929, № 1932; Движение декабристов: Указатель литературы. 1828—1959. М., 1960, № 1499.

¹⁹ *Сын Отечества*, 1815, № 41—44.

²⁰ Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1829 год. СПб., 1829, с. 217—230; Подснежник. СПб., 1829, с. 1—16; *Вацуро В. Э.* Указ. соч., с. 163.

ям 1812—1814 гг. О начальной дате позволяет судить публикация в летних книжках «Русского вестника» за 1814 г. присланного Ф. Глинкой из Франции фрагмента «Писем» с описанием войны 1812 г. и первой половины кампании 1813 г. К его составлению Глинка приступил, скорее всего, еще в конце 1813—начале 1814 г., после того как первый раз вернулся из-за границы на родину, ибо никак нельзя предположить, чтобы он успел составить такой обширный текст только за время своего путешествия во Францию весной 1814 г.

В период же годичной передышки между походами — с середины 1814 г. до лета 1815 г. — Глинка переработал ранее составленную редакцию описания кампаний 1812—1813 гг. (ч. 4 и половину ч. 5) и закончил подготовку остального текста «Писем» о кампаниях 1813—1814 гг. (вторую половину ч. 5, ч. 6—8). 12 июня 1815 г., сообщая Михайловскому-Данилевскому о предстоявшем выступлении гвардии и жалуясь на недостаток времени для литературных занятий, Глинка отметил, что все же «среди всех недосугов я уловил несколько времени, чтоб привести в порядок полевые записки мои. 8 частей «Писем русского офицера» уже печатаются, 5 книг, только что вышедших из-под прессы, посылаю вам»²¹.

Одним из наименее исследованных является вопрос о жанровой принадлежности и происхождении текста «Писем русского офицера». По этому поводу высказывались самые различные точки зрения. Произведение Ф. Глинки причислялось то к «особому жанру» — корреспонденциям с места боевых действий²², то к «военно-бытовым очеркам»²³, то к письмам, написанным во время походов и путешествий и имеющим реальный адресат²⁴, то к дневникам²⁵, то, наконец, к мемуарной литературе об эпохе 1812 г. При этом «Письма» рассматривались как «ранние из мемуаров», посвященных данной эпохе, и в одном ряду с такими действительно мемуарно-историческими сочинениями, как «Записки» о Петербургском ополчении В. И. Штейнгеля, «Записки о походе 1812 и 1813 годов» В. С. Норова и «Очерки Бородинского сражения» самого Ф. Глинки²⁶.

Отчасти эти разногласия объясняются сложным составом самого памятника, однако что касается мнения об его чисто

²¹ Учен. зап. Вильнюсского гос. ун-та. Сер. общ. наук, 1954, т. 1, вып. 4, с. 162—164.

²² Базанов В. Поэтическое наследие Ф. Глинки. — В кн.: Глинка Ф. Избранное. Петрозаводск, 1949, с. 362.

²³ Русские очерки. М., 1956, ч. 1, с. 622.

²⁴ Русский вестник, 1870, № 4, с. 687—688.

²⁵ Костин В. Перерастание идеи национальной свободы в политическую в «Письмах русского офицера» Ф. Глинки. — В кн.: Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1971, с. 121—122; История романтизма в русской литературе (1790—1825). М., 1979, с. 292.

²⁶ Дурылин С. Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 г. М., 1943 с. 34; История русской литературы. М.; Л., 1953, т. 6, с. 510; Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958, с. 422.

мемуарной природе, то оно возникло, видимо, из недостаточного знакомства с текстом «Писем».

Достаточно признанным является положение о том, что мемуары — это повествования о реально бывшей действительности, основанные на индивидуальном опыте и личной осведомленности автора. Отсюда же вытекают такие типологически отличительные признаки мемуаров, как ретроспективный характер воссоздания действительности и память как специфическое средство ее отражения. Именно в этом — «в познавательном качестве» мемуаров, «в принципе отражения, преломления... действительности» — и «состоит проблема» их жанра, «если не понимать жанр формально»²⁷.

Просматривая с данной точки зрения «Письма русского офицера», текстов с этими признаками мы не находим. Здесь присутствуют описания путешествий со сведениями о природе, хозяйстве, этнографии, обычаях, художественно-исторических достопримечательностях стран, через которые проезжал автор, нравоописательные очерки, биографии, «анекдоты» — краткие, острофабульные рассказы о тех или иных происшествиях. «Письма» вмещают в себя и философско-моралистические размышления, аллегорические иносказания, лирические описания с сентименталистской окраской, куски исполненной высокого красноречия ораторской прозы, стихотворения на патриотические темы, военно-теоретические трактаты, критические заметки на труды французских военных писателей и, наконец, исторические очерки военных действий, как, скажем, «Выписки, служащие объяснением прежним описаниям 1812 года» — обзор важнейших событий Отечественной войны, составляющий добрую половину ч. 5 «Писем», или в ч. 7 — «Картина военных действий от перехода союзников через Рейн до взятия Парижа». В ходе изложения отдельные эпизоды и детали Ф. Глинка, возможно, восстанавливал и по памяти или по рассказам других лиц. Но во всем этом многообразии жанров, типичных для художественно-публицистической и журнально-деловой письменности той эпохи, нет ни одного мемуарного повествования в строгом смысле слова — ретроспективного по взгляду на вещи и построенного преимущественно на личностно-памятной основе. Зато столь, казалось бы, разнородный материал прочно объединен походно-путевыми записями — источником по своему генезису уже не ретроспективного, а синхронного способа отображения действительности. Эти записи чаще всего датированы, привязаны к определенным географическим пунктам и облечены в форму писем к некоему «другу» автора, с которым он широко и непринужденно делится своими наблюдениями, впечатлениями, переживаниями. Походно-путевые записи составляют не только количественно преобладающую часть, но и главный сюжетный стержень всего повествования.

²⁷ Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1971, с. 259.

Восходят же они к подлинным дневниковым заметкам, веденым еще в период войн и путешествий. На это указывают и характерная для поденных записей интонация, прорывающаяся нередко в тексте «Писем», и чисто дневниковые «проговорки» автора, когда, например, в день данной записи он не знает, что должно произойти завтра или только догадывается об этом, и включение в «Письма» целых разделов, озаглавленных «Дорожные записки», «Дорожный дневник» (ч. 4, с. 232—240; ч. 6, с. 7—86), — остатков первичных дневниковых записей, схватывающих в прерывисто-лаконичной форме лишь внешнее течение событий. Напомним здесь, что «Дневными записками» озаглавлен и один из завершающих текстов «Писем», напечатанный в октябрьских книжках «Сына Отечества» в 1815 г. Михайловский-Данилевский, хорошо знавший, как создавались «Письма», называл походно-путевую их часть «журналом»²⁸, а в общественно-бытовой лексике того времени этим термином обозначались именно дневники, поденные записи. И Глинка решительно подчеркивал, что «Письма русского офицера» писаны «урывками, где и как случалось: в разоренных избах, у дымных полевых огней»²⁹, «почти в самом пылу сражений» (ч. 1, с. 225; ч. 8, с. 255—256). Правда, при слишком буквальном понимании этих слов можно было бы подумать, что «урывками», «в пылу сражений» писался именно напечатанный текст «Писем». Но в заключении Ф. Глинка уточнил свой взгляд на происхождение их текста. «Еще раз осмеливаемся напомнить почтенным читателям, что записки, служащие основанием книги сей, составляемы были среди всех ужасов войны, часто под открытым небом... после проведенного в трудах и сражении дня» (ч. 8, с. 258).

Итак, в основе «Писем русского офицера» лежит современными событиями дневник, определяющий собой их жанровую структуру и ту целостность, о которой писал и сам автор. Но из сказанного вовсе не следует, что «Письма» — это дневник в его первоизданном состоянии, что, печатая их, Ф. Глинка чуть ли не механически воспроизвел свои походные заметки. А как раз так «Письма русского офицера» воспринимались их первыми читателями и критиками³⁰. Даже И. А. Крылов хвалил Ф. Глинку за то, что он «как фронтовой офицер» сохранил в «Письмах» «более или менее удачный отпечаток того, что и как виделось, мыслилось и чувствовалось в тот приснопамятный XII-й год, когда вся Россия, вздрогнув, встала на ноги»³¹. Еще более характерны в этом плане рассуждения автора одной из современных рецензий. Отметив у Ф. Глинки некоторые шероховатости, длинноты, плохо звучащие фразы, он тем не менее считал, что не стоит

²⁸ Отечественные записки, 1821, № 12, с. 68—69.

²⁹ Русский вестник, 1814, № 8, с. 122.

³⁰ См., например: Русский вестник, 1818, № 19, с. 137; Сын Отечества, 1822, № 17, с. 137.

³¹ Письма русского офицера, с. III.

«требовать» профессорской отделки от сочинителя, который принужден был писать, как удавалось в походах, на биваках, на барабане, лишая себя сна после трудных должностных занятий. Скажут: можно было выправить на досуге. Правда, но строка, написанная посреди бури и тревог, имеет какую-то неизъяснимую прелесть для сочинителя»³².

Впоследствии этот взгляд закрепился и в историографии³³. Определеннее всего его выразил В. Базанов: «Глинка напечатал «Письма русского офицера» в таком виде, в каком они были написаны во время войны и заграничного путешествия»³⁴. В подтверждение В. Базанов сослался на позднейшее воспоминание Ф. Глинки, где он рассказывал, как при обсуждении в 1817 г. в кругу друзей-литераторов задуманного нового издания «Писем» И. Крылов предостерег автора от «притачиваний нового к старому», от «подделок», «вставок» и т. д., Ф. Глинка же, переиздавая «Письма» в 1870 г., в точности последовал совету баснописца³⁵. Однако в процитированных припоминаниях Ф. Глинки речь шла об оставлении нетронутым в новом издании *уже напечатанного в 1815—1816 гг. текста «Писем»*, а отнюдь не о том, чтобы не подвергать каким-либо изменениям возникшие еще в период походов и путешествий дневниковые записи, а это, как увидим далее, совсем не одно и то же.

Что «Письма русского офицера» не первичный дневник и уж тем более не письма, отправленные с места событий какому-то реальному лицу, позволяют судить сплошь и рядом встречающиеся в них хронологические несообразности и очевидные анахронизмы, совершенно не мыслимые в подлинном дневниковом или эпистолярном тексте. Так, в записи за 7 июля 1812 г. говорится о предложении смоленского предводителя дворянства С. И. Лесли вооружить 20 тыс. крестьян и об одобрении Александром I этой инициативы (ч. 4, с. 18). В действительности согласие царя было дано только 9 июля, когда, направляясь из армии в Москву, он прибыл на один день в Смоленск: в устной форме — на приеме дворян в своей резиденции и официально — в письменном повелении на имя С. И. Лесли³⁶. 7 июля Ф. Глинка об этом знать ничего не мог³⁷. В записи за 18 июля он пишет

³² Сын Отечества, 1815, № 24, с. 184.

³³ См., например: *Познанский В.* Очерки истории русской культуры первой половины XIX в. М., 1971, с. 65; *Кулешов В. И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. (первая половина). 2-е изд. М., 1977, с. 105.

³⁴ *Базанов В.* Очерки декабристской литературы, с. 80—81 (курсив мой.—А. Т.).

³⁵ Письма русского офицера, с. III—IV.

³⁶ *Вороновский В. М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1812, с. 68, 241—242.

³⁷ Вызывает недоумение и место записи за 7 июля в контексте ч. 4 «Писем». Она находится между записями за 16 и 18 июля, т. е. явно нарушена хронология походных записок. Характерно, что и в двух других авторизованных публикациях ч. 4 (Русский вестник, 1814, № 6, с. 18—19; Письма русского офицера. М., 1870) воспроизведено точно такое расположение записей. Но во французском издании она датирована 17 июля (Письма русского офи-

о соединении двух русских армий у Смоленска, как об уже совершившемся событии (ч. 4, с. 20), хотя оно произошло лишь 21—22 июля. В записи за 19 июля идет речь о выступлении русских войск от Смоленска к Рудне (ч. 4, с. 30), что на самом деле имело место 26 июля. В записи 20 августа сказано: «Говорят, что в последний раз, когда Светлейший осматривал полки, орел явился в воздухе и парил над ним. Князь обнажил сединами украшенную голову: все войско прокричало Ура! В сей же день Главнокомандующий приказал служить во всех полках молебны Смоленской Божией матери» (ч. 4, с. 53—54). Но описанный здесь случай относится не к моменту приезда Кутузова к войскам в Царево Займище (его-то только и мог иметь в виду Глинка в записи от 20 августа), а к кануну Бородинского сражения — к 25 августа. Именно в этот день, при осмотре позиции, Кутузов, как точно устанавливается из свидетельств очевидцев — воспоминаний его ординарца А. Б. Голицына и письма сотрудника дипломатической канцелярии русского штаба И. О. Анштетта к К. В. Нессельроде от 26 августа 1812 г., — и распорядился служить молебен, а «исполинский орел парил над ним»³⁸.

Конечно, на расхождении между упомянутыми событиями и их датами в «Письмах» могла отразиться нерегулярность ведения Глинкой дневника, в котором не всегда проставлялись даты и образовавшиеся пропуски автору пришлось позднее восполнять по памяти. Но, скорее всего, эти расхождения следует объяснить перестройкой материала дневника в соответствии с публицистическими и повествовательно-эстетическими задачами, стоявшими перед автором при подготовке к изданию «Писем русского офицера».

Как бы то ни было, но налицо явные приметы позднейшей работы Глинки над текстом дневника. Известный историк прошлого века А. Н. Попов был прав, когда по поводу одной из допущенных в «Письмах» хронологической ошибки заметил в указанном выше сочинении (с. 181): «Но разве эти письма, в том виде, как появились в печати, написаны именно в те числа, которые на них обозначены, и не составлены после на основании кратких современных заметок? Разве эти слова не могли быть прибавлены впоследствии?».

Факт последующего обращения к дневнику засвидетельствован и авторскими признаниями. О том, что «полевые записки свои в некоторый порядок приводил», Глинка сообщил в заключении к «Письмам» (ч. 8, с. 258), о том же летом 1815 г. он писал и Михайловскому-Данилевскому, а задержку с подготовкой ч. 9 и ч. 10 «Писем» мотивировал и тем, что «не успел еще при-

цера о военных происшествиях 1812 года..., с. 44, 46). Как будто бы все становится на место. Но если принять эту датировку (допустив, что первоначальная дата была результатом опечатки, не распознанной автором), то тогда останется необъяснимым все содержание записи, тесно привязанное к событиям не позднее первой декады июля.

³⁸ Попов А. Н. Москва в 1812 г. М., 1875, с. 180—181.

вести в надлежащий порядок часть своих походных записок», которая непременно должна быть еще «обработана» (ч. 8, с. 258, 265).

О направлении, в каком велась эта «обработка», видно из упомянутой выше публикации ч. 4 «Писем» в 1814 г. на страницах «Русского вестника». Она имеет, как уже указывалось, существенные разночтения с изданием 1815—1816 гг., и их совокупность фиксирует промежуточную стадию преобразования первичного дневникового материала в законченный текст «Писем русского офицера», — законченный, понятно, в той мере, в какой сам автор полагал возможным выпустить их в свет в виде многотомного издания. Обоснование этого наблюдения требует развернутых текстологических аргументов. Здесь же отметим только, что публикация в «Русском вестнике» по содержанию и структуре текста значительно ближе к дневнику, нежели издание 1815—1816 гг.: в ней сохранены, в частности, еще многие, несомненно почерпнутые из поденных записей или подсказанные лаконичными заметками из дневника реалии боевой жизни и походного быта, сведения о братьях автора и его друзьях, штабных и армейских офицерах — в окончательном тексте «Писем» все это отсутствует³⁹.

Вместе с тем большинство внесенных сюда добавлений (в том числе и новые датированные записи) явно не дневникового происхождения; по своему объему и тональности они не могли быть написаны в ходе событий и сложились много позднее: взволнованные историко-публицистические рассуждения, иногда даже со ссылками на летописи и другие исторические документы, военно-политические характеристики сражений, хода народной войны, действий командования, пространственные описания памятников культуры европейских стран и т. д.⁴⁰

Конечно, наиболее доказательно судить о характере и степени преобразования дневниковых записей в «Письма русского офицера» можно было бы при сличении всех предшествовавших им авторских рукописей и прежде всего дневниковых с законченным текстом памятника. Но такой возможностью мы не располагаем, и это связано с далеко еще не выясненной в литературе судьбой архивных бумаг Ф. Глинки, которые после его смерти в 1880 г. в Твери были, видимо, в изрядной мере рассеяны. Известно только, что в начале XX в. какая-то их часть поступила в Тверскую ученую архивную комиссию⁴¹, потом оказалась в Государственном архиве Калининской области, а спустя уже

³⁹ Ср.: Русский вестник, 1814, № 6, с. 37, 51, 76—81; № 7, с. 12; № 8, с. 75—76, 95—96, 121—122 и текст «Писем» по изданию 1815—1816 гг.: ч. 4, с. 41, 73, 104, 154; ч. 5, с. 109, 128, 155.

⁴⁰ Ср.: Русский вестник, 1814, № 6, с. 29, 51, 60, 70, 101; № 7, с. 109; № 8, с. 27, 31, 64, 102 и текст «Писем» по изданию 1815—1816 гг.: ч. 4, с. 30—32, 55—73, 82—84, 94—97, 123, 244—246; ч. 5, с. 27—59, 64—65, 96—98, 134—138.

⁴¹ Журнал 104 публичного заседания Тверской учебной архивной комиссии. 20 апреля 1908 г. Тверь, 1908.

долгое время — в ЦГАЛИ, где наряду с другими остатками архива Ф. Глинки, переданными сюда из различных государственных и частных собраний, составила самостоятельный фонд⁴².

Выше мы приводили слова Ф. Глинки из заключения к «Письмам русского офицера» (ч. 8, с. 265) о наличии у него массива рукописей дневников военных походов и путешествий. Но в указанном фонде находятся только три записные книжки за 1814 и 1815 гг.⁴³ (если не считать краткой карандашной заметки в одной из книжек о Бородинском сражении)⁴⁴. Аналогичных же записных книжек за весь остальной период военно-походной жизни Ф. Глинки, начиная с 1805 г. и включая кампании 1812—1813 гг., здесь мы не находим, — скорее всего, они утрачены⁴⁵. В большинстве своем тексты этих книжек, хотя и сохраняют аналитическую структуру, представляют собой не поденные записи, а всякого рода наброски, заготовки, перечни тем, подлежащих дальнейшей разработке, планы для более связных описаний и даже отрывки из них самих — плод последующего обдумывания ранее полученных впечатлений от посещений Франции в 1814 г. Причем эти описания ведутся зачастую в прошедшем времени и им уже придана форма обращения к некоему анонимному адресату.

И только часть одной книжки⁴⁶, кстати заметно отличающаяся и по палеографическим признакам (цвет чернил, характер почерка и т. д.), содержит записи совсем иной, первичной фиксации событий, строго выдержанные в настоящем времени и свободные от каких-либо позднейших наслоений.

Эти единственные дошедшие до нас изначально дневниковые тексты «Писем русского офицера» охватывают их завершающую часть — поход Ф. Глинки с гвардией в Вильну и возвращение в Петербург в августе 1815 г. В окончательном тексте «Писем» тот же самый период освещен, как мы помним, «Дневными записками русского офицера», напечатанными в октябре 1815 г. в «Сыне Отечества».

Сопоставление этих уникальных записей с журнальной публикацией помогает лучше понять глубину различий между первичным дневником и окончательной редакцией «Писем русского офицера». Ограничимся одним весьма типичным примером в пределах нескольких строк из записной книжки и соответствующего текста журнальной публикации.

⁴² ЦГАЛИ, ф. 141. Сопроводительная справка к описи фонда.

⁴³ Там же, д. 17—19. Записные книжки карманного формата в сафьяновых переплетах с замком и с подклеенными к форзацам типографски отпечатанными справочными таблицами дорожных маршрутов и денежных курсов. Записи делались чернилами и карандашом разновременно с обеих сторон книжки, некоторые листы остались незаполненными.

⁴⁴ Там же, д. 19, л. 5 об. — 8 об.

⁴⁵ Нет их и в других, более мелких фондах Ф. Глинки: ОР ГПБ, ф. 192; Архив ЛОИИ СССР, Коллекция рукописных книг (к. 115).

⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 141, д. 19, л. 14 об. — 28.

Записная книжка (ЦГАЛИ, ф. 141, д. 19, л. 15):

«Рига. Приезд в Ригу (Митавская дорога вся наводнена: лужи как озера). Обед у маркиза. Подвиги Г. Котляревского; образ войны в Персии. Куз. Вас. Васильев. Клуб Ресурс: человек живого характера сошел бы там с ума от скуки. Ник. Львов. Нефедов».

Публикация (Сын Отечества, 1815, № 42, с. 123—124):

«Рига (поздно к вечеру). Я расстался с любезным спутником моим И. М. Б. в Митаве, и едва дотащился или, лучше сказать, доплыл по наводненной от проливных дождей дороге до Риги. Час за полночь; усталость валит с ног; сон смыкает глаза; едва могу писать на листе: кто я, откуда, зачем и надолго приехал? Это здешний порядок. Днем посмотрю на город, теперь прощай!

Рига. Я был на должности у коменданта и военного губернатора М. Паулуччи. Последний весьма благосклонно пригласил меня к столу. Из разговора за столом имел я случай увидеть остроу и приятность его ума. Тут же встретился я с знакомым мне адъютантом его Кот...вским, и к большому удовлетворению выпросил у него некоторые любопытные бумаги, объясняющие отчасти службу и подвиги почтенного брата его, который в самое непродолжительное время дослужился до генерал-лейтенантского чина и получил важнейшее из воинских отличий, орден Георгия 2-го класса в войне с Персией. Имя его славится на берегах древнего Аракса, повторяется в вертепах и на высотах Кавказских гор и уважается в самой столице Персии.

Я отыскал давнишнего здешнего жителя К. В. В...ва, с которым недавно познакомился в Москве. Он вызвался показать мне что полюбопытнее в городе и прежде всего повел в вечернее Немецкое собрание, или Клуб, называемый Ресурс: под этим можно разуместь приют, пристанище или, лучше сказать, убежище. Это убежище от хлопот, сует и больше всего от шуму. В самом деле, тут такая тишина, такое единообразие и такая точная определенность в разговорах и поступках, что порядок, установленный условными законами сего общества, можно сравнить только с ходом самых верных часов. Что видишь сего дня, то увидишь завтра и через год: ветреный француз умер бы от скуки, а степенные немцы наслаждаются...* Я встретился тут с земляком моим, почтенным смоленским дворянином Н. Л. Неф...
...вым...»

Как видим, «приведение в порядок» путевого дневника не свелось у Ф. Глинки лишь к чисто технической стороне дела — к уточнению временных координат упоминаемых обстоятельств и встреч, расшифровке инициалов (или, наоборот, зашифровке и сокращению имен и фамилий), редакционным поправкам и т. д. В данном случае ситуация принципиально иная. Отрывочно-конспективные, сделанные наспех, «безглагольные» заметки,

* Отточие в тексте.

как бы «зарубки» для памяти всего в три—четыре фразы разворачиваются в тематически стройное и литературно отделанное повествование почти на трех страницах журнального формата, последовательно излагающее увиденное автором, обрастающее живыми подробностями, образными сравнениями, историческими экскурсами и заново написанными эпизодами, никак не отмеченными в дневниковой записи. Чрезвычайно показательно, что в этой записи, как, впрочем, и во всех текстах записной книжки, отсутствует и обращение к «другу», но в соответствующих местах журнальной публикации подобного рода обращения появляются: «Днем посмотрю на город, теперь прощай!» С такими же обращениями мы неоднократно сталкиваемся в текстах журнальной публикации, например Ф. Глинка адресуется к воображаемому «другу»-собеседнику: «Но хочешь ли, чтобы я рассказал тебе что-нибудь очень дельное? Изволь...», «хочешь ли узнать тогдашний порядок внутренних дел?... Я выпишу тебе, как упомянул, некоторые статьи» и т. д. Но в соответствующих местах записной книжки этого рода обращений нет⁴⁷, как, впрочем, нет их и ни в одной из других записей первичного дневника. Тем самым текстуально доказывается отсутствие в нем формул, свойственных частной переписке или имитирующих ее. Заметим, что еще во вступлении к ч. 1 своей книги (с. 2) Глинка извещал «друга», что ведённый в походе и путешествиях «журнал» посылает ему «в виде писем», т. е. дал понять, что дневниковый материал облечен им в эпистолярную форму. Таким образом, эпистолярная манера была привнесена в «Письма русского офицера» как условный литературный прием лишь при оформлении их текста в художественно-публицистическое произведение.

С. С. Дмитриев, впервые в нашей литературе указавший на дневник как изначальную основу «Писем» Глинка и на последующее его преобразование в модную тогда эпистолярную форму, писал, что эта форма «лишь внешне преобразила подлинные дневниковые заметки автора»⁴⁸. Но уже приведенные выше сопоставления достаточно наглядно свидетельствуют, что обращение к дневнику изменило его первоначальный текст самым существенным образом.

Поскольку рассмотренные выше тексты завершающей части «Писем» составляют нечто единое с остальными его частями, наши текстологические наблюдения выходят за пределы частного случая и с известной долей вероятности могут быть распространены на «Письма русского офицера» в целом. Позволяя проникнуть во внутренний процесс рождения памятника, они проливают свет на общие приемы работы над ним Ф. Глинка. Подтверждением этому служит еще одно соображение. Ведь приве-

⁴⁷ Сын Отечества, 1815, № 42, с. 131—134; ср. ЦГАЛИ, ф. 141, д. 19, л. 16, 17.

⁴⁸ Дмитриев С. С. Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в.— В кн.: Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М., 1970, с. 350—351.

денный выше текст журнальной публикации о пребывании автора в Риге в августе 1815 г. отстоит от своего дневникового «протографа» всего лишь на месяц. Но если при таком ничтожном разрыве во времени этот последний претерпел столь радикальные изменения, то каким же преобразованиям должны были подвергнуться походные дневники за 1811—1813 гг., отдаленные от момента их обработки Ф. Глинкой гораздо большим периодом и образующие основной массив «Писем русского офицера»?

В свете сказанного становится особенно ясным, сколь неверно представление о том, что Глинка напечатал их «в таком виде, в каком они были написаны во время войны и заграничного путешествия», и укоренившееся под влиянием этого взгляда истолкование любой датированной записи «Писем» как синхронной описываемым событиям, как живого и непосредственного отклика на них. Сошлемся в этой связи только на два примера.

Некоторые авторы, цитируя замечательные по патриотическому воодушевлению и политической зоркости размышления Глинки в записях за 7, 19 июля, 8 и 17 августа 1812 г. о пробуждении «духа народного», о вооруженной самодеятельности крестьян, готовых беззаветно сражаться за родину («народ просит воли, чтобы не потерять вольности»), и боязни правительства развязать массовую партизанскую войну, считают, что все они были высказаны автором «уже в ходе Отечественной войны» и «в первые же дни наполеоновского вторжения», что «Ф. Н. Глинка был первым в России, который совершенно ясно сформулировал» «мысль о народной войне»⁴⁹. Но по самому складу этих текстов не меньше оснований полагать их плодом позднейшего осмысления Глинкой опыта войны 1812 г.—уже в непосредственно преддекабристскую пору. Это тем более очевидно, что некоторых из указанных выше публицистических размышлений нет в ранней редакции ч. 4 «Писем», напечатанной летом 1814 г. в «Русском вестнике» и датируемой, естественно, не позднее этого времени. Значит, они были внесены в окончательный текст, видимо, уже в 1815 г.⁵⁰

Имея в виду восторженную оценку личности и оправдание отступательной стратегии М. Б. Барклая-де-Толли в записи за 16 августа 1812 г., где он назван «необыкновенным человеком», «вождем сил Российских», исполненным величия и «твердости духа», поставлен в один ряд с Колумбом, героями античности и т. д., другой историк без колебаний относит данную запись, занимающую, кстати, более трех страниц печатного текста, к тому дню, которым она помечена,—все это Глинка «тогда же с

⁴⁹ Русский вестник, 1870, № 4, с. 688; Прокофьев Е. А. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953, с. 195—196; Волк С. С. Указ. соч., с. 429.

⁵⁰ Ср.: Русский вестник, 1814, № 6, с. 29, 34 и текст «Писем» по изданию 1815—1816 гг., ч. 4, с. 30—32, 37—38.

восхищением писал»⁵¹. Более чем сомнительно, однако, чтобы эта апология попала в походный дневник Глинки «тогда же», т. е. в момент самых резких, оскорбительно-непримиримых и, главное, повсеместных нападков на Барклая, фактически уже смещенного с поста Главнокомандующего 1-й армией. Это решительно противоречит всем известным до сих пор свидетельствам источников о настроениях, царивших в середине августа 1812 г. в войсках, в Главной квартире и близких к ней офицерских кругах. Но вполне вероятно, что эта апологетическая запись могла быть сделана полтора-два года спустя, когда возвращенный в армию Барклай крупными полководческими успехами в заграничных кампаниях был реабилитирован в общественном мнении и провозглашен героем войны. Скорее всего данную запись следует трактовать как позднейшую интерполяцию, привнесенную в текст «Писем» при подготовке их к печати.

Итак, даже датированные записи «Писем русского офицера» никак нельзя воспринимать как протокольную регистрацию событий, это — сложный по составу, хронологически многослойный памятник, и источниковедчески неправомерное его использование ведет к смешению реальной исторической перспективы, к искаженному пониманию хода развития общественных умонастроений и военно-политических обстоятельств той эпохи.

В заключение уточним источниковедческую характеристику «Писем русского офицера». Все сказанное, думается, дает основание квалифицировать их как *ретроспективно обработанный дневник* — особую разновидность повествовательных источников, промежуточное жанровое образование, получившее в ту эпоху заметное распространение, но в этой своей специфичности не всегда учитываемое в научной литературе.

Настоящее время поденных записей, возникших, как правило, в периоды путешествий и боевых походов, более или менее последовательно заменялось прошедшим, дневниковые записи группировались часто по тематическому признаку, что нарушало их первоначальные смысловые и хронологические сцепления, и в пределах датированных текстов создавались, таким образом, довольно связанные описания тех или иных событий. Они рассматривались авторами как вполне завершенные, имеющие самостоятельную познавательно-публицистическую ценность произведений и в таком виде предназначались для печати.

С типологической точки зрения эти произведения, совмещающие в себе черты дневника и мемуаров, не являются в то же время ни тем, ни другим в чистом виде. С дневниками они сходны дискретно-анналистическими записями, но это уже не дневник в первозданном виде, ибо слой синхронно запечатленной информации поглощен и искажен позднейшей переработкой. С мему-

⁵¹ Кока Г. Пушкин о полководцах двенадцатого года. — В кн.: Прометей. М., 1969, т. 7, с. 18.

арами их сближает ретроспективный угол зрения, но разделяет то, что повествование строится не посредством памяти, а путем препарирования зафиксированных еще в ходе событий записей, которые и обуславливают его структуру.

Именно по такому принципу построены, например, изданные в Москве в 1820 г. «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова (о кампаниях 1813—1814 гг.). ближе всего стоящие из произведений этого рода к «Письмам» Глинки и по времени создания, и по предмету повествования, и даже по идейному звучанию. Типологически сходны с ним и всякого рода офицерские «походные записки», в большом числе выходившие в России из-под пера участников войн последующих десятилетий и составившие целое направление в русской военной литературе XIX в.

По тому же принципу построены, наконец, и весьма популярные в первой трети века «путешествия» сентименталистского толка, имевшие в своей основе «путевой журнал» и облеченные, как и «Письма» Глинки, в эпистолярную форму⁵². Да и исходное произведение этого жанрового ряда — «Письма русского путешественника» Карамзина — зиждилось на той же источниковой первооснове ретроспективно обработанного путевого дневника⁵³. Эпистолярная оболочка, равно как и вообще яркое литературно-публицистическое обрамление этих произведений, несколько затушевывали их первоисточники, что, однако, не может изменить данной им выше квалификации.

⁵² *Ивашина Е. С.* О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. — Вестн. МГУ. Сер. филол., IX, 1979, № 3, с. 6—7.

⁵³ *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин — автор «Писем русского путешественника» СПб., 1899, с. 148—150, 154—158.

**ДОКУМЕНТЫ Н. П. ПАНИНА
О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ
РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В НАЧАЛЕ XIX В.**

Б. В. Арсеньев

Важным источником изучения истории европейского курса внешней политики России в 1801 г. служат документы, относящиеся к записке фактического руководителя Коллегии иностранных дел Н. П. Панина о внешнеполитической системе русского правительства. Впервые опубликованные в конце прошлого века А. К. Брикнером¹, они использовались советскими историками для характеристики взглядов той части правящих кругов России, которая выступала за тесный союз с Англией для противодействия военно-политической экспансии консульской Франции и борьбы с революционным влиянием в Европе². Вместе с тем, как справедливо отмечалось в исторической литературе³, политическая программа Панина и его роль в дипломатии Петербурга изучены слабо, что делает общую картину выработки русского внешнеполитического курса в 1801 г. неполной. На наш взгляд, специальный анализ источников может способствовать решению вопроса.

Сохранились лишь отрывочные свидетельства о работе по составлению программной записки. Она началась по приказу Александра I, видимо, в 20-х числах марта 1801 г., сразу по вступлении Панина в должность⁴. В письме В. П. Кочубея С. Р. Воронцову от 12 мая находим следующее известие: «Граф Панин мне сказал, что составили план для нашей политической системы»⁵.

¹ Брикнер А. К. Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина (1770—1837) (далее: Материалы Панина). СПб., 1892, т. 6, с. 17—28.

² Вербицкий Э. Д. Первое соглашение дворянской России и буржуазной Франции.— Учен. зап. Кншинев. ун-та, 1963, т. 65, с. 73—74; Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807) М., 1962, с. 177, 190, 194, 201; Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966, с. 15—17.

³ Станиславская А. М. Указ. соч., с. 176.

⁴ С ее началом Брикнер связывает сообщение в письме Панина жене от 22 марта 1801 г. о получении им от императора «чрезвычайной важности» поручения (Материалы Панина, т. 6, с. 16; Русский архив, 1874, № 12, ч. 1, с. 720). О том, что записка составлялась по приказу Александра I, свидетельствует письмо Панина императору (Материалы Панина, т. 6, с. 386—390) и С. Р. Воронцову (Архив князя Воронцова. В 40 кн. М., 1870—1895, кн. 11, с. 136—144).

⁵ Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 239.

16 июля Панин писал Воронцову об окончании составления и ближайшем представлении записки императору⁶. О том же говорится и во включенной в письмо копии послания Панина Александру I⁷. Следовательно, к 16 июля записка была закончена и, видимо, тогда же представлена Александру.

Таким образом, работа над программной запиской длилась почти четыре месяца, в течение которых неизбежно должны были появиться различные подготовительные материалы, варианты, редакции. Следует выяснить, какое же место в этом ряду документов занимают те, которые были опубликованы и послужили источниками для исследований.

А. Брикнер воспроизвел в своей публикации два документа под авторскими заголовками «О политической системе Российской империи» и «О политической системе России», отметив их связанность между собой авторством, единством содержания и временем написания⁸. Видимо, по этой причине в сборнике «Внешняя политика России XIX и начала XX века» они были перепечатаны под единым редакционным заголовком⁹.

Обратимся к оригиналу первого документа, выявленному в фонде Паниных в ЦГАДА¹⁰. Он представляет собой написанный собственноручно Паниным черновой вариант записки и заканчивается на 17-й странице, причем последнее слово написано под строкой, что означает перенос текста на оборотную сторону листа, которая, как и последующие листы, не заполнена. Оригинал второго опубликованного документа пока не обнаружен. Мы видим, что первый документ не составлял единого физического комплекса со вторым. Отметим также различия в содержащихся в документах оценках: если в первом из них Панин говорит о полном совпадении интересов России и Англии и исключительной роли последней в поддержании безопасности Европы, то во втором читаем нечто иное: «Опасности, грозящие Европе, имеют три различные причины: деспотизм и честолюбие Франции, честолюбие Англии, распространение революционного духа»¹¹. Можно предположить, что перед нами два документа,

⁶ Там же, кн. 11, с. 144—146.

⁷ Там же, с. 143. Список послания, датированный 13 июля, был обнаружен Брикнером в панинском архиве (Материалы Панина, т. 6, с. 386—390). 15 июля послание обсуждалось на заседании Негласного комитета, члены которого получили его накануне. См.: *Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817): Историческое исследование эпохи императора Александра I*. СПб., 1903, т. 2, с. 80.

⁸ Материалы Панина, т. 6, с. 25.

⁹ Записка присутствующего в Коллегии иностранных дел Н. П. Панина о политической системе Российской империи (Внешняя политика России XIX и начала XX века: Материалы российского Министерства иностранных дел (далее: ВПР), сер. 1. М., 1960, т. 1, с. 62—72).

¹⁰ Центральный государственный архив древних актов (далее: ЦГАДА), ф. 1274 (Паниных), оп. 1, д. 477.

¹¹ Здесь и далее записка Панина цитируется по переводу с французского в ВПР. В цитатах из остальных документов дается перевод автора.

отражающие разные этапы работы над запиской. В этом случае открывается заманчивая возможность проследить эволюцию взглядов Панина. Главный вопрос состоит в точной датировке каждого документа.

Второй документ («О политической системе России») представляется более ранним¹². Его форма — конспективный план будущей записки и комментарии к нему, — говорит за то, что перед нами подготовительный материал, отражающий один из начальных этапов работы над внешнеполитической программой. Наиболее важным ориентиром для его датировки служит сообщение о русско-французских переговорах по поводу заключения мирного договора и секретной конвенции. Панин писал: «Тот, кто ведет эти переговоры, неспособен и должен быть заменен»¹³. Безусловно, речь шла о С. А. Колычеве, русском уполномоченном в Париже, действия и сама личность которого раздражали Панина¹⁴. Вопрос о его замене решился в апреле 1801 г. 18 апреля Панин писал А. П. Палену, что пост посланника в Париже был предложен В. П. Кочубею, но поскольку тот отказался, он (Панин) предложил А. И. Моркова и получил одобрение императора¹⁵. Кочубей коснулся этого эпизода в письме к С. Р. Воронцову: «Он (Александр I.— Б. А.) предложил мне ехать в Париж, но я отклонил миссию..., е. и. в-во... назначил в тот же день графа Моркова»¹⁶. 20 апреля Панин информировал Палена о назначении Моркова и его близком отъезде в Париж¹⁷. Как видим, вопрос был решен уже к 18 апреля в соответствии с предложениями Панина¹⁸. Анализ других источников показывает, что до отъезда Моркова в Париж в июле 1801 г. вопрос не пересматривался и поэтому Панину не нужно было отстаивать свою точку зрения¹⁹. Следовательно, составление документа не может относиться ко времени позже 18 апреля.

¹² На эту мысль наводят и слова документа: «Прежде чем избрать какую-либо систему, надо изучить ранее принятые обязательства» (ВПР, т. 1, с. 72). Первый документ излагает уже непосредственно систему внешних сношений России.

¹³ Там же, с. 72.

¹⁴ В письме Палену от 10 апреля 1801 г. Панин так отзывался о Колычеве: «Бонапарт, по-видимому, смеется над ним» (Материалы Панина, т. 6, с. 42). Позднее в письме С. Р. Воронцову он писал о нем уже: «Убогий человек, ниже высокой миссии» (Архив князя Воронцова, кн. 11, с. 145).

¹⁵ Материалы Панина, т. 6, с. 44—45.

¹⁶ Архив князя Воронцова, кн. 8, с. 238.

¹⁷ Материалы Панина, т. 6, с. 46.

¹⁸ Инициатива Панина признавалась и Морковым в письме Воронцову (Архив князя Воронцова, кн. 20, с. 106—107).

¹⁹ В мае-июне о скором отъезде Моркова сообщал в Париж личный представитель Бонапарта Дюрок, получавший эти сведения из уст Александра I, Панина и Моркова (Трачевский А. А. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I, т. 1 (1800—1802). — Сборник Русского исторического общества (далее: Сб. РИО). СПб., 1890, т. 70, с. 159—161, 181). О получении из Берлина известий о миссии Моркова писал 24 мая Талейран.

Анализ других сообщений документа не противоречит предложенной датировке. Панин ставил перед собой цель определить «обязательность» различных обязательств России по отношению к другим государствам. Вопрос о выполнении договоров со Швецией, Данией и Пруссией, составлявших систему второго вооруженного нейтралитета, был наиболее острым в первые недели царствования Александра. Указание Панина на отсутствие всяких обязательств России по отношению к Англии позволяет датировать сообщение ранее 5 июня 1801 г. — дня подписания англо-русской морской конвенции, налагавшей на Россию определенные обязательства²⁰. Единственным средством выполнения договоров с северными державами Панин считал «побудить их начать общие переговоры с лондонским кабинетом, или, что еще лучше, принять посредничество России в обсуждении принципов мореплавания»²¹. Между тем уже 2 мая русское правительство по инициативе Панина выразило готовность вести прямые переговоры с Великобританией без участия союзников²².

Таким образом, документ «О политической системе России» следует датировать концом марта — серединой апреля (не позднее 18) 1801 г., что дает возможность выяснить взгляды Панина на международное положение страны в этот сложный и насыщенный событиями период и проследить их воздействие на конкретные дипломатические шаги России²³.

Согласно приводимому в документе плану, политическая система подразделяется на две части: первая «содержит применимые ко всем обстоятельствам принципы», вторая «излагает применение этих же самых принципов в нынешних обстоятельствах к каждой державе в отдельности»²⁴. Анализ связи комментариев к плану с оперативными инструкциями Петербурга проливает свет на фактически неизученный вопрос — кто стоял за первыми дипломатическими шагами правительства Александра I, рисует Панина как одного из инициаторов трансформации русского европейского курса после Павла I. Он намечал общее направление внешней политики — сближение с Англией для про-

неаполитанскому посланнику во Франции Алкье (Сб. РИО, т. 70, с. 175). Стоявший в самом центре политической жизни Петербурга А. Р. Воронцов 15 июня сообщил своему брату, послу в Лондоне, о назначении Моркова (ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, д. 47, л. 88 об.).

²⁰ ВПР, т. 1, с. 28—39.

²¹ Там же, с. 72.

²² Архив князя Воронцова, кн. 10, с. 151. Панин подтвердил это при первой встрече с английским уполномоченным Сент-Эленсом (Материалы Панина, т. 6, с. 68—72).

²³ Брикнер, ссылаясь на слова Панина в записке о неосведомленности об актах, заключенных Австрией и Францией, делает предположение, что документ был составлен до получения в Петербурге статей Люневильского договора. Следует отметить, что сообщение могло быть связано и с другими обстоятельствами: подозрения о тайных соглашениях Вены и Парижа не оставляли Панина в течение всего его министерства.

²⁴ ВПР, т. 1, с. 71.

тивоедействия «деспотизму и честолюбию» Франции и распространению «революционного духа»²⁵. В прямой связи с этим выступает мысль о подчинении вопроса о выполнении обязательств по вооруженному нейтралитету задаче восстановления отношений Петербурга и Лондона. Мысль о посредничестве России в переговорах северных держав с Англией видна в императорских рескриптах представителям в Берлине — А. И. Крюденеру от 23 марта²⁶ и в Стокгольме — А. Я. Будбергу от 9 апреля 1801 г.²⁷

Видимо, на основе записки составлялся и рескрипт Александра I Колычеву от 16 апреля 1801 г.²⁸, обосновавший новый курс России в отношении Франции. Панин отмечал, что главная цель переговоров с нею должна состоять «в недопущении роста французского влияния при заключении мира», а второй целью является поддержка неаполитанского и сардинского королей, Баварии и Османской Порты²⁹. Рескрипт же дезавуировал инструкции Павла I о взаимодействии с Францией против Англии в мальтийском вопросе и выдвигал названные задачи переговоров в качестве основных. Изложенная в нем позиция России в германских делах, основанная на противодействии захватническому плану Пруссии и Австрии, соответствовала идее панинской записки о необходимости удержания этих держав «в состоянии взаимной ревности» и временном отказе от сближения с какой-либо из них³⁰. Наконец, в рескрипте Колычев извещался о скором отзывании из Парижа.

Записка «О политической системе Российской империи» представляет собой уже не подготовительный набросок, а одну из редакций непосредственно плана внешних сношений, предназначавшегося для вручения Александру I. Согласно введению она также должна была состоять из двух частей: общие принципы системы и их применение к конкретной ситуации. Как уже указывалось, до нас дошел черновик отрывка первой части. Приблизительно датировать документ можно по включенному в него отрывку из известного мемуара русского посла в Лондоне С. Р. Воронцова «О вооруженном нейтралитете», который был отослан в Россию в корреспонденции к Панину от 16 апреля

²⁵ Там же, с. 72.

²⁶ Там же, с. 13—15.

²⁷ Там же, с. 18—24. В этом рескрипте указывалось, что принципы нейтрального мореплавания могут стать предметом соглашения с Англией, но император предпочитает договориться с союзниками прежде, чем обсуждать вопрос с лондонским двором. Впоследствии, в период подготовки русско-английских переговоров, Россия формально пригласила союзников начать общие переговоры (опять-таки в соответствии с мыслью панинской записки), но развитие событий потребовало прямых контактов Петербурга и Лондона.

²⁸ Сб. РИО, т. 70, с. 126—137.

²⁹ ВПР, т. 1, с. 72.

³⁰ Сб. РИО, т. 70, с. 127—133; ВПР, т. 1, с. 72.

1801 г.³¹ Учитывая время пребывания курьера в пути, мемуар не мог быть получен в Петербурге ранее 4—5 мая: во всяком случае 12 мая Александр I в письме Воронцову сообщал о получении Паниным этой корреспонденции³². Следовательно, записка не могла быть составлена ранее 4—12 мая 1801 г. Из ее содержания нельзя точно установить другую крайнюю дату, поэтому прибегнем к анализу ее умолчаний.

Касаясь отношений России с Австрией, Пруссией и Англией, Панин подробно перечислял соглашения, заключенные с первыми двумя державами со времени Ивана III, однако не только не упоминал об англо-русской морской конвенции 5 июня 1801 г., важность которой он впоследствии всегда подчеркивал, но и горячо доказывал выгоды английской морской торговли для России, нежизненность системы вооруженного нейтралитета, невозможность столкновения интересов двух стран, т. е. призывал решить именно те вопросы, которые, по его же мнению, были решены конвенцией³³. Вероятно, документ появился до 5 июня, в период интенсивных русско-английских переговоров. Записка, видимо, осталась незавершенной; изменение обстановки (подписание конвенции 5 июня, миссия личных представителей Бонапарта и австрийского императора — Дюрока и Шварценберга) потребовало дальнейшей работы над ней.

В записке «О политической системе Российской империи», говоря об общих принципах системы, Панин высказывался против курса на новые территориальные приращения и призывал «осуществлять завоевания на своей собственной территории, для чего надо стараться избегать войн», сохраняя при этом европейскую систему, основанную на взаимном равновесии Австрии и Пруссии, слабости Турции и Швеции. Поддержать такой порядок призваны были оборонительные союзы Петербурга с Веной, Берлином и Лондоном. Союз с последним должен был быть наиболее прочным. Здесь не было уже ни слова о «честолюбии» Англии или о необходимости выполнять обязательства по вооруженному нейтралитету; Россия, не имевшая развитого мореплавания, не имела причин ссориться с Великобританией, которая к тому же противодействовала усилению Франции, защищала Османскую Порту, удерживала в пассивности северные державы, в чем была заинтересована и Россия. Таким образом, во взглядах Панина прослеживалась тенденция к сближению с естественными союзниками. В записке отразилась также борьба группировок в русских верхах в период переговоров с Англией —

³¹ Об этом сообщал Воронцов в письме Панину от 16 апреля 1801 г. (Материалы Панина, т. 6, с. 433).

³² Архив князя Воронцова, кн. 10, с. 260—261.

³³ Об этом Панин говорил шведскому послу Штедингу (Материалы Панина, т. 6, с. 97), не раз писал С. Воронцову (Архив князя Воронцова, кн. 11, с. 133—136, 136—146, 151—160) и Александру I (Там же, с. 141—144).

вероятно, этим объяснялась ссылка Панина на мемуар С. Р. Воронцова³⁴ и полемика с противниками союзов³⁵.

В записке указывалось, что «Францию с необходимостью следует учитывать в различных комбинациях общей системы», но поскольку о прочности ее нынешнего правительства судить было трудно, отношение к ней, Германской империи и Италии, будущее которых зависело от судьбы Франции, автор хотел рассмотреть во второй части документа (о ближайших действиях)³⁶. Это сообщение дает некоторое представление о том, что предполагалось осветить во второй части записки, не дошедшей до нас. Попытаемся восстановить ее содержание, рассмотрев в контексте сохранившейся части записки и привлекая другие источники. Согласно записке комбинации системы сводились к двум общим случаям: сохранение хотя бы шаткого европейского равновесия; резкое нарушение равновесия и выступление России на его защиту. Соответственно Франция могла играть роль либо стабильного, органического, либо чуждого системе элемента. Следовательно, в отношении правительства Бонапарта Панин уже предусматривал альтернативные решения. С самого начала своего министерства он проявлял интерес к внутреннему положению Франции. 17 апреля он предписал Колычеву регулярно доставлять такого рода информацию³⁷. В первых ответных донесениях от 10 и 12 мая, освещающая расстановку и борьбу сил внутри Франции, Колычев писал, что ожидалось большие перемены: либо поворот к якобинской власти, либо усиление монархичес-

³⁴ Панин и английский уполномоченный Сент-Эленс отмечали выступления английской партии во время переговоров (Архив князя Воронцова, кн. 11, с. 141—144; ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, л. 2508, л. 1). В создавшейся ситуации Панин стремился опереться на авторитет С. Р. Воронцова. Уже после первой конференции 21 мая, доказывая необходимость уступок со стороны России, он отмечал в представленном Александру I протоколе, что результаты беседы подтверждают мысли С. Р. Воронцова о невозможности для Англии признать принципы вооруженного нейтралитета (Материалы Панина, т. 6, с. 73—79). Он добился цели: в русском контрпроекте конвенции, представленном на следующей конференции, признавалось основное требование англичан — право осмотра нейтральных торговых кораблей, плавающих под конвоем (ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 477, л. 19—34).

³⁵ Здесь Панин явно намекал на «молодых друзей» Александра I, в то время противников союзов, а также А. Р. Воронцова. Последний писал брату: «Я надеюсь, что наша политическая система будет основана на мире со всем светом, надо стараться вмешиваться как можно меньше в дела других» (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 47, л. 99 об.). Сам Панин позже писал С. Р. Воронцову: «К крайнему удивлению моему, удостоверился я, что граф А. Романович внушает, что России не надлежит иметь никаких союзов, следовательно, что нам в делах европейских не должно иметь влияния» (Архив князя Воронцова, кн. 11, с. 148). Именно в период составления записки «молодые друзья» предприняли атаку на Панина, добиваясь замены его А. Р. Воронцовым (письмо Новосильцева С. Р. Воронцову. — Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 440—443). Это вызвало бурную реакцию Панина в письме Александру I 28 мая (Материалы Панина, т. 6, с. 380—383).

³⁶ ВПР, т. 1, с. 71.

³⁷ Сб. РИО, т. 70, с. 139—142.

ких начал, к чему склонялся Бонапарт³⁸. Донесения почти дословно совпадали с сообщениями доверенного лица Панина, резидента в Гамбурге Форсмана³⁹. Вся эта корреспонденция прибыла в Петербург в период составления записки и являлась для Панина единственной заслуживающей доверия информацией, чтобы говорить о политической нестабильности во Франции. Если рассмотреть соответствующее место записки как реакцию на эту ситуацию и учесть резко непримиримое отношение Панина к французской революции, к якобинцам, то ход его мыслей представляется следующим: приход к власти якобинцев или сближение Бонапарта с ними и расширение внешней экспансии должны вызвать противодействие России, вплоть до военного; укрепление монархических или диктаторских начал, отказ Бонапарта от агрессивной внешней политики открывали возможности согласия России и Франции. Это означало постепенное смягчение отношения Панина к Франции при условии продолжения изменения ее политического облика⁴⁰.

До сих пор мы имели дело с источниками, отражающими различные этапы работы над планом внешнеполитической системы. Окончательная редакция записки неизвестна. Приблизительно реконструировать ее содержание можно, привлекая в качестве источника составившийся одновременно с запиской важный дипломатический документ — так называемый циркулярный рескрипт Александра I русским представителям в крупнейших европейских государствах⁴¹. Известно, что обязанность со-

³⁸ Материалы Панина, т. 6, с. 162—163; Сб. РИО, т. 70, с. 152—155.

³⁹ Материалы Панина, т. 6, с. 343.

⁴⁰ В период вице-канцлерства при Павле I Панин был сторонником вооруженной борьбы с Францией (см. его записки Павлу I от 9 и 11 сентября 1800 г. — Материалы Панина, т. 5, с. 602—606, 608—610).

⁴¹ В историографии рескрипт получил противоречивые оценки. С. С. Татищев и Ф. Ф. Мартенс видели в нем отображение панинской идеи союза монархов против «революционной заразы» (*Татищев С. С. Князь Адам Чарторижский*. — В кн.: *Из прошлого русской дипломатии*. СПб., 1890, с. 285—289; *Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*. СПб., 1875, т. 1, с. 376). А. А. Васильчиков и Н. К. Шильдер называли рескрипт «либеральной программой» сохранения мира в Европе на основе невмешательства во внутренние дела государств, нормализации русско-французских отношений и противопоставляли его идеи программе Панина (*Васильчиков А. А. Семейство Разумовских*. СПб., 1882, т. 3, с. 382—397; *Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование*. СПб., 1904, т. 2, с. 59—74). С. М. Соловьев, разделяя в целом мнение о «либеральном» характере рескрипта, отмечал: «В этой, по-видимому, столь умеренной и осторожной программе положено было начало борьбы с наполеоновской Францией». Автором документа был Панин, но его существо всецело диктовалось тогдашними воззрениями самого Александра (*Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия*. СПб., 1877, с. 17). А. А. Трачевский аналогично оценивал рескрипт, но видел в нем плод занятий Негласного комитета (*Трачевский А. А. Указ. соч.*, с. VI—VII). В советской историографии рескрипт рассматривался Э. Д. Вербицким как отражение политики устранения от активных действий в Европе и противопоставлялся программе Панина (*Вербицкий Э. Д. Указ. соч.*, с. 78).

ставления рескриптов лежала на Панине⁴². В преддверии вручения Александру I программной записки естественно было его стремление закрепить свою политическую линию в важнейшем официальном документе, тем более что усиление влияния Панина именно в это время (июнь 1801 г.) предоставляло ему такую возможность⁴³.

Существует четыре утвержденных Александром I редакции циркулярного рескрипта: инструкции уполномоченному на переговорах в Париже А. И. Моркову (27 июня), две инструкции представителям в Берлине и Лондоне А. И. Крюденеру и С. Р. Воронцову (5 июля) и рескрипт русскому послу в Вене А. К. Разумовскому (10 сентября 1801 г.)⁴⁴. В ЦГАДА хранятся подготовительные материалы, написанные собственноручно Паниным: черновой проект рескрипта Моркову и сложный документ, представляющий собой экстракт рескрипта Моркову с параллельным черновым текстом рескриптов Крюденеру и С. Воронцову⁴⁵. Некоторые пункты проекта рескрипта Моркову Панин отчеркивал карандашом. Эти отчеркивания полностью соответствуют основной части экстракта, предназначавшегося для составления двух других документов. Обращение Панина к черновому проекту говорит о том, что работа над рескриптами Моркову, Крюденеру и С. Воронцову началась до 27 июня (даты утверждения первого из них) и велась одновременно. Окончание экстракта дополнено по сравнению с отчеркнутыми статьями несколькими фразами, содержащимися лишь в утвержденном рескрипте Моркову. Следовательно, экстракт (а с ним и черновики рескриптов Крюденеру и Воронцову) был составлен после 27 июня⁴⁶.

Чтобы выяснить, насколько полно отразилась в циркулярном рескрипте программа Панина, следует рассмотреть его соответ-

А. М. Станиславская считает Панина фактическим автором рескрипта (*Станиславская А. М. Указ. соч.*, с. 177).

⁴² См. его письмо жене (*Русский архив*, 1874, № 12, ч. 1, с. 720).

⁴³ На последнем этапе переговоров с Сент-Эленсом Панин был поддержан лидером аристократической группировки А. Р. Воронцовым (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 47, л. 67—68 об., 79—80 об.; *Материалы Панина*, т. 6, с. 386—390). Панин способствовал устранению от дел другого члена Коллегии — П. А. Палена, которого резко критиковал в письме к С. Р. Воронцову от 11 июня 1801 г. (*Архив князя Воронцова*, кн. 11, с. 133—136). Позже он признавал свое активное участие в этом деле в письме Николаю I (*Материалы Панина*, т. 6, с. 403). Сообщения очевидцев событий (например, А. Р. Воронцова) подтверждают это (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 47, л. 91—91 об.; д. 48, л. 8—11 об., 17—18). Согласно циркуляру от 19 июня 1801 г. Панин получил полный контроль почти над всей дипломатической перепиской. Роль официального главы Коллегии А. Б. Куракина свелась к организационно-хозяйственным вопросам (*Материалы Панина*, т. 6, с. 187—189).

⁴⁴ Сб. РИО, т. 70, с. 201—222; ВПР, т. 1, с. 42—54; *Архив князя Воронцова*, кн. 18, с. 435—449; ВПР, т. 1, с. 78—92.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 450, 452.

⁴⁶ Об этом говорит и заголовок: «Экстракт инструкции, данной г. Моркову в июне» (т. е. ко времени составления экстракта инструкция Моркову была уже утверждена).

ствие выясненному в результате анализа записки панинскому пониманию политической системы России, т. е. оценкам, их эволюции и иерархии, выраженной в плане апрельской и структуре майской записок.

Обратимся к проекту инструкции Моркову — исходному пункту работы над циркулярным рескриптом⁴⁷. В начале в нем формулируются цели русско-французских переговоров — обеспечение собственной безопасности России и содействие восстановлению мира и равновесия в Европе. Если Бонапарт будет продолжать политику раздоров и волнений, «позволит себя увлечь революционному потоку», то европейская война продолжится и Россия будет выжидать благоприятной ситуации для противодействия Франции. Если же «он захотел бы залечить раны революции и укрепить свою власть на прочном фундаменте, уважая независимость правительств», то русско-французские переговоры могли бы привести к благоприятным для Европы результатам⁴⁸. Здесь определенно раскрывается мысль, полунамеком содержащаяся в сообщении о Франции майской записки Панина.

Далее мысли проекта излагались соответственно плану, восходящему к панинским запискам. Изложение общих принципов системы начиналось с декларативного утверждения, что император будет уважать независимость государств, их форму правления и выполнять обязательства по отношению к союзникам, в доказательство чего приводилось удовлетворение в русско-английской конвенции чуждых России интересов Швеции и Дании, а также заступничество за неаполитанского короля. Затем Панин рассматривал отношения России с естественными союзниками по уже знакомой схеме: Австрия — Пруссия — Англия. Необходимо было восстановления русско-английских связей мотивировалась убеждением императора, «что только союз великих держав мог бы восстановить мир и социальный порядок»⁴⁹. Об аналогичных стремлениях Вены, писал Панин, свидетельствует миссия Шварценберга и привезенные им предложения о взаимодействии с Россией в вопросе о вознаграждении германских владетелей (идемнизации)⁵⁰. Первым этапом русско-австрийского сближения должен был стать общий план идемнизации, над которым уже работало российское министерство. Затем предполагалось подключение к нему Пруссии и совместное дипломатическое выступление трех держав перед Францией. Эта новая по

⁴⁷ Анализ изменений почерка и правки документа свидетельствует о том, что проект составлялся в несколько этапов по самостоятельным смысловым частям и не являлся результатом переписывания с более раннего документа.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 450, л. 46—46 об.

⁴⁹ Там же, л. 50.

⁵⁰ Панина не покидало столь характерное для него недоверие к Австрии, и Моркову предписывалось проверить искренность предложений и следить за действиями австрийского посла в Париже Кобенцля (Там же, л. 50—51).

сравнению с записками мысль безусловно принадлежала лично Панину⁵¹.

В отношении Пруссии первой задачей Петербурга называлось благоприятствование англо-пруссским переговорам о возвращении Англии Ганновера, захваченного пруссаками. Временное продолжение оккупации оправдывалось необходимостью охраны курфюршества от французского нападения. Этим подчеркивалась роль Пруссии как противовеса Франции в Северной Германии, отмеченная еще в майской записке Панина⁵². В духе той же записки в проекте говорилось и о важности предпочтительного влияния России в Германии для сохранения безопасности Европы.

Освещение русско-английских отношений полностью соответствовало направленности записки «О политической системе Российской империи». Разрыв с Лондоном при Павле I объяснялся случайностями: суровым характером императора, частными неудачами второй коалиции, которыми воспользовались Швеция, Дания и Пруссия для вовлечения России в вооруженный нейтралитет⁵³. Конвенция 5 июня восстановила хорошие отношения двух держав и удовлетворила интересы союзников. (В рескрипте это подчеркивалось при всяком удобном случае.) Здесь же упоминалось, что Александр I не дал положительного ответа на предложение Англии гарантировать владения Оттоманской Порты в Египте⁵⁴. Моркову предписывалось также разубедить Бонапарта насчет сближения России с Англией и Австрией, заявив, что император не примет предложений о наступательном союзе, пока Франция будет уважать независимость его союзников⁵⁵.

Проект инструкции Моркову предусматривал в качестве основного принципа отношений с Оттоманской Портой сохранение

⁵¹ Он встретил Шварценберга словами: «Решили ли, наконец, в Вене, с кем идти за одно, с Петербургом ли или с Парижем» (Сб. РИО, т. 70, с. VIII). Панин стал инициатором политики сотрудничества с Австрией и Пруссией в идемнизации (*Вербийский Э. Д.* Русско-французские отношения в германском вопросе 1800—1803 гг.— Учен. зап. Херсон. пед. ин-та им. Крупской, 1949, вып. 4).

⁵² ВПР, т. 1, с. 70.

⁵³ Усиливая мысль об отсутствии противоречий между Россией и Англией, Панин вставил в фразу первого варианта проекта слова: «Им (союзникам.— Б. А.) удалось без труда завлечь его (Павла I.— Б. А.) в свои планы, описывая самыми мрачными красками затруднения, которые испытывала их торговля, зачастую незаконная» (ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 450, л. 54 об.).

⁵⁴ Панин вопреки мнению Александра I выступал за такую гарантию (Архив князя Воронцова, кн. 11, с. 144—145). Он отредактировал параграф рескрипта, нейтрализовав отказ, намекнув на его временный характер и мотивировав его необходимостью успокоить Бонапарта, раздраженного урегулированием дел на севере к выгоде Англии и не знавшего еще позиции Александра I (ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 450, л. 55 об.).

⁵⁵ Предполагаемой умеренностью Бонапарта обуславливались и возможные уступки Петербурга в итальянском вопросе. Сохранение связей с Батавской республикой преподносилось как знак дружбы к Первому консулу (ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 450, л. 56—56 об.).

ее как слабого, а следовательно, выгодного соседа России. Однако оговаривалось, что, когда войска Бонапарта будут изгнаны из Египта, русско-турецкий союз в глазах Порты может потерять свою ценность и возникнет угроза русским границам и республике Семи соединенных островов, а турецкую гарантию которой, таким образом, неразумно было бы слишком полагаться⁵⁶. Недоверие к союзу с Турцией типично для Панина — еще в апрельской записке он называл его иллюзорным⁵⁷.

Проект заканчивался словами: «Общие интересы, как и интересы моей империи, делают для меня желательным тесный союз с австрийским, английским и прусским дворами, и если два первых с готовностью идут навстречу, то прусское министерство, преследуя виды новых захватов, пока колеблется, не зная чью сторону принять»⁵⁸. На этом текст обрывается двоеточием.

Как видим, проект рескрипта Моркову по содержанию очень близок к записке «О политической системе Российской империи». Вместе с тем в нем появляются мысли, не отраженные столь полно в записке: об отношении к Франции и об активном сотрудничестве с Австрией и Пруссией в германской идемнизации как первом этапе взаимодействия великих держав для поддержания равновесия в Европе.

Эти моменты подчеркнуты и в утвержденной редакции рескрипта Моркову. В целом она почти соответствует проекту, но резюме расширено: в нем вновь подчеркивается важность сотрудничества Петербурга, Вены и Берлина в идемнизации, зависимость дальнейших действий держав от позиции Бонапарта, в первую очередь, на переговорах с Россией. Моркову разрешалось действовать гибко, имея в виду основную цель переговоров — поддержку союзников России — неаполитанского и сардинского королей, Порты, Баварии и Вюртемберга. Далее рассматривались частные вопросы итальянского устройства и дипломатические формы укрепления русско-французских отношений⁵⁹. Эти новые пункты являлись лишь развитием и дополнением уже изложенных в проекте мыслей и, видимо, не были следствием возражений Александра I при апробации документа.

Однако и в проекте и в утвержденном рескрипте Моркову имелось существенное отступление от структуры панинских записок — сообщение о Франции было вынесено в начало. Чтобы ответить на вопрос, означает ли это изменение панинского понимания политической системы или же рескрипт отразил не столько программные, сколько узко оперативные, тактические цели на русско-французских переговорах, обратимся к отчеркиваниям, сделанным Паниным на проекте рескрипта Моркову. Их назначение — составление по ним экстракта, своеобразной осно-

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 450, л. 56 об.

⁵⁷ ВПР, т. 1, с. 72.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 450, л. 56 об.

⁵⁹ Сб. РИО, т. 70, с. 220—222.

вы для рескриптов Крюденеру и С. Воронцову. Поэтому в отчеркиваниях Панин стремился выделить главное, универсальное для всех трех документов, убрать все неустоявшиеся и второстепенные мысли, дать лишь программные положения. При их составлении он выключил развернутое сообщение об отношениях с Францией, после чего документ приобрел традиционную для Панина структуру: общие принципы, связи с естественными союзниками и ближайшие действия⁶⁰. Далее изложение шло в соответствии с проектом, но исключался пункт о взаимодействии России и Австрии в идемнизации и привлечении Пруссии для давления на Францию. Таким образом, рескрипт Моркову Панин рассматривал не только как изложение русской внешнеполитической программы, но в первую очередь как оперативную инструкцию на важных переговорах в Париже. (Об этом свидетельствует и излишняя для программного документа детализация резюме рескрипта.) Видимо, важность идемнизации как средства сближения с естественными союзниками и реальность возможности выработки изложенной в проекте рескрипта Моркову позиции по отношению к Франции не были еще окончательно обоснованы Паниным в качестве программных положений⁶¹. Экстракт рескрипта Моркову отличается от отчеркнутых строк проекта рескрипта лишь случайными дополнениями резюме из утвержденного варианта документа (в большинстве своем зачеркнутыми при составлении черновигов инструкций Крюденеру и С. Воронцову)⁶².

Черновики рескриптов Крюденеру и С. Воронцову, составлявшиеся одновременно на основе экстракта, отличаются друг от друга незначительно: в инструкции Воронцову подчеркивается нерешительность прусского министерства и больше говорится об успешном завершении дел на севере в результате подписания конвенции 5 июня, что явно связано с расчетом Панина на хорошо известные ему антипруссские и англофильские взгляды посла в Лондоне. Содержание документов почти дословно приближается к записке «О политической системе Российской империи». В развернутой вступительной части (общие принципы) отмечается стремление Александра I к установлению прочного мира, отказ от курса территориальных приобретений, его готовность применить оружие только для того, «чтобы отразить несправедливую агрессию, защитить мои народы или жертвы честолюбия, грозящего безопасности Европы»⁶³. Далее изложение идет в соответствии с экстрактом рескрипта Моркову, но сообщение об отношениях с Австрией дополнено и еще более приближено к мысли майской записки: единение с Россией необхо-

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 450, л. 46—48.

⁶¹ Панин зачеркнул и пункт об угрозе России и Ионической республике со стороны Турции.

⁶² ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 453, л. 2—16 об.

⁶³ Там же, л. 1—1 об.

димо Вене для противодействия Франции и Пруссии, чтобы «сделать ее посредницей в деле мира или защитницей от опустошительного потока революции»⁶⁴. Панин вновь включил опущенные в отчеркиваниях и экстракте пункты о сотрудничестве трех держав в идемнизации и о политике Петербурга относительно Франции. Безусловно, это было результатом эволюции взглядов самого Панина, а не следствием требований Александра I при утверждении рескрипта Моркову — в противном случае эти мысли отразились бы в экстракте, составленном уже после утверждения инструкции Моркову. Причинами окончательного осознания Паниным важности новых элементов русской внешнеполитической программы явились, по нашему мнению: успешный исход миссии Шварценберга, дававший Петербургу надежду на сотрудничество с Австрией в германских делах, и мирные заявления Бонапарта через Дюрока.

В черновиках рескриптов Крюденеру и С. Воронцову автор старался подчеркнуть программный характер документов: в первом он опустил пункт о Пруссии, во втором — об Англии, поскольку отношения с этими державами, по его мнению, должны быть хорошо известны русским представителям в них; вновь включенные сообщения о Батавской республике и Португалии (опущенные в отчеркиваниях и экстракте) трактуются уже в общем контексте политической системы⁶⁵.

Утвержденные редакции рескриптов Крюденеру и С. Воронцову почти совпадают с черновиками: небольшие дополнения или усиливают общую направленность документов⁶⁶, или являются отражением тактики Панина по отношению к С. Воронцову⁶⁷.

Инструкции Крюденеру и Воронцову полностью соответствовали структуре политической системы в ее панинском понимании, выраженном в его записках, отчеркиваниях и экстракте. Если учесть, кроме того, что ни в Лондоне, ни в Берлине в то время не происходило важных переговоров и, следовательно, русские представители там не нуждались в столь полных опера-

⁶⁴ Там же, л. 5.

⁶⁵ Сохранение связей с Батавией уже не преподносится как дружба к Бонапарту, а мотивируется необходимостью осторожности в начале царствования, особенно в свете переговоров с Францией (ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 452).

⁶⁶ Мысль о сближении с Австрией дополняется: «В том, что это единение приведет к хорошим результатам, будет еще больше уверенности, если Пруссия пожелает принять в нем участие» (ВПР, т. 1, с. 51).

⁶⁷ В утвержденном рескрипте Воронцову прусское министерство критикуется за колебания и гегемонизм в Германии, но выдвигается идея укрепления личных связей Александра I и Фридриха-Вильгельма III (Архив князя Воронцова, кн. 28, с. 442). Еще 7 июня Александр I послал королю первое письмо (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 1169. Копия). Вряд ли этот пункт был включен в рескрипт по настоянию Александра I (в таком случае оно содержалось бы в инструкции заведомо более лояльному к подобной идее Крюденеру). Видимо, Панин, чтобы оправдать русско-прусское сближение в глазах С. Воронцова, предложил новую его форму, заодно проверяя, будет ли поддержка на мысль авторитетом лондонского посла.

тивных инструкциях, то можно считать, что в рескриптах им отразилась внешнеполитическая программа, предложенная Паниным, и по ним можно в целом представить содержание окончательной редакции интересующей нас записки. В дальнейшем программа Панина, вероятно, не претерпела изменений, о чем свидетельствует рескрипт послу в Вене А. К. Разумовскому от 10 сентября 1801 г. (последняя редакция циркулярного рескрипта)⁶⁸ и сообщения других источников⁶⁹.

⁶⁸ В рескрипте заметно некоторое смягчение тона по отношению к Бонапарту. Например, указывается, что Александр I применит оружие лишь для отражения несправедливой агрессии и защиты России, в то время как в предыдущих редакциях неизменно прибавлялось: «и жертв честолюбия, грозящего безопасности Европы», что было явным намеком на политику Бонапарта. В некоторых местах удаляются выражения типа «разрушительный поток революции» (ВПр, т. 1, с. 78—92). Отсутствие в рескрипте исключения в связи с местом пребывания посла, опущение сообщения о политике России в идемнизации объясняется тем, что он служил не только для ознакомления Разумовского с программой Петербурга, но и как предварительная инструкция ему на важных переговорах в Вене об идемнизации. В рескрипте указывалось (от имени Александра I): «В мои намерения входило передать вам с настоящим курьером предложения относительно плана идемнизаций, но хотя эта работа почти уже готова, я не могу сегодня закончить ее» (ВПр, т. 1, с. 92). План и новый рескрипт, посланные Разумовскому 13 октября (рескрипт — ВПр, т. 1, с. 115—125; его проект, написанный рукой Панина, — ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 451) предусматривали взаимодействие России, Австрии и Пруссии и уступки требованиям последней: в этом свете оперативно-предварительный характер рескрипта 10 сентября с его смягчением выражений в адрес Пруссии и призывами к Австрии «не прислушиваться к голосу пагубной ревности (к Пруссии. — А. Б.), которая до сих пор мешала достижению столь желательного и полезного в настоящем критическом положении дел примирения», еще более оттеняется (ВПр, т. 1, с. 88—89).

⁶⁹ 16 июля, сообщая С. Воронцову о представлении своей записки Александру I, Панин писал, что покинет службу, если император не будет делать различия «между его естественными союзниками и врагами его империи» (Архив князя Воронцова, кн. 11, с. 143—144). На основании этих слов С. Воронцов даже отождествлял записку с рескриптом ему 5 июля (Там же, кн. 11, с. 123—125; Русский архив, 1874, № 12, кн. 2, с. 971—997). Наконец, 24 августа на заседании Негласного комитета Александр I выразил недовольство неосторожным упоминанием Паниным в инструкции посланнику в Сардинии Гагарину о проектируемом «четверном союзе» и на возражения «молодых друзей» против этого проекта ответил, что это не полностью его идея. Возможно, речь шла о панинском плане оборонительной системы России, Австрии, Пруссии и Англии. Интересно, что к самой идее Александр I отнесся благосклонно (*Вел. кн. Николай Михайлович*. Указ. соч., т. 2, с. 96—97). Уместно остановиться на отношении С. Р. Воронцова к рескрипту 5 июля. Он воспринял инструкцию всецело как изложение политической программы Панина и обрушился на него с обвинениями в стремлении возродить систему Павла I, критикуя чрезмерную уступчивость Швеции, Дании и Пруссии в ущерб отношениям с Англией, заигрывание с Бонапартом, сближение России с Венной, и особенно с Берлином, сотрудничество с ними в идемнизации (Письма С. Р. Воронцова: А. Р. Воронцову — Архив князя Воронцова, кн. 10, с. 116—125, 135—138; Н. П. Панину — Русский архив, 1874, № 12, кн. 2, с. 971—997; Александру I — Архив князя Воронцова, кн. 10, с. 274; ЦГАДА, ф. 1261 оп. 1, д. 1784, л. 3—4, 5—8). На наш взгляд, силу этой реакции и характер обвинений определяла интрига против Панина со стороны наиболее близких к С. Воронцову лиц — А. Воронцова, Кочубея и Новосильцева. В их письмах в Лондон четко просматривается стремление внушить С. Воронцову, что Па-

Таким образом, окончательная редакция программной записки в изложении основных принципов внешней политики России была, по-видимому, близка к записке «О политической системе Российской империи». В отношении ближайших действий Петербурга Панин выдвинул план сотрудничества держав в идемнизации, как первом этапе становления политической системы, говорил о возможности нормализации русско-французских отношений при условии переориентации усилий Бонапарта от политики внешней экспансии к ликвидации последствий революции во Франции. Дальнейшие действия Первого консула должны были продиктовать развитие системы в одном из этих направлений.

Анализ рассмотренных документов, вышедших из-под пера Н. П. Панина, позволяет конкретизировать его роль в перестройке европейского курса России в первые недели царствования Александра I и проливает в целом свет на вопрос о движущих силах этой перестройки. Участие Панина в становлении долговременной внешнеполитической доктрины Петербурга выразилось в отражении его взглядов в официальном программном документе — циркулярном рескрипте и попытках русской дипломатии с середины 1801 г. реализовать план участия в идемнизации, видимо, предложенный Паниным в окончательной редакции своей записки. Вместе с тем не подтверждается устоявшаяся в исторической литературе характеристика Панина как непримиримого сторонника вооруженной борьбы с Францией в союзе с Англией, основанная главным образом на показаниях явно заинтересованных современников (Кочубея, Саурау)⁷⁰ или источниках, отражающих воззрения Панина в более ранний период⁷¹. Хотя Панин признавался позже С. Воронцову, что «в переговорах в Париже многие решения были предложены против моей воли»⁷², но именно он еще в апрельской записке определил главные направления этих переговоров. Таким образом, программа Н. П. Панина в неразвитой еще форме выразила тенденцию в воззрениях части русских правящих верхов к переносу основных усилий самодержавия внутрь страны на защиту разлагавшегося феодально-крепостнического строя и приспособлению его международной деятельности к реальностям послереволюционной Европы.

нин пытается скомпрометировать его, вовлекая в закулисные комбинации, что он (а не Пален и Зубовы) был инициатором первых шагов правительства Александра I в защиту вооруженного нейтралитета, сторонником которого он остался (см. письма С. Воронцову: А. Воронцова — ЦГАДА. ф. 1261, оп. 3, д. 47, л. 71—72, 77—78 об., 83—83 об., 91—105 об., 111, 114—114 об.; д. 48, л. 1—2 об., 8—18); В. П. Кочубея — Архив князя Воронцова, кн. 14, с. 149—150, 153—156; кн. 18, с. 233—241, 242—243; Н. Н. Новосильцева — Архив князя Воронцова, кн. 15, с. 440—442). Видимо, под воздействием подобных сообщений сформировалась и трактовка С. Воронцовым внешнеполитической программы Панина.

⁷⁰ Архив князя Воронцова, кн. 14, с. 149—150; Сб. РИО, т. 70, с. 681.

⁷¹ Пожалуй, лишь А. М. Станиславская не придерживается мнения о непримиримо антифранцузской направленности воззрений Панина в 1801 г. (*Станиславская А. М. Указ. соч.*, с. 190).

⁷² Архив князя Воронцова, кн. 11, с. 154.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГРАВЮРА В РОССИИ ПЕРИОДА РЕГЕНТСТВА СОФЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ

А. П. Богданов

Историография политической борьбы в верхах господствующего класса России накануне петровских реформ обширна, значителен и корпус источников, использованный в трудах дореволюционных и советских историков. Вместе с тем прошедшие дискуссии об абсолютизме показали, что не только социально-экономические процессы, но и политические события, отразившие борьбу в среде господствующего класса и те тенденции к совершенствованию его организации, которые вскоре привели к консолидации дворянства в рамках абсолютистского государства Петра I, изучены еще далеко неполно. Одним из слабо разработанных сюжетов политической истории господствующего класса накануне петровских преобразований является период между народным восстанием в Москве в 1682 г., во время которого к власти пришло правительство царевны Софьи Алексеевны, и боярским переворотом 1689 г., приведшим к власти группировку Нарышкиных. Изучение взглядов и действий политических «партий» этого периода затрудняется ограниченным кругом источников.

Предметом настоящей статьи является интереснейший и своеобразный источник политической истории периода регентства — политические гравюры — большого (плакатного) формата эстампы, предназначавшиеся для широкой пропаганды взглядов их создателей. Эти гравюры создавались как самостоятельное средство массовой пропаганды комплекса идей определенных политических группировок, идей, сознательно выраженных с помощью христианских символов, художественных аллегорий и текста. Их создание и распространение само по себе уже являлось политическим действием. Анализу подвергаются шесть гравюр, изданных в 1683 и 1689 гг., т. е. в периоды наиболее острых кризисов верховной власти. Первые две, изготовленные в Черниговской типографии под руководством Лазаря Барановича, лидера патриотической партии украинского духовенства, мы называем черниговской серией. Три гравюры, отпечатанные в Москве, и один эстамп, изданный в Амстердаме с присланного из Москвы образца, изготовленные в 1689 г. по заказу и при непосредственном участии думного дьяка Ф. Л. Шакловитого, возглавлявшего наиболее радикальную группировку сторонников Софьи, составляют московскую серию.

Описание, публикация и изучение этих гравюр имеют довольно длинную историю, причем московской серии повезло в историографии больше, чем черниговской. Ей были посвящены специальные исследования Н. А. Полевого, М. И. Семевского и М. А. Алексеевой¹. Крупнейший вклад в изучение политической гравюры периода регентства сделал знаменитый собиратель и исследователь гравюры Д. А. Ровинский. Он отыскал и опубликовал все дошедшие до нашего времени гравюры черниговской и московской серий. В его работах приводятся оригинальные сведения об авторах, изыскания по вопросам происхождения гравюр и подробное их описание². Некоторые дополнения к трудам Ровинского были сделаны в обстоятельных каталогах В. Я. Адарюкова, А. В. Морозова, И. Л. Орлова, П. М. Попова и др.³ По вопросам происхождения гравюр московской серии высказывались Н. Г. Устрялов, И. Е. Забелин, И. П. Козловский, А. А. Прохоровский, Е. Ф. Шмурло, М. М. Богословский и др.⁴ Многочисленные заметки по истории гравюр этой серии способствовали выявлению новых источников; сам факт создания политической гравюры был связан с событиями борьбы в верхах. Вместе с тем исследователи не пришли к общему мнению по вопросам истории замысла, последовательности изготовления и авторства гравюр этой серии. Причина разномыслия скрывалась в прагма-

¹ Полевой Н. А. Портрет царевны Софьи Алексеевны.— *Русский вестник*, 1841, т. 3, с. 694—697; *Семевский М. И.* Современные портреты царевны Софьи и князя Голицына.— *Русское слово*, 1859, № 12; *Алексеева М. А.* Портрет царевны Софьи гравера Тарасевича.— В кн.: *Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник*, 1975. М., 1976, с. 240—247; см. также: *Она же.* Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII — начала XVIII в.— В кн.: *Русское барокко: Материалы и исследования*. М., 1977, с. 7—29.

² *Ровинский Д. А.* Материалы для русской иконографии. СПб., 1884—1890, вып. 1—12, № 1—4, 173, 174; *Он же.* Подробный словарь русских гравированных портретов (далее: *Ровинский Д. А.* Словарь портретов). СПб., 1888, т. 3, стлб. 1531—1532, 1942—1945, 1938 и др.; *Он же.* Подробный словарь русских гравюров XVI—XIX вв. СПб., 1895, т. 1, стлб. 65; т. 2, стлб. 982—988, 1353.

³ *Адарюков В. Я.* Дополнения и исправления к «Подробному словарю русских портретов» Д. А. Ровинского. СПб., 1889; *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных портретов. М., 1912—1913, т. 1—4; *Орлов И. Л.* Добавления к Подробному словарю Ровинского. СПб., 1912; *Попов П. М.* Материалы до словника українських гравюрів. Київ, 1926; додаток 1. Київ, 1927; *Остроглазов И. М.* Поправки и дополнения к «Подробному словарю русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского.— *Русский художественный архив*, 1892, вып. 1—2; *Пилипенко Б.* Ксило-гравюра Чернигівського Державного музею. Чернигов, 1925.

⁴ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. 2, с. 48; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. М., 1915, с. 166—168; *Козловский И. П.* Сильвестр Медведев: Очерк из истории русского просвещения и общественной мысли в конце XVII века. Киев, 1895, с. 28—29; *Прохоровский А. А.* Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896, с. 341—342; *Шмурло Е.* Падение царевны Софьи.— *Журнал Министерства народного просвещения* (далее: *ЖМНП*), 1896, с. 303, № 1, с. 62—63; *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1940, т. 1, с. 70—71.

тическом использовании письменных источников, которое давало широкие возможности как отбора фактов, так и толкования их, и вместе с тем снижало действительные информативные возможности источника. Попытки «прочтения», т. е. уяснения политического содержания гравюр, также не удовлетворительны, поскольку они делались на основании произвольно подобранных текстов Библии и собственных впечатлений исследователя, без изучения исторического развития иконографических образов и их современных толкований.

Изучение истории политических гравюр черниговской серии значительно облегчает работа Т. Н. Каменевой, которая подробнейшим образом описала издания Черниговской типографии в архивохранилищах Москвы, Ленинграда, Киева и Чернигова⁵. Одна из гравюр, относимая на основании данных Д. А. Ровинского к черниговской серии (с изображением Софии в виде богоматери на груди двуглавого орла), упоминается в монографии М. М. Богословского⁶. Сведения об этой гравюре использовал позже В. И. Буганов в работе о кн. В. В. Голицыне для подтверждения мысли, что вскоре после событий 1682 г. многие лица искали покровительства князя⁷.

К настоящему времени в литературе накоплено значительное количество разнородного фактического материала, относящегося к истории политической гравюры в России конца XVII в., однако комплекс гравюр не подвергался еще специальному анализу. В данной статье сделана попытка обобщить результаты проведенных нами источниковедческих изысканий по вопросам происхождения и содержания политических гравюр⁸, представить этот источник в целом и в связи с обширным комплексом памятников политической пропаганды борющихся группировок периода регентства Софии Алексеевны.

Гравюра как средство массовой пропаганды родилась в условиях обострения политической борьбы в среде господствующего класса, в результате синтеза двух культурных явлений: гравированных «печатных листов» и литературных панегириков. В XVII в., особенно во второй его половине, в России получила распространение не только гравированная книжная иллюстрация, но и листы с самостоятельным содержанием, отпечатанные

⁵ Каменева Т. Н. Черниговская типография, ее деятельность и издания.— Тр. Гос. б-ки им. В. И. Ленина. М., 1959, т. 3, с. 228—284; Она же. Орнамента и иллюстрации черниговских изданий XVII—XVIII вв.— Книга. Исследования и материалы. М., 1974, т. 29, с. 171—181.

⁶ Богословский М. М. Указ. соч., с. 397.

⁷ Буганов В. И. «Канцлер» предпетровской поры.— Вопр. истории, 1971, № 10, с. 149.

⁸ См. также: Богданов А. П. Гравюра как источник по истории политической борьбы в России в период регентства Софии Алексеевны (вопросы происхождения).— В кн.: Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1977, с. 39—48.

и бытовавшие отдельно от книг⁹. Гравюры религиозного и светского содержания, распространявшиеся по отдельности или переплетенными в тетрадки, выполняли, как и в Западной Европе, роль «книг для бедных»¹⁰. Уже в 30-х годах XVII в. такие картинки иностранного и отечественного происхождения продавались в Москве в Овощном ряду, а позже и на Спасском мосту и покупались не только частными лицами, но и для царевичей, для обучения и развлечения¹¹. Отпечатанные на бумаге и материи иконы получили столь широкое распространение, что около 1683 г. патриарх Иоаким узрел в них серьезного конкурента иконам на досках и подготовил проект об их запрещении¹². Отпечатанные на бумаге антимины официально изготавливались не только в Малороссии, но и на Государевом печатном дворе, состоявшем под патриаршей цензурой¹³. В то же время в Киево-Могилянской коллегии складывалась традиция поздравления ректора, а затем и других «власть предержащих» посредством отпечатанного типографским способом листа (тезиса), на котором аллегорически изображались «заслуги и добродетели» поздравляемого¹⁴. К концу XVII в. относится формирование жанра конклюдий (конклюзия, — букв. вывод, заключение) — большого формата гравюр, использовавшихся в качестве объявления о предстоящей дискуссии выпускников Коллегии (затем Академии) и содержащих основные положения оппонентов, выраженных в текстовой и изобразительной форме¹⁵.

⁹ Впервые гравюры на дереве, служившие не украшением к тексту, а распространявшиеся в виде отдельных листов (в основном образы святых), стали печататься в Малороссии, в типографии Киево-Печерской лавры, вероятно с начала 20-х годов XVII в. Самые ранние из них датируются 1626—1627 гг. (*Крип'якевич Р. Я., Луцик Ф. Ф.* Народні гравюри XVII ст. — В кн.: *Українське мистецтво*. Київ, 1971, вып. 5, с. 151—152).

¹⁰ *Коллинс С.* Нынешнее состояние России. М., 1846, гл. XXIV; *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1881, т. 5, с. 2—3; *Альбовский Е.* Харьковские казаки. Харьков, 1914, т. 1, ч. 1, с. 83; *Клепиков С. А.* Русские гравированные книги XVII—XVIII вв. — Книга. Исследования и материалы. М., 1959, т. 9, с. 141—142; *Свенцицкая В.* Украинская народная гравюра XVII—XIX вв. — В кн.: *Народные гравюры и фольклор в России XVII—XIX вв.* (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). М., 1976, с. 64.

¹¹ *Снегирев И. М.* Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, с. 9—10; *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1902, с. 614—615, 622—625; *Он же.* Домашний быт русских царей. М., 1915, с. 610—617; *Алексеева М. А.* Торговля гравюрами в Москве и контроль за ней в конце XVII—XVIII вв. — В кн.: *Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв.* М., 1976, с. 141.

¹² *Акты Археографической экспедиции*, т. 4, № 200; *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки, т. 5, с. 340—341.

¹³ *Покровский А. А.* Печатный двор в первой половине XVII в. — В кн.: *Древности*. — Тр. имп. Моск. археологического общества. М., 1914, т. 23, вып. 2; *Киселев Н. П.* О московском книгопечатании XVII в. — Книга. Исследования и материалы. М., 1960, т. 2, с. 106—119; *Свенцицкая В.* Указ. соч., с. 67—68.

¹⁴ Окончательно эта традиция сложилась несколько позже, уже в начале XVIII в. (*Свенцицкая В.* Указ. соч., с. 68).

¹⁵ *Алексеева М. А.* Жанр конклюдий в русском искусстве..., с. 13—18.

С прототипами киево-могилянских тезисов был хорошо знаком бывший ректор Коллегии Лазарь Баранович, с 1657 г. возглавлявший духовенство Черниговской и Новгород-Северской епархии. В начале 60-х годов Лазарь Баранович высказывал киево-печерскому архимандриту Варлааму Ясинскому желание дополнить свою книгу проповедей «эмблематической поэзией» — заглавным листом со сложным аллегорическим рисунком, содержание которого разъяснялось стихами и прозой в тексте книги¹⁶. Идея «эмблематической поэзии» нашла затем применение в изданиях типографии, основанной Л. Барановичем в 1674 г. в Новгороде-Северском и переведенной в 1676 г. в Чернигов. Особенно благодатную почву для этого представляли панегирики, печатание которых впервые было поставлено на широкую ногу в Черниговской типографии¹⁷. В 1683—1699 гг. было отпечатано восемь панегириков, из них пять относились к периоду регентства Софьи; кроме отдельных изданий, панегирики печатались и в виде обширных посвящений в литургических и богословских книгах (с 1680 по 1689 г. их вышло 10).

Книги с посвящениями делятся на две группы. К первой относятся элитарные сочинения, в которых богословские тексты писались на церковно-славянском языке, рассуждения — на латинском, а стихи — на польском. Другую группу составляют книги широкого чтения, до середины 80-х годов преимущественно религиозно-пропагандистского и обличительного характера (такие, как «Боги поганские...» Иоанникия Гялятовского, «Руно орошенное...» Дмитрия Тупало, выдержавшее огромное число изданий, и т. п.); они писались исключительно на общепонятном церковно-славянском языке. То же разделение наблюдаем и среди специально панегирических изданий: часть их предназначалась для «внутреннего пользования» группы высокообразованных читателей (панегирики Барановичу, Ясинскому, Мазепе, Обидовскому и др.), другие же изготовлялись для широкого распространения — это панегирики царям и Софье. Членам царского семейства посвящались и элитарные книги, причем с наиболее сложной символикой и «смешением языцев».

«Эмблематическая поэзия» Барановича обрела политическое содержание уже в 1680 г., когда он приложил к своему богословско-назидательному сочинению, посвященному царю Федору¹⁸, две гравюры большого формата. Одна из них — «Распятие с предстоящими» — передавала в аллегоризированном виде основное содержание книги, другая являлась как бы комментарием к

¹⁶ Сумцов Н. Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Киев, б. г. Вып. 1. Лазарь Баранович.

¹⁷ Каменева Т. Н. Черниговская типография..., с. 228—384. В этой же статье помещен сводный каталог изданий черниговской типографии.

¹⁸ Каратаев И. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кириллическими буквами. 1491—1730. СПб., 1861, № 880; Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871, № 962; Каменева Т. Н. Черниговская типография..., № 3.

панегирику¹⁹. Гравюры in folio, прикрепленные к книге в четвертую долю листа, явно предназначались для самостоятельного использования, — как обычные настенные картинки; так, по крайней мере, сочли читатели, вырвавшие легко подклеенные гравюры из большинства экземпляров книги²⁰. По общему мнению исследователей, на гравюре, комментирующей панегирик, изображена Софья Алексеевна в виде богоматери на груди двуглавого орла, царица Наталья Кирилловна, цари Иван и Петр, патриарх, митрополит и князь В. В. Голицын. При таком прочтении гравюры ее изготовление следует отнести по крайней мере к концу 1682 г.²¹ Единственный аргумент Д. А. Ровинского, мнение которого утвердилось в литературе, состоит в том, что у богоматери «тип головы» царевны Софьи²². Аргумент этот не состоятелен — для того чтобы его опровергнуть, достаточно сравнить гравюру с современными портретами Софьи²³. По нашему мнению, гравюра, как и книга, посвящена царю Федору и приурочена к его женитьбе на Агафье Симеоновне Грушевской²⁴. Фигура в царском облачении в нижнем правом углу листа изображает царя Федора, а не Софью. Рядом с Федором стоит его жена Агафья Симеоновна, патриарх Иоаким и киевский митрополит, из-за них выглядывает голова молодого человека в митре (а не в короне), которого Д. А. Ровинский принял за царя Петра. В нижнем левом углу очень точно изображена победа московских стрельцов под Чигирином в июле 1678 г. Тут же орел с короной на голове клюет убегающих османов, которых всадник гонит мечом, одновременно пронзая копьём многоголового змея. Поскольку изображение битвы дано в соответствии с описанием

¹⁹ Т. Н. Каменева предполагает, что обе гравюры вырезаны одним мастером — Иннокентием Ширским (*Каменева Т. Н. Орнамента и иллюстрации черниговских изданий XVII—XVIII веков*, с. 176). Однако другие исследователи не находят оснований для такой атрибуции (*Ровинский Д. А. Словарь портретов*, т. 3, стлб. 1938—1939; *Попов П. Матеріали до словника українських гравєрів*, с. 128—138; *Степовик Д. Олександр Тарасевич. Становлення української школи гравюри на металі*. Київ, 1975, с. 69, 86—127).

²⁰ *Каменева Т. Н. Черниговская типография...*, с. 259; *Ровинский Д. А. Словарь портретов*, т. 3, стлб. 1938.

²¹ *Богданов А. П. Литературные панегирики как источник по истории политической борьбы в России периода регентства Софьи Алексеевны (1682—1689 гг.)* — В кн.: Всесоюзная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс». Апрель 1979 г. Секция истории. Новосибирск, 1979.

²² *Ровинский Д. А. Словарь портретов*, т. 3, стлб. 1938.

²³ Эти портреты, написанные маслом, хранятся ныне в Музее Новодевичьего монастыря (инв. № 3308 — в экспозиции; инв. № 6077 — в экспозиции ГИМ) и в Русском музее (в экспозиции). Портретное сходство с Софьей имеет и ее изображение на гравюре Л. Тарасевича (М., 1689), опубликованной в кн.: *Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравюров...*, т. 2, ст. 987. Изучаемая гравюра опубликована Д. А. Ровинским в «Материалах...», № 173.

²⁴ На это указывают пророчества ангелов («И узриши сыны сынов твоих» «Сынове твои яко леторосли масличныя» «Жена твоя яко лоза плодovitа») и подпись в двух обручальных кольцах, которые держит в клювах двуглавый орел («И будет два в плоть едину»).

ее в Синописе (или основанных на Синописе летописцах), на коне изображен скорее всего думный боярин Г. Г. Ромодановский²⁵. Сражение — динамический центр композиции. Взгляды царя, царицы, духовенства и стоящей за ними толпы народа устремлены на битву и подвиги полководца; богоматерь (в виде «апокалипсической жены»²⁶) вооружена щитом и мечет в «неверных» молнии. Основная политическая мысль авторов раскрывается надписью над крыльями двуглавого орла, держащего в лапах «жезл правости» и «жезл царства» и коронуемого троицей коронами Великой, Малой и Белой России: «На сень крылу твою надеюся». Таким образом, в гравюре не только (и не столько) выражаются поздравления и благие пожелания женившемуся царю, но и проводится идея божественной миссии России — защитницы Малороссии от «басурман», как и в тексте «посвящения» книги.

По-видимому, первый опыт «эмблематической поэзии» с политическим уклоном был удачен, и в 1683 г. Баранович выпустил новый «лист печатный» большого формата уже вместе с книгой для широкого читателя — панегириком царям Ивану и Петру под названием «Благодать и Истина...»²⁷. Автор книги сравнивает Ивана с Иоанном Предтечей (знаменующим Благодать), Петра — с апостолом Петром (знаменующим Истину), а царевну Софью, которая уже приступила к управлению государством от имени царей²⁸, — с Софьей — Мудростью (т. е. со св. Софией, «иже тремя украсихся, и став перед господом: Верую, Надежду,

²⁵ Г. Г. Ромодановский возглавлял русские войска во время Чигиринских походов 1677 и 1678 гг. и его подвиги подробно описаны в «Синописе», третьим изданием которого (Киев, 1680) с прибавлением пространного описания Чигиринских походов, вероятнее всего, пользовался автор гравюры.

²⁶ В «Апокалипсисе» представлено «великое знамение» на небе: жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, а на голове венец из 12 звезд (Апок. 12, 1); она бежит от «зверя», но в конце концов побеждает его. Такая трактовка образа богоматери использовалась в отечественной иконографии (О христианской живописи. — Православный собеседник, Казань, 1865, № 1, с. 100).

²⁷ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее: ГПБ), ОРК, инв. № 1508; Центральный государственный архив древних актов (далее: ЦГАДА), Церк. печать, № 1054; Библиотека Академии наук (далее: БАН), РК, 36.11.17 и 8.1.5 (инв. № 487 и 488). О книге см.: *Строев П. М.* Описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке графа Ф. А. Толстова. М., 1820, № 169; *Каратаев И.* Хронологическая роспись..., № 916; *Ундольский В. М.* Очерк славяно-русской библиографии, № 999; *Каменева Т. Н.* Черниговская типография..., № 11. Н. Ф. Сумцов прочел дату издания книги неправильно (как 1680 г.) и считал, что она посвящена царю Федору Алексеевичу (*Сумцов Н. Ф.* К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия, вып. 1, с. 31).

²⁸ См. исследование Собакина, произведенное по запросу Панина, который в 1776 г. из политических соображений заинтересовался, принимала ли Софья участие в делах государственного управления. Оpubл. в кн.: *Лермонтова Е. Д.* Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам. СПб., 1912, с. 425—445, 539—547.

Любовию»²⁹), которая находится несколько ниже по иерархической лестнице святых. «Благодать и Истина...» целиком посвящена доказательству тезиса «Се кол добро и кол красно еже жити и царствовати двум братии вкупе». В самом конце книги содержится краткая похвала патриарху Иоакиму и лишь затем — царевне Софье. Казалось бы, позиция Барановича в отношении «регентства» расшифровывается однозначно. Однако это не совсем так. В приложенной к книге большой гравюре-конклюдии³⁰, которая, согласно заверению автора, резюмирует печатный текст, в основу композиции положен иконографический канон Софии — Премудрости божией, интегрировавший библейские тексты о власти Премудрости над миром³¹. Сопоставление гравюры с современными иконографическими образцами³² приводит к выводу о том, что в основу композиции положена особая киевская редакция софийской иконы, переработанная в соответствии с замыслом авторов³³. Основной образ Премудрости в виде богородицы с орлиными крыльями (символами небесного разума и апофеоза), которая имеет знаки царства и старейшинства, «ибо царствует страстьми» и «сокровенная вся ведает», смещен на гравюре вверх. Место Софии занимает Христос, который коронует Ивана и Петра царскими венцами. Софию — Софью коронует бог-отец, но, что важно отметить, венцом царевны³⁴. Ниже царей на гравюре изображен двуглавый «орел царствия Российского» с двумя сердцами (намек на двух царей). Орел помещен в храме,

²⁹ Такую же схему использовали панегиристы Варлаам Ясинский в книге «Три венца...» (Киев, 1688) и Карион Истомин в книге «Желательно приветство мудрости...» (рукопись 1682 г.): Государственный исторический музей (далее: ГИМ), Чудовск. собр., 99/301, л. 15—16; 100/302, л. 51 об.; вторая редакция книги 1683 г.: БАН, П. 1.А.8/17.6.13, она опубл. в кн.: *Брайловский С. Н.* К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя «Карион». — Изв. Отд-ния рус. яз. и словесн. имп. Академии наук, 1909, кн. 1, с. 14—36.

³⁰ Гравюра изготовлена И. Щирским (БАН, 36.11.17, инв. № 487). Она воспроизведена и описана Д. А. Ровинским (Материалы..., вып. 1, № 3, с. 2). Словарь портретов, т. 3, стлб. 1520—1521 (подробно), стлб. 1939 (кратко).

³¹ Библейские тексты, связывавшиеся в иконографических толкованиях второй половины XVII в. с каноном Софии — Премудрости божией, были интерпретированы С. Медведевым в пользу царевны Софии уже летом 1682 г. (БАН, П.1.А.6/17.4.6, л. 5—13 об.). См. также: *Богданов А. П.* Неизвестное сочинение Сильвестра Медведева: Похвальная раcea царевне Софье Алексеевне 1682 г. — В кн.: Всесоюзная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс». Апрель 1979 г. Секция филологии. Новосибирск, 1979.

³² Подробные описания их и прописи основных редакций иконы собраны в статье Б. Филимонова «София Премудрость божия» (Вестн. общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1874, № 1).

³³ Видимо, эти изменения не позволили Д. А. Ровинскому атрибутировать композицию гравюры: он видел лишь набор несвязанных фигур, что чуждо эстампам черниговской типографии, которые всегда сюжетны; образ Премудрости он принял за «апокалипсическую жену» (*Ровинский Д. А.* Словарь портретов, т. 2, стлб. 1938—1939).

³⁴ На гравюрах черниговской типографии прослеживается единый тип царских венцов, венцов царя и царевн.

который, согласно современным иконографическим толкованиям, создан Софией — Премудростью божией и утвержден семью ее добродетелями³⁵. Таким образом, гравюре придан двойной смысл: с формальной стороны, цари занимают центральное место в композиции «Да хвалится царие земстии, — аще господь и госпожа с нами, никто же на ны»; по существу же цари оказываются включенными в сферу влияния Софии — Премудрости божией, т. е. Софьи Алексеевны (Лазарь Баранович и другие авторы использовали именно такую интерпретацию имени царевны)³⁶.

Софийские тексты Библии позволяли толковать власть Премудрости двояко. Сильвестр Медведев, например, строит на их основе убедительную концепцию, опирающуюся на ветхозаветные прецеденты получения «богодуховенным» лицом преимущественного права на власть перед земными царями³⁷. Право царевны Софьи на «самодержавство» обосновывает и Игнатий Римский-Корсаков, толкуя икону Софии — Премудрости божией (новгородской редакции)³⁸.

Важно отметить, что Баранович, признавая и восхваляя реальную власть Софьи Алексеевны включением Софии — Премудрости божией в специально сконструированную символическую систему, удерживался от наделения аналога царевны атрибутами самодержицы и не спешил ставить ее вровень с царями в формальной структуре верховной власти. Мотив признания Софьи — правительницы, советчицы малолетних царей и умолчания о Софье — претендентке на престол замечен и в переписке Барановича³⁹ и, возможно, свидетельствует о том, что архиепископ и глава значительной церковной группировки в этот период не был склонен поддержать курс ряда сторонников Софьи на коронацию царевны.

Политическое содержание гравюры не исчерпывается, однако, изложением взгляда на неформальную структуру верховной власти. Вокруг центральной композиции расположены сцены избиения врагов православным воинством, за спиной которого

³⁵ Толкование изображения св. Софии — Премудрости божией по списку XVI в. опубл. Г. Филимоновым (София Премудрость божия, с. 7—8), ср. со списком: ГПБ, собр. Погодина, № 1558, л. 38 об. См. также «Сказание о Софии Премудрости божией», опубл. Г. Филимоновым по списку XVI в.: Гос. 6-ка им. В. И. Ленина, Муз. собр. № 578; с разночтениями по спискам XVII в.: ГИМ, Син. собр., № 272, 466, 559, 792, 908 (София Премудрость божия, с. 8—9); ср. со списком XVII в.: Гос. 6-ка им. В. И. Ленина, ф. 29, № 55/М—1549, л. 490—492.

³⁶ *Медведев Сильвестр*. Предисловие к подножному экземпляру «Плача и утешения...». — БАН, П. 1.А.6/17.4.6, л. 5—13 об.; Посвящение Софье в кн.: *Иоанникий Галатовский*. Боги поганские... Чернигов, 1686; *Иосиф Богдановский*. Дары духа святого. Чернигов, 1688; *Игнатий Римский-Корсаков*. Изъяснение... иконы Софии — Премудрости слова божия. — ГПБ, собр. Погодина, № 1549, л. 35—39; *Лазарь Баранович*. — В кн.: Письма Лазаря Барановича. 2-е изд. Чернигов, 1865, с. 227.

³⁷ БАН, П. 1.А.6/17.4.6, л. 5—12.

³⁸ ГПБ, Собр. Погодина, 1549, л. 35—39.

³⁹ Письма Лазаря Барановича, с. 227.

находится Киев. За подвигами христианских рыцарей наблюдают оба царя, царицы (Марфа Матвеевна Апраксина и Наталия Кирилловна Нарышкина⁴⁰), патриарх московский и митрополит киевский, причем особо подчеркнуто равенство патриарха и митрополита. Для того чтобы лучше разобраться в содержании гравюры, вспомним, что она издана как раз в то время, когда польские агенты активизировали свою деятельность, надеясь оторвать Украину от Москвы. Основными направлениями их пропаганды были следующие: власть в Москве нестабильна, она терпит наказание от бога за то, что не помогает Австрии и Польше в борьбе с басурманами; Москва не может быть настоящим защитником Украины, так как русские воеводы по неумению и злоумышленно сдали Чигирин; прежде киевские митрополиты ставили московских, а теперь московский патриарх хочет подчинить себе митрополита и т. д.⁴¹ В черниговской гравюре содержится «наглядное» опровержение польской программы по всем пунктам, т. е. распространение ее на Украине было как нельзя более актуально и своевременно. Отношение создателей гравюры к структуре верховной власти логично вписывается в их национальную программу государственного объединения с Россией при сохранении церковной автономии и в пропагандистскую задачу плаката.

Тираж гравюры был не менее 100 экземпляров, причем бытовала она главным образом отдельно от книги (гравюра изъята из большинства книжек)⁴². Часть гравюр была отправлена в Москву, их получили, во всяком случае, оба царя, царевна Софья и В. В. Голицын⁴³.

Фактически глава русской дипломатии на протяжении семи лет регентства В. В. Голицын приложил немало усилий для улучшения дипломатических отношений с Польшей. К середине 80-х годов затяжной кризис русско-польских отношений, продолжавшийся еще с половины века, был наконец преодолен. Подписанный весной 1686 г. Вечный мир оставлял за Россией Левобережную Украину с Киевом, взятых в ходе военных действий пленных и материальные ценности; Польша получила взамен незначительную денежную компенсацию. Дипломатам было не до денег: Турция вместе с Крымом теснила Священный союз Австрии, Венеции и Польши, и вступление России в войну пришлось оплачивать мирным договором. В нем, кстати, оказалась статья, отдающая православное духовенство Польши и Литвы под власть киевского митрополита; ее обсуждение не вызвало осо-

⁴⁰ Д. А. Ровинский считал, что на гравюре изображены Наталия Кирилловна и Софья Алексеевна, однако это не так: обе женщины изображены в женских платках — Софья, как царевна, не могла его одевать.

⁴¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, т. 14, с. 356—366.

⁴² Сумцов Н. Ф. Лазарь Баранович, с. 160.

⁴³ Ровинский Д. А. Словарь портретов, т. 3, стлб. 1939.

бых споров⁴⁴. Каково же было торжество составителя Летописца, доведенного до 1686 г., когда он смог закончить свой труд записью: «Того ж году (в Москве. — А. Б.) посвятили в богоспасаемый град Киев митрополита Гедео́на Святополка Четвертинского, ноября в 8 день»⁴⁵. Патриотическая партия украинского духовенства во главе с Лазарем Барановичем добилась в результате Вечного мира исполнения главного своего требования — оставления Левобережной Украины под властью Москвы, но проиграла по второму пункту программы — сохранению церковной автономии Киевской митрополии⁴⁶. Поставленный Москвой киевский митрополит Гедео́н Четвертинский развернул столь активное наступление на Барановича и его сторонников, что у последнего возникла настоятельная необходимость искать поддержки у центрального правительства⁴⁷.

Подходящий случай вскоре представился. В. В. Голицын, сумев заключить Вечный мир в оплату за вступление России в войну с Турцией и Крымом, воевать за чужие интересы не собирался. В 1686 г. русская армия в поход не пошла, а, выступив под давлением союзников в следующем году, ограничилась демонстрацией, маскирующей постройку крепостей для защиты отечественных рубежей от набегов крымских татар⁴⁸. Одновременно Голицын организовал проведение усиленной пропаганды военных успехов Первого Крымского похода, рассчитывая умиротворить возмущенных союзников (особенно реваншистски настроенных магнатов Речи Посполитой) и поднять свой авторитет внутри страны. С этой целью по окончании похода в Москве проводились пышные торжества, дворяне получили значительные земельные пожалования⁴⁹. С помощью голландского

⁴⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. 14, с. 374—387; Буганов В. И. Указ. соч., с. 144—156; Греков И. Б. «Вечный мир» 1686 г. — Краткие записки Ин-та славяноведения АН СССР, 1951, № 2, с. 85—98; Бабушкина Г. К. Международное значение Крымских походов. 1687 и 1689 гг. — Исторические записки. М., 1950, т. 33, с. 158—172.

⁴⁵ Институт русского языка и литературы (далее: ИРЛИ), Древлехранилище, оп. 23, № 257, л. 979 об.; Гос. б-ка им. В. И. Ленина, ОР, ф. 256, собр. Румянцева, № 413, л. 2379; № 364, л. 620 об.

⁴⁶ Об обстоятельствах борьбы за подчинение Киевской митрополии см.: Сумцов Н. Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия, вып. 1, с. 76, 154, 160—162; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. 14, с. 374—376; Русский биографический словарь. СПб., 1914, т. 10, с. 43 и др.

⁴⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. 14, с. 402—403, 434—435; Сумцов Н. Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия, вып. 1, с. 160—161, 164—170, 173—180.

⁴⁸ Бабушкина Г. К. Указ. соч., с. 160—165 и др. Степные крепости, строительство которых было начато в 1687 г., имели целью закрыть татарам выход из Крыма. Они же могли стать и трамплином для наступления в Крым. Это было сильнейшее средство воздействия на крымскую политику, и вопрос о разрушении этих крепостей впоследствии занимал Турцию и Крым даже более, чем азовский вопрос (Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977, с. 39—40, 47—48, 50, 53, 56, 64—65, 80, 82).

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 210, БК 12. Приписки.

резидента фон Келлера в Амстердаме было переведено на латинский, немецкий и французский языки хвалебное описание похода, составленное очень разумно, которое рассылалось всем европейским дворам, причем, по сообщению другого иностранного резидента, в Москве «были озабочены изданием за границей» этого сочинения⁵⁰.

В это время в типографии Барановича был издан портрет В. В. Голицына, сделанный по типу польских парадных портретов с гербом⁵¹. В овальной рамке вокруг портрета написан звучный титул ближнего боярина, царственных больших печатей и государственных великих посольских дел оберегателя и наместника новгородского и т. п., тут же помещен герб рода Голицыных и стихотворная подпись к нему, в которой говорится, что портрет прославленного «во всяких странах» ратными подвигами князя Василия отныне может заменить изображение всадника на гербе его славного рода⁵².

Трудно сказать, личная ли антипатия, экономические или политические разногласия лежали в основе конфликта старого руководства украинской православной церкви (Барановича, Ясинского и др.) с новым митрополитом, но, как всякое столкновение в верхах, он имел далеко идущие последствия. Гedeон Четвертинский стоял на стороне и пользовался поддержкой гетмана, программа которого шла вразрез с внешнеполитическими планами московского правительства. Столкновение с митропо-

⁵⁰ Там же, ф. 123, Крымские дела, 1687 г., стлб. 2, л. 332—345; Письма шведского посланника Христофора Кохена.— Русская старина, 1887, т. 23, № 9, с. 122.

⁵¹ О распространении подобных портретов Черниговской типографии см.: Попов П. Материалы до словника українських гравюрів, с. 109—110, 128—138. Портрет много раз публиковался (Ровинский Д. А. Материалы..., вып. 1, № 4; Он же. Подробный словарь русских гравюров..., т. 2, стлб. 986; Семевский М. И. Современные портреты..., прилож. II; Богословский М. М. Петр I, т. 1, с. 74; Морозов А. В. Каталог моего собрания русских гравированных портретов М., 1912, т. 1, табл. 132).

⁵² Д. А. Rovинский и некоторые другие авторы считают, что «этот портрет гравирован Л. Тарасевичем одновременно с портретом царевны Софии Алексеевны.» (Ровинский Д. А. Словарь портретов, т. 1, стлб. 605; ср.: Он же. Подробный словарь русских гравюров ..., т. 2, ст. 986). Композиция и техника исполнения портрета выдают его принадлежность руке Л. Тарасевича, однако с датировкой портрета мы согласиться не можем. О портрете В. В. Голицына во время розыска 1689 г. упомянуто не было. Допустим, С. А. Медведев и А. А. Виниус могли умолчать о нем по незнанию или утаивать свою причастность к его созданию (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках в 4-х т. СПб., 1884—1893, т. 1, стлб. 546—547, 637, 595—598, 657—658). Однако о портрете не говорит и С. Надеин (родственник и личный секретарь Ф. Л. Шакловитого), который был прекрасно осведомлен о всех гравюрах московской серии и не имел отношения к их изготовлению; не говорит об этом и И. Перекрест, которому граверы рассказывали о своей работе, продолжавшейся после его отъезда в Ахтырку (Там же, стлб. 655—658, 659—662). Таким образом, Л. Тарасевич не мог изготовить эту гравюру в 1689 или 1688 г. вместе с гравюрами московской серии. В 1687 г. он работал еще в Чернигове, в типографии Л. Барановича, следовательно, только там мог быть отпечатан портрет.

литом и опосредованно с гетманом заставило Л. Барановича откровеннее выразить лояльность по отношению к правительству Софьи и Голицына. Еще в июне 1686 г. в черниговской типографии была издана книга И. Галятовского «Боги поганские» с посвящением царевне Софье, которая была признана первой в царском доме. Рассматриваемый нами изобразительный панегирик В. В. Голицыну, выражающий одобрение принятого им крымского направления внешней политики, свидетельствует и о поддержке мероприятий Голицына против гетмана, поскольку гетман Самойлович отстаивал противоположные политические взгляды. Таким образом, Баранович, который до сей поры предпочитал стоять в стороне от основной схватки за власть и был, по его собственному выражению, «яко мертвый забвен», начал быстро втягиваться в круг политических интриг. Вскоре он и его сторонники выступили в поддержку Сильвестра Медведева (кандидата в патриархи от наиболее радикальной прософьинской группировки) в его полемике с патриархом Иоакимом, а затем приняли участие в новом этапе пропаганды власти царевны. Соответственно и московское правительство по ходатайству нового гетмана оказало помощь Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому, вследствие чего положение Гедеоны изрядно пошатнулось.

О распространении прославляющей Голицына гравюры у нас нет сведений, можно лишь сказать, что она вполне вписывается в общую картину пропаганды дипломатических и военных «подвигов» В. В. Голицына, развернувшейся в 1686—1687 гг.⁵³ Анализ комплекса литературных панегириков позволяет выделить 1686 г. как переломный в истории регентства. К этому времени у панегиристов отпадают сомнения в правомочности Софьи Алексеевны править наравне с царями, она рассматривается уже как один из членов «царской троицы». Наряду с этим в панегириках отмечено возрастание роли патриарха Иоакима⁵⁴, в прошлом одного из инициаторов нарышкинского переворота 1682 г., в описываемый период — наиболее серьезного противника коронации царевны. Группировка наиболее радикальных сторонников Софьи во главе с думным дьяком Стрелецкого при-

⁵³ Помимо сочинения И. Келлера (ЦГАДА, ф. 123, 1687 г., св. 2, л. 332—345), комплекс пропагандистских памятников включает Летописец 1686 г. (ИРЛИ, Древлехран., оп. 23, № 257; ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 20/25; Гос. б-ка им. В. И. Ленина, ОР, Румянц. собр., № 413, 364 и другие списки), дело Посольского приказа о награждении В. В. Голицына за заключение Вечного мира (Гос. б-ка им. В. И. Ленина, ОР, ф. 29, д. 104; частично опубли.: Временник Общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 5. Смесь, с. 1—10), панегирики Кариона Истомина и Игнатия Римского-Корсакова (ГИМ, Чудовск. собр., 100/302, л. 143—144, упом.: *Брайловский С. Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902, с. 207; Гос. б-ка им. В. И. Ленина, ОР, ф. 205, № 241) и др.

⁵⁴ *Богданов А. П.* Литературные панегирики как источник по истории политической борьбы в России периода регентства Софьи Алексеевны (1682—1689 гг.); БАН, П. 1. А. 58, л. 3—10 об.; *Брайловский С. Н.* К вопросу о литературной деятельности..., с. 38; и др.

каза Ф. Л. Шакловитым принимает решение сменить патриарха⁵⁵, и Сильвестр Медведев затевает с ним религиозный спор, ход которого, как отмечает современник, обсуждали «не токмо мужие, но и жены и детищи... в схождениях, в собеседованиях, на пиршествах, на торжищах и гделибо случится...»⁵⁶. Поскольку среди членов прософьинской партии не нашлось достаточного числа сторонников насильственных действий⁵⁷, к коронации царевны необходимо было подготовить общественное мнение.

Меры по завоеванию популярности правления царевны Софьи были продуманы ее сторонниками со всей серьезностью. Под руководством Ф. Л. Шакловитого (и, вероятно, с участием Сильвестра Медведева) была составлена панегирическая история регентства, основанная на десятках государственных документов и претендующая на объективность оценок; она переписывалась и распространялась. Непосредственно от думного дьяка Стрелецкого приказа дипломаты получили указание добиться заключения мирных договоров в кратчайшие сроки. Сама царевна стала непременно появляться вместе с царями на всех дворцовых церемониях и выходах к церковным торжествам⁵⁸.

Ее сторонники добивались, чтобы на торжественных приемах Софье Алексеевне оказывались равные с Иваном и Петром почести. Осенью 1687 г., когда украинская войсковая старшина в награду за Первый Крымский поход была «допущена к руке» Ивана и Петра и дети ахтырского полковника И. Перекреста произнесли перед ними «похвальную рацею», Ф. Л. Шакловитый решил устроить подобное же чествование царевны Софьи. По его заданию сыновья И. Перекреста с помощью их домашнего учителя И. Богдановского быстро изготовили «похвальную рацею» Софье и произнесли ее на повторном приеме во дворце

⁵⁵ Розыскные дела, т. 1, стлб. 32, 121, 173, 213—214, 216, 221, 224, 272, 276, 304, 336, 340, 358, 386, 409, 601, 616, 621, 636, 670—673, 675, 716—717, 909; т. 3, стлб. 1128. Ср.: т. 1, стлб. 561, 572, 574, 605, 141—142, 164, 249, 251, 617, 672, 676.

⁵⁶ *Остен*. Памятник русской духовной письменности XVII в. (с портретом патриарха Иоакима).— Православный собеседник. Казань, 1865, январь и июль, с. 116. Сочинение издано по списку XVIII в., отличающемуся от исправных современных списков (БАН, А. П. 6/34.4.3, 160 л.; ГИМ, Синод. собр., № 505). Интересующие нас статьи помещены, кроме того, в компилятивном сборнике «Щит веры» (ГИМ, Синод. собр., № 496; Ленингр. отд. ин-та истории СССР, к. 115, № 125; ГПБ, собр. Титова, № 3245 и 3240; БАН, А. П. 8/34.4.5, 185 л.), а также отдельно (ГИМ, Синод. собр., № 252; ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, № 595, л. 185—187; ГПБ, ф. 487, оп. 2, а-145, 23 л.; ГПБ, собр. Толстова, а-1.334, л. 2—81; БАН, ф. 199, оп. 2, № 2, портф. 729; и др.).

⁵⁷ *Богословский* М. М. Петр I, с. 70; *Соловьев* С. М. История России с древнейших времен, т. 14, с. 452 и др. Все авторы опираются на следственные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках.

⁵⁸ *Сильвестр Медведев*. Созерцание краткое лет 7190, 191 и 92, в них же что содеся в гражданстве.— Чтения Общества истории и древностей российских. 1894, кн. 4 (171), отд. 2, с. I—II, 1—197; *Розыскные дела...*, т. 1, стлб. 637; ср.: ст. 569, 707; *Демидова* Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г.— В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 301—310; *Богословский* М. М. Петр I, с. 70.

в присутствии царей⁵⁹. Затем Ф. Л. Шакловитый предложил полковнику в торжественной обстановке поднести царевне панегирик: «Книгу и лист к похвале великой государыне» (московский панегирик обычно сопровождался символической картинкой)⁶⁰. На этом совещании И. Богдановский высказал мысль, что панегирик неплохо было бы отпечатать: «Хотя-де он такую похвалу ей, великой государыне, напишет, только не отпечатав, подать невозможно,— чтоб, отпечатав, поднести». Богдановский взял на себя сочинение текста, Перекрест — материальное обеспечение, а Шакловитый указал основное направление восхваления: «Она-де великая государыня бунт (т. е. народное восстание 1682 г.— А. Б.) утишила, и монастыри строит, и к людям милостива и премудра»⁶¹.

Через год после этого разговора, в великий пост 1689 г. (не ранее 11 февраля), И. Богдановский, черниговский гравер Л. Тарасевич с помощником и И. Перекрест с сыновьями прибыли в Москву⁶². Они привезли с собой два медных гравированных листа — матрицу — и около десяти экземпляров книги. Ф. Л. Шакловитый одобрил гравюру⁶³, и она была отпечатана на Белгородском подворье, где остановился И. Перекрест, на станке, взятом, вероятно, из бывшей Верхней типографии⁶⁴.

⁵⁹ Розыские дела..., т. 1, стлб. 659—661. См. также: *Богданов А. П.* Гравюра как источник..., с. 42.

⁶⁰ См. подносные экземпляры рукописных панегириков: БАН, П.1.А.6 л. 5—13 об.; П.1.А.7, 17+III л., П.1.А.8, 31+1 л., П.1.А.10, 56 л.; и др.

⁶¹ Розыские дела..., т. 1, стлб. 660.

⁶² И. Богдановский сначала отправился в Киев, но в типографии Киево-Печерской лавры уже готовилась к печати книга в честь «правлящей троицы»: Софьи, Ивана и Петра Алексеевичей под заглавием «Три венца молитвенных двенадцатизвездных приличных трем святым заступникам их царского величества тезоименным...», и гравер О. Тарасевич вырезал для этого издания три большие гравюры на меди с образами Иоанна Предтечи, апостола Петра и заступницы Софьи. Не договорившись с Варлаамом Ясинским, И. Богдановский поехал в Чернигов. В типографии Л. Барановича он нашел отличного гравера — Л. Тарасевича — и возможность отпечатать книгу с толкованием гравюры (*Титов Ф.* Типография Киево-Печерской лавры: Исторический очерк. 1606—1616—1916. Киев, 1916, т. 1 (1606—1721), с. 373; *Попов П.* Материалы до словника українських граверів, с. 107, примеч. 2; *Степовик Д.* Олександр Тарасевич, с. 77—78; Розыские дела..., т. 1, стлб. 660).

⁶³ Розыские дела..., т. 1, стлб. 665, 661, 695.

⁶⁴ Гравюра должна была быть отпечатана в один-два дня, так как техника печатания гравюр с медных досок позволяла одному мастеру изготовлять в сутки до 480 оттисков (*Голишев И. В.* Лубочные старинные народные картинки. Владимир, 1870, с. 14). Маловероятно, что громоздкий станок для печатания «фряжских листов» граверы привезли с собой. Не могли они его и изготовить, так как это заняло бы слишком много времени (в 1677 г. такой станок был изготовлен «всего» за 37 дней). (*Голенченко Г. Я.* Белорусы в московском книгопечатании.— Книга. Исследования и материалы, 1966, т. 13, с. 110). На Государевом печатном дворе таких станков не было вплоть до 1708 г. (*Румянцев В.* Сведения о гравировании и граверах при Московском печатном дворе в XVI и XVII столетиях. М., 1870, с. 23), но станки были в Верхней типографии в Кремле, законсервированной в 1683 г. (*Голенченко Г. Я.* Указ. соч., с. 110).

Книги с гравюрой предназначались для подношения. Пять «листов печатных» и книгу дети Перекреста торжественно вручили Софье на приеме, состоявшемся в конце марта 1689 г., «в го время как он, Иван, был у руки», «А другой лист да книжку отдал (Перекрест.— А. Б.) князю Василию Голицыну». После этого полковник с сыновьями были отпущены из Москвы и уехали к себе в Ахтырку⁶⁵.

В этой истории остается не ясным, что заставило украинцев везти в Москву матрицу, а не отпечатанные эстампы. Тому могли быть причины материальные (нежелание тратиться на оплату типографии), на это могло толкнуть и стремление получить сначала одобрение заказчика. В самом деле, Ф. Л. Шакловитый контрольный оттиск гравюры принес Сильвестру Медведеву, желая удостовериться, «какая похвала написана великой государыне благоверной царевне». Опытный панегирист сразу заметил, что на гравюре Софья была прославлена больше царей «излиянием седми даров Духа святого» на нее одну. Хотя Сильвестр и сам ранее употреблял этот прием (правда, в осторожной форме), его поразило, сколь открыто автор расставил политические акценты⁶⁶.

Выше мы уже говорили, что уподобление царевны Софьи — Премудрости божией было связано с признанием за ней права на царскую власть. Наделение же ее семью дарами (иконографическим атрибутом Премудрости божией в киевской редакции), в то время как изображенные рядом Иван и Петр таких «даров» лишены, утверждает преимущество Софьи Алексеевны перед царями. Если в гравюре 1683 г. аллегория Софьи — Софии — Премудрости божией хитроумно замаскирована, если в 1686 г. Софья открыто сравнивается с Премудростью в черниговском панегирике элитарного чтения⁶⁷, то на изготовленной в черниговской типографии по заказу И. Богдановского матрице Софья недвусмысленно поднимается над царями⁶⁸. Не удивительно, что Богдановский не взял на себя ответственность за

⁶⁵ Розыскные дела..., т. 1, стлб. 657, 661, 662.

⁶⁶ БАН, П.1.А.6/17.4.6, л. 5—13 об.; Розыскные дела..., т. 1, стлб. 595.

⁶⁷ *Иоанникий Галатский*. Боги поганские, в болванах мешкаючи духове злыи. Чернигов, 1686. Предисловие.

⁶⁸ Ни одного экземпляра этой гравюры до нас не дошло. Ее описание имеется в распросных речах Сильвестра Медведева, сказке О. Надеина и распросе И. Перекреста (Розыскные дела..., т. 1, стлб. 595, 656, 660). Д. А. Ровинский считает, что гравюра дошла до нас в измененном виде как «тезис Обедовского» (*Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов*, т. 1, стлб. 68; т. 2, стлб. 1232; *Он же. Словарь портретов*, т. 3, стлб. 1523—1532). К сожалению, аргументация Ровинского разбивается об один факт: даже если согласиться, что изображение Софьи и «излияние» на нее «седми даров духа святого» было стерто с матрицы при переделке гравюры в «тезис», то куда же делись царские титулы. «...И под их государскими персонами написано было отечество...», — говорил И. Перекрест, а его показания проверялись по гравюрам (Розыскные дела..., т. 1, стлб. 660), Кроме того, гравюру изготовил Л. Тарасевич, а «тезис» принадлежал руке И. Щирского (*Попов П. Материалы до словника українських граверів*, с. 131).

размножение этого произведения, явившегося логическим результатом эволюции политических взглядов Л. Барановича и его сторонников⁶⁹.

В книге для подношения, озаглавленной «Дары духа святого» (Чернигов, 1688)⁷⁰, И. Богдановский старательно обходил вопрос о взаимоотношениях Софьи с царями. В целом его точка зрения совпадала с мнением группы панегиристов (Кариона Киевского и др.), считавших, что мудрая царевна «богоподанна» Российскому царствию для устройства его внутри- и внешне-политических дел⁷¹. В связи с этим Богдановский приписывал правительнице заслуги «утишения» народного восстания 1682 г., заключения удачного мира с Польшей, Крымского похода, успехи православия в борьбе с униатами и раскольниками и т. п. Эти достижения Софьи, как утверждалось в книге, обусловлены ее «дарами», которые толковались скорее как политические таланты, чем богодарованные добродетели⁷².

Ф. Шакловитый, волевой человек большого ума, быстро понял, какие возможности сулил печатный станок в политической борьбе. Под его руководством на Белгородском подворье был отпечатан не десяток (по числу книг), а более 100 экземпляров

⁶⁹ Необходимо отметить сходство композиций всех трех больших гравюр черниговской серии (исключая портрет В. В. Голицына), несмотря на то что эстампы 1681 и 1683 гг. изготовлены И. Щирским, а 1688 г. — Л. Тарасевичем. На этих гравюрах присутствуют три божественные ипостаси, ниже располагаются персоны царей и Софьи (на гравюре 1681 г. — Федора и Агафьи Семеоновны), еще ниже — басурманские войска, побиваемые всадниками (на гравюре 1681 г. — всадником). Это сходство тем более интересно, что при совпадении отдельных элементов больших гравюр черниговской типографии их композиции весьма разнообразны.

⁷⁰ *Каратаев И.* Хронологическая роспись славянских книг..., № 978; *Ундольский В. М.* Очерк славяно-русской библиографии, № 1057; *Каменева Т. Н.* Черниговская типография..., № 23; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей, с. 166. М. А. Алексеева, не приводя аргументов, утверждает, что связывать эту книгу с гравюрой нельзя (*Алексеева М. А.* Портрет царевны Софьи..., с. 249). Между тем это единственный панегирик Софье, изданный в 1688 г.; содержание книги вполне соответствует описанной в розыскных делах гравюре; наконец, на книге не проставлено имя автора — редкий для черниговской типографии случай, что совпадает с нежеланием Ф. Шакловитого видеть на «подношении» подпись И. Богдановского (Розыскные дела..., т. 1, стлб. 661).

⁷¹ БАН, П.1.А.9 (опубл. в кн.: *Брайловский С. Н.* К вопросу о литературной деятельности..., с. 29—47); *Варлаам Ясинский.* Три венца... Киев, 1688; БАН, П.1.А.6/16, 15, 11; и др. В предисловии книги говорится, что еще во время царствования Алексея Михайловича Софья прославилась своей мудростью, ходили слухи, что она «своей мудростью на весь свет расширит Российское государство, иные говорили, что она возвысит славу христианскую, покорит гордость поганскую». Возможно, здесь найдла отражение популярная внешнеполитическая программа правительства регентства, перенесенная автором в царствование Алексея. Это известие заслуживает внимания в связи с замечанием В. И. Буганова о том, что близкие отношения Софьи с В. В. Голицыным начались еще в 1680 г., т. е. до смерти царя Федора (*Буганов В. И.* Указ. соч., с. 146—147).

⁷² Об описании «добродетелей» в книге Богдановского см.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей, с. 166.

гравюры. Оттиски делались на атласе, тафте и других дорогих материях и раздавались при дворе, среди стрельцов и, возможно, на московском пасаде. К отъезду Перекреста из Москвы (до 31 марта 1689 г.) у Шакловитого созрел замысел новых, еще более смелых гравюр. На его загородном дворе близ Новодевичьего монастыря Л. Тарасевич с помощником выгравировал и отпечатал на бумаге, атласе, тафте и объяри две гравюры общим тиражом более 200 экземпляров⁷³. Новые гравюры задумывались как средство широкой пропаганды в пользу правительства Софьи, поэтому особое внимание было обращено на упрощение символики, ее ясность и доступность.

Первая гравюра представляет собой коронационный портрет Софьи Алексеевны на фоне двуглавого орла⁷⁴. Правительница изображена в царском облачении, со скипетром и державой в руках по типу хорошо известных москвичам царских портретов в «Чине коронования» и титулярниках⁷⁵. По ободку рамки портрета выписан краткий титул «самодержицы» Софии. Ее полный царский титул и стихи о добродетелях, которыми царевна «царство аки седми столпы укрепила», помещены в рамке под орлом. Прославляемые в стихах добродетели (Мудрость, Девство, Правосудие, Кротость, Благочестие, Милость, Крепость) изображены в виде аллегорических фигур в овальных медальонах на крыльях двуглавого орла. Важно отметить, что набор добродетелей здесь отличен от «даров», приписывавшихся Софье Богдановским и другими панегиристами. Это уже не таланты правительницы, но качества государыни, восходящие к тем самым Софийским текстам Ветхого завета, которыми Сильвестр Медведев (автор стихов и подписей к портрету) еще в 1682 г. обосновывал преимущественное право Софьи на высшую власть в Российском государстве. Именно так понимал добродетели и Федор Шакловитый, утверждая, что они с успехом заменяют изображения семи курфюрстов на гербе римского императора⁷⁶.

Вторая гравюра выглядит скромнее. На ней изображен св. великомученик Феодор Стратилат, в рамке под ним — соответствующий текст («Воинствословием истинным страстотерпче...» и т. д.)⁷⁷. Однако гравер допустил и некоторые отклонения от иконографического канона: святой, который должен был бы держать в руках пальмовую ветвь, по колено стоит в груди сабель,

⁷³ Розыскные дела..., т. 1, стлб. 596, 656—658, 661, 662; *Богданов А. П.* Гравюра как источник..., с. 43.

⁷⁴ Гравюру см.: *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравюров, т. 2, стлб. 987; *Алексеева М. А.* Портрет царевны Софьи..., с. 255 (переснято с Ровинского). На следствии 1689 г. этот портрет Софьи не упоминался иначе как вписанный в орла (Розыскные дела..., т. 1, стлб. 662, 657, 546, 637, 667, 595—597).

⁷⁵ *Овчинникова Е. С.* Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1955, с. 104.

⁷⁶ БАН, П.1.А.6/17, 4, 6, л. 5—12; Розыскные дела..., т. 1, стлб. 596, 637, 677.

⁷⁷ Гравюру см.: *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравюров, т. 2, стлб. 987; т. 1, ст. 65; *Он же.* Материалы..., № 174; *Богословский М. М.* Петр I, т. 1, с. 76.

копий, пушек, секир и прочего вооружения... По композиции гравюра принадлежит к упоминавшемуся типу польского парадного портрета с гербом. Действительно, герб на гравюре имеется: он помещен почти в центре гравюры, у ног Стратилата, и изображает льва под солнцем с символами военной власти (булава, сабля, лавровый венок). На вопрос об этой гравюре авторы ее ответили, что печатали «герб Федки Шакловитова»⁷⁸. Так проясняется смысл изменений, внесенных в канон Феодора Стратилата: изготавливая и распространяя изображение своего патронального святого, Ф. Л. Шакловитый хотел, чтобы на нем узнавали его, думного дьяка Стрелецкого приказа, облаченного особым доверием правительницы! К сожалению, мы не можем проверить портретное сходство этого изображения с Шакловитым, поскольку других его портретов не сохранилось; однако вид кудрявого стройного молодца в латах не противоречит имеющимся описаниям внешности думного дьяка. Надо думать, современники могли все же разобраться в смысле гравюры, если и не по подозрительному сходству лика святого с физиономией могущественного министра, то по гербу и другим атрибутам.

Пока изготовлялись матрицы для двух гравюр, лист с портретом Софьи, «назnamenованный против того, каков напечатан», был послан Ф. Л. Шакловитым (через дьяка Посольского приказа А. А. Виниуса) в Голландию, «чтобы ей, великой государыне, слава и за морем была»⁷⁹. «По тем листам, которые печатаны на его, Федкином дворе, слава в Московском государстве; а по тем де листам, что напечатаны за морем, слава ей, великой государыне, и в иных государствах» — говорил Ф. Л. Шакловитый. Амстердамский бургомистр Н. Витзен передал задание граверу Блотелингу, который в кратчайший срок изготовил и отпечатал гравюру⁸⁰, заменив двуглавого орла лавровой и паль-

⁷⁸ Розыскные дела..., т. 1, стлб. 662.

⁷⁹ Публикацию гравюры см.: *Ровинский Д. А. Материалы...*, вып. 1, № 2. Вопрос о времени изготовления этой гравюры вызвал большие расхождения в историографии. В сказке А. Виниуса от 5 октября 1689 г. указано, что Шакловитый отдал ему эскиз «в прошлом во 195 [1686/87] году» (Розыскные дела..., т. 1, стлб. 657). Сказка эта записана с многочисленными ошибками, думаем, что ошибся писец и в дате. Эту гравюру Шакловитый получил уже после того, как были изготовлены образы Софьи «в орле» и Стратилата (Там же, стлб. 547, 596, 637, 677), т. е. через полтора года после вручения ее Виниусу, по датировке сказки, что маловероятно. Л. Тарасевич появился в Москве не ранее 11 февраля 1689 г. (в великий пост 7197 г.), т. е. физически не мог сделать рисунка, посланного в Голландию, в 1687 г., который, по словам Виниуса, был копией с гравюры «Софья в орле». Не можем мы и предположить, что проект рисовал другой художник, так как изображение Софьи «в орле» исполнено в оригинальной манере Л. Тарасевича, не только технически, но и в деталях композиции (*Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов*, т. 2, стлб. 982). О том, что замысел отпечатать гравюру «за морем» возник позже аналогичного замысла для России, говорит и последовательность изложения его Ф. Л. Шакловитым (Розыскные дела..., т. 1, стлб. 597).

⁸⁰ Розыскные дела..., т. 1, стлб. 597, 657, 658, 547, 596, 637, 677.

мовой ветвями и двумя трубящими славами. Названия добродетелей, полный царский титул и похвальные вирши на добродетели на латинском языке написал, вероятно, И. Богдановский⁸¹. В целом гравюра и стихи утверждают наследственное право Софьи на русский престол и, как и первая гравюра московской серии, подчеркивают ее заслуги: подавление народного восстания, включение России в антитурецкий союз, организация Крымских походов, строительство церквей. Около 100 экземпляров этой гравюры были получены Ф. Л. Шакловитым к июлю 1689 г.

Сведения о распространении гравюр московской серии весьма скудны. Тем не менее они позволяют судить о широте, с которой сторонники коронации царевны использовали это новое в России средство пропаганды. Роскошно оформленные портреты Софьи в царском облачении дарились при дворе крупным чинам⁸². Возможно, их раздавал в Кремле и Шакловитый, но его личный секретарь С. Надеин, который поведал следствию о распространении эстампов, видел только то, что происходило на собственном дворе думного дьяка Стрелецкого приказа. Шакловитый раздавал оттиски «всяких чинов людям» «невтай». Из лиц, на его глазах получивших гравюры из рук Шакловитого, Надеин назвал окольничих С. Ф. Толочанова, А. И. Ржевского. В. С. Нарбекова «и иных», ризничьего Акинфа; многих он не «упомнил», а еще больше не назвал, указав только, что это были люди «разных чинов» и что гравюр было «многое число»⁸³. Вероятно, речь шла о придворных и стрелецких чинах, но не исключена возможность, что они раздавались и посадским. Гравюры голландского производства распространялись и за границей⁸⁴, и в Москве, где должны были служить доказательством признания Европой прав Софьи на российский престол.

⁸¹ Если бы это был Сильвестр Медведев, ему не пришлось бы переводить подписи на русский язык (Там же, стлб. 547, 596, 637, 677). Об авторстве И. Богдановского говорит и сходство описания «даров» царевны Софьи в стихах к портрету и «Дарах духа святого». Стихи выявляют известный прогресс панегириста в оценке Софьи, за которой уже полностью признается право на царскую власть (сравнение с английской королевой Елизаветой I). Однако право это — не божественного происхождения, как у Сильвестра Медведева, а вытекающее из заслуг Софьи Алексеевны, которая прославилась делами, как Семирамида, «иже во веки памятно дело сотворила», и по сравнению со своими братьями мудра, как греческая царевна Пульхерия.

⁸² Один из этих портретов, полученный из рук царевны псковским воеводой П. А. Головиным, до середины XIX в. хранился в вотчине Головиных, в церковной ризнице (*Казанский Н. Село Новоспасское и родословная рода Головиных. М., 1847, с. 124*).

⁸³ Розыскные дела..., т. 1, стлб. 655—658.

⁸⁴ Возможно, с помощью голландского купца Вилима Горзона. Все три обнаруженные Д. А. Ровинским экземпляры гравюры происходят из Голландии и Германии (*Ровинский Д. А. Словарь портретов, т. 3, стлб. 1943—1944*).

Портреты Софьи из московской серии являются одним из немногих источников, вышедших из рук сторонников правительницы, которые отражают стремление регентши к царской короне. Замысел коронационного портрета, возникший к концу марта 1689 г., свидетельствует о том, что решение о венчании Софьи Алексеевны царским венцом было принято еще зимой, возможно сразу же после женитьбы Петра, а не летом этого года, как принято считать. Тема коронационного портрета была решена традиционно (обрамление — по типу портрета с гербом, лик — в соответствии с Титулярником), однако в композиции отразились и индивидуальные политические взгляды авторов. Если И. Богдановский, связанный прежде всего с украинской войсковой старшиной и испытывавший давление со стороны Шакловитого, выдвигал на первый план заслуги правительницы, то партия малороссийского духовенства в лице Лазаря Барановича, Иоанникия Галятковского и др. и глава церковной оппозиции в Москве Сильвестр Медведев утверждали божественную природу власти Софьи. Изображение Ф. Л. Шакловитого под видом св. великомученика Феодора Стратилата свидетельствует не только о понятном стремлении дьяка завоевать популярность, но также и о том, что он уже чувствовал себя самостоятельной силой в правительстве. Отсутствие портрета В. В. Голицына в этой серии наталкивает на мысль, что взаимоотношения двух влиятельнейших членов правительства Софьи не были столь безоблачны, как принято думать⁸⁵. По крайней мере, мы можем поставить вопрос об эволюции этих отношений и искать объяснение нейтральности В. В. Голицына в разгар схватки Софьи с Нарышкиными не только в его моральных качествах⁸⁶, но и в изменении соотношения сил в правительстве к лету 1689 г. Возможно, именно с этим связана настоятельная потребность в расширении круга сторонников правящей группировки, послужившая причиной появления в России нового средства пропаганды — политической гравюры.

После августовского переворота 1689 г. пришедшие к власти Нарышкины не решились на конфискацию эстампов и судебное преследование их изготовителей. Уже с середины сентября «заговор» Ф. Л. Шакловитого, в котором активно участвовали сторонники Нарышкиных, награжденные после его разгро-

⁸⁵ Заметим, что Карион Истомин, с начала 1689 г. полностью переключившийся с прославления Софьи на панегирики Петру и Нарышкиным, тем не менее продолжал славить В. В. Голицына! (см. панегирики Софье: 1682 г. — ГИМ, Чудовск. собр., 99/301, л. 1—12; 1683 г. — БАН, П.1.А.8/17.6.13, 31+1 л.; 1687 г. — ЦГАДА, ф. 181, № 645; ГИМ, Чудовск. собр., 99/301, л. 202; № 98/300, л. 31—37. Три панегирика Нарышкиным 1689 г. см.: ГИМ, Чудовск. собр., 98/300, № 100/302. Панегирик В. В. Голицыну 1689 г. см.: ГИМ, Чудовск. собр., 98/300, л. 61 об.).

⁸⁶ См., например: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, т. 14, с. 451, 459; *Богословский М. М.* Петр I, т. 1, с. 72.

ма⁸⁷, был официально представлен причиной, а не поводом внезапного переворота. Поэтому интересующие новое правительство вопросы выяснялись, но вне рамок «Дела розыскного о Федоре Шакловитом и его сообщниках»⁸⁸. Только в 1699 г. вышел приказ об уничтожении изображений члена царского дома⁸⁹, и почти все оттиски политических гравюр периода регентства были уничтожены. Тем не менее сохранившиеся и изысканные собирателями экземпляры позволяют использовать комплекс отечественных политических гравюр периода регентства Софьи для анализа взглядов и действий их заказчиков, принимавших участие в ожесточенной схватке за власть в верхах Российского государства.

⁸⁷ Второв Н. Н., Александров-Дольник К. О. Воронежские акты. Воронеж, 1850, кн. 1, с. 80—91.

⁸⁸ Богданов А. П. Гравюра как источник..., с. 41—42, 45.

⁸⁹ Богословский М. М. Петр I, т. 1, с. 71.

ИЗ ИСТОРИИ ОПИСАНИЯ КЕВРОЛЬСКОГО УЕЗДА В XVI — НАЧАЛЕ XVIII В.

Н. П. Воскобойникова

В настоящей статье поставлена задача проследить по архивным материалам историю описания территории Кеврольского уезда в XVI — начале XVIII в.

Сведения об описании уезда в XV—XVI вв. очень лаконичны, а самих описаний территории уезда этого периода не сохранилось. До 1623 г. Кеврола и Мезень входили в Двинский уезд и описывались одновременно с ним на правах его волостей. Впервые описывал Двину «князя великого писец Тимофей Михайлов сын Офонасьева»¹.

Второе описание Двины было начато в 1552 г. Под этим годом в Двинской летописи записано: «... в то лето приехал на Двину писец Иван Петрович Заболоцкий да Дмитрий Иванов сын Темиров с товарищи»². В результате описания уезда в 1552—1553 гг. жители волостей получили сотные с писцовых книг: «Лета 7061 дана сотная з двинских книг по новому письму Ивана Петровича Заболотцкого да Дмитрия Ивановича Темирова с товарищи в Пенезжской уезд волости, в волость Верколу и в волость в Кевролу»³.

Следующее писцовое описание двинских земель Василия Гагина проводилось в 1559 г. По-видимому, к 1560—1562 гг. можно отнести и описание П. Маркова. Так, известно, что в 1561—1562 (7070) гг. крестьяне Веркольской волости получили сотную «по новому письму Петра Ивановича Маркова с товарищами»⁴.

В 80—90-е годы XVI в. проводилось описание большей части уездов Русского государства. Описание Кевролы и Мезени в 1587—1589 гг. начали писец кн. Василий Андреевич Звенигородский и подъячий Рахманин Воронов, а после смерти первого

¹ А. И. Андреев относит описание Т. Афонасьева к 1496 г. (*Андреев А. И. Отступные грамоты: К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в. Пг., 1916, с. 28*). А. И. Копанев считает, что описание было в 1500 г. (*Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в.— В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 110*).

² *Титов А. А. Летопись двинская. М., 1889, с. 10.*

³ ГИМ, ОПИ, ф. 229, д. 2, л. 11.

⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 229, д. 2, л. 12.

описание заканчивал воевода кн. Борис Иванович Месецкий вместе с Вороновым. По поводу этого описания в летописце Двинском под 1587 г. имеется запись: «Приехали писать двинских жителей и пашенных земель и всяких угодий князь Василий Андреевич Звенигородской, а в 96 и 97 годах писал на Двине, он же и воеводою был. После князя Звенигородского был на Двине воеводою князь Борис Иванович Мезецкой да подьячий Рахманин Воронов»⁵. Следующая запись подтверждает дату начала описания: «В прошлом году 96 о Покрове св. богородицы ехали господине государевы писцы князь Борис Иванович Мезецкой да Рахманин Макарин»⁶. А ниже сказано, что земли крестьянам отвел «Борис Мезецкой и подьячий Рахманин»⁷.

К 20-м годам XVII в. относилось описание ряда уездов Московского государства, о чем свидетельствует выдержка из доклада царю Михаилу Федоровичу в 1628 г.: «А после московского разорения в прошлых годах по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу посланы были писцы Новгородские чети в города: в Великий Новгород, на Двину, в Кевролу и на Мезень, в Пермь Великую с пригороды, в Арзамас, в Каргополь. И с тех городов писцы к Москве приехали и книги писма своего в четверти положили»⁸.

К этому времени относится «Книга Двинского уезда черных волостей Кевролы и Мезени писма и меры Осипа Яковлевича Прончищева да подьячих Семена Реткина и Петра Шарапова. Лета 7131 году»⁹ 1622—1623 гг. В ней дан следующий порядок описания волостей. Сначала идет описание Кеврольского стана, далее — земель, бывших за московским введенцем Богданом Щепоткиным, затем в определенной последовательности всех остальных волостей — Веркола, Лавела, Марына Гора, Чакола, Сура, Выя, Малая Пенежка, Перемская и Пильи Горы. В каждой земле и волости описывались погосты, жилые селения, пустоши. В населенных пунктах перечислялись дворы крестьянские, половничьи, бобыльские, вдовьи, церковного причта с указанием имен их владельцев. Описывались пашенные земли, сенокосные угодья, слопцы и перевесья как каждого владельца, так и целой деревни или группы селений. Итог селений, дворов, угодий дан в конце описания стана (волости). В заключении

⁵ Титов А. А. Летопись двинская, с. 13.

⁶ ГИМ, ОПИ, ф. 229, д. 2, л. 17.

⁷ Там же, л. 4. Речь идет о Рахманине Воронове.

⁸ ЦГАДА, ф. 141, 1628, д. 79, л. 90.

⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 185. К этому времени волость Кевроль и Мезень уже получили самостоятельность и описывались отдельно от Двины. Книга заключена в кожаный переплет, размер ее 15,5×19×6 см, имеет 472 листа, современная нумерация расходится со старой буквенной вследствие нумерации ранее пустых листов. В книге отсутствует шестой лист (по старой нумерации), которого, по-видимому, уже не было и во время ее переплета в середине XIX в. В книге имеется три скрепы по числу писцов. Подробно об описании 1623 г. см.: Материалы по истории крестьянства и хозяйства. М., 1977.

книги давался их общий итог по уезду и в целом по Кевроле и Мезени. Все данные сравнивались с предшествующим описанием Б. Мезецкого. Имеется список с этой писцовой книги на Кеврольской стан, приобретенный Пушкинским Домом во время Археографической экспедиции в Пинежский район Архангельской области в 1962 г.¹⁰

Большинство уездов Русского государства описывалось в 1646 г. В Кевролу и Мезень были посланы дьяк Иван Тимофеевич Фустов и подьячий Иван Богданов. Писцы, приехав на место, взяли «у кеврольцев и мезенцев, у земских старост и у целовальников, и у заказчиков, и у сотских, у выборных людей сказки» и, имея на руках приправочные книги Осипа Прончищева «с товарищи» 7131 г., приступили к работе¹¹. Согласно наказу, полученному ими из Новгородской четверти 1 апреля 1646 г., они должны были переписать на погостах, деревнях и починках дворы, а во дворах — людей с указанием их родственных связей, а также пустые деревни и пустые дворы в жилых деревнях.

Переписчики придерживались последовательности описания волостей по книге 1623 г. Причем в отличие от предыдущего описания в книге 1646 г. приводится число селений и численность населения по каждой волости, входившей в Кеврольский стан, а не по стану в целом. В заключении книги приводится общий итог числа деревень, починков, пустошей, дворов разных категорий населения, а также численности населения уездов и общий их итог по Кевроле и Мезени. 14 августа 1646 г. писцы уже подали в Новгородский приказ сверенные и переписанные начисто книги. Конечно, за столь короткий срок, около четырех месяцев, они не имели возможности проверить все сказки населения двух далеко друг от друга расположенных уездов, что и повлияло на качество их работы.

По-видимому, вскоре после окончания описания стали поступать жалобы на неправильные действия писцов. Боясь наказания, И. Фустов и И. Богданов решили провести повторное описание уездов, о чем они сообщали в следующей переписной книге 1647 г.: «В прошлом 154 г. они посланы были из Новгородской четверти в Кевроль и на Мезень для переписи дворов и во дворах людей» и «что будучи они в Кевроле и на Мезени досматривали и писали сами, а инде писали по скаскам, а в ыные места для поспешенья он, Иван Фустов, посылал подьячего Ивана Богданова». Далее они просили, чтоб «государь их пожаловал, велел им тое вину отваить, послать в Кевролу и на Мезень для подлинные переписки опять...»¹²

¹⁰ Список без переплета, дефектный (не имеет двух первых листов, а также двух листов последней тетради); он состоит из 8 тетрадей в четверку, в нем 60 листов. Описание каждой волости начинается с новой тетради. Подробнее см.: *Симина Г. Я.* Писцовая книга как исторический материал. — В кн.: *Рукописное наследие Древней Руси (по материалам Пушкинского Дома)*. Л., 1972.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 15054, л. 2 об.

¹² Там же, л. 204

Новое описание было начато осенью 1646 г. и закончено к весне 1647 г. На этот раз работа переписчиков заключалась в проверке всех сведений, помещенных в описании 1646 г. В книге 1647 г. зафиксированы изменения в числе селений и численности дворов и населения по сравнению с прежним описанием 1646 г.

Книга 1647 г. переплетена вместе с книгой 1646 г. и составляет ее вторую часть. К каждой части книги—по две скрепы¹³. Порядок описания 1647 г. повторяет предыдущий. В отличие от книги 1646 г. в книге 1647 г. подробно указывается время и причины запустения дворов.

В 1678 г. было предпринято составление новых переписных книг по большинству уездов Русского государства. 4 марта 1678 г. стольник Борис Андреевич Пазухин и подьячий Борис Максимов получили наказ о переписи населения в Кеврольском и Мезенском уездах. Согласно наказа они должны были «во всех станах и в волостях, и в деревнях, и в починках, и на церковных землях попов, и дьяконов, и церковных причетников, и крестьянские, и бобыльские дворы, и во дворах людей переписывать по имяню с отцы и с прозвищи и что у кого детей, и братей, и племянников, и сосед, и подсоседников, и захребетников, и недорослей, и многих ли те недоросли лет» «и что пустых дворов и хто теми дворами и землями владеет»¹⁴. По-видимому, это описание было начато в начале весны 1678 г. и закончено к осени 1678 г., так как 1 ноября того же года переписная книга была подана в приказ¹⁵. Таким образом, описание продолжалось около восьми месяцев.

Ко времени окончания переписи 1678 г. у крестьян Кеврольского уезда накопилась большая задолженность по уплате налогов. В ответ на их просьбу об освобождении от уплаты недоимок за 1667—1678 гг. из Новгородского приказа была послана грамота воеводе Афонасию Траурнихту, в которой разрешено населению не платить недоимки, а воеводе предписано провести дозор уезда.

В своей отписке А. Траурнихт сообщал, что поручено «пустые дворы и земли и всякие угоды дозреть мне, холопу твоему, самому и переписать... сколько под теми пустыми дворами наперед сего было в тягле земли и всяких угодей и сколь давно и от чего, которые дворы и земли, и угоды запустели, и что с

¹³ Книга хорошей сохранности, заключена в кожаный переплет, размер ее 16×21×10 см. Книга имеет 566 л. (л. 1—197 включают описание Кевроли и Мезени 1646 г., л. 198—202 — пустые, на л. 203—566 дано описание 1647 г. этих же волостей). В первой части — 25 тетрадей, во второй — 41. Современная нумерация соответствует старой.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 15055, л. 1—3.

¹⁵ Там же. Книга хорошей сохранности, имеет кожный переплет с завязками. Размер ее — 16×21×6,5 см, 186 л. В книге 23 тетради по 8 л. каждая. Современная нумерация соответствует старой буквенной. Книга имеет две скрепы.

тех пустых дворов, и з земель, и со всяких угодей было по сошному письму данных, и оброчных, и полонянничных, и стрелецких денег, и всяких оброков, и где ныне тех пустых дворов жители, и после тех жителей хто дворами их и землю и всякими угодьи владеет». Далее он писал, что «в Кевроле и в Кеврольском уезде в волостях пустые дворы и земли, и всякие угодья дозировал я, холоп твой, сам и переписывал», «а описав и дозря тому всему велел учинить книги „пустоты“, которые послал 21 апреля 1679 г. в Москву»¹⁶. По-видимому, дозор был начат сразу после окончания переписи 1678 г. (в сентябре-октябре этого же года) и закончен к весне 1679 г.

В ЦГАДА хранится часть дозорной книги на волости Вью и Малую Пинежку¹⁷. Главное внимание в книге обращено на запустение уезда, на пустые пашни и дворы. По каждой волости приводятся также сведения о численности селений, дворов, пашни, угодий, размере вытей и сошного письма по итогам описания 1623 г. и по дозору 1678 г.

Очевидно, «опись пустоты» не удовлетворила ни правительство, ни население уезда. Решено было провести писцовое описание, которое было задумано, как свидетельствуют источники, еще в 1681 г. Так, 19 ноября 1681 г. была послана грамота воеводе Гавриле Тухачевскому о назначении к ним писцом стольника Прокопия Ларионова и подьячего Бориса Максимова¹⁸. В это же время П. Ларионов просил об отсрочке решения его судного дела в Поместном и Судном приказах в связи с новым назначением¹⁹. В марте же 1682 г. Федор Яковлев Нелединский также просил отсрочить решение его дел в разных приказах, так как он должен был «быть на Кевроле и на Мезени для писцового дела»²⁰. Оба эти назначения, по-видимому, не состоялись из-за челобитных населения. Так, в феврале 1682 г. кеврольский и мезенский староста Степан Курганов с товарищами, узнав, что к ним назначают писца, просил, ввиду того что их «местишко малое и нужное...», «быть писцом одному столнику и воеводе Гаврилу Яковлевичу, потому что нам двух кормить,

¹⁶ ЦГАДА, ф. 125, оп. 2, д. 1171, л. 8.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 1166. Первая часть этой книги (л. 1—44) представляет список с писцовой книги 1623 г. на эти же волости, составлена, по-видимому, в Новгородском приказе специально для оказания помощи дозорщикам при описании уезда. Размер книги 21×17×2 см, переплет современный. Первоначально книга имела 296 л., из которых сохранились лишь 122 л. Ранее книга была полнее и, по-видимому, в ней были и другие волости. Судя по почерку, водяному знаку («голова шута», близкому к № 1207 по Герасимову), скрепе дьяка Павла Симонова, занимавшего в Новгородском приказе эту должность с октября 1677 г. по март 1680 г. и ссылкам в ряде мест книги на прошлый 186 год, дозорная книга относится к концу 80-х годов XVII в. Дозорная книга имеет скрепу по правому полю листов воеводы и дозорщика Афанасия Траурнихта на немецком языке.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 141, 1681 г., д. 135, л. 1.

¹⁹ Там же, ф. 159, оп. 3, 1681 г. д. 1539, л. 1.

²⁰ Там же, 1682 г., д. 1623, л. 1—2.

и в подводах, и во всяких расходах оплачивать невозможно, чтоб от того нам сиротам твоим в конец не погинуть»²¹.

С 1684 по 1686 г. проводились писцовые описания уездов Русского государства, о чем свидетельствует грамота в г. Нижний Новгород воеводе Г. Безобразову от 23 сентября 1684 г.: «А которые города ведомы в государевом нашем Посольском и Новгородском приказах и в четвертях, которые чети ведомы в государевом нашем Посольском приказе, и в те города указали мы, великие государи, послать наши великих государей послушные грамоты из государственного нашего Посольского приказу, чтоб в тех городех воеводы наши велели им, писцам, в городех отвесть съезжие и постоянные дворы, и для розсылки велели им давать служилых людей по пяти человек и на ослушников сколько человек пригож, да на меру вервь в длину 80 сажень, и чтоб писцовому делу ни в чем молчания не было»²². В выписи же в Новгородском приказе сказано, что 10 ноября 1684 г. цари указали, а бояре приговорили, «в те города послать писцов, в которые ис Поместного приказу ныне не посланы»²³. Из дела по челобитной новгородских и новоторжских посадских людей о присылке межевальщиков мы узнаем, что в некоторые города писцов посылали «нарочных, в иных же городах писали воеводы»²⁴, как это было в Кевроле и на Мезени.

10 декабря 1684 г. последовал указ «в Кевроле и на Мезени, в Кеврольском и Мезенском уездах быть писцом стольнику и воеводе Федору Романовичу Яковлеву» и «писцовый наказ к нему, Федору, послан 23 сентября того же года»²⁵. Описание Кеврольского уезда было начало лишь в 1686 г.: с 13 апреля до 7 июля 1686 г. описывался Кеврольский стан и волость Марьи-на Гора, с 9 июля до 1 августа — волость Чакола. Описание и межевание уезда проходило не везде спокойно. Так, оно встречало сопротивление крестьян нескольких северных волостей уезда: Чакольской, Перемской и Пильных Гор, которые выгоняли писцов из волостей и не давали им сведений, о чем неоднократно сообщали писцы в Новгородский приказ. Крестьяне ряда волостей Кеврольского уезда посылали в Новгородский приказ челобитные, в которых жаловались на злоупотребления писца Федора Романовича Яковлева при описании их земель и прикладывали роспись чинимых им «налогам и обидам»²⁶. Во время правительственного сыска в октябре 1686 г. крестьяне Перемской волости объяснили свое непослушание писцам тем, что воевода не показал им указа о проведении описания, а «горные и орамы земли мерил и примеривал к тем землям пустые места

²¹ Там же, д. 1622, л. 1.

²² Там же, д. 2035, л. 6—7.

²³ Там же, д. 2043, л. 1.

²⁴ Там же, д. 2044, л. 1.

²⁵ Там же, д. 2016, л. 1.

²⁶ Там же, д. 2593, л. 3.

с лесами» и спрашивал с них «к писцовому делу заручных сказок о промыслах наших и о детех и о пожитках, кто чем промышляет и сколько у кого детей и пожитков»²⁷.

Описание Кеврольского уезда сильно затянулось, а 5 сентября 1686 г. последовал уже указ о возвращении писцов. «...Ныне по их великих государей указу и валовым писцом, которые посланы были ис Поместного приказу, писать в уездах не велено. И велено им быть из городов к Москве. А что они, писцы, будучи в тех городах по наказом, писцового своего дела зделали и тому писцовые свои книги с подлинною очисткою...»²⁸.

Ф. Яковлев, готовясь к сдаче воеводства, в своей отписке от 11 августа 1686 г. просил, чтобы новый воевода Михаил Романов Воейков взял у него «писцовый и межевой наказ». Но, как свидетельствует помета на отписке от 14 августа 1686 г., Ф. Яковлев при отъезде в Москву должен был захватить с собой и наказ²⁹. По приезде в Москву 18 февраля 1687 г. Ф. Яковлев подал в Новгородский приказ книги своего описания: «Писцовые и межевые книги Кевролы и Кеврольского уезда погостам и черным волостям, и деревням, и всяким угодым писма и меры и межеванья стольника и воеводы и писца Федора Романовича Яковлева 194 года»³⁰.

О характере описания говорилось в предисловии к книге: «А что по ево новому писму и мере и межеванья по осмотру объявилось на погостех церквей и церковных причетников и в волостях волостных крестьянских и половничьих и бобыльских дворов, и во дворах людей, и пашни, и сенных покосов, и всяких угодей, и то написано в сей книге ниже сего»³¹. На первом листе под заголовком имеется приписка, сделанная в приказе: «Взять из наказов, справить и учинить выписку сколько станов и написано и не дописано». При проверке выяснилось, что: «А по письму ево писал и межевал он Кеврольский стан да три волости. А не дописал и не domeжевал станов и волостей многих». И действительно, в книге имеется описание лишь Кеврольского стана и двух волостей: Чаколы и Марьиной Горы. Таким образом, за время своего воеводства (весну, лето и осень 1686 г.) Ф. Яковлев не сумел переписать не только тех волостей, население которых оказалось ему сопротивлением (Перемская и Пильи Горы), но также и других волостей: Сура, Выя, Малая Пинежка, Веркола и Лавела.

²⁷ Там же, д. 2353, л. 3.

²⁸ Там же, д. 2478, л. 1.

²⁹ Там же, д. 2483, л. 1.

³⁰ Там же, ф. 1209, кн. 186, л. 5. Книга заключена в кожаный переплет. Размер ее 10×22×7 см, содержит 326 л.; в ней 42 тетради, в каждой по 8 л. Современная нумерация соответствует старой буквенной. По всей книге скрепа писца. Книга дефектна (у л. 291—326 оборвана верхняя часть текста). Книга имеет оглавление, составленное одновременно с описанием.

³¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 186, л. 5.

Порядок описания уезда 1686 г. отличался от предыдущих. По каждой волости даны итоги пашенных земель с делением их на средние и худые, а также сенокосных угодий.

А в итогах по земле (Кеврольскому стану, Чаколе и Марьиной Горе) дается число дворов разных категорий населения, а в них и людей с указанием возраста; указаны оброчные угодья, межи, отделяющие одну землю от другой, а также дается сравнение размеров пашенных земель и сенокосных угодий с писцовой книгой 1623 г. Цифровые показатели книги 1686 г. сравниваются с записью в писцовой книге 1623 г.

Вскоре после описания в феврале 1687 г. население Кеврольского уезда послало челобитную в Москву, в которой просило разрешить владеть земельными участками на основании полученных выписок из писцовой межевой книги Федора Яковлева³². Последующие воеводы, сменявшие Ф. Яковлева, не продолжили описание уезда. Этого не сделал ни приемник Федора Яковлева Михаил Воейков, ни сменивший его Мина Хомутов. Последний 3 апреля 1692 г. сообщил в Москву, что население Кеврольского уезда просило «с розмынных земель и с сенных покосов и со всяких угодей тягло и оброк снять. А новоприсадные земли отдавать им вновь в тягло и на оброк». В ответ на его отписку последовал указ от 10 мая 1692 г., в котором ему предписывалось, что «не дописал стольник и воевода Федор Яковлев дописать и domeжевать» и сообщалось, что к нему будут посланы грамота и наказ таков же, каков дан был Федору Яковлеву»³³. В сентябре того же года Мина Хомутов просил дать ему для продолжения описания бывшего подьячего Богдана Петрова.

М. Хомутов так и не смог продолжить описание из-за отсутствия в Кевроле и на Мезени писцовых и межевых книг Ф. Яковлева, о чем он сообщил в марте 1693 г. в приказ. На его отписке имеется резолюция 1693 г.: «201 год марта 13. Взяти к отпуску, а стольнику и воеводе Мине Хомутову велеть то писцовое дело отложить впредь до указу»³⁴.

В августе — сентябре 1693 г. воеводство принял стольник Семен Юрьев Солнцев-Засекин, которому по указу от 10 февраля 1694 г. было приписано «которых станов и волостей не дописали и не domeжевали стольники и воеводы Федор Яковлев и Мина Хомутов, дописать и domeжевать...»³⁵. Получив наказ, новый воевода просил прислать ему списки с писцовых книг своих предшественников³⁶. Но, как выяснилось, М. Хомутов писцовых книг в приказ не присылал, о чем свидетельствует помета на отписке С. Ю. Солнцева-Засекина: «Сыскать Мину Хомутова и допросить».

³² ЦГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 2706, л. 11.

³³ Там же, д. 4238, л. 1.

³⁴ Там же, д. 4238, л. 28.

³⁵ Там же, л. 29—30.

³⁶ Там же, л. 34.

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что задуманное, по-видимому, еще в 1681 г. описание Кеврольского и Мезенского уездов, которое начало осуществляться лишь с 1686 г., затянулось на ряд лет и так и не было закончено.

Несколько переписей населения Кеврольского и Мезенского уездов проводилось и в начале XVIII в. Первая перепись была проведена в 1710 г. по указу от ноября 1709 г. и по наказу ландрихтера Архангелогородской губернии Петра Ермолаевича Баскакова. Книга хранится в архиве ЛОИИ СССР³⁷. Первая ее часть: «Книга переписная поручика Якова Гаврилова Селиверстова, что в Кевроле и в Кеврольском уезде во всех волостях крестьянских и бобыльских дворов». Порядок описания остался прежним: сначала по землям-волостям дается описание жилых дворов, а затем в том же порядке — пустых дворов с указанием причин их запустения.

В первой части книги — Кеврольском уезде — перечислялось только мужское население двора с указанием детей от 1 до 4 лет. В итоговых записях по каждой волости и стану указано число дворов и численность населения. Численность селений нигде не зафиксирована. Итоговые данные по всему уезду вовсе отсутствуют.

Следующая перепись населения, по-видимому, была проведена в 1712 и 1714 гг. Но переписных книг этих описаний нами не обнаружено. В ЦГАДА хранится часть переписной книги 1718 г.³⁸, в которой дано описание некоторых волостей Кеврольского стана (Нембужской, Покшеньгской, Кротовской, Шетогорской, Карповской и Ваймужской). В этой книге указаны изменения в численности дворов и в них людей по сравнению с переписными книгами 1678 и 1714 гг., а также причины прибыли и убыли населения сравнительно с книгой 1712 г.

Таким образом, история писцовых описаний и переписей населения Кеврольского уезда позволяет на конкретном материале ознакомиться не только с задачами, стоявшими перед писцами и переписчиками, и техникой описания, но и с причинами, осложнившими проведение этой работы (со сжатыми сроками описания и отказом населения подавать сказки), которые повлияли на сроки проведения описательных работ, приводили к срывам сроков описания или к дополнительным описаниям.

³⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 10, оп. 3, д. 25. Книга реставрирована, заключена в современный переплет. Размер ее 34×21×1,5 см; в первой части книги — 69 л., 6 тетрадей, в каждой по 10 л. Книга написана одним почерком. Буквенная нумерация соответствует современной. На полях книги скрепа поручика Якова Селиверстова.

³⁸ ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, кн. 1178. Размер книги 32,5×20,5×1,5 см. По левому полю книги скрепа Ивана Телепнева, на л. 128 запись: «Справил Алексей Ильин». В настоящее время в книге имеются лишь 70 л. (л. 58—128 по старой нумерации), ранее в ней насчитывалось 128 л. Отсутствие л. 1—57 свидетельствует о том, что ранее книга имела другой объем а до нас дошел ее отрывок.

К ИЗУЧЕНИЮ СТАТЬИ 100 СУДЕБНИКА 1550 г.

Г. В. Семенченко

Данная статья имеет целью исследование происхождения, содержания и значения ст. 100 Судебника 1550 г. («О суде с удельными князи»). Краткую характеристику содержания ст. 100 дал еще Н. Ланге¹. Л. В. Черепнин, Б. А. Романов, А. А. Зимин, обратив внимание на отсутствие в ряде списков Судебника 1550 г. ст. 100 и в большинстве прочих списков нумерации этой статьи, а также на то, что ст. 97, 98, 99 логически завершают текст Судебника, пришли к убедительному выводу о приписке ст. 100 к основному тексту документа².

Л. В. Черепнин относит появление норм ст. 100 Судебника 1550 г. к эпохе создания Судебника 1497 г. Он полагает, что составители последнего использовали «Запись о душегубстве» — источник середины XV в., регулирующий нормы московского судопроизводства. Поскольку нормы «Записи» отсутствуют в сохранившихся списках Судебника 1497 г., Л. В. Черепнин выдвинул гипотезу о несохранившихся 5—6 статьях его, развивающих нормы «Записи». Совокупность их он находит в ст. 100 Судебника 1550 г. Считая, что в XV—XVI вв. была тенденция укладывать содержание Судебников в 100 статей, Л. В. Черепнин подкрепляет свои предположения и тем, что прибавление к сохранившимся 94 статьям Судебника 1497 г. 5—6 статей — параграфов, на которые явственно распадается ст. 100 Судебника 1550 г., дает искомую сотню³.

Предположение о неразрывной связи «Записи о душегубстве» со ст. 100 Судебника 1550 г. не подкрепляется их сопоставительным анализом. Попытка приблизить число дошедших статей Судебника 1497 г. к цифре 100 дискуссионна, ибо исследователи обычно исходят из членения его не на 94, а на 68 статей⁴. Неясно также, почему авторы Судебника 1550 г. сразу же

¹ Ланге Н. Древние русские смесные, или вобчие, суды. М., 1882, с. 34—35.

² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. (далее: Черепнин Л. В. РФА.). М., 1951, ч. 2, с. 349; Судебники XV—XIV вв. М., Л., 1952, с. 338 (комментарий Б. А. Романова); Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 415—417.

³ Черепнин Л. В. РФА, ч. 2, с. 348—358.

⁴ Подробнее см.: Памятники русского права. М., 1955, вып. 3, с. 345—346.

не включили в его текст ст. 100, если она была давно разработана и входила уже в Судебник 1497 г.

С. Б. Веселовский, И. И. Смирнов, Б. А. Романов, А. А. Зимин относят появление ст. 100 к периоду около 1550 г.⁵ А. А. Зимин заметил, что дата древнейшего из дополнительных к Судебнику 1550 г. указов, помещенных вслед за статьей «О суде с удельными князи»,— май 1555 г. Отсюда он логично заключил, что ст. 100 появилась во всяком случае до мая 1555 г.⁶

Изучение соотношения ст. 100 с текстом всего Судебника 1550 г. дало плодотворные результаты. Убедительно доказано, что ст. 100 — приписка к тексту Судебника 1550 г., что она возникла до мая 1555 г. Но пока неясно, когда появились нормы, на которые распадается ст. 100, и что нового они внесли в русское законодательство. Выяснению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Ст. 100 Судебника 1550 г. явственно распадается на ряд параграфов:

§ 1. «А взыщит москвитин какова дела на сельских волостелех, которые селца московские за удельными князи, ино судити их великому князю, а не отвечает волостель селецкой, и царю и великому князю его обинити».

§ 2. «А взыщит селецкой на селецком, и судит их их же волостель. А не будет их князя на Москве, и волостелю к докладу с Москвы не водити, а ждати князя на Москве, а поведет их волостель с Москвы к докладу к своему князю, а учтет тех исцов один к царю и великому князю и бьет челом, царю и великому князю на того волостеля дати пристава, а повезет его через то в удел, и там его царь и великий князь обинит».

§ 3. «А бьет челом царю и великому князю царя и великого князя сын боярской на удельного человека, и царь и великий князь, воименовав своего судью да пошлет к своему брату, к удельному князю, коли будет князь на Москве, и удельный князь даст своего судью, а суду быти на Москве хотя б тот человек был на его деле в Москве. А удельного князя сын боярской бьет челом на царя и великого князя человека, ино суду быти также на Москве».

§ 4. «А бьет челом царю и великому князю жалобник удельного князя человек из его вотчины на царя и великого князя человека, и царь и великий князь даст пристава, да судит царь и великий князь сам».

§ 5. «А на москвитине взыщит которого князя удельного городской человек, и ино судити их наместником московским, а без судьи. А искати москвитину на удельного князя городцом чело-

⁵ Веселовский С. Б. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г.— Исторические записки, 1939, т. 5, с. 42; Смирнов И. И. Судебник 1550 г.— Исторические записки, 1947, т. 24, с. 314—315; Судебники..., с. 397—398; Зимин А. А. Реформы..., с. 416—417.

⁶ Зимин А. А. Реформы..., с. 417.

веке, ино ему ехати с судьбою, а судье быти московских наместников».

§ 6. «А деловые люди в монастырских станах которого князя, и писцы царя и великого князя пишут их под сотника и дань и во все проторы, а князя над ними суд один. А лучитца суд сместной в сельцах в монастырских удельному с удельным или деловым с становым и с городским, или с селецким и с монастырским, а судьям доложить царя и великого князя, а третьего им в том нет ничего»⁷.

§ 1 говорит о суде великого князя по жалобе его подданных над волостелями подмосковных удельнокняжеских сел. О том же говорит ряд междукняжеских соглашений. Уже братья Семена Гордого Иван и Андрей признавали право великого князя судить их «бояр» и «слуг»: «...имут бити челом тебе, князю великому, на наших бояр и слуг московских, аже будешь на Москве, тебе судити, а мы с тобою в суд шли, господине, опрочь Москвы, слати к твоему наместнику и к нашим...»⁸. Сопоставим цитированную статью со следующим постановлением московско-серпуховского 1389 г. и московско-углицкого 60-х годов XV в. соглашений: «А ударит ми челом кто из великого княжения на москвитина на твоего боярина, и мне пристава послати на него, а тебе послати за своим своего боярина»⁹. Здесь речь также идет о суде над московскими удельнокняжескими «боярами», суд также осуществляет великий князь, на судебные функции которого указывают слова «мне пристава послати на него». Очевидно, и в договоре Семена с братьями, как и в московско-серпуховском и в московско-углицком соглашениях, предусматривается челобитие великому князю на удельнокняжеских «бояр» именно со стороны великокняжеского подданного.

Итак, уже при сыновьях Калиты и далее в продолжение XIV—XV вв. московские удельнокняжеские «бояре» судились великим князем по челобитию его подданных. Если договор Семена Гордого с братьями еще оставляет удельным правителям право участия в судебном процессе («мы с тобою в суд шли, господине»), то договоры 1389 г. и 60-х годов XV в. лишают их и этого права.

Постановления междукняжеских соглашений о великокняжеском суде над московскими удельнокняжескими «боярами», несомненно, связаны с системой совместного управления Москвой великими и удельными князьями московского дома. Москва и прилегающие к ней окрестности делились на трети между великими и удельными князьями-соуправителями. Каждый из них держал на управляемой трети свою администрацию, которой было подведомственно тяглое население посадов и черное

⁷ Судебники..., с. 176—177.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. (далее: ДиДГ). М., 1950, № 2, с. 11.

⁹ Там же, № 11, с. 31; № 66, с. 216.

крестьянское население подмосковных станов. На трети накладывалась сетка других владений князей-соуправителей — подмосковных сел и московских дворов, путей, бортничьих станов, поселений садовников, огородников, численных людей и т. д., — которые, очевидно, имели особый статус управления и свою администрацию¹⁰. И не администрация ли московских удельно-княжеских владений фигурировала в междукняжеских соглашениях XIV—XV вв. под термином московские «бояре»?

Относительно третней администрации наша догадка определенно имеет основания. В договоре рязанских князей 1496 г. имеется следующая сформулированная от имени великого князя рязанского статья: «А хто здешний жилец, переславец, городцкой человек или загородцкой, взыщит чего на твоём третчику, или на его тиуне, или на его доводчиках, ино его яз, князь великий, сам сужу, да и его тиуна и его доводчиков»¹¹. В Рязани также сложилась система современного управления городом и прилегающими к нему окрестностями: великий князь распоряжался двумя третями, а удельный — одной. При челобитии великому князю на подданного удельного князя также предусматривался великокняжеский суд. При этом прямо указывалось на подсудность ему именно представителей третней администрации рязанского удельного князя — третчика, его тиуна и доводчиков.

Есть и некоторые основания предположить, что великому князю была издавна подсудна (в случае жалобы москвича) и администрация подмосковных вотчинных сел¹².

Таким образом, администрация подмосковных удельно-княжеских образований была традиционно подсудна великокняжескому суду. Но в § 1 ст. 100 упоминается администрация лишь московских дворов и подмосковных удельно-княжеских сел. Очевидно, § 1 появился, когда удельные князья потеряли право на управление прочими московскими и подмосковными образованиями. При Семене Гордом в руки великокняжеской власти перешло управление московскими путями, при Дмитрии Донском —

¹⁰ Семенченко Г. В. Управление Москвой в XIV—XV вв. — Исторические записки, 1980, т. 105, с. 196—205.

¹¹ ДиДГ, № 84, с. 335.

¹² Великому князю была подсудна администрация подмосковных митрополличьих и монастырских сел (Акты Археографической экспедиции (далее: ААЭ). СПб., 1836, т. 1, № 139, с. 110; Акты исторические (далее: АИ). СПб., 1841, т. 1, № 188, с. 351). Но, согласно «Записи о душегубстве» — документу середины XV в., регулирующему нормы московского судопроизводства (Семенченко Г. В. О датировке Московской губной грамоты XV в. — Сов. архивы, 1978, № 2, с. 53—58; к несколько более раннему времени относит «Запись» А. Л. Хорошкевич (К истории возникновения «Записи о душегубстве». — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 193—204)), правовой статус подмосковных удельно-княжеских, митрополличьих и монастырских сел был одинаков (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в. (далее: АСЭИ). М., 1964, т. 3, № 12, с. 28).

бортниками, садовниками, огородниками в Москве и близ нее, при Василии Темном — численными людьми¹³.

Дольше сохранились права удельных правителей на управление московскими третями. Даже по завещанию Ивана III (1503 г.) новый великий князь (Василий III) мог постоянно держать наместников лишь на двух из трех московских третей — большого наместника на трети, которая со времен Дмитрия Донского переходила от одного великого князя к другому, и другого наместника на бывшей трети серпуховских князей (так называемая «треть Владимира Андреевича»). Удельные князья сохраняли еще право держать своих наместников на третьей московской трети, которую Дмитрий Донской, а впоследствии Василий Темный завещали своим младшим сыновьям.

24 августа 1531 г. Василий III и дмитровский князь Юрий Иванович обязались жить в Москве согласно нормам духовной грамоты Ивана III¹⁴. Следовательно, право удельных правителей держать своих наместников в столице до этого времени еще признавалось, и удельные правители были лишены его лишь после 24 августа 1531 г. Благоприятная обстановка для этого сложилась, на наш взгляд, после ликвидации в 1534 и 1537 гг. уделов Юрия и Андрея Ивановичей, когда с политической арены сошли все удельные князья, которым духовная Ивана III разрешала держать наместников в столице. Правда, наследнику Андрея кн. Владимиру Старицкому вскоре возвратили часть отцовского удела, но весьма вероятно, что права держать наместников в столице он уже не получил.

Во всяком случае, составленное около 1572 г. завещание Ивана Грозного говорит о наличии в столице лишь двух великокняжеских наместников — большого наместника и наместника на трети Владимира Андреевича¹⁵. Итак, треть, некогда принадле-

¹³ ДиДГ, № 2, с. 11; № 12, с. 33; № 61, с. 194.

¹⁴ Там же, № 89, с. 354, 358; № 101, с. 416, 418.

¹⁵ Там же, № 104, с. 434. По подавляющему большинству городов сведения о наместниках не встречаются после 1554 г., и лишь по некоторым городам сведения о них проскальзывают позже (*Зимин А. А.* Список наместников Русского государства первой половины XVI в. — Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1960, с. 27—42). В Москве, как видно не только из духовной Ивана Грозного, но из ряда других источников (АИ, т. 1, № 188, с. 351; *Юшков А.* Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ. М., 1898, ч. 1, № 228, с. 240—241; № 234, с. 235; № 235, с. 236; № 247, с. 266—267; № 256, с. 273—274; № 259, с. 276—277), наместничество сохранялось до конца XVI в. Причины, думается, следует искать в особенностях становления института московского наместничества. Автором уже высказывалась мысль, что с середины XV в. дела по наиболее крупным преступлениям — душегубству и татьбе — местные наместники докладывали в Москву, большому московскому наместнику (*Семенченко Г. В.* О датировке..., с. 55; *Он же.* Управление Москвой..., с. 223—224). Очевидно, благодаря деятельности больших наместников сложилась традиция контроля Москвы над делами по душегубству и татьбе, которая прослеживается по источникам первой половины XVI в. (Акты юридические. СПб., 1838, т. 1, № 21, 22; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства/Сост. Яковлев А. И. М., 1909, № 1—6; ААЭ, т. 1, № 257, с. 282). О важ-

жавшая младшим сыновьям Дмитрия Донского, к 1572 г. была подчинена большому наместнику, а удельные правители уже не могли держать своих наместников в столице. Очевидно, именно после 1537 г. в руках единственного удельного князя московского дома 40—60-х годов XVI в. Владимира Старицкого остались только завещанные сыновьям Ивана III (в том числе, и отцу Владимира Андрею)¹⁶ подмосковные вотчинные села и московские дворы (в княжеских завещаниях они упоминаются вместе с селами, и управление ими, видимо, было организовано примерно так же). И именно после 1537 г. мог, думается, появиться § 1 ст. 100.

Еще ст. 9 «Записи о душегубстве» предусматривала суд волостеля подмосковных удельнокняжеских сел над их населением (кроме душегубства и татбы с поличным, судимых большими наместниками) и следующий за этим доклад своему князю в случае его пребывания в Москве, великому князю или большому московскому наместнику — при его отсутствии в столице¹⁷. Таким образом, норма, зафиксированная § 2, имела давние традиции.

§ 2 ст. 100 Судебника 1550 г. упоминает лишь о докладе волостеля своему князю. Вряд ли к 1550 г. было отменено постановление «Записи» о докладе великому князю или большому наместнику в случае отсутствия удельного князя в Москве. Вероятнее, на практике удельнокняжеские волостели обычно стремились обойти великокняжеский контроль над судопроизводством, докладывали своему князю даже при его отсутствии в Москве, вывозя подсудимого в удел. С этой практикой пытались бороться еще в «Записи о душегубстве», ст. 9 которой определено требовала «не возити» подсудимых на доклад в уделы¹⁸. Но § 2 ст. 100 вводил реальную санкцию против этой незаконной практики. Отныне крестьянин или холоп, которого волостель пытался вывезти из подмосковного села в удел, получал право бежать в Москву и жаловаться великому князю на волостеля. Разбор дела в этом случае непосредственно проводился великим князем. Это нововведение, думается, чаще, чем прежде, вынуждало воло-

ности должности большого московского наместника говорит тот факт, что в XV — первой половине XVI в. ее занимали виднейшие политические деятели (Зимин А. А. Список наместников..., с. 32). Видимо, в XVI в. московские наместники наряду с большими дворецкими и казначеями (о них см.: Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России XVI в.: (К методике изучения вопроса). — История СССР, 1976, № 3, с. 76—79) продолжали играть важную роль в централизации суда, чем и объясняется длительность существования наместничества в Москве.

¹⁶ ДиДГ, № 89, с. 358—359.

¹⁷ АСЭИ, т. 3, № 12, с. 28; ДиДГ, № 89, с. 361.

¹⁸ АСЭИ, т. 3, № 12, с. 29. Похожая ситуация сложилась в Рязани в конце XV в. «Приказчик» рязанского князя судил его людей во всех делах, кроме душегубства, разбоя, татбы с поличным. О судопроизводстве «приказчик» докладывал удельному князю, но только если он был в Переяславле. «Водить» подсудимого в удел для доклада князю запрещалось (ДиДГ, № 84, с. 335).

стелей докладывать о проводимых судебных разбирательствах не своему князю, а представителям великокняжеской власти. Ведь при пристрастном подходе к делу со стороны московской великокняжеской администрации, заинтересованной в максимальном ослаблении позиций удельных князей в Москве, волостелю нелегко было доказать, что его подсудимые убежали не при попытке провоза их в удел. Поэтому даже ждать прибытия своего князя в столицу становилось небезопасным: подсудимый мог в любой момент убежать и пожаловаться на волостеля великому князю. § 2 ст. 100 Судебника 1550 г., на наш взгляд, вообще на практике облегчал бегство в Москву из подмосковных удельнокняжеских сел¹⁹, еще более ослабляя тем самым позиции удельных князей.

Таким образом, § 2 означал дальнейшее наступление великокняжеской власти на позиции удельных князей в Москве. Зафиксированные § 2 нормы могли сложиться лишь после составления «Записи о душегубстве», т. е. не ранее второй половины XV в.

§ 3 ст. 100 рассматривал два тесно взаимосвязанных казуса — организацию и ход судопроизводства в случае жалобы удельнокняжеского подданного на великокняжеского и, наоборот, великокняжеского — на удельнокняжеского. В этом он схож с московско-серпуховским соглашением 1389 г.

Рассматриваемый вопрос	Московско-Серпуховское соглашение 1389 г.	Ст. 100 Судебника 1550 г.
Жалоба великокняжеского подданного на удельнокняжеского	«А ударит ми челом мой на твоего, кто живет в твоём уделе, и мне послати к тебе и тебе ему исправа учинити»	«А бьет челом царю и великому князю царя и великого князя сын боярский на удельного человека, и царь и великий князь, воименовав своего судью, до пошлет к своему брату, к удельному князю, коли будет князь на Москве, и удельный князь даст своего судью, а суду быти на Москве, хотя б тот человек был на его деле в Москве»
Жалоба удельнокняжеского подданного на великокняжеского	«А ударит ти челом твой на моего, кто живет в великом княженье, и тебе его послати ко мне, и мне ему исправа учинити»	«А удельного князя сын боярский бьет челом на царева и великого князя человека, ино суду быти такоже на Москве»

¹⁹ Как уже не раз отмечалось в литературе (Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935, с. 82—83; Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, с. 99—100; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси. М., 1959, с. 218; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства. М., 1960, с. 337—339; Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, с. 348—349; Семенченко Г. В. Управление Москвой..., с. 216—217), бегство холопов и крестьян из подмосковных сел

Сходство по структуре построения и тематике затрагиваемых вопросов между докончением 1389 г. и § 3 ст. 100 Судебника 1550 г. примечательно, так как формула докончания 1389 г., предусматривающая суд по месту жительства ответчика, нетипична для формуляра междукняжеских соглашений XIV—XVI вв. Обычно предусматривалась выдача татя, душегубца, беглого холопа (иногда должника и поручника) туда, где совершено преступление, а дела «обидные» (иногда «заемные» и «поручные») судятся по месту жительства ответчика (как и по докончанию 1389 г.)²⁰ Близкие к практике судопроизводства документы подтверждают адекватность действительности большинства докончаний XIV—XVI вв.²¹ Формула докончания 1389 г. (суд по месту жительства ответчика) действует только для «обидных» (иногда «заемных» и «поручных») дел. Переключка § 3 ст. 100 с московско-серпуховским докончением 1389 г., думается, подразумевает, что и § 3 предусматривает разбор «заемных», «поручных» и «обидных» дел.

Докончание 1389 г. предусматривает единоличный суд каждого князя над своим подданным, тогда как многие междукняжеские соглашения XIV—XVI вв. предусматривают «сместной суд», участие в процессе судей тяжущихся сторон, третейского судьи. Однако значительная распространенность на практике сместного суда на уровне княжений вызывает сомнения и чаще, думается, суд осуществлялся единолично каждым князем. Впрочем, этот вопрос не вполне ясен и нуждается в специальной разработке, далеко выходящей за рамки нашей статьи²².

князей-соуправителей в московские владения другого князя всегда было явлением распространенным, и этот вопрос не единожды обсуждался в княжеских докончаниях. С введением же в жизнь § 2 ст. 100 холопы и крестьяне удельнокняжеских сел, на мой взгляд, получали полулегальный повод для бегства в Москву.

²⁰ ДИДГ, № 9, 10, 15, 19, 23, 24, 28, 30, 31, 33, 34—36, 40—44, 47, 48, 52, 55, 56, 58, 59, 63—67, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 78, 79, 81, 82, 90, 101.

²¹ «Запись о душегубстве» (АСЭИ, т. 3, № 12, с. 28) указывает: «А поймают тверитина за поличным (очевидно, имеется в виду татьба с поличным.— Г. С.) и судят и казнят его на Москве, а отсылки, ни судьи за ним нет». Судная грамота Владимира Старицкого от 20 марта 1561 г. отмечает, что если «приезжего» поймают в Вохонской волости «с поличным, в татьбе, или в разбое, или в грабеже», то его судят на месте совершения преступления местные судьи, докладывая об этом в Москву (ААЭ, т. 1, № 257, с. 282). Мы снова видим, что наиболее крупные преступления судятся на месте их совершения, хотя и докладываются в соответствии с принятыми нормами в Москву. В то же время «Запись» отмечает, что если тверича «поймают в пеном деле, ино его дать на поруце, а искати на нем во Твери». Итак, «поручное дело», совершенное на Москве (АСЭИ, т. 3, № 12, с. 28), судится в Твери, по месту жительства ответчика. Судная Владимира Старицкого говорит, что если «приезжие люди» «взыскивают» на подданных Владимира разного рода обиды («боев и грабежов или иных дел каких нибудь»), то им «дается управа по тому же, как той (удельнокняжеской.— Г. С.) сохи крестьянам меж себя» (ААЭ, т. 1, № 257, с. 282), т. е. суд проводится по месту жительства ответчика местными судьями.

²² Вопрос о совместном княжеском суде в XIV—XVI вв. на уровне уделов и княжений был поставлен Н. Ланге (Указ. соч., с. 26—35). Однако из при-

§ 3 ст. 100 переносит разбор тяжб удельных и великокняжеских детей боярских по делам «обидным», «заемным», «поручным» с мест в Москву («душегубство», «разбой», «татьяба», как указывалось выше, контролировались иначе — через доклады с мест в Москву). Хорошо налаженный великокняжеский аппарат в столице обеспечивал великокняжеской власти заведомый перевес в предварительном расследовании, в подборе свидетелей. Инициатива начать следствие — также за великокняжеской властью («великий князь, воименовав своего судью, да пошлет к своему брату, к удельному князю»). Если истцом был великокняжеский подданный, то дело судилось совместно великим и удельным князьями. Если истец — сын боярский удельного князя, то, по мнению А. А. Зимина, суд также осуществлял совместный княжеский суд²³. Вероятно, эта точка зрения справедлива. На идентичный характер разбирательства обоих казусов указывает слово «также». Однако роль сторон в суде была неодинаковой, и присутствие на нем удельного князя предусматривалось лишь в том случае, если он был в столице.

В ограничении удельнокняжеского судебного суверенитета в § 3 ст. 100 проявлена осторожность. Его нормы распространяются на детей боярских. Для остальных порядок судопроизводства, очевидно, остается прежним. Да и в отношении детей боярских § 3 не вполне разрывает с традициями эпохи феодальной раздробленности, сохраняя древнюю формулу о праве удельного князя участвовать в совместном суде в случае его пребывания в столице²⁴.

Нововведения, вносимые в судопроизводство § 3, не отражены междукняжескими соглашениями вплоть до самого последнего из них, московско-дмитровского докончания от 24 августа 1531 г.²⁵ Да и крестоцеловальные грамоты Владимира Старицкого Ивану Грозному 1553—1554 гг. в соответствии с давними традициями предусматривают разбор «обидных», «поручных» и

веденных им фактов видно, что участие в суде представителей разных князей было (за исключением Москвы, где установилась система совместного управления) на практике на столь уж частым: сместными судьями назначались видные княжеские бояре (что предполагает редкость сместных княжеских судов), договоры не разбирают вопрос о месте сместных княжеских судов (следовательно, на практике этот вопрос почти не вставал), о процедуре их проведения. Близкие к практике судопроизводства документы, затрагивающие вопрос о тяжбах подданных разных князей — «Запись о душегубстве», Судная Владимира Старицкого, — отмечают наличие сместных княжеских судов только в Москве. Видимо, на уровне уделов и княжеств введение совместного разбора дел представителями различных князей вызывало затруднения, так как многочисленные суверенные правители стремились отстоять свой полный судебный суверенитет над подвластной территорией.

²³ Зимин А. А. Реформы..., с. 416.

²⁴ Эта формула, как мы видели выше, фигурировала еще в договоре Семена Гордого с братьями (ДиДГ, № 2, с. 11).

²⁵ ДиДГ, № 101, с. 417, 419.

«заемных» дел не в Москве, а по месту жительства ответчика²⁶. Последняя из этих грамот датирована маем 1554 г. Очевидно, § 3 ст. 100 не мог быть написан ранее этого времени.

В § 4 ст. 100 санкционируется обращение удельнокняжеского подданного не к своему князю, а к великому князю московскому. Помимо § 4 мы встречаем схожую формулу в соглашении рязанских князей 1496 г.²⁷ Думается, этот казус традиционен для междукняжеских отношений. Поскольку по ряду дел ответчик судился своим князем, то естественно стремление истца сразу же обратиться к князю ответчика.

§ 5 ст. 100 уходит корнями в XIV—XV вв. — в постановления ряда междукняжеских соглашений того периода и «Записи о душегубстве». Как и в § 5, там рассматриваются вопросы московского наместничьего суда над иногородцами. Уже московско-серпуховское dokonчание 1389 г. гласит: «А которые суды потягли к городу из наших (великокняжеских. — Г. С.) волости и ис твоих (удельнокняжеских. — Г. С.) при наших отцах, те суды и нынеча потянут к городу»²⁸. В заключенном через год новом московско-серпуховском договоре говорится: «А которые суды потягли к городу ис наших (великокняжеских. — Г. С.) волости и ис твоих (удельнокняжеских. — Г. С.) при наших отцах, и те суды судят наши наместницы по тому же, как было и доселе»²⁹. Аналогичные постановления есть еще в ряде междукняжеских соглашений XV в.³⁰ Из цитированных постановлений видно, что московские наместники князей-соуправителей судили иногородцев из уделов и великого княжения еще при «отцах» Дмитрия Донского и Владимира Андреевича Серпуховского, т. е. при сыновьях Ивана Калиты.

Л. В. Черепнин справедливо устанавливал связь данных статей междукняжеских соглашений со ст. 5 «Записи о душегубстве», предусматривавшей подсудность иногородцев (жителей «городов великого князя, и волостей, и сел, и великие княгини, и удельных князей городов и волостей, и сел...») наместничьему суду в душегубстве и татьбе с поличным, и ст. 6, предусматривавшей подсудность иногородцев в делах, караемых штрафом, «пеней»³¹. Ведь в указанных статьях «Записи о душегубстве», как и в рассмотренных выше статьях междукняжеских соглашений, речь идет о суде всех московских наместников над иногородцами. К тому же ст. 6 «Записи о душегубстве» прямо утвер-

²⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Министерства иностранных дел (далее: СГГид). М., 1813, ч. 1, № 167, с. 461; № 168, с. 464; № 169, с. 467.

²⁷ ДиДГ, № 84, с. 335.

²⁸ Там же, № 11, с. 32.

²⁹ Там же, № 13, с. 38.

³⁰ Там же, № 36, 45, 56, 58, 66.

³¹ Черепнин Л. В. РФА, ч. 2, с. 356.

ждает, что ее нормы разбирались княжескими докончаниями: «...занеже у докончаньи писано по крестному целованию...»³²

§ 5 ст. 100 говорит о тяжбах лишь с удельнокняжескими подданными, тогда как более ранние документы указывают на подсудность столичному наместничьему суду любых иногородцев. Это связано скорее всего с тем, что в центре его внимания — не организация московского судопроизводства вообще, а отношения по суду между великокняжеской властью и удельными правителями. «Запись» дифференцирует судопроизводство в зависимости от характера совершенного преступления — «ставить за собой судью» разрешалось в делах, караемых штрафом, а при душегубстве и татьбе с поличным не разрешалось³³; § 5 ст. 100 — по принципу подданства: иногородец удельного князя, жалующийся на москвича, не мог «ставить за собой судью», а москвич, жалующийся на удельнокняжеского иногородца, мог³⁴ («судья» — защитник интересов одной из тяжущихся сторон — ответчика (ст. 5—7 «Записи о душегубстве») или истца — § 5 ст. 100). Слова «а судье (которого имеет право ставить за собой москвич, жалующийся на иногородца.—Г. С.) быти московских наместников» свидетельствуют, кажется, о том, что § 5 складывался, когда в Москве были только великокняжеские наместники. Трудно представить одного судью наместников разных князей. Кроме того, лицо защищающее интересы великокняжеского подданного, входило, несомненно, в состав великокняжеской администрации. А раз судья подчинялся московским наместникам, то и они — представители великокняжеской администрации. Как отмечалось выше, удельнокняжеские наместники были окончательно убраны из столицы после 1537 г. Очевидно, после 1537 г. появился и § 5.

Постановление о поездке судьи московских наместников в удел позволяет еще более отдалить время написания § 5. Ст. «Устав о езде» — 30-я в Судебнике 1497 г. и 47-я в Судебнике 1550 г. — предусматривала выплату вознаграждения московским великокняжеским недельщикам за проезд в другие города страны. Но поездка недельщиков в центры уделов князей московского дома — в Волоцк и Рузу в 1497 г., в Старицу в 1550 г. — не предусматривалась³⁵. В то же время § 5 ст. 100 прямо предусматривал поездку в удел великокняжеского представителя, судьи московских наместников, и его составление до окончательного утверждения Судебника 1550 г. в феврале 1551 г. заставляло бы, думается, предусмотреть в ст. 47 Судебника поездку в Старицу. Итак, § 5 ст. 100 появился не ранее февраля 1551 г.

Для характеристики § 5 важен вопрос о месте проведения суда над удельнокняжескими подданными. Москвичи судятся в

³² АСЭИ, т. 3, № 12, с. 28.

³³ Там же.

³⁴ Судебники..., с. 177.

³⁵ Там же, с. 23, 154.

Москве наместничьим судом. Что касается удельнокняжеских иногородцев, то, по И. И. Смирнову и Б. А. Романову, суд над ними осуществлял московский судья, а по А. А. Зимину — удельнокняжеский судья в присутствии судьи московских наместников. И все три исследователя убеждены, что место суда — удел³⁶. Этот последний вывод опирается на слова: «... ино *ему* (москвичу. — Г. С.) ехати с судьей, а судье быти московских наместников». Но «ехал» москвич с судьей московских наместников в удел на суд или для разбора обстоятельств дела на месте и вызова (при необходимости) удельнокняжеского подданного на суд в Москву? И. И. Смирнов, Б. А. Романов, А. А. Зимин не ставят вопрос о возможности трактовать слова «ехати» во втором смысле. Но эта трактовка более вероятна, как нам кажется. Еще с середины XIV в. сложилась устойчивая традиция московского наместничьего суда над делами побывавших в столице иногородцев. Тенденция ст. 100, как мы видели, — в стремлении сосредоточить в Москве рассмотрение недоразумений между великокняжескими и удельными подданными. Обратим далее внимание на текст § 5. Он состоит из двух взаимосвязанных постановлений, идентичных по последовательности раскрытия в каждой из них организации судопроизводства при жалобе москвича на иногородца и, наоборот, иногородца — на москвича:

Организация судопроизводства	1-е постановление	2-е постановление
Кто является истцом, а кто ответчиком	«А на москвитине взыщит которого князя удельного городицкой человек...»	«А искати москвитину на удельного князя городицком человека...»
Состав суда	«...и ино судити их наместником московским»	—
Кто защищает интересы истца	«...а без судьи»	«...ино ему ехати с судьей, а судье быти московских наместников»

Не потому ли 2-е постановление упускает вопрос о составе суда, что он раскрыт в 1-м постановлении, что суд московских наместников в Москве был единственной формой судопроизводства по делам удельных иногородцев в столице, независимо от того, был ли истцом москвич или удельный иногородец? Конечно, дело иной раз, возможно, и удавалось урегулировать в ходе разбирательства на месте. Но если тяжущиеся не находили компромисса, суд в Москве, вероятно, был неизбежен.

§ 5 ст. 100 ограничивает удельнокняжеский суверенитет осторожно. Он рассчитан только на случай тяжб удельных жителей

³⁶ Смирнов И. И. Судебник 1550 г., с. 314; Судебники..., с. 338; Зимин А. А. Реформы..., с. 416.

с москвичами. Разбирательство тяжб удельнокняжеских подданных с жителями других городов, очевидно, строилось на прежних основаниях. По судной грамоте Владимира 1561 г. «иногородец» приезжал в удел «взыскивать» с удельнокняжеского подданного без всякого «судьи», а суд осуществлялся в уделе представителями удельнокняжеской администрации («им управа давати по тому ж, как той полусохи крестьянам меж себя») ³⁷. Очевидно, имеются в виду все иногородцы, кроме москвичей, которые согласно ст. 100 Судебника 1550 г. (появившийся, как указывалось выше, до мая 1555 г.) судились по-особому.

По мнению Н. Ланге, в § 6 ст. 100 предусматривался доклад судебных тяжб между подданными разных удельных князей великому князю ³⁸. Однако это мнение вызывает сомнение. Из § 6 вытекает, что речь идет об определенной удельнокняжеской вотчине («люди... которого князя»), находившейся на территории великого княжения (здесь хозяйничают писцы, сотники и данщики великого князя, что невозможно на территории удела). Термин «деловые люди» применялся для обозначения холопов (в духовных грамотах XVI в.) и для обозначения лиц, доставшихся по наследству (в духовной Семена Гордого в 1353 г.) ³⁹. Но «князь» и в § 6 ст. 100 имел «деловых людей в монастырских станах». Монастыри же холопов не имели ⁴⁰. Следовательно, могли подразумеваться только жители доставшейся по наследству вотчины, следы которой нужно искать в княжеских духовных грамотах. С одной стороны, признавался «князя над ними (жители вотчины. — Г. С.) суд один»; с другой — говорилось о «сместном суде» «удельного с удельным». Очевидно, вотчина не рассматривалась как нечто единое, и речь шла о соседствовавших друг с другом селениях. Жители каждого из них в отдельности были подвластны удельнокняжескому суду. В случае же столкновений их между собой, а также с великокняжескими подданными (людьми «становыми, городскими, селецкими») разбивавшие дело судьи докладывали о нем великому князю. Из этих селений одно являлось монастырем (упоминаются княжеские «монастырские станы»).

Мы найдем лишь один случай, удовлетворяющий всем этим требованиям. Иван III завещал сыну Андрею «на Москве за рекою слободку Колычевскую да монастырь Рождество пречистые на Голутвине, а по которая места дал есми ему эту слободку и монастырь и яз ему дал список за своей печатью, и за дьяка своего подписью» ⁴¹. Здесь налицо два граничащих друг с другом селения (слободка Колычевская и Голутвин монастырь), доставшиеся по наследству удельному князю. Они находились на вели-

³⁷ ААЭ, т. 1, № 257, с. 351.

³⁸ Ланге Н. Указ. соч., с. 35.

³⁹ Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971, с. 199.

⁴⁰ Зимин А. А. Холопы..., с. 239—243, 276, 304—305, 335.

⁴¹ ДидГ, № 89, с. 358—359.

кокняжеской территории; одно из них—монастырь. Так мы узнаем место действия § 6 ст. 100, время его возможного появления (после 1503 г.) и возможных лиц, чьи интересы § 6 затрагивал (Андрей Старицкий или его наследник Владимир).

Зафиксированные в § 6 нормы в ряде пунктов расходились с общепринятыми. Обязанность платить дань в великокняжескую казну подрывала финансовый иммунитет князя-вотчинника. Разбор недоразумений между жителями слободки Колычевской и монастыря на Голутвине становился «сместным судом», итоги которого докладывались великому князю. Великокняжеская власть получала дополнительные возможности для вмешательства в удельнокняжеское судопроизводство. Под свой непосредственный контроль великий князь брал и тяжбы жителей слободки Колычевской и Голутвина монастыря с их соседями⁴².

§ 6 ст. 100 Судебника 1550 г. вводил «князя... суд один» над слободкой Колычевской и Голутвиним монастырем. В тексте нет даже изъятия из компетенции удельного князя дел о душегубстве, разбое, татьбе, традиционно подсудных московским наместникам⁴³. Значит ли это, что великокняжеская власть компенсировала удельных правителей, возвратив им право судить в слободке Колычевской и Голутвине монастыре душегубство, разбой и татьбу с поличным, или что к 1550 г. подсудность этих дел московским наместникам стала настолько неоспоримой нормой, что составители § 6 ст. 100 Судебника 1550 г. не сочли нужным еще раз повторить ее? Дать твердый ответ в пользу любого из этих объяснений затруднительно. Автор склоняется ко второму из них.

* * *

Анализ составных частей ст. 100 Судебника 1550 г. показывает ее позднее происхождение. Она, несомненно, появилась после Судебника 1497 г. Мы видели параграфы, появившиеся не ранее 1503 г. (§ 6), 1537 г. (§ 1), 1551 г. (§ 5), мая 1554 г. (§ 3). Очевидно, и ст. 100 в целом появилась не ранее мая 1554 г. Принимая предложенную А. А. Зиминим нижнюю грань ст. 100 (май 1555 г.), мы склонны относить ее написание к маю 1554 г. — маю 1555 г.⁴⁴ Со статьей 100 Судебника 1550 г. перекликаются кре-

⁴² Тяжбы между людьми разных владельцев разбирались (кроме душегубства и татьбы) совместным судом представителей администрации этих владений. Этот обычный порядок сместного суда в XV—XVI вв. характерен и для Москвы (АСЭИ, т. 3, № 12, с. 28; ААЭ, т. 1, № 139, с. 110; № 240, с. 256; Акты Русского государства (далее: АРГ). М., 1976, т. 1, № 84, с. 89; № 121, с. 121; № 185, с. 183). Но § 6 ст. 100 вводит непосредственный контроль великого князя (в форме доклада ему) над совместными судами, где одна из сторон — жители слободки Колычевской или Голутвина монастыря.

⁴³ АСЭИ, т. 3, № 12, с. 28; ДидГ, № 89, с. 359; ААЭ, № 139, 240; АРГ, № 84, 121, 185.

⁴⁴ По С. Б. Веселовскому (Владимир Гусев..., с. 42), ст. 100 составлена одновременно с Судебником 1550 г., по И. И. Смирнову (Судебник 1550 г., с. 314) и Б. А. Романову (Судебники..., с. 338), — при окончательном редак-

стоцеловальные грамоты 1553—1554 гг. Владимира Старицкого Ивану Грозному. Обязательство «блюсти» земли великокняжеских подданных в Старицком уделе и не мстить великокняжеским боярам и дьякам⁴⁵ перекликаются с § 3 ст. 100. Мы видим, что сначала великий князь сковывал возможные акции против своих бояр и дьяков со стороны Владимира, а затем расширял свои права по отношению к детям боярским старицкого князя. И крестоцеловальные грамоты 1553—1554 гг. и § 3 ст. 100 защищали интересы непосредственных проводников великокняжеской политики (бояр, дьяков, детей боярских). Ограничение числа людей в московском дворе Владимира (их не должно быть более 108 человек)⁴⁶ органически вписывалось в мероприятия ст. 100 по ограничению прав удельных князей в Москве и Московском уезде.

В литературе подчеркивалась связь ст. 100 с «Записью о душегубстве»⁴⁷. «Запись» — не единственный предшественник и источник ст. 100 Судебника 1550 г. Ст. 100 развивает и нормы ряда других источников, в особенности постановлений княжеских докончаний и завещаний XIV—XVI вв. Однако «Запись» и ст. 100 действительно имеют много общего. Это — законодательные, а не договорные источники. Наряду с фиксацией традиционных норм они в законодательном порядке устанавливали ряд нововведений, ограничивающих удельнокняжеский суверенитет, тогда как междукняжеские докончания и завещания обычно фиксировали традиционные, сложившиеся нормы. «Запись» впервые устанавливала практику доклада местных волостелей большому московскому наместнику по делам о душегубстве⁴⁸. Составленная примерно через 100 лет ст. 100 Судебника 1550 г. еще более подрывала автономность удельного судопроизводства, перенося по ря-

тировании текста, но до утверждения Судебника в феврале 1551 г., по А. А. Зимину (Реформы..., с. 415—417), — после утверждения Судебника в феврале 1551 г. Предлагаемая датировка, по сути дела, лишь уточняет датировку А. А. Зимина. Мнение о написании ст. 100 после оформления и окончательного утверждения Судебника всего логичнее объясняет, между прочим, почему ст. 100 дошла в форме приписки к основному тексту Судебника 1550 г., а ее составные части (параграфы) даже не выделены в отдельные статьи.

⁴⁵ СГГиД, ч. 1, № 167, с. 461; № 168, с. 464; № 169, с. 467.

⁴⁶ Там же, ч. 1, № 168, с. 463; № 169, с. 466.

⁴⁷ *Смирнов И. И.* Судебник 1550 г., с. 313; *Он же.* Очерки политической истории Русского государства в 30-х — 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958, с. 354—355; *Судебники...*, с. 338; *Зимин А. А.* Реформы..., с. 416; *Черепнин Л. В.* РФА, ч. 2, с. 350.

⁴⁸ По мнению Б. Н. Чичерина (Опыты по истории русского права. М., 1858, с. 318) и А. Л. Хорошкевич (Указ. соч., с. 199—201), душегубство традиционно — с Ивана Калиты — «тянуло» к Москве. Однако эта точка зрения вызывает возражения, и ст. 1 «Записи», говорящая о том, что ряд земель «тянут душегубством к Москве» (АСЭИ, т. 3, № 12, с. 27), дает хронологически первое известие о контроле Москвы над местным судопроизводством по «душегубству». Контроль этот осуществлялся, вероятнее всего, именно в форме доклада в Москву дел о душегубстве (*Семенченко Г. В.* Управление Москвой..., с. 217—220, 223—224).

ду дел суд над удельнокняжескими детьми боярскими из удела в Москву (§ 3), обеспечивая вызов удельнокняжеского подданного на суд в Москву (§ 5), ущемляя права удельных князей в Москве (§ 2, 6). Однако и ст. 100 вносила коррективы в судебный суверенитет князей московского дома осторожно, нарушала его постепенно, выборочно, новое старалась обернуть так, чтобы с формальной стороны оно не противоречило традиционным нормам времени феодальной раздробленности. Это показывает, сколь длительным и сложным был процесс складывания единой системы общерусского судопроизводства и законодательства. И к середине XVI в. он далеко еще не завершился. Этот факт автор считает лишним доводом в пользу мнения исследователей, утверждающих, что в первые десятилетия XVI в. процесс централизации страны все еще продолжался⁴⁹.

⁴⁹ *Веселовский С. Б.* Последние уделы Северо-Восточной Руси.— *Исторические записки*, 1947, т. 22, с. 101—131; *Зимин А. А.* Проблемы истории России XVI в. в свете ленинской концепции истории русского феодализма.— В кн.: *В. И. Ленин и историческая наука*. М., 1968, с. 317—330; *Он же*. *В. И. Ленин о московском царстве и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI в.*— В кн.: *Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма*. М., 1970, с. 270—294; *Сахаров А. М.* *В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодализма в России.*— *Вопр. истории*, 1960, № 4, с. 77—93; *Он же*. *В. И. Ленин об основных этапах развития русского государства до отмены крепостного права.*— В кн.: *В. И. Ленин и историческая наука*. М., 1968, с. 303—317; *Тихомиров М. Н.* *Россия в XVI столетии*. М., 1962.

СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИЕ ГРАМОТЫ КОНЦА XV — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

В. И. Буганов

В советской историографии сложились прочные традиции изучения актового материала периода феодализма как важнейшего источника по социально-экономической истории, социально-политическим отношениям и классовой борьбе в России. Большое внимание уделяется актам в работах по источниковедению, дипломатике¹. Столь же важное значение имеют эти источники для изучения истории других народов нашей страны, в частности молдавского².

Выдающийся румынский революционер-демократ первой половины XIX в. Н. Бэлческу писал в одной из своих работ о большом значении архивных материалов для изучения крупного землевладения в Молдавии и Валахии³. Данные актов использовали румынские ученые И. Нэдежде (социал-демократ, переводчик на румынский язык труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), А. Д. Ксенопол, Р. Росетти, И. К. Филитти⁴ и др.

В литературе уже не раз отмечалось, что в XV в. наблюдается выдача большого числа разных грамот молдавским феодалам на покупку-продажу, дарение земельных владений и т. д.⁵ Это бы-

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1951, ч. 2; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967; Он же. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

² Грекул Ф. А. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев, 1961; Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972, т. 1; История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев, 1976.

³ Balcescu N. Question economique des Prinsipaltes Danubiennes. — In: Opere, Buc., 1952, t. 1, p. 13.

⁴ Nădejde J. Formarea marii proprietăți la noi. — Literatură și Știință, Buc., 1893, p. 149—179; 1894, p. 49—86; Xenopol A. D. Proprietatea mare și cea mică în trecutul Țărilor Române. — Viața românească, Iași, 1913, an. VIII, n° 2; Rosetti R. Pământul sătenii și stăpânii în Moldova. Buc., 1907; Filitti J. C. Proprietatea solului în Principatele române până la 1864. Buc., 1935.

⁵ Советов П. В. Указ. соч., с. 82, 149—156, 215, 234—237 и др.; История народного хозяйства Молдавской ССР, с. 87—88, 93—95, 99 и др.

ло связано с усилением процесса перераспределения земельных владений между феодалами, в частности в правление Стефана III Великого (1457—1504 гг.) и его преемников. Большое число грамот XV в. и более позднего времени опубликовано в различных изданиях⁶. Эти документы содержат сведения о различных актах, связанных с покупкой-продажей, пожалованиями, дарениями земли и другого имущества, подтверждением верховной властью (господарем, его казначеем) подобных актов. Они извлечены из различных архивохранилищ — государственных архивов Бухареста, Ясс, архива АН СССР и др.

Четыре подобные подлинники грамоты хранятся в Департаменте рукописей Парижской Национальной библиотеки⁷. Из них опубликована в Румынии только одна грамота — от 15 октября 1491 г.; ее текст дан в румынском переводе, а не на старорусском языке — языке подлинника⁸.

Текст славяно-молдавских грамот печатается с сохранением таких букв, как ѿ, ѡ, ѣ, ѥ, так как они имели в XV—XVII вв. различное звучание в зависимости от местоположения в середине или конце слова (например, ѣ означал ѣ и ѣ, ѿ — у, ѣ, ю; ѡ — а, е, ѣ, ю, я; ѣ — е, я); буквы і, ѡ передаются по-современному, как и, о. Титла раскрыты, в том числе и после выносных букв. При внесении в строку выносных букв там, где слышится мягкость, ставится ь. Славянские цифры передаются арабскими. Знаки препинания ставятся по современным правилам. Киноварные буквы печатаются полужирным шрифтом. Места, не поддающиеся прочтению (испорченный текст и др.), отмечены отточиями; предположительные чтения отмечены знаком вопроса в квадратных скобках. Примечания палеографического характера помещены в подстрочнике, комментарии к тексту — в конце публикации.

№ 1. 1491 г. октября 15. — Жалованная (подтвердительная) грамота молдавского господаря Стефана III Великого на покупку спатаром Марком села Черники в вотчину

И милостию божию мы, Стефан воевода, господарь земли Молдавской, зна...^{1*} и сим листом нашим въѣ[ем]^{1*}, [кто]^{1*} на нь узрит или, чтучи его, услышит: оже приидоша прад нами и прад усими нашими молдавскими бояре Настъ и сестра ей Марта, дочки Магдани, и съ своими унуки...^{1*} и съ Ганъ уснукуков^{2*}

⁶ Documentele lui Ștefan cel Mare/Publicate de Joan Bogdan. Buc., 1913, vol. 1; Documente privind istoria României. Introducere, Buc., 1956, vol. 1; То же, Veacul XV, A. Moldova, Buc., 1954, vol. 2 (1476—1500); То же, Veacul XV. Buc., 1951, vol. 3 (1571—1590).

⁷ Парижская национальная библиотека, Департамент рукописей (далее: ПНБ, ДР), слав. № 71, 69, 70, 72.

⁸ Documentele lui Ștefan cel Mare, p. 470—472; Documente privind istoria României, vol. 2, p. 160—161.

^{1*} Текст испорчен.

^{2*} Так в рукописи.

...^{1*}, по доброй воли, никим не понужени, а ни присилованы, и продали свою правую отнину¹ от своего праваго урика², от урика деда их пана Филипа, що имал он от дѣда нашего [Александра] воеводы³ едно[?]^{1*} Черни[ка?], та продали тоє село служѣ нашему пану Марко спѣтару⁴ за 60 злат татарских⁵. И уставше слуга наш пан Марко спѣтар та з...^{1*} платить уси то тив [вышеписа]нии пинязи⁶ 60 злат татарских у руки Насти и сестры еи...^{1*} прад нами и прад...^{1*} межи ними их добрую волю и токме ж и полную заплату. А мы такожде и от нас есми дали и потврѣдили служѣ нашему пану Марко спѣтару тоє прадреченое село на Берхѣчи на имѣ Черника, да есть ему от нас урик съ вѣсем доходом ему и дѣтем его и унучатом его и прѣунучатом его и прашурѣтом его и вѣсему роду его, кто съ ему изберет наближнии, непорушено николи же, навѣки. А хотар⁷ тому селу да есть от хотарѣ Ромѣнешилор до хотарѣ Итъ[...ва?]шилор. А от иных сторон да есть по старому хотару, куда из вѣка оживали. А на то есть вѣра нашего господства вышеписаннаго ми Стефана воеводы и вѣра прѣвѣзлюбленных сынов господства ми Александра, ...^{1*} влада и вѣра бояр наших, вѣра пана Думы, вѣра пана Гангура, вѣра пана [Фео?]дора^{3*} дворника⁸, вѣра пана Хрѣмана, вѣра пана Худана, вѣра пана [Дажбога?], вѣра пана Мушата, прѣкалаба⁹ от Хотин, вѣра пана Микиты и рѣщ...^{3*}, прѣкалаби от Немце¹⁰, вѣра пана Горторо...[?]^{3*}, вѣра пана Сипар [Синар, Сенар?] новоградского, вѣра пана Динга, вѣра пана Кѣлк...[?]^{3*}, вѣра пана Еримиа постельника¹¹, вѣра пана...^{3*} чашника¹², вѣра пана...^{3*} наших молдавских великих и малих. А по нашем животе кто будет господарь нашей земли Молдавской от дѣтей наших или от нашего рода или паки...^{3*} кого господь изберет господарь бити нашиє земли Молдавской, тот би не порушил нашего даания и потврѣждения, але ему дал и утврѣдил...^{3*}, зану же есми ему дали и утврѣдили за его правую службу и за що он соби купил за свои правии и чистии пинѣзи. А на большую крѣпость и потврѣждение тому вѣсему вышеписанному велѣли есми нашему верному...у^{3*} Тѣтулу [Спѣутулу, Спѣуту-су?] логофету¹³ писати и нашу печать привѣсити к сему листу нашему. Писал Мѣтиаш^{4*} у Сучавѣ^{4*} в лето^{4*} 6999^{4*} ок[тяб-ря]^{4*} 15.

К грамоте, написанной на пергамене, привешена на малиновом шнуре большая печать темного желто-красного воска, на ней по кругу написано: «Печать Ио Стефанъ воевода господар земли Молдавской»; внутри круга помещен герб.

ПНБ, ДР, слав. № 71. Подлинник, пергамен. Опубл. румынский перевод: Documentele lui Ștefan cel Mare, p. 470—472; Dokumente privind istoria României, vol. 2, p. 160—161.

^{3*} Текст испорчен.

^{4*} Далее оставлено пустое место

№ 2. 1575 г. марта 16. — Жалованная грамота молдавского господаря Петра Хромого, утверждающая продажу сыном боярина Петра, внуком паркалаба хотинского Дана, пятой части вотчины Родочиниц на Берладе новым владельцам Иону и Луке

Милостию божию Ио Петръ воевода, господарь земли Молдавской. Оже прииде прѣд нами и прѣд нашими болѣри Лупула прод[ал] сынъ Петри болѣ[рина], оунук Дану болѣ[рина], прѣкулабу хотинскому, по его доброу волю, неким не понужден, а ни присилован, и продал свою правою отнину и дѣдину¹⁴, от въсего села от Рѣдѣчинец, что на Берладѣ, петаа часть, часть отца своего Петръ болѣ[рина], и с привилии купѣжное¹⁵, что имал дѣд его Дан болѣ[рин], прѣкалаб хотинский, от Богдана воеводи¹⁶, сына стараго Стефана воеводи, та продал слугам нашим Иону и брату его Лука за сто и петдесят злати татарских. И оставшися слугы наши Ион и брат его Лука и заплатили уси и спѣлна вышеписании пинѣзы 150 злат татарских у руки слузѣ нашему Лупул. А прод[ал] сыну Петри болѣ[рина], унуку Дану болѣ[рина], прѣкалабу хотинский от^{5*} прѣд нами и прѣд нашими болѣри, ино ми видѣвше их доброволно токме ж и полною заплату, а мы такождере и от насъ дадохом слугам нашим Иону и брату его Лука то ту петою часть село от Рѣдѣчинец, что на Берладѣ, и оутврѣдихом имъ с сим нашим знаменитом листом¹⁷, како да есть им от нас урик и отнину выкупление съ въсем доходом им и дѣтнем их и унучатом и праунучатом и пращуратом и въсему их^{6*} родов, кто ся им избрет наиблизний, непорушено николи же навѣкы. А хотар той, петой часть село, что на Брѣладѣ, на имѣ от Рѣдѣчинец, да есть от въсего хотарѣ петаа часть. А от иных сторон по старому хотару, покуда их вѣка оживали. А на то есть вѣра нашего господства вышеписанаго Петра воеводи и вѣра бояр наших, вѣра пана Козми Мурга, дворник долѣй земли¹⁸, вѣра пана Збиарѣ, вѣра пана Билѣи, дворника горнѣй земли¹⁹, вѣра пана Крести и пана Андрона, кие прѣкалабовѣ хотинских, вѣра пана Тоадера и пана Драгула, прѣкалабове немецких, вѣра пана Витолта и пана Бурчула, прѣкалабовѣ новоградских²⁰, вѣра пана Слублия, портарѣ²¹ сучавскаго, вѣра Негрилль, прѣкалаба орхейскаго, вѣра пана Думитръ, постелника, вѣра пана Гаврила, спѣтарѣ, вѣра пана Яни, вистѣрника²², вѣра пана Вартик[?], чашника, вѣра пани Никули, страника²³, вѣра пана Стойка, комиса²⁴, и вѣра оусих наших...^{7*} великих и малих. А по нашим животѣ кто будет господарь от дѣтне наших или от нашего рода или паки уд кого богъ избрет господарем быти нашей земли Молдавской, тот аби не порушил нашего даание и потврѣждение, але аби им дал^{8*} и

^{5*} Так в рукописи.

^{6*} Повторено дважды.

^{7*} Не разобрано одно или два слова, текст на сгибе грамоты вытерт.

^{8*} Вставлено над строкой.

укрѣпил, зану же мы есми им дали и утвѣдили, за что есть им праваа выкупления за своих правих и питомих пинѣзи. А на болшии их крепость и потвѣрждения тѣм вѣсам вышеписанным велѣли есми нашему вѣрному и почетенному болѣрину пану Иону Голѣи логофету писати и наша печат привѣсити къ сему истинному листу нашему. Писал Крестѣ Мустевич оу Ясох в лето 7083 месяца марта 16 день.

К грамоте привешена на серо-синем плетеном шнуре большая печать темного красно-желтого воска (отчасти раскрошилась), на которой по кругу имеется надпись: «Милостию божію Ион Петр-воевода, господар земли Молдавской».

ПНБ, ДР, слав. № 69.— Подлинник, пергамен.

№ 3. 1576 г. апреля 7.— Жалованная грамота молдавского господаря Петра Хромого постельнику Савве на пожалование в вотчину четвертой части села Горлеши Текучинской волости

Милостию божіеню ми, Петрѣ воевода, господарѣ земли Молдавской, з...а ^{9*} ... ^{9*} и то и сим и листом нашим вѣсѣм, кто на нь възрит или, чтуси его, оуслишитъ, оже тот истиний слуга наш вѣрний Сава постельник служил нам право и вѣрно, тѣми видѣвше его правою и вѣрною службу до нас, жаловали есмы его особною нашею милостию, дали и потвѣдили четвѣртую часть ст село от Грълещи от волости Текучи, часть Пѣтрашкову сынѣ Бранов, що то та четвѣртѣа часть село от Грълещи он ей изгубил Пѣтрашко сынѣ Бранов у Хинклѣстви [Хинклѣнстви?], коли побег съ Гѣнешии, како да есть служѣ нашему вѣрному Сави постельнику от насѣ урик съ доходом ему и дѣтем его и унучатом его и прѣунучатом его и прашорѣтом и вѣсему роду его, кто сѣ ему изберет наближний, непорушенно николи же, навѣки. А хотар тою четвѣртою часть от село от Грълещи часть Пѣтрашка сынѣ Бранов, що съ изверетъ [изберетъ?] его часть ... ^{10*} есть от вѣсего хотара четвѣртѣа часть. А от инших стороны по старому хотару, покуда из вѣка оживали. А на то есть вѣра нашего господства ми, Петра воеводы, и вѣра прѣвѣзлюбленних сынов господства ми, Илиѣша и Стефана и Константина, и вѣра бояр наших, вѣра пана Ефрима Хуру, вѣра пани Борчи дворника, вѣра пана Стурки и пана Могили, варкалабове хотинских, вѣра пана Петри Сръка, вѣра пана Данчула Хуру и пана Мирона, паркалабове немецких, вѣра пана Шандро и пана... ^{11*}, варкалабове пр...ских ^{11*}, вѣра пана Петри ...тиковича ^{11*}, портарѣ сочавскаго, вѣра пана Юриж спатарѣ, вѣра пана Дана вистѣ[рника?], вѣра пана Хр... ^{11*} постел[ника]... ^{12*} ему не порушил наше даание и потвѣржение... ^{11*}, зану же есмы ему дали и потвѣди-

^{9*} Текст испорчен.

^{10*} Далее текст испорчен, не разобраны две буквы, предположительно да.

^{11*} Текст испорчен.

^{12*} Испорчен текст двух строк, примерно 50—60 слов.

ли...^{11*} службу. А на большеи...^{11*} [крепо]сть потврѣженіе тому вѣсему вышеписаному велѣли есми...^{11*} нашему вѣрному пану Матяшу логофету писати и нашу печать привѣсити к сему листу нашему. Писал Шандрекъ Занович^{13*} у Хусех^{13*} в лето 7084^{13*} месяца^{13*} априла^{13*} 7^{13*} день.

К грамоте на малиновом шнуре привешена большая печать темного желто-красного воска, на которой имеется по кругу надпись: «Печать Ио Петра воеводы, господар земли Молдавской».

ПНБ, ДР, слав. № 70.— Подлинник, пергамен.

№ 4. 1624 г. марта 26. — Жалованная (подтвердительная) грамота молдавского господаря Радула на покупку боярином Кондрой нескольких владений в вотчину

И милостию божию Ион Радул воевода, сынъ Михнѣ воевода, господарь земли Молдавской, знаменито чиним и сим листом нашим вѣсем, кто на нем вѣзрит или, чточии его, услышит: оже дали и потврѣждаем нашему вѣрному болѣрину Кондрѣ, великий митник, его правии викуплении четвѣртаа часть от село Томчеши, что от волости Текучи, от и список за викупление от Стефана воеводи Томшевич, что он соби купил от Тудора и от сестра еи Мѣрика, дѣщири Еремиа Тѣлабѣ, от нарѣдении, что имал дѣд им Тома Тѣлабѣ четвѣртаа часть от село Томчеши, вѣсѣ часть, что изберет Еремии Тѣлабѣ, и ти ж продавали они и друга часть за отнину от того ж село от Томчеши вѣкупѣ съ племеници их с Осип и съ сестри его Урѣта и Антониѣж, дѣти Думитру Тѣлаба, вѣсѣ часть и коим къ Трашко Тѣлабѣ что изберет четвѣртаа часть съ мѣсто за Бруд за Млин у Брѣладѣ и съ болоти рибними и съ весь приход, таа они ему продали ради една сто талери²⁵ сребрѣних. И тиж паки соби купил вышеписаннѣй болѣрин наш, великий митник пета часть занку^{14*} и дѣднинѣ от село Попи от устиѣж Церул, от части Думитру, от полѣ и от болоти рибними и от весь приход, таа купил от Крестѣ и от Данчул, сынове Мѣндрул, ради двадесѣтъ талер лични. И тиж паки соби купил една часть и польза отнинѣ от село Попи от слуги нашего Георгие, бив чашник, и от брата его Ихната от весь приходом, что изберет части им, ради двадѣсѣтъ злоцы сребрѣних. И тиж паки соби купил полчас[ти] за отнину от село Рѣфлещи от вишнѣж части, что он купил от Дрѣган, сын Ситеи, от Рѣфлещи часть чернѣ от весь приходом, что изберет часть еи, ради десѣт угорских жолтих²⁶. И паки тиж он соби купил една [?] отнину от вѣсего село Попѣнии четвѣрта[?] часть от поле и от село и от болоти рибними, что у волости Текучском, что естѣ ему викупление от Василие и от Чернат, зѣтове покойному Крести дворник, и Скива, дочка Крести дворник, ради петдѣсѣтъ талери битих, что било викупление отцу их Крести дворник от Роаташ и от

^{13*} Далее оставлено пустое место.

^{14*} Так в рукописи.

Вранчъ и от Дума и от инших люди их. И тиж паки он соби купил едни части за отнини от село Церѣни, от части Мъндрещи девѣтаа часть, часть Мърики и брат еи Илижш и от части Бъчешим осмаа часть, часть Негъи и сестри еи Марии, дъщири Бъччи[?], что он купил от Лариона дижка, от Рѣфлещи от весь приходом, что изберет части их, ради тридесѣтъ злоци сребрѣних. И тиж паки он соби купил вѣсь части Церѣни от Фънтѣни и Марешови и Родан и Костантин, что изберет части их от села Церѣни и съ болотами рибними и съ место за сѣно жати, что у волости Текучской, что он купил от Мърикуца Черноотоае и от сестри еи Ангелина и Скива, дочки Крести, бив вел[икий] дворник, что ти вышписаних части за отнину от Клоцерѣни било выкупление Крести дворник, от тых вышписаних люди от Церѣни и от Фънтѣни и от Мараш и Продан и Костантин. И един записъ за двѣ телство что имали, еще же его дали въ руки [?] болѣрин вышписанѣй Кондри митник, та он купил за четиридесѣтъ талери сребрѣних. И тиж он паки соби купил една часть от село Юждедени [?], что у волости Ковурлую, четвъртаа часть, съ болотами рибнии и съ весь приходом, что изберет часть их, и такождери друга часть от Хузун, что тѣх части за отнину суть, близ село Шивиц, что он купил от Илие и от брат его Самсон и сестра их Настѣ, сынове Йона Ирѣдашне, внуци Станчюл, ради тридесѣтъ талери личних. И вѣставши съ вышписанѣй болѣрин наш Кондри митник и заплатил им вѣсе исплъна от прѣд нами и прѣд вѣсего сѣвета нашего въ руки вышереченѣи. Ино мы видѣвше между ними токмо ж и исплънуа плату, и мы такождере и от нас дали есмы ему, да есть ему от господства ми даание и потврѣждение урик и отнина съ вѣсем доходом ему и дѣтим его и оночатом и прѣночатом и прѣшурѣтом и вѣсему роду его, кто съ ему изберет наиблизнии, не[по]рушенно^{15*} им николи ж на вѣкы вечны. А хотар тим вышписанным селам и части за отнини, каажду по чину своему, да есть им хотар от усих сторон, по своими старими хотар[ы, по]куда^{15*} из вѣка оживали. А на то есть вѣра нашего господства [в]ишписанного^{15*} мы, Ион Радул воевода, и вѣра бояр наших, вѣра пана Йонашко, великаго дворника^{16*} дольней земли, вѣра пана Никоарѣ, великаго дворника горней земли, вѣра пана Тодори^{15*}, ... [х]отинский^{15*}, вѣра пана Юрашко Баскотѣ [Баскот?], пѣркъл[аб]^{15*}..., вѣра пана Яне, пѣркълаб романский, вѣра пана Мирона, ... арновский^{15*} хетман и пѣркълаб сучавский, вѣра пана Труфанда постельника, вѣра пана^{15*} ...чашника, вѣра пана^{15*}... наших молдавских великих и малых. А по нашем животе кто будет господарѣ, от дѣтей наших и от нашего рода или паки кого богѣ изберет господарем быти нашии земли Молдавѣсти, тот би им не порушил нашего [даания и] потврѣдения ...ну^{15*}...^{15*} би ему дали и укрѣпили ...^{15*} пинѣзи. [А большую] крѣпость и подврѣждение

^{15*} Текст испорчен.

^{16*} Вставлено над строкой.

тому въсему вышеписанному велѣли есми нашему и почтѣнно-
му болѣрину... ^{15*} Прущѣфан, великому логофету, писати и нашу
печатъ привѣзати къ сему истинному листу нашему. Писал
Блас ^{15*} ...у Ясох в лето 7132 марта 26.

*К грамоте привешена на малиновом витом шнуре большая печать темного
желто-красного воска (сохранилась неполностью, по краям искрошилась), на
которой по кругу читается надпись: «Печа[ть] Ио Рад... ^{15*} воевода, господар
земли Молдавской».*

ПНБ, ДР, слав. № 72.— Подлинник, пергамен.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Отнина — родовая вотчина.
- ² Урик — грамота.
- ³ Александр воевода — дед Стефана III Великого, молдавский господарь, правивший в 1400—1432 гг.
- ⁴ Спатар — дословно «меченосец», придворный чин, член господарского совета.
- ⁵ Златы татарские — серебряные деньги, имевшие хождение в Молдавии в XIV—XVII вв.
- ⁶ Пинязи — деньги.
- ⁷ Хотар — межа, граница.
- ⁸ Дворник, ворник — дворецкий, придворный чин, член господарского совета.
- ⁹ Пыркалаб — комендант крепости.
- ¹⁰ Пыркалаб нямецкий (немецкий) — комендант гор. Нямца (Немца).
- ¹¹ Постельник — придворный чин, член господарского совета.
- ¹² Чашник — придворный чин, член господарского совета.
- ¹³ Логофет — канцлер, глава господарской канцелярии.
- ¹⁴ Дедина — родовая вотчина.
- ¹⁵ Привилей купежный — имеется в виду жалованная грамота господаря Богдана боярину Дану, пыркалабу хотинскому, подтверждавшая покупку пятой части села Родочиниш.
- ¹⁶ Богдан воевода — сын «старого Стефана», т. е. Стефана III Великого, молдавский господарь, правивший в 1504—1517 гг.
- ¹⁷ Знаменитый лист — имеется в виду публикуемая и вообще жалованная грамота.
- ¹⁸ Дольняя земля — нижняя часть Молдавии.
- ¹⁹ Горняя земля — верхняя часть Молдавии.
- ²⁰ Пыркалаб новгородский (романовский) — комендант города («нового города») Романа в районе Ясс.
- ²¹ Портарь — начальник крепостной стражи и крепостных ворот в столице Молдавии.
- ²² Вистерник — казначей, придворный чин, член господарского совета.
- ²³ Страник — постельник, придворный чин, член господарского совета.
- ²⁴ Комис — конюший, придворный чин, член господарского совета.
- ²⁵ Талер — западноевропейская денежная единица, имевшая хождение в Молдавии.
- ²⁶ Угорские желтые — венгерские золотые деньги, имевшие хождение в Молдавии.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Некоторые теоретические и методические проблемы источниковедения массовых источников. <i>Лубский А. В., Пронштейн А. П.</i>	3
---	---

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зарубежные адреса В. И. Ленина и источники их изучения. <i>Муравьева Л. Л.</i>	36
Новые данные о Приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. <i>Злоказов Г. И.</i>	62
Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг.— источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции. <i>Островский И. В.</i>	72
О достоверности учета населения России (1858—1917 гг.). <i>Кабузан В. М.</i>	100
Архив газеты «Русское слово». <i>Членова Н. А.</i>	118
О статистическом изучении приговоров и наказов крестьян в I Государственную думу (на примере степного Предкавказья). <i>Трехбратов Б. А.</i>	131
К изучению источников по истории «Николаевской республики» (1905 г.). <i>Ложкин В. В.</i>	145
Методика анализа паспортной статистики России первой половины XIX в. <i>Введенский Р. М.</i>	167
Источниковедческая характеристика дел об опеке дворянских имений (первая половина XIX в.). <i>Рянский Л. М.</i>	178
К изучению текста «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки. <i>Тартаковский А. Г.</i>	190
Документы Н. П. Панина о внешнеполитической программе русского правительства в начале XIX в. <i>Арсеньев Б. В.</i>	209
Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны. <i>Богданов А. П.</i>	225
Из истории описания Кеврольского уезда в XVI — начале XVIII в. <i>Воскобойникова Н. П.</i>	247
К изучению статьи 100 Судебника 1550 г. <i>Семенченко Г. В.</i>	256

ПУБЛИКАЦИИ

Славяно-молдавские грамоты конца XV — первой четверти XVII в. <i>Биганов В. И.</i>	272
--	-----